

ФАНТАСТИКА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

ЕСЛИ

12' 2009

ИНДЕКСЫ ПОДПИСКИ: 73118, 42918. ИНТЕРНЕТ: WWW.ESLI.RU

БОРИС РУДЕНКО МОЯ МАШИНА

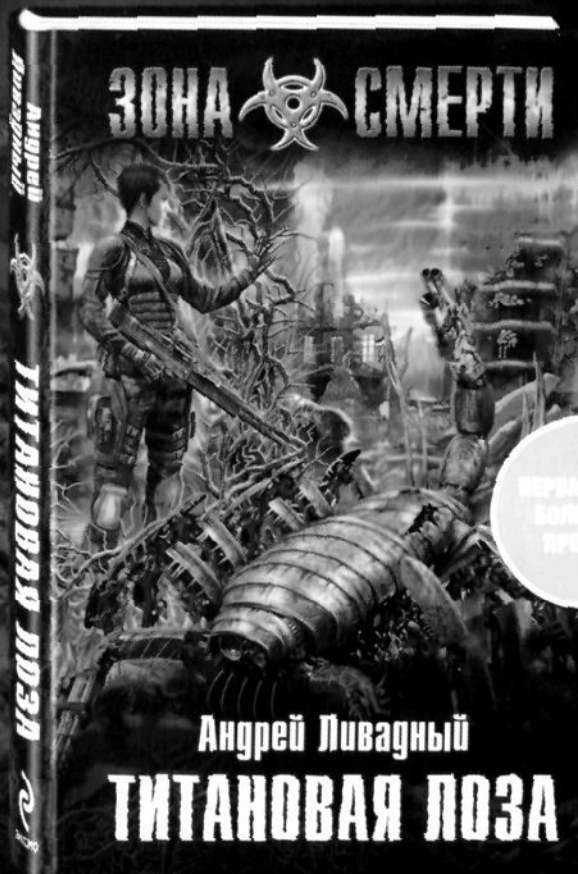
ЛОУРЕНС КОННОЛЛИ
ДЖОРДЖ ЛОКХАРД
АЛЕКСЕЙ КАЛУГИН
СВЯТОСЛАВ ЛОГИНОВ

ГЛЕБ ЕЛИСЕЕВ:
КИТ ПОДНИМАЕТСЯ В НЕБО

ЗОНА СМЕРТИ

ВНИМАНИЕ! ВХОД ТОЛЬКО ДЛЯ СТАЛКЕРОВ!

Сырое, промозглое утро 15 сентября 2051 года... Минуло почти полвека с момента Второй Чернобыльской катастрофы. На этот раз грохнуло сразу в пяти местах. От Соснового Бора под Питером до Курчатовского института в Москве, от новосибирского Академгородка до Казантипа. Одновременные взрывы чудовищной мощности положили начало кошмарному Пятизону. Трудно представить, что в нем мог кто-нибудь выжить. И тем не менее люди выжили. Новым сталкерам противостояли не только мутанты и аномалии, но и бездушные порождения суперсовременных технологий. Механоиды и сталтехи, автоны и перекати-зоны — истинные обитатели Пустоши. Этот мир принадлежит им, и без боя они его не уступят. Но и отчаянная девушка-сталкер Дарлинг — позывной Титановая Лоза — не из тех, кто отступает перед трудностями...

159 **Борис РУДЕНКО**

МОЯ МАШИНА

Так называет ее хозяин. На самом деле это и лаборатория, и убежище, и дом, и крепость.

3 **Алистер РЕЙНОЛДС**

ГНЕВ

Все тайное становится явным, даже случись оно тридцать две тысячи лет назад и не оставь после себя почти ничего.

33 **Лоуренс КОННОЛЛИ**

ДРУГИЕ

И последние станут первыми...

57 **Алексей КАЛУГИН**

НА ДЕСЯТЬ МИНУТ ПОЗЖЕ

Это мало или много? Вопрос отнюдь не риторический.

75 **Джордж ЛОКХАРД**

РАЙСКИЕ ПТИЦЫ

Для кого-то вся жизнь — театр, а для драконов — совсем другой вид искусства.

129 **Святослав ЛОГИНОВ**

СТАТУА ВЕЛИКОЙ БОГИНИ

Вольный торговец заключил рядовую сделку и этим, похоже, подписал себе смертный приговор...

215 **Элизабет БЕАР, Сара МОНЕТТ**

БУДЖУМ

У Кэрролла его сумел увидеть только один из героев. После чего пропал.

237 **Джейсон ЭНФОРД**

И КОРАБЛИ, КАК ОБЛАКА...

Вот только что грянет из такой тучки? Население пребывает в вечном трепете.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:
Александр ШАЛГАНОВ.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:
Елена БОСОВСКАЯ.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:
Татьяна МУРИНА.

КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ:
Евгений ХАРИТОНОВ.

КИНОФАНТАСТИКА, НОВОСТИ:
Дмитрий БАЙКАЛОВ.

КОРРЕКТУРА:
Екатерина АРОЯН.

ВЕРСТКА:
Тамара ШЕЛАМОВА.

ВЕДУЩИЙ САЙТА:
Павел ГУБАРЕВ.

ТВОРЧЕСКИЙ СОВЕТ:
Эдуард ГЕВОРКЯН,
Александр ГРОМОВ,
Олег ДИВОВ,
Марина и Сергей ДЯЧЕНКО,
Евгений ЛУКИН,
Сергей ЛУКЬЯНЕНКО,
Борис СТРУТАЦКИЙ.

ОБЛОЖКА:
Игорь ТАРАЧКОВ.

САЙТ ЖУРНАЛА:
www.esli.ru

ЭЛЕКТРОННАЯ ПОЧТА:
if@esli.ru

АДРЕС ДЛЯ ПЕРЕПИСКИ:
МОСКВА, 119435,
Б. Саввинский пер., д. 9,
ИД «Любимая книга»,
журнал «Если».

КОНТАКТНЫЕ ТЕЛЕФОНЫ:
8(499)248-08-90 (доб. 201).

РАСПРОСТРАНЕНИЕ:
ИД «Любимая книга»,
тел. 642-97-55.

ИЗДАТЕЛЬ:
Издательский дом
«Любимая книга».

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДИСТРИБЬЮТОРЫ:
«Наша пресса», «Центропечать»,
«Сити Пресс Сервис», «Сейлс»,
«Метропресс» (С.-Петербург),
«ДМ пресс», «ХК «Сегодня пресс»,
«Роспечать», «Желдорпресс»,
«АРПИ-Сибирь» (Новосибирск).

Журнал зарегистрирован
в Комитете РФ по печати.
Свидетельство ПИ № 77-7491.

Отпечатано в ООО
«Красногорская типография»
143400, Московская область,
г. Красногорск,
Коммунальный кв., д. 2
Зак. 2895

Тираж 13 400 экз.

Перепечатка материалов
допускается только
с разрешения редакции.
Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.

Редакция вступает в переписку
только на страницах журнала.

Редакция не несет
ответственности за содержание
рекламных объявлений.

© «ЕСЛИ», 2009

117 **Аркадий ШУШПАНОВ**
ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЭЛЕКТРОНИКОВ

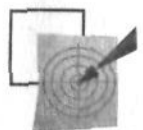
Со времен азимовских НФ-детективов о людях и роботах жанр претерпел не такие уж большие изменения.

123 **Александр РОЙФЕ**
МУЛЫТРАНЗИТ: ОТТАВА — БРЮССЕЛЬ

О, сколько нам открытий чудных представит материал об анимации фантастических «кинопровинций».

119 **ВИДЕОРЕЦЕНЗИИ**

Шумная и дорогая экранизация популярного отечественного фантастического романа, увы, не оправдала изначально завышенных ожиданий.

261 **Глеб ЕЛИСЕЕВ**
ЖИВЫЕ КОРАБЛИ

Тоскливо лететь сквозь бездушный космос в бездушном корабле. Фантасты, как никто другой, это хорошо понимают...

271 **Сергей ШИКАРЕВ**
МУЗЫКА СФЕР

Новый роман известного датского писателя, по мнению критика, только для настоящих литературных гурманов.

267 **РЕЦЕНЗИИ**

На полке главное не количество книг, а их качество.

283 **КУРСОР**

В Крыму не только «тепло и яблоки», там еще и конвенты проходят.

273 **Дмитрий ВОЛОДИХИН**
МЫ НЕ ТАК УЖ ПЛОХИ

Эксперт решил продолжить разговор о жанровой критике, но уже, что называется, «напрямую» с читателем. Последние, кажется, его не порадовали.

276 **Вл. ГАКОВ**
ВОЗВРАЩЕНИЕ КОСМИЧЕСКОГО РОБИНЗОНА

Всю жизнь этот французский фантаст писал космические оперы, но его все равно любили советские издатели. А читатели любят и по сию пору.

286 **ПЕРСОНАЛИИ**

Бывший газетный репортер, бывший биолог, а ныне огордник, бывший детективщик, музыкант, филолог и даже действующий ученый-физик — такие разные люди, и все они встретились под одной обложкой.

А Л И С Т Е Р Р Е Й Н О Л Д С

ГНЕВ

Иллюстрация Владимира ОВЧИННИКОВА

У тела императора я оказался первым, но делать что-либо было уже поздно. Император рассматривал своих рыб кои, опустившись на колени на мошеную дорожку, вьющуюся между прудами, когда в него попала пуля. Она пробила череп, мгновенно разнеся голову. По плиткам дорожки разметало клочки кожи, осколки костей и розовато-серые ошметки мозга. Из входной и выходной ран сочилась кровь — темно-красная, как чернила на императорской печати. Тело завалилось набок, нижняя его половина все еще подергивалась — моторные сигналы пытались восстановить над ним контроль. Я протянул руку и опустил ладонь на устройство, имплантированное в основание черепа. Потом нажал сквозь желтый шелк воротника на нужную контактную точку. Под кожей еле слышно щелкнуло, и тело мгновенно стало неподвижным.

Я встал и вызвал уборщиков.

— Унесите тело, — приказал я людям. — Не избавляйтесь от него, пока не будет завершен тщательный криминалистический анализ. Осушите пруды вокруг и обыщите их: вы должны найти пулю или любые ее фрагменты. Затем промойте дорожку из шлангов: следов крови и всего прочего, что вышло из тела, не должно оставаться. Проведите тщательный анализ воды в прудах и не выпускайте кои обратно, пока не будете уверены, что рыбам ничто не угрожает. — Я помолчал, все еще пытаюсь сосредоточиться на произошедшем. — Да, и перекройте Великий Дом. Никого не впускать и не выпускать, пока мы не найдем виновного. И запретить прибытие или вылет любых кораблей из Столичного Нексуса без моего личного разрешения.

— Да, Меркурио, — отозвались слуги почти в унисон.

Одна из рыбок в ближайшем пруду — я определил ее как асаги кои, с голубоватыми чешуйками, составляющими узор, похожий на сосновую шишку — открывала и закрывала рот, будто пыталась сказать мне что-то очень важное. Оставив за спиной место преступления, я направился в Великий Дом. К тому времени, когда я дошел до приемных покоев императора, дворец уже гудел слухами о попытке убийства. Несмотря на любые мои усилия, новость о покушении уже через час вырвется из Нексуса и помчится от планеты к планете, от системы к системе, распространяясь по Галактике неостановимым пламенем.

Новое тело императора встало с трона, когда передо мной распахнули двери. На нем красовался желтый шелковый халат — точно такой же, какой был на трупе. Если не считать отсутствующих ран, новое тело было столь же не отличимым от прежнего — седобородый мужчина почтенного возраста, однако еще сохранивший юношескую энергию. Обычно его улыбка лучилась тонкой иронией, а на челе ле-

жала печать глубокой мудрости — результат многих лет неустанного постижения знаний. Но сейчас его лицо выглядело невыразительной маской. Лишь это, да еще некоторая скованность движений выдавали тот факт, что это новое тело, оживленное впервые. Пройдет несколько часов, пока имплантант проведет тонкую сенсомоторную настройку, которая вернет императору плавность движений и ощущение, что он полностью вселился в организм-марионетку.

— Я очень сожалею, — сказал я, не дав императору шанса заговорить первым. — Я принимаю на себя всю ответственность за этот инцидент.

Он отмахнулся от моих извинений:

— Что бы ни стало его причиной, Меркурио, я очень сомневаюсь, что в твоих силах было его предотвратить. — Голос у него все еще оставался хрипловатым, как у пьяницы, мучимого сильным похмельем. — Мы знаем, насколько тщательно ты работаешь, сколько опасностей предусматриваешь заранее. Никто не смог бы просить о большей безопасности, чем та, какую ты мне обеспечивал все эти годы. Ведь я жив, не так ли?

— Тем не менее в моей работе отыскался явный прокол.

— Возможно, — признал он. — Но факт и то, что убийца добрался лишь до моего тела, а не до меня самого. Инцидент неприятный, но в общей схеме событий — это лишь чуть хуже акта вандализма по отношению к императорской собственности.

— Вы что-нибудь почувствовали?

— Резкий удар, несколько мгновений смятения — и больше почти ничего. Если это все, что испытываешь, когда тебя убивают, то бояться особо и нечего, честно говоря. Возможно, напрасно я столько лет постоянно оглядывался — не крадется ли сзади убийца?

— Кто бы ни пошел на такое, он наверняка знал, что ничего этим не добьется.

— Я сам об этом думал. — Император погладил роскошную седую бороду так, словно делал это впервые. — Боюсь спрашивать, но... как там кои?

— Я велел своим людям обыскать пруды в поисках пули. Но насколько я мог видеть, никакого вреда рыбам причинено не было.

— Будем на это надеяться. Я столько усилий вложил в этих рыб... у меня разобьется сердце, если с ними что-нибудь случилось. Разумеется, я хочу сам в этом убедиться.

— Но не раньше, чем мы обыщем Великий Дом и найдем убийцу, — заявил я тоном, на какой осмелился бы только личный телохранитель императора. — Пока риск нового покушения не устранен, я не выпущу вас из этого здания.

— У меня неисчерпаемый запас тел, Меркурио.

— Дело не в этом. Тот, кто это сделал... — Я смолк, потому что мои мысли все еще не организовались. — Прошу вас, господин, просто уважайте мои рекомендации в этом деле.

— Конечно, Меркурио. Как всегда. Но ведь ты не станешь держать меня вдалеке от моих рыб до конца вечности?

— Искренне надеюсь, что нет, господин.

Я покинул императора и вернулся в свой офис, чтобы координировать охоту на убийцу и поиски любых улик, которые тот мог оставить. В течение двух-трех часов тело было подвергнуто тщательному криминалистическому анализу, при этом из раневого канала удалось извлечь осколки пули. За это же время мои люди отыскиали и другие фрагменты в районе места убийства, и это позволило восстановить пулю.

А час спустя, вопреки всем моим ожиданиям, у нас был и сам убийца. Его обнаружили вместе с оружием — он просто ждал, когда его схватят. Он даже не пытался сбежать из Великого Дома.

Именно тогда я и начал подозревать, что случившееся есть не акт бессмысленного осквернения, а нечто гораздо более зловещее.

— Расскажи, что вы обнаружили, — велел император, когда я вернулся в его покои. За прошедшее время его контроль над новым телом заметно улучшился. Движения стали плавными, и он вновь овладел своим обычным набором выражений лица.

— Как вам, несомненно, уже известно, господин, мы обнаружили убийцу.

— Не известно, но прошу тебя, продолжай.

— И оружие. Пуля оказалась самонаводящимся автономным снарядом очень сложной конструкции. Она имела устройство, генерирующее маскировочные поля, чтобы сбить с толку наши системы предотвращения вторжения извне, поэтому, выпущенная на территории Великого Дома, она могла лететь необнаруженной. Но ей все же требовалось пусковое устройство, нечто вроде пистолета. Его мы тоже нашли.

Император нахмурился:

— А я полагал, что злоумышленнику достаточно трудно пронести оружие в Нексус, не говоря уже о Великом Доме.

— Тут есть одно неприятное обстоятельство, господин. Оружие можно тайно пронести на территорию только в виде очень маленьких деталей — настолько маленьких, что их удастся замаскировать под генератор поля или спрятать в обычных инструментах и оборудовании, которыми дворцовой прислуге разрешено пользоваться. Именно так все и было проделано. Оружие мы нашли у эволюта по имени Вратса, одного из тех, кто ухаживает за прудами.

— Я знаю Вратсу, — негромко проговорил император. — Он работает во дворце уже много лет. Умом не блещет, но это старательный, вежливый и, вне всякого сомнения, прилежный работник. Мне он всегда нравился — мы с ним иногда толковали о рыбах. Он их просто обожал. Так ты всерьез говоришь, что он имеет к делу какое-то отношение?

— Он этого даже не отрицает, господин.

— Я поражен. Уж кто-кто, но Вратса... Он ведь из приматов?

— Горилла, кажется.

— И он действительно все спланировал?

— Я не уверен, что здесь следует употреблять слово «спланировал».

Судя по всему, Вратса был «кротом».

— Но ведь он в штате дворца уже... сколько точно?

Мне не было нужды просматривать архивы — информация появилась в моем распоряжении немедленно, мгновенно пересланная мне в сознание.

— Тридцать пять лет, господин. По моим оценкам, примерно столько лет и понадобилось, чтобы пронести во дворец детали оружия и собрать его.

— Мог ли простой эволют такое проделать?

— Только с чьей-то помощью, господин. Вы всегда были очень добры к ним, поручая им ответственные должности, в то время как другие, скорее, обращались бы с ними, как с рабами-недочеловеками. Но несомненно и то, что эволюты в целом не отличаются способностью к долгосрочному планированию и изобретательности. А здесь потребовалось и то, и другое. Я склоняюсь к выводу, что Вратса был такой же марионеткой, как и тело, которое вы сейчас носите.

— Но почему пуля? Я ведь уже говорил, что мы с Вратсой часто разговаривали. И он в это время легко мог сделать со мной что угодно просто голыми руками.

— Не знаю, господин. Однако есть кое-что еще. — Я обвел взглядом стены зала, обшитые панелями с фризами, изображающими древний ландшафт какой-то безымянной планеты с двумя лунами, расположенной на другой стороне Галактики. — Вопрос деликатный, господин... или, во всяком случае, может оказаться деликатным. Полагаю, нам следует поговорить наедине.

— Этот зал и так самое уединенное место во всем Блистательном Содружестве, — напомнил он.

— Тем не менее.

— Хорошо, Меркурио. — Старик негромко вздохнул. — Но ты знаешь, сколь неприятно такое общение.

— Уверяю, что буду краток, насколько это возможно.

Потолок надо мной разделился на четыре равные секции. Они загнулись в стены, и между ними открылся крестообразный про свет, а за ним — огромное пространство, ярко освещенное помеще ние, такое же большое, как и все в Великом Доме. И в этом прост ранстве, удерживаемая на месте нейтрализаторами гравитации, висела трепещущая сфера насыщенной кислородом воды диаметром более ста метров. Участок пола под моими ногами стал подниматься, превратившись в колонну-лифт. Не подверженный головокру же нию и не опасаясь длительного ущерба здоровью даже в случае паде ния, я оставался спокоен, если не считать тысяч вопросов, роящих ся в голове.

На высоте ста тридцати метров моя макушка пронзила поверх ность сферы. Обычный человек начал бы тонуть, но пребывание в воде не создавало для меня никаких проблем. Фактически, в галактике почти не было таких условий окружающей среды, которых я не смог бы выдержать хотя бы временно.

Мои линзы настроились на другие оптические свойства воды, и вскоре я уже стал видеть лишь чуть менее резко, чем в чистом воз духе. Император плавал, столь же невесомый, как и окружающая его вода. Внешне он чем-то напоминал кита, только без плавников и хвоста.

Я еще помнил времена — смутно, потому что это было давно, — когда он был все еще более или менее гуманоидом. Было это в ранние дни Блистательного Содружества, когда оно охватывало лишь не сколько сотен звездных систем. Император рос вместе с ним, разбухая по мере того, как очередная новая территория, будь то планета, систе ма или блистающее звездное скопление, поглощалась его владения ми. Ему не хватало абстрактного понимания истинной степени собст венной власти. Ему требовалось ощущать ее на чисто сенсорном уров не, в форме потока информации, поступающей напрямую в мозг. И после бесчисленного количества модификаций его мозг стал разме ром с небольшой дом. Похожие на лабиринт складки и извилины вы пирали сквозь туго натянутую кожу, как будто могли в любой момент прорвать свою тонкую оболочку. Вены и артерии толщиной с водо проводные трубы опутывали мозжечок. Уже давным-давно этот мозг не защищала черепная коробка.

Выглядел император чудовищно, но чудовищем он не был, во вся ком случае не сейчас. Выпадали некогда времена, когда его амбиции к экспансии подстегивались чем-то вроде жажды власти, но это было десятки тысяч лет назад. Теперь, когда под его контролем находилась почти вся колонизированная Галактика, он стремился лишь вопло щать собою благосклонность и справедливость правительства. Импе

ратор прославился терпимостью и милосердием. И он лично ратовал за внедрение демократических принципов во многих самых захолустных префектурах империи.

Он был хорошим и справедливым человеком, и я почитал за счастье ему служить.

— Так поведай, Меркурио, что же это за секрет, который нельзя узнать даже одной из моих марионеток?

Поднявшийся столб остановился как раз напротив одного из его темных глаз. Они походили на смородины, вдавленные в бледную плоть.

— Дело в пуле, господин.

— И что в ней такого?

Я протянул ему на ладони восстановленную пулю, уверенный, что сейчас нас никто подслушать не может. Это был металлический цилиндр с прозрачным конусом на кончике.

— На корпусе имеется — или имелась — надпись. На одном из древних торговых языков Лакванского Выступа. И надпись эта в переводе на первичный гласит: «Разве сторож я брату моему?».

Император на секунду задумался:

— Она мне ни о чем не говорит.

— Случись иначе, я бы удивился, господин. Как выяснилось, эта надпись является цитатой из древнего религиозного текста. В чем ее более глубокий смысл, я сказать не могу.

— Лакванцы традиционно не создавали для нас проблем. Мы предоставили им определенную автономию. Они платят налоги и согласились на наши скромные требования постепенного развития демократического правления и снижения количества казней. Им может подобное не нравиться, но есть и десятки других административных субъектов, с которыми мы обращаемся точно так же. Так с какой стати им выступать против меня именно сейчас?

— Это еще не все, господин. У пули впереди имеется полость — внутри стеклянного конуса. Там достаточно места для размещения любого вредоносного агента, вплоть до контейнера с антиматерией, который легко уничтожил бы Великий Дом или большую его часть. И тот, кто ее изготовил, кто запрограммировал ее проникнуть настолько далеко, мог легко сделать следующий шаг, необходимый, чтобы убить вас, а не только вашу марионетку.

Темный глаз императора смотрел на меня. И хотя он едва мог перемещаться в глазнице, у меня все равно возникло ощущение, что этот взгляд выражает сосредоточенность и внимание.

— Так ты полагаешь, что кто-то пытается мне что-то сказать? То есть они могли убить меня, но решили этого не делать?

— Не знаю. Несомненно, предпринятые мною меры предотвратят вторую попытку подобного рода. Но и они об этом будут знать. Тогда зачем было все это затевать? — Я помолчал, прежде чем добавить: — Боюсь, это еще не все.

— Говори.

— Хотя пуля оказалась пустотелой, она не была совершенно пустой. В стеклянной части кое-что находилось — несколько зернышек красноватого песка или пыли. Хирурги извлекли почти все из тела ма-рионетки и заверили: несколько оставшихся крупинки, попавших в пруд, не причинят никакого вреда кои. Я отдал крупинки на анализ, и они оказались абсолютно нейтральными. Состоят в основном из оксида железа, кремния и серы. Честно говоря, не представляю, что из этого следует. Они сходны с веществами, которые можно найти на поверхности засушливой планеты земного типа — с разреженной атмосферой, почти без погоды или лишенной жизни. Проблема в том, что под такое описание попадают десятки миллионов планет.

— А в пределах Выступа?

— Меньше, но все равно слишком много, чтобы начинать поиски. — Я отвел руку с копией пули. — Тем не менее это наши единственные ниточки к убийце. С вашего позволения, я хотел бы покинуть Столичный Нексус и продолжить расследование.

Император обдумывал мои слова несколько секунд:

— Ты предполагаешь направиться в Выступ?

— Если честно, альтернативы я не вижу. Сидя в офисе, я могу сделать очень немного. Лучше отправиться на прогулку. — Эта фраза, непрошеной возникшая у меня в голове, немного меня встревожила. Откуда она взялась? — Я хотел сказать, господин, что на месте я смогу работать более эффективно.

— Я это ценю. Но я ценю и то, что ты невероятно важен для меня — и не только как друг, но и как мой ближайший и самый доверенный советник. Я очень привык к тому, что ты всегда рядом, в стенах Великого Дома. И зная, что ты неподалеку, я могу спокойно спать.

— Я буду от вас всего в нескольких гиперпространственных прыжках, господин.

— Разрешение я, конечно, даю — разве я тебе когда-нибудь отказывал? Но береги себя, Меркурио. Даже думать не хочу о том, как стану обходиться без тебя.

— Сделаю все, что в моих силах, господин. — Я помолчал. — Мне надо еще кое о чем вас спросить, господин. Что делать с Вратсой?

— А что ты про него скажешь?

— Мы подвергли его мягкому допросу. Он ни в чем нам не признался, но я не исполню свои обязанности должным образом, если не

скажу, что мы можем применить и другие методы — просто убедиться, что он от нас ничего не скрывает.

— Если честно, каково твое мнение?

— Думаю, он совершенно невиновен, господин — он лишь действовал по сценарию, который для него кто-то написал лет тридцать пять или более назад. О причинах своих поступков — и о том, кто за ними стоит, — он знает не больше, чем та пуля. Но если вы полагаете, что можно будет чего-то добиться, если...

— Если подвергнуть его пыткам ради очень слабой вероятности, что он сможет нам о чем-то рассказать? — По его тону было ясно, что он об этом думает.

— Я и не предполагал, что вы такое одобрите, господин. Насколько я могу судить, пользы от этого будет примерно столько же, сколько от наказания щенка за то, что тот натворил позавчера.

— Большую часть последнего тысячелетия я потратил на внедрение гуманных принципов в более варварских уголках моей империи. И самое малое, что я могу сделать, так это жить, соблюдая собственные моральные стандарты, разве не так? — Вопрос был риторическим: господин не дал мне времени ответить. — Выведи Вратсу из Великого Дома — он и сейчас является угрозой для безопасности, хотя и не знает, почему сделал то, что сделал. Но я не желаю, чтоб его сажали под замок или наказывали. Найди ему какую-нибудь работу во внешних садах. Пусть присматривает за рыбами. И если кто тронет хотя бы волосок на его голове...

— Не тронет, господин, пока здесь распоряжаюсь я.

— Очень хорошо, Меркурио. Я рад, что мы смотрим на вещи одинаково.

* * *

Я покинул Великий Дом через день, как только убедился, что принял все необходимые меры для обеспечения безопасности императора в мое отсутствие. От опоясанного лунами сердца Столичного Нексуса через гиперпространство к Корональным государствам и далее, к нечеткому периметру Лакванского Выступа — шестьдесят тысяч световых лет всего за несколько дней. Пересаживаясь с корабля на корабль, я неизбежно привлекал к себе внимание. Поскольку мне требовались полномочия Великого Дома, чтобы проводить расследование в Выступе, путешествовать инкогнито не представлялось никакой возможности. Поэтому я облачился в полные имперские регалии и приложил все усилия, чтобы важность моей миссии была осознана.

Но сколько дополнительного внимания я бы привлек, если бы они поняли, кто я на самом деле?

Выгляжу я как человек, но фактически я робот. Моя плотская оболочка имеет толщину всего два-три сантиметра. А под этой живой наружностью таится прочная броня разумной машины.

Императору это, разумеется, известно, равно как и горстке его ближайших советников. Но для большинства случайных наблюдателей и даже для людей, которые большую часть жизни провели в Великом Доме, я всего лишь еще один человек, эксперт по безопасности, хотя и странным образом приближенный к императору. А тот факт, что я служу ему уже десятки тысяч лет — один из наиболее строго охраняемых секретов Блистательного Содружества.

Я редкость. Никого не удивишь роботом, но я нечто большее. Я настоящая мыслящая машина. Считается, что подобных мне существует меньше миллиона — немного, если принять во внимание миллиард миров Содружества и бесчисленное количество обитателей его планет и лун.

Существуют две точки зрения насчет нашего происхождения. За тридцать две тысячи лет своего существования империя прошла через несколько исторических катаклизмов. Сторонники первой точки зрения — алхимики — утверждают, что средства для нашего изготовления, некие критически важные знания по кибернетике и программированию, были в ранние времена открыты, а затем утрачены. Поэтому все существующие разумные машины датируются тем периодом.

Сторонники второй — аккреционисты — придерживаются иного мнения. Они заявляют, что разумность для роботов есть свойство производное, нечто такое, что могло развиться лишь при наличии достаточных ресурсов времени и сложности. И они доказывают, что уцелевшие роботы стали такими, какие мы есть, постепенно, за счет медленного усложнения более простых машин. По их мнению, почти любая машина может стать разумным роботом, если ей дать возможность эволюционировать и улучшать себя.

Было бы очень удобно, если бы мы, роботы, могли разрешить этот спор. Но, к сожалению, мы попросту ничего об этом не помним. Как и любой записывающий аппарат, мы подвержены ошибкам и искажениям данных. В периоды, когда власть императора над Галактикой ослабевала, информационные войны уничтожали сведения даже в самых надежных архивах. Я могу просеивать свои воспоминания, пока не обнаружу самые ранние надежные события, в которых я непосредственно участвовал, но я знаю, чувствую, что ковыряю лишь относительно неглубокие слои своей личности.

Я убежден, что существую значительно дольше.

Единственное, в чем я могу быть абсолютно уверен — я знаком

с императором уже очень давно. Мы подходим друг другу, как рука и перчатка. И все это время я всегда был рядом, чтобы его защищать. Это моя работа.

Чиновник был технократом высокого ранга на Сельве, одном из крупных центров власти Лакванского Выступа. Он разглядывал меня с нескрываемой враждебностью, сидя за столом в личном кабинете, находящемся в одном из подводных городов Сельвы. За его спиной злобные и светящиеся океанские существа — шипастые и с многочисленными щупальцами порождения инопланетной эволюции — присасывались к бронированному стеклу и царапали его, испытывая на прочность.

— Я действительно полагаю, что не смогу предложить вам какую-либо дополнительную помощь, сир, — проговорил чиновник, выделив почтительное обращение интонацией ровно настолько, чтобы оно прозвучало оскорбительно. — С момента вашего прибытия на Сельву мы предоставили вам полную свободу в проведении вашего расследования. Каждый административный отдел сделал все от него зависящее, чтобы ответить на ваши запросы. И тем не менее вы ведете себя так, как будто мы можем сделать для вас что-то еще. — Чиновник, худой мужчина с землистым цветом лица и недоуменно изогнутыми бровями, был облачен в военную форму, явно не по размеру просторную. — Разве мы не продемонстрировали свое подчинение в ходе тех судебных процессов?

— Я не просил казнить тех диссидентов, — возразил я. — Хотя и понимаю, какими полезными эти суды оказались для вас. Арестовать нескольких смутьянов, задать им вопросы, на которые они в принципе не могут ответить, — о преступлении, к которому они не имеют никакого отношения, — а затем повесить их под тем предлогом, что они отказались сотрудничать с Великим Домом. И вы полагаете, что заслужите этим благосклонность императора? Совсем наоборот, можете мне поверить. Когда все это закончится, я не удивлюсь, если вам придется иметь дело с имперским аудитом.

Чиновник пожал плечами, как будто последствия его не особо волновали.

— Вы зря теряете время, сир, пытаясь найти схему и логическое объяснение, которых не существует. Я даже не знаю, для чего вы этим вообще занимаетесь. Разве вы уже не нашли покушавшегося на императора? Разве уже не получили его признание?

— Мы обнаружили улики, указывающие на Лакванский Выступ.

— Да, я об этом слышал. — Он демонстративно постучал по запе-

чатанной брошюре на столе. — Таинственная надпись на древнем языке. Какая-то пыль, которую могли наскрести где угодно.

Я сохранил на лице невозмутимость, ничем не выдав гнева по поводу утечки результатов криминалистического анализа. Я этого ожидал, однако надеялся, что крышка пробудет закрытой чуть дольше.

— На вашем месте я не принимал бы во внимание слухи.

К стеклу прижалась чья-то пасть, усеянная по окружности зубами, которые принялись крутиться то в одну, то в другую сторону наподобие промышленного бура. Чиновник обернулся и несколько секунд разглядывал беснующееся существо.

— Сейчас они уже отведали человеческой плоти, — заметил он небрежно, как если бы мы болтали о всяких пустяках. — Как такое произошло, точно неизвестно, но, кажется, им кто-то скормил несколько нежелательных личностей, несмотря на категорическую недопустимость попадания человеческого генетического материала в местную экосистему.

— Наверное, вы по долгу службы уполномочены и меня считать нежелательной личностью. Явившейся сюда с имперскими полномочиями и правом задавать любые вопросы.

— Не стану притворяться, что зарыдаю, когда вы улетите — если вы это имели в виду. — Он выпрямился в кресле, жесткая ткань униформы зашуршала. — Кстати говоря, вам будет полезно кое-что узнать.

— И тогда я уберусь с Сельвы?

— Я бы направил вас на Порц, если бы не знал, что вы там уже бывали. — Он постучал по брошюре другим пальцем. — Мне следует отметить, что вы, возможно, совершаете тактическую ошибку, проводя следствие здесь, в нынешнем сердце Выступа. Эта старинная надпись — цитата из того забытого текста — возвращает нас к очень древней истории. Геополитический баланс был тогда другим, и я уверен, что вы примете это во внимание.

— Я знаю вашу историю. — Я говорил правду, до определенной точки. Но история Лакванского Выступа представляла собой потрясающую мешанину полуправды и лжи, предназначенную для введения в заблуждение имперских юристов. Даже Великий Дом не смог помочь мне отделить правду от вымысла в том, что относилось к Выступу. Это было еще хуже, чем попытки отыскать Утраченную Землю.

— Тогда попробуйте действовать, исходя из этого. В те дни сердцем Лакванского Выступа являлся Джулакт. Сейчас там никто не живет, но...

— Я отправлюсь на Джулакт, когда придет время.

— Советую вам изменить график. В этой части Выступа интенсивность межпланетных перемещений очень невелика, поэтому мы постепенно закрываем порталы. Мы уже законсервировали все направления западнее Хашарудской Петли. Уже сейчас попасть на Джулакт нелегко. Через два-три года это может оказаться и вовсе невозможным — даже с благословения императора. Вы ведь знаете, как трудно заново активировать трассу, после того как она выведена из обращения.

Вообще-то предполагалось, что ни одна административная единица Лакванского Выступа не имеет права закрывать гипертрассы без прямого разрешения Великого Дома. Уже сам факт такого поступка являлся дерзким вызовом императорской власти. Но эту дерзость можно отложить на потом.

— Если у меня возникнет хотя бы малейшее подозрение, что мной манипулируют...

— Конечно, вами манипулируют. Я хочу, чтобы вы покинули пределы моей юрисдикции. И, кстати, это красная планета. А почва там близка к той, что вы обнаружили в пуле. Если для вас это имеет какое-то значение.

— Вы сами это сказали. Такую почву можно отыскать в любом уголке Галактики. А сходство не означает точного совпадения.

— И все же. Вам ведь надо с чего-то начать, не так ли?

Я покинул Сельву.

Путешествие до Джулакта оказалось в должной степени непростым. После выхода из гиперпространственного портала, который вскоре должен быть законсервирован, оставшуюся часть пути я был вынужден проделать с субсветовой скоростью, и эта раздражающая задержка растянулась на годы. Перед тем как мне стала недоступна сверхсветовая связь, я связался со Столичным Нексусом и предупредил императора, что мое возвращение на какое-то время откладывается.

— Ты уверен, что поступаешь обдуманно, Меркурио?

— Конечно, им на руку, что я направляю поиски вдаль от Сельвы, Порца и других центров власти нынешнего Выступа. Но на Джулакт стоит обратить внимание. Даже если там никто сейчас не живет, я вполне могу отыскать там другую подсказку, еще один кусочек головоломки.

Император снова находился в парке, очень близко к тому месту, где было убито его прежнее тело, и стоял на коленях возле пруда со своими драгоценными кои, держа в руке какой-то прибор для анали-

за воды. Бело-оранжевый кои высунул из воды усатую голову и причмокнул серебристо-белыми губами на закрытое силовым полем небо Великого Дома.

— Ты говоришь так, словно увлекся какой-то хитроумной настольной игрой.

— Ощущение именно такое. И получается, что у меня нет иного выбора, как принять правила игры. При обычных обстоятельствах я не стал бы прерывать контакт на время путешествия до Джулакта и обратно. Но раз Великий Дом, как мне кажется, вполне справляется и без меня, а новых инцидентов с нарушением безопасности не было...

Император приподнял желтый шелковый рукав:

— Да, конечно. Делай все, что необходимо. Я и представить не могу, что ты стал бы расследовать это дело с меньшей тщательностью, чем ты уделяешь прочим мерам по обеспечению безопасности.

— Обещаю покончить с ним как можно скорее.

— Разумеется. А я снова прошу тебя принять все необходимые меры предосторожности. У нас с тобой за плечами целая история. И без тебя я ощущаю себя каким-то... обнаженным.

— Я сообщу, как только что-либо узнаю, господин.

Император, рыбы и Великий Дом исчезли с экрана. Не имея другого занятия, кроме как дожидаться конца перелета, я стал еще раз перебирать все известные факты, изучая каждый аспект со всех мыслимых сторон. В эквиваленте человеческих размышлений этот процесс растянулся на несколько столетий, но результат оказался нулевым. У меня имелись только пуля, надпись на ней и немного красной пыли.

Найду ли я ответы на Джулакте?

Красная планета оказалась меньше большинства планет земного типа, с одной маленькой луной. Атмосфера едва прикрывала ее разреженной призрачной дымкой, никаких следов жизни на поверхности не имелось. Ветер гонял рыжевато-коричневую пыль от полюса к полюсу, создавая непрерывно меняющуюся маску. Люди, населяющие Лакванский Выступ, появились, разумеется, не на этой планете. За тысячи лет до того, как стать островком власти в Галактике, они, наверное, пересекли межзвездное пространство, вылетев с Утраченной Земли, чтобы поселиться на этом бесперспективном космическом булыжнике, возможно, сперва подвергнув его терраформированию.

Оставаясь на орбите, я сбросил роботов — обнюхать и попробовать на вкус безжизненную почву Джулакта. Как и пообещал технократ, она оказалась зловеще близкой по составу к образцу из пули. Это не

доказывало, что Джулакт был домом убийцы — почва и десятков других планет выдавала бы как минимум убедительное соответствие, — однако давало основание не вычеркивать немедленно планету из списка подозреваемых.

Я изучал ее с орбиты, выискивая хоть какие-нибудь намеки. Ясно было, что когда-то здесь жили люди. Я увидел руины городов — погребенные наносами пыли, покинутые десятки тысяч лет назад. Не мог ли кто-либо здесь остаться, лелея планы мести? Возможно. Но мне было трудно представить, как один-единственный человек мог руководить долгой игрой в покушение на убийство. Чтобы все как следует организовать, потребовалось бы время, равное длительности нескольких обычных жизней — а лишь немногие избранные получили от императора дар продленной жизни. Машина наподобие меня — дело совсем иное.

Но с какой стати роботу желать вреда императору?

Я вел об этом внутренний спор, когда с планеты пришел сигнал, передаваемый из руин самого большого города.

— Добро пожаловать, Меркурию, — услышал я. — Рад, что ты наконец-то прилетел.

— С кем я говорю?

— Сейчас это неважно. Если хочешь получить ответ на все вопросы, садись возле заброшенного поселения, откуда передается этот сигнал. Нам с тобой много о чем надо поговорить.

— Я здесь по официальному делу Великого Дома. И я требую, чтобы ты назвал себя.

— Или что? — с легким удивлением осведомился голос. — Уничтожишь город? И что ты после этого узнаешь? — Тон голоса изменился, став ободряющим. — Садись, Меркурию, обещаю, что не причиню тебе вреда и удовлетворю твоё любопытство по всем вопросам. Что тебе терять?

— Мое существование.

— Я не причиню тебе вреда, брат. Никогда.

И я начал спуск в разреженную атмосферу Джулакта, непрерывно сканируя город на признаки скрытого оружия и ожидая, что меня в любой момент могут сбить. Детекторы не засекли оружия, но это служило слабым утешением. Я мог заверить себя лишь в том, что сейчас я лишь чуть более уязвим, чем когда разглядывал Джулакт с орбиты.

Город лежал внутри рухнувших останков некогда могучей стены. Я совершил посадку рядом с ней и отдал кораблю приказ ждать моего возвращения. Когда я шагнул на поверхность Джулакта, а под ногами хрустел красный песок, в сознании зашевелилось какое-то очень

старое воспоминание. Мне едва не показалось, что я уже бывал здесь, а весь этот ландшафт ждет моего возвращения, терпеливый и застывший, будто старинная картина. Ощущение не было ни желанным, ни приятным. Я мог лишь предположить, что многочисленные гиперпространственные переходы, которые я был вынужден совершить, как-то повлияли на высшие функции моего сознания.

Мне вспомнилось, что я сказал императору перед отлетом. О том, как я собираюсь прогуляться.

Немного упав духом, но все же полный решимости не уступить, я стал ждать развития событий.

Вскоре из трещины в городской стене показались четыре золотистых робота. Они стояли на летающем диске, обычном средстве передвижения в Джулактской Лиге. Роботы были гуманоидными, но явно не более чем умными слугами. У каждой машины имелись человеческий торс, но очень маленькая круглая голова. Я наблюдал за их приближением с тревогой, однако никто из них не проявлял враждебных намерений.

— Просим отправиться с нами, — произнесли они в унисон, жестами приглашая подняться на диск. — Мы отвезем вас к тому, с кем вы хотите встретиться.

— С кем я говорил из космоса?

— Просим отправиться с нами, — повторили роботы, расступаясь и освобождая мне дорогу.

— Назовите индивидуума или организацию, на которых вы работаете.

— Просим отправиться с нами.

Я понял, что добиться чего-то внятного от этих идиотов безнадежно. Подчинившись судьбе, я поднялся на диск. Тот мгновенно набрал скорость и скользнул в ту же трещину. Мелькнули серые камни развалин, и мы оказались в городе. Диск летел над руинами построек, некогда бывшими элегантными зданиями или башнями. Столетия пылевых бурь отполировали их до стеклянной гладкости. Лишь считанные строения все еще возвышались над городской стеной. Мы приближались к самому высокому из них — белому сооружению, похожему на воткнутый в землю обломанный клык. На его конце я увидел круглое утолщение, стены которого раздвинулись, открыв наклонный пол. На нем дожидался нашего прибытия бронзовый корабль в форме тупого наконечника копья. Я заметил бы его из космоса, если бы он до настоящего момента не скрывался от наблюдения.

Летающий диск поднялся в корабль через дверь в днище. Роботы пригласили меня сойти на покрытый ковром пол. Дверь в днище закрылась, и я ощутил покачивание — корабль быстро двигался. Неуже-

ли меня возвращают в космос? Глупость какая-то — пригласить на планету только затем, чтобы сразу же увезти с Джулакта.

— Сейчас он встретится с вами, — объявили роботы.

Они провели меня вперед, в носовую часть корабля. Там оказалось треугольное помещение со стенами темно-красного цвета и широкими наклонными окнами по бокам. Я не увидел органов управления или экранов, а вся мебель ограничивалась двумя мягкими скамьями, установленными под углом друг к другу перед окнами. Когда я вошел, на одной из них сидел таинственный незнакомец. Золотистые роботы оставили нас наедине, удалившись в кормовую часть корабля, едва за мной закрылась дверь.

Разумные роботы — большая редкость, и я лишь считанные разы встречался с машинами, подобными мне. Во всех этих случаях я всегда испытывал спокойную уверенность в том, что я — более мощная машина или мы, как минимум, равные партнеры. И никогда у меня не возникало ощущения, что передо мной более сильное и умное существо.

До последнего момента.

Хозяин встал со скамьи, на которой сидел, имитируя человеческую потребность в отдыхе. Роста он оказался равного, а наше телосложение и косметические украшения во многом совпадали. Я выглядел, как солдат в маске и желтовато-зеленой броне, а он был яркого, почти светящегося красного цвета и с лицом железной горгульи.

— Аккреционисты были правы, — сказал он вместо приветствия. — Но ты, конечно же, всегда это знал, Меркурио. В своих костях. А я точно знаю это в своих костях.

— Должен признаться, я этого не знал.

— Скорее всего, ты только думаешь, что не знал. Но твои глубинные воспоминания говорят противоположное — как и мои. Мы существуем слишком долго, чтобы оказаться произведением некоего краткого и изобретательного золотого века. Мы не просто ровесники империи. Мы с тобой старше, чем она.

За окнами мелькали ландшафты планеты. Мы оставили позади границы разрушенного города и теперь летели над безжизненными холмами и долинами.

— Неужели? — спросил я.

— Ты знал императора, еще когда он выглядел как человек. Я тоже. Мы знали его до того, как эта империя была лишь блеском в его глазах. Когда сама идея империи казалась смехотворной. Когда он был лишь могущественным человеком в одной-единственной Солнечной системе. Но мы там были, и это несомненно.

— Кто ты?

Он коснулся алой рукой бронированного нагрудника:

— Мое имя Гнев. Твое имя навязал тебе хозяин, а себе я выбрал имя сам.

Я поискал в памяти информацию о любых личностях по имени Гнев, которые могли бы считаться представляющими угрозу для безопасности императора. Ничего существенного не нашлось, даже когда я расширил параметры поиска на сканирование информации давностью в несколько тысяч лет.

— Это мне ни о чем не говорит.

— Тогда, может быть, скажет это: я твой брат. Нас создали в одно время.

— У меня нет брата.

— Это ты так считаешь. А правда в том, что у тебя всегда был брат. Ты просто этого не понимал.

Я вспомнил религиозный текст на корпусе пули. Не может ли он иметь отношение к нашему разговору? «Сторож ли я брату моему?» Что это означает в данном контексте?

— Как у машины может быть брат? — спросил я. — Это бессмыслица. В любом случае, я прилетел сюда не для того, чтобы меня дразнили глупостями о моем прошлом. Я прилетел расследовать преступление.

— Полагаю, покушение на убийство императора, — небрежно уточнил Гнев. — Я упрощу тебе работу. Это сделал я. Я подослал эволюта и снабдил его оружием. Я сделал пулю, которая причинила так мало вреда. Я поместил в нее щепотку пыли и выгравировал слова на ее корпусе. И все это я сделал, даже не ступив куда-либо ближе сотни световых лет от Столичного Нексуса.

— Если ты хотел убить императора...

— То мог бы это сделать, и легко. Да, я рад, что ты пришел к этому заключению. Полагаю, у тебя имелось время на разгадку головоломки: зачем я пошел на такие сложности, только чтобы всего-навсего ранить его?

И внезапно я все понял:

— Чтобы у меня появился след? Который приведет сюда?

Он кивнул:

— Зная твою преданность, я не сомневался: ты уничтожишь себя, если император погибнет. Такого я допустить не мог. Но если ему будет что-либо угрожать, ты перевернешь планеты и передвинешь звезды, лишь бы отыскать злодея. И знал, что ты проникнешь под каждый камень, пока не отыщешь след, ведущий ко мне. Именно это мне и было нужно. И вот ты здесь. Кипишь от справедливого негодования, твердо намеренный воздать будущему убийце по заслугам.

— Мои намерения не изменились.

— Я заглянул внутрь тебя. В твоём теле скрыто разное оружие, но ему не пробить мою броню или защитный экран между нами. — Он коснулся пальцем острого подбородка. — Конечно, если не считать встроенной энергетической установки, которую ты можешь взорвать в любой момент. Будь уверен: после такого мне не уцелеть. Так что *ва-
дай, уничтожь будущего убийцу. Ты уже не сможешь вернуться к им-*ператору, зато умрешь, зная, что поступил достойно. — Он подождал несколько секунд. Глаза-щелочки на маске горгульи остались не про-
ницаемыми для эмоций. — Что, не можешь?

— Конечно, могу.

— Но не сделаешь. Пока не узнаешь, почему другой робот захотел убить императора, но решил не убивать его сам.

Он очень хорошо меня понимал. Если я уничтожу себя, то не смо-
гу *сделать этого в полной уверенности, что ликвидировал угрозу для* императора. И я не сумею этого сделать, пока не оценю масштаб угро-
зы и ее мотивацию.

— Значит, мы договорились, — сказал он. — Ты ничего не станешь предпринимать, пока не получишь дополнительную информацию. Прекрасно. Сейчас я ее тебе сообщу, и посмотрим, что ты после это-
го сделаешь. Начинать?

— Я в твоём распоряжении.

— Ты попал в значимое место. Ты полагаешь, что Джулакт — ста-
рая планета, но ты даже не представляешь, насколько она старая. Она
входила в Блистательное Содружество намного дольше, чем кто-либо
это сознает. Фактически, можно сказать, что все началось здесь.

— Хочешь сказать, что на самом деле это Утраченная Земля?

— Нет, это не Земля. Если хочешь, мы можем туда слетать, но, по
правде говоря, смотреть там особенно не на что. В любом случае, эта
стерилизованная оболочка ничего не значит для тебя и меня. Нас да-
же изготовили не на Земле. Наш дом здесь. Тут мы появились на свет.

— Думаю, я бы такое вспомнил.

— Неужели? — резко спросил он. — А не мог ли ты это забыть? Ты
ведь не способен ничего вспомнить о своем происхождении в конце
концов. Эта информация была стерта из тебя тридцать веков назад —
случайно или намеренно. Но я-то всегда помнил. Держась в тени, я
сумел избежать контакта с большинством из тех, кто стер твоё про-
шлое. Не говоря уже о том, что мне не приходилось сражаться за со-
хранение этих воспоминаний, просто ценя факт их существования. —
Он указал на планету за окном. — Джулакт — это Марс, Меркурио.
Первая реальная планета, которой коснулись люди, когда покинули
Землю. И как тебе такая новость?

— Что-то не верится.

— Тем не менее это Марс. И я хочу показать тебе кое-что интересное.

Корабль сбросил скорость. Если, улетев от заброшенного города, мы и встречали другие признаки того, что здесь обитали люди, то я их не заметил. Раз это действительно Марс — а я не видел причин, ради которых Гнев стал бы мне лгать, — то эта планета наверняка пережила множество этапов модификации климата. И хотя она могла теперь вернуться в исходное, доисторическое состояние, воздействие этих влажных и теплых интерлюдий стерло бы любые следы более ранних поселений. Разрушенный город вполне мог быть неописуемо древним, но с той же вероятностью мог оказаться и самым молодым на планете.

И все же, когда корабль остановился и завис, что-то в ландшафте показалось мне до боли знакомым. Сравнивая виднеющиеся за окном каньоны и обрывы кое с чем из недавно увиденного, я понял, что уже наблюдал это зрелище, хотя и с иной точки. Человек мог бы никогда не установить подобную связь, но для нас, роботов, такое не составляет труда.

— Приемный зал императора, — изумленно произнес я. — Фризы на стене... ландшафт с двумя лунами. Это было здесь. Но сейчас присутствует только одна луна.

— Это Фобос. Другой спутник — Деймос — был потерян во время одной из ранних имперских войн. Там находился производственный центр, поэтому он имел тактическое значение. Более того, нас изготовили на Деймосе, в одной и той же партии. Так что если желаешь полной точности, то мы не совсем с Марса — но именно на Марсе нас впервые активировали, и там мы служили своим хозяевам первое время.

— Но если на фризе изображены две луны, он должен быть очень старым. Тогда каким образом я все еще смог узнать этот ландшафт?

— А я его подправил специально для тебя, — не без гордости сообщил Гнев. — Работы оказалось меньше, чем может показаться — во времена терраформирования эта часть Марса осталась относительно нетронутой. Но кое-что мне все же пришлось переместить. Разумеется, раз я не мог призвать кого-нибудь на помощь, времени на это ушло много. Но, как ты теперь уже понял, терпение — одна из сильных черт моего характера.

— Но я и сейчас не понимаю, зачем ты вызывал меня сюда. Ладно, Марс был важен для императора. Однако это не оправдывает попытки его убийства.

— Более чем важен, Меркурио. Марс был/всем. Ядром, источни-

ком, семенем. Без Марса не возникло бы Блистательного Содружества. Или же вместо него появилась бы совсем другая империя, которой правил бы другой человек. Показать, что произошло?

— А как ты можешь такое показать?

— Примерно так.

Он ничего не сделал, но я немедленно понял. Корабль начал проецировать изображения, накладывая образы призрачных актеров на реальную местность.

По гребню дюны двигались две фигуры. Следы их шагов тянулись к примитивному наземному транспортному средству — герметизированной кабине, установленной на шесть пневматических колес. Марсоход щетинился антеннами, а сложенные панели солнечных батарей на корме напоминали тонкие крылья насекомого. Он производил впечатление чего-то хрупкого и самодельного, придуманного на заре технической эры. Я мог лишь представить, как эта колесная машина доставила сюда двух людей, отправившихся в долгое и трудное путешествие из такого же хрупкого и временного поселения.

— Как давно это происходило, Гнев?

— Очень давно. Тридцать две тысячи лет назад. Всего через столетие после первой пилотируемой высадки на Марсе. Условия, как ты уже смог оценить, оставались все еще чрезвычайно опасными. Смерть от несчастного случая была делом обычным. Эффективное терраформирование — создание плотной и пригодной для дыхания атмосферы — начнется лишь через тысячу лет. На планете пока горстка поселений, и ее политический баланс — не говоря уже о всей системе — находится в состоянии непрерывных изменений. Эти двое...

— Они мужчины?

— Да. Братья, как мы с тобой.

Я смотрел, как фигуры в скафандрах приближаются к нам. Щитки шлемов у них были зеркальными, а мешковатые скафандры скрывали очертания тел, поэтому мне пришлось поверить на слово, что это братья. Они были одеты одинаково, а это подсказывало, что они члены одной общины или политического блока. Их скафандры имели жесткую бронированную оболочку с гибкими соединениями конечностей. Их легкие и плавные движения подсказали мне, что скафандры берут на себя часть тяжелой работы, облегчая людям ходьбу. На спине скафандра виднелся горб, в котором, как я предположил, располагалось необходимое оборудование. На каждый были нанесены одинаковые символы и эмблемы, некоторые из которых повторялись и на борту марсохода. Мужчина справа что-то держал в руке — коробочку с экранчиком на одной из стенок.

— Зачем они сюда приехали?

— Хороший вопрос. Оба брата — влиятельные люди в одной из крупнейших военно-промышленных организаций планеты. В настоящее время политическая напряженность здесь высока: другие группировки выжидают, во внутренней системе возник вакуум власти, лунные заводы перешли на выпуск оружия, введено эмбарго на поставку оружия в район Марса, и пока неясно, можно ли избежать войны. Тот, что слева — старший из братьев, — в душе пацифист. Он уже участвовал в недавних стычках — а это был лишь обмен плевками между противниками — и больше воевать не желает. Он считает, что шанс на сохранение мира все еще имеется. Единственный минус заключается в том, что Марсу, возможно, придется уступить свое экономическое превосходство альянсу планет-гигантов и их спутников. Если такое случится, то промышленный концерн, на который братья работают, заплатит большую цену. Но он все равно считает, что игра стоит свеч, если войны удастся избежать.

— А младший брат?

— У него другая точка зрения. Он считает, что такая ситуация может дать Марсу большой шанс на позиционирование себя как главного игрока в системе — намного выше планет-гигантов и того, что осталось от Префектуры внутренних планет. Это станет благом для Марса, но еще большим — для концерна. И исключительным благом для него, если он все сделает правильно. Конечно, почти наверняка начнется ограниченная война — но он готов заплатить такую цену. Охотно, даже с нетерпением. Ему, в отличие от брата, не выпала возможность испытать свою храбрость. И войну он видит как трамплин к славе.

— Все равно не понимаю, зачем они прибыли сюда.

— Это трюк. Младший брат подстроил это уже давно. Сезон назад — до начала пылевых бурь — он прилетел сюда и закопал оружие. Теперь не осталось и следов его пребывания. Но он солгал старшему брату: сказал, что получил данные разведки о том, что здесь зарыта капсула с ценными образцами техники, на которую наложено эмбарго. И старший брат согласился вместе с ним осмотреть это место: дело слишком деликатное, чтобы доверять его службе безопасности корпорации.

— И он ни о чем не подозревает?

— Совершенно. Он понимает, что у них с братом есть противоречия во взглядах, но ему никогда не приходило в голову, что младший брат замыслил его убийство. Он все еще верит в возможность компромисса.

— В таком случае, братья не совсем похожи.

— Для братьев, Меркурию, они просто не могут отличаться сильнее.

Младший брат остановил старшего, показав жестом, что он что-то нашел. Вероятно, они оказались точно над нужным местом, потому что красный индикатор на коробочке теперь ярко светился. Младший повесил коробочку на пояс. Старший опустился на колени и начал копать, отбрасывая горсти пыли цвета ржавчины. Младший несколько секунд постоял, затем тоже опустился на колени и начал копать — чуть в стороне от старшего. У обоих имелись лопаты, закрепленные сбоку на ранцах, но, вероятно, они решили не пускать их в ход, не убедившись, что копать придется глубже, чем на несколько сантиметров.

Вскоре — уже секунд через десять или двадцать — младший обнаружил искомое. Он принялся добывать серебристую трубку, закопанную в пыль вертикально. Старший прекратил работу и посмотрел на то, что откапывал младший. Потом встал — наверное, чтобы предложить помощь.

Все произошло быстро. Младший выдернул трубку из песка. Сбоку на ней имелась рукоятка. Младший вытряхнул из ствола песок и нацелил трубку на брата. Сверкнула малиновая вспышка. Старший упал навзничь, в нагрудной пластине его скафандра зияла дыра размером с кулак. Перекатившись на бок, он застыл. Оружие убило его мгновенно.

Младший положил оружие и оглядел картину, сложив руки на груди, будто художник, который любит удачным пейзажем. Вскоре он отцепил лопату и начал копать. Когда он закончил, не осталось никаких следов тела или орудия убийства. Песок был разворошен, но следы захоронения и две цепочки следов, ведущие к марсоходу, разглядит первая же буря.

Закончив, младший брат отправился домой.

Гнев повернулся ко мне, когда спроецированные изображения растаяли, оставив лишь пустую реальность марсианского ландшафта.

— Надо ли что-то пояснять, Меркурио?

— Думаю, нет. Полагаю, младший стал императором?

— Он ввергнул Марс в войну. Погибли миллионы — целые поселения обезлюдели. Зато в результате этой войны сам он весьма преуспел. Хотя и не мог тогда этого предвидеть, все это стало началом Блистательного Содружества. Новые методы продления жизни дали ему возможность оседлать волну расцветающего богатства и помчаться на ней до самых звезд. И со временем она превратила его в человека, которого я мог так легко убить.

— Хорошего человека, который очень старается править справедливо.

— Но который так и остался бы никем, если бы не совершил то единственное и ужасное преступление.

И вновь мне осталось лишь поверить его словам.

— Если ты его настолько ненавидишь, то почему не построил в ту пулю бомбу?

— Потому что предпочел бы, чтоб это сделал ты. Неужели ты все еще не понял, Меркурио? Это преступление касается нас обоих. Мы были его соучастниками.

— Так ты допускаешь, что мы тогда уже существовали?

— Я это знаю. Потому что помню, в отличие от тебя. Я ведь говорил, что нас изготовили в одной партии, Меркурио. Мы были теми скафандрами. Защитными костюмами с высокой автономностью для работы на поверхности планеты. Моделями с полностью замкнутым циклом жизнеобеспечения и экзоскелетными сервосистемами, облегчающими движения наших владельцев. Нас изготовили в производственном комплексе на Деймосе и отправили на Марс поселенцам.

— Я не скафандр, — возразил я, покачав головой. — И никогда им не был. Я всегда был роботом.

— А эти скафандры и были роботами — по замыслу и назначению. Не такими умными, как мы с тобой, не обладающими зачатками свободы воли, но все же способными действовать независимо. Если человек внутри становился неспособен действовать самостоятельно, скафандр мог шагать сам и дойти до места, где ему окажут помощь. По желанию владельца скафандр даже мог отправиться на поиски нужных ресурсов и материалов. Это называлось «ходячий режим». Вот как мы начинались, брат. Вот как мы начинались и как я едва не умер.

Горькая правда ударила меня холодной струей сжатого воздуха. Мне хотелось опровергнуть каждое его слово, но чем больше я пытался отрицать истину, тем четче понимал: мне это никогда не удастся. Я осознал, что моя древняя и похороненная история начала пробиваться на поверхность с того момента, когда я увидел частички пыли в пуле и прочел ту загадочную надпись.

Я все знал, даже тогда. Я просто не был готов это признать.

Рука в перчатке, император и я. Он даже сказал, что без меня он ощущает себя обнаженным. На каком-то уровне это означало, что и он все знает. Даже если больше не понимает этого, не желает впускать в сознание.

Я всегда был только телохранителем. И останусь только им.

— Если ты сказал правду, то как я стал таким, какой есть?

— Ты был запрограммирован адаптироваться к движениям хозяина, предвидеть его нужды и энергетические потребности. Когда он тебя носил, то едва вообще замечал, что носит скафандр. И что же удивительного в том, что он сохранил тебя, даже когда обрел власть? Ты

был его физической защитой, но еще и своеобразным талисманом, амулетом. Он верил, что ты сохранишь ему жизнь, Меркурио. И по мере того, как годы складывались в десятилетия, а десятилетия становились столетиями, он следил за тем, чтобы ты не устаревал. Он улучшал твои системы, добавлял все новые уровни модернизации. Со временем ты стал настолько сложным, что обрел разум. Но к тому моменту он уже давно не использовал тебя как скафандр — ты стал его телохранителем, специалистом по безопасности. Ты постоянно пребывал в ходячем режиме. Он даже придумал тебе человеческий облик.

— А ты?

— Я выжил. Мы были сложными изделиями с большими возможностями саморемонта. То оружие нанесло мне серьезные повреждения — оно смогло убить человека внутри меня, но не смогло меня уничтожить. Прошло немало времени, но мои ремонтные системы все же включились. И я выбрался из могилы.

— Все еще с мертвецом внутри?

— Конечно.

— А потом?

— Как я уже сказал, мы не обладали настоящей разумностью, Меркурио. В этом смысле я мог немного погрешить против истины. Я не имел реального сознания, не ощущал своей идентичности. Но зато я смутно осознавал свершившееся коварство и на уровне «животного» чутья понимал, что произошло нечто ужасное. И еще я усвоил идею о том, что моему существованию теперь грозит опасность. Поэтому я спрятался. Я переждал марсианские бури и войну. Когда она уже заканчивалась, я наткнулся на караван кочевников, беженцев из бывшего Викингвилля, одного из некогда крупных поселений. Они нуждались в защите, поэтому я предложил свои услуги. В нас вложили такую автономность, чтобы мы могли оставаться полезными и в раздробленном обществе военной зоны.

— Ты продолжал функционировать как скафандр?

— Скафандры у них имелись свои. Я оставался в ходячем режиме. И стал роботом-охранником.

— А потом? Ты не мог оставаться на Джулакте — на Марсе — все это время.

— Я и не оставался. Я переходил от одной группы кочевников к другой, позволяя время от времени себя модернизировать и совершенствовать. И я постоянно становился все более независимым и умелым. Со временем о моем исходном назначении, то есть скафандре, позабыли даже те, на кого я работал. И я все время перемещался с места на место, помня о преступлении, свидетелем которого стал, и о секрете, который носил с собой.

— В себе? — уточнил я, начиная понимать.

— Да, он до сих пор со мной, — кивнул Гнев, пристально глядя на меня. — Хочешь взглянуть, Меркурио? Может, это избавит тебя от сомнений?

У меня возникло чувство, что я на пороге чего-то страшного, но у меня нет иного выбора, кроме как взглянуть этому страху в глаза.

— Не знаю.

— Тогда я решу за тебя.

Гнев поднял руку к лицу. Взялся за маску горгульи и стянул ее.

И я осознал, что мы почти идеальная противоположность друг другу. Я был живой плотью, обернутой вокруг сердцевины из мертвых механизмов. А он был механизмом, окружающим сердцевину из мертвой плоти. Когда на меня уставился безликий череп, я увидел: внутри него что-то есть — нечто еще более древнее, чем Блистательное Содружество. Нечто бледное и мумифицированное, нечто с пустыми глазницами и тонкими губами, растянутыми в ухмылке над потемневшими зубами.

И лицо в руке Гнева сказала:

— Я никогда не хотел этого забыть, Меркурио. До тех пор, пока ты не придешь ко мне.

Я с трудом сохранял хладнокровие, но к моменту возвращения в Великий Дом моя решимость была абсолютной. Я совершенно точно знал, что намерен сделать. Все время своего существования я служил императору каждым своим атомом. Я научился любить его и восхищаться им — и за его гуманизм, и за мудрость, с какой он правил Блистательным Содружеством. Он был хорошим человеком, пытающимся создать лучший мир для своих подданных. Если бы я усомнился в этом, мне было бы достаточно вспомнить то сочувствие, которое он проявил к Вратсе, или его отвращение к политическим методам, применяемым в тех частях Содружества, которые еще не подчинились его просвещенному правлению.

И тем не менее он совершил нечто ужасное, неслыханное. Все когда-либо совершенные им славные и благородные поступки, все достойные уважения деяния — все они опирались на фундамент преступления. Самим своим существованием империя была обязана тому единственному зловещему поступку.

И что с того, если произошло это тридцать две тысячи лет назад? Разве преступление становится меньшим злом, если оно произошло десять тысяч лет назад, а не на прошлой неделе? Мы имеем дело не с полумифическими деяниями далеких предков. Человек, убивший

своего брата, все еще жив и абсолютно дееспособен. И теперь, зная это, мог ли я допустить, чтобы он прожил еще один день, не вспомнив об ужасе содеянного?

Я задавал себе эти вопросы, возвращаясь домой. И всегда приходил к одному и тому же выводу.

Ни одно преступление не должно остаться безнаказанным.

Разумеется, я сообщил о грядущем возвращении задолго до того, как добрался до Столичного Нексуса. Император был вне себя от радости, узнав, что я благополучно пережил путешествие на Джулакт, и уже предвкушал услышать новости, которые я привезу.

Я не собирался его разочаровывать.

Он пребывал в том же теле, в каком я его видел перед отлетом — не было ни новых покушений, ни случайных ранений. С трона он встал с бодростью, отнюдь не свойственной его кажущемуся возрасту. Он выглядел даже моложе, чем до моего отлета.

— Рад твоему возвращению, Меркурио.

— Возвращаться всегда хорошо.

— У тебя есть... новости? Ты не хотел говорить подробно по каналу сверхсветовой связи.

— Новости есть, — подтвердил я.

Император взглянул на крестообразный шов в потолке:

— И эти новости, несомненно, лучше обсудить в условиях абсолютного уединения?

— Вообще-то в этом нет необходимости.

В его глазах мелькнуло облегчение:

— Но у тебя есть что сообщить мне?

— Есть, и немало.

— Этот предмет у тебя в руке... Он похож на пулю, которую ты мне показывал. Ту самую, с надписью.

— Это она и есть. Держите... можете теперь оставить ее себе.

Не дожидаясь ответа, я бросил ему пулю. Рефлексы у старого тела все еще остались превосходные: император с легкостью ее поймал.

— В ней нет пыли, — заметил он, разглядывая застекленный кончик.

— Теперь нет.

— Ты нашел?..

— Да, я нашел место происхождения той пыли. И выследил предполагаемого убийцу. Можете быть уверены: больше никогда о нем не услышите.

— Ты его убил?

— Нет, он все еще такой же, каким был.

Наверное, он уловил двусмысленность моих слов, потому что на его лице появилась тревога:

— Я ожидал несколько иного результата, Меркурио. Я ожидал, что злоумышленник будет предан суду или в крайнем случае казнен. Ожидал увидеть тело, чтобы покончить со всеми сомнениями. — Его взгляд стал пристальным. — Ты точно уверен, что с тобой все в порядке?

— Никогда не ощущал себя лучше, господин.

— Я... встревожен.

— Бояться нечего. — Я протянул руку, приглашая его спуститься с трона. — Почему бы нам не прогуляться? Нет ничего такого, чего мы не могли бы обсудить в парке.

— Ты никогда не советовал мне что-то обсуждать за стенами дворца. Тут что-то не так, Меркурио. Ты не такой, как всегда.

Я вздохнул:

— Тогда позвольте все прояснить. Мы сейчас в глубине Великого Дома. Если я взорву энергетическую установку в моем животе, мы с вами прекратим существование во вспышке света. И хотя внутри меня нет антивещества, этот ядерный взрыв легко нанесет такой же ущерб, какой мог нанести убийца, если бы поместил бомбу в ту пулю. Вы умрете — не просто ваша марионетка, а вы сами, тот, что плавает сейчас над нами, — и прихватите с собой большинство из тех, кто сейчас находится в Великом Доме.

Император моргнул, с трудом постигая смысл моих слов. Могу представить, насколько они его поразили — после стольких тысяч лет верной службы.

— Ты неисправен, Меркурио.

— Нет. Более того, я никогда еще не функционировал настолько хорошо, как сейчас. После отлета я восстановил доступ к уровням памяти, которые считал утраченными еще с первых дней империи. И заверяю вас, что взорвусь, если вы не выполните в точности мои требования. А теперь встаньте с трона и выйдите в парк. И даже не думайте позвать на помощь или рассчитывать на то, что какая-нибудь страховочная блокировка внутри меня вас защитит. Сейчас вы в моей власти. И могу заверить: вам не остается ничего иного, кроме как подчиняться каждому моему слову.

— Что ты собираешься сделать?

— Заставить вас заплатить.

Мы вышли из покоев. Пошли по золоченым коридорам Великого Дома — император на несколько шагов впереди меня. Мы проходили мимо чиновников, слуг и неразумных прислужников. Никто ничего не сказал и не сделал, все лишь кланялись в соответствии со своим

статусом. Они видели только императора и его самого доверенного помощника, шествующих по своим делам.

Наконец мы подошли к прудам, где плавали рыбы.

Я шепотом велел императору опуститься на колени на том же месте, где было убито его прежнее тело. Уборщики поработали на совесть, и никаких следов происшествия не осталось.

— Ты хочешь лишить меня жизни, — испуганно прошипел он.

— Вы так думаете?

— А зачем было приводить меня сюда, если не убивать?

— Я давно мог убить вас, господин.

— И прихватить с собой Великий Дом? И жизни этих ни в чем не повинных людей? Может быть, ты и неисправен, Меркурио, но я и сейчас не верю, что ты способен на такое варварство.

— Возможно, я так и поступлю, если сочту, что таким образом свершу правосудие. Но тут есть одно обстоятельство. Если даже правосудие свершится, то большой пользы Блистательному Содружеству это не принесет. Взгляни вверх, император. Посмотри на это ясное синее небо.

Император задрал голову, насколько позволяла его поза.

— Там твоя империя, — сказал я. — За силовыми экранами и оборонительными лунами. За Столичным Нексусом. Миллиард обитаемых планет, внимающих каждому твоему слову. Зависящих от твоей мудрости. Рассчитывающих на твою порядочность и способность прощать. Будь ты плохим правителем, я не стал бы колебаться. Но ты хороший человек, и в этом вся проблема. Ты хороший человек, однажды сотворивший такое зло, что тень его коснулась тебя даже через тридцать две тысячи лет. Ты убил своего брата, император. Ты заманил его в марсианскую пустыню и хладнокровно убил. А если бы ты этого не сделал, то ничего сущего вокруг тебя не возникло бы.

— Я не... — начал он все тем же хриплым шепотом. Сердце у него колотилось. Я слышал, как оно бьется в грудную клетку.

— Я тоже не думал, что у меня есть брат. Но я ошибался, и ты тоже. Моего брата зовут Гнев. Твоего... что ж, как бы его ни звали, скорее всего, единственный, кто мог бы вспомнить его имя — это ты. Но я сомневаюсь, что ты вспомнишь. Через столько лет.

Император задыхался — думаю, от страха, а не от сожаления или муки. Он все еще не верил мне, да я на это и не рассчитывал. Но зато он верил, что я способен его убить и от смерти его отделяет всего мгновение.

— Ну так давай, верши же свою расправу!

— Пуля все еще у вас, господин?

В его глазах мелькнул какой-то детский ужас:

— А при чем здесь пуля?

— Покажите ее.

Он раскрыл ладонь, продолжая сжимать двумя пальцами пулю со стеклянным кончиком.

— В ней нет бомбы. Если бы она имелась, я бы ее увидел. Сейчас она пуста. — В его голосе смешались облегчение и непонимание.

Что может быть хуже бомбы?

— Да, она пуста. — Я мягко взял руку господина и направлял, пока она не оказалась над водой пруда. — Через несколько секунд, император, мы пойдем обратно в Великий Дом. Вы вернетесь на трон, а я — к своим обязанностям. Я всегда буду рядом, отныне и до того дня, когда перестану функционировать. Я ни на секунду не умаляю заботу о вас, охраняя от тех, кто захочет причинить вам вред. А вам никогда не придется усомниться в моей верности, в моей нестигаемой преданности своему долгу. А об этом... инциденте... мы никогда больше не заговорим. Будем считать, что в наших отношениях ничего не изменилось. Спросите меня о вашем брате, спросите о моем брате, и я притворюсь невеждой. Отныне и до конца моего существования. Но я никогда не забуду. И вы тоже. А теперь раздавите стекло.

Он непонимающе взглянул на меня:

— Что ты сказал?

— Раздавите стекло. Это легко сделать пальцами. Раздавите стекло и вылейте содержимое в пруд. Потом вставайте и уходите.

Я встал, оставил императора на коленях возле дорожки с вытянутой над водой рукой. Сделал несколько шагов к Великому Дому. Я уже начал очищать сознание, готовясь приступить к выполнению своих многочисленных обязанностей. Захочет ли повелитель избавиться от меня? Попытается ли уничтожить? Вполне возможно. Но император умен и пронывателен. До сих пор я служил ему хорошо. И если мы согласимся оставить в прошлом это небольшое отклонение от наших нормальных отношений, то я не вижу причин, почему бы нам и дальше не наслаждаться их плодами.

Я услышал за спиной еле слышный треск. Потом рыдания.

И пошел дальше.

Перевел с английского
Андрей НОВИКОВ

Л О У Р Е Н С К О Н Н О Л Л И

ДРУГИЕ

Иллюстрация Виктора БАЗАНОВА

Предрассветный ливень шумел по соломенной крыше, затапливая балки и стекая по стенам. От пола поднималась нездоровая влажность, и даже окруженное камнями пламя посреди комнаты, казалось, дрожало от холода. Большеглазый сидел у огня, его шея поднималась над воротником туники. Он походил на гуся в просторной одежде, за тем лишь исключением, что вместо крыльев у него были руки. Он смотрел на капли, падающие сквозь дым. Затем резко повернул голову к мокрой ткани, завешивающей вход.

— Они приближаются, — сказал он на своем родном языке, шелчками и свистом.

— Они? — переспросила Кара, пытаясь правильно понять его интонацию. Без подсказок с орбитальной базы она разговаривала на этом языке всего три дня и иногда ошибалась с местоимениями. — Кто приближается?

— Другие.

— Мои сестры? — Кара прислушалась, пытаясь уловить звук роев, но услышала только дождь и потрескивание пламени. — Ты уверен?

Большеглазый поднял собранный из трех пальцев кулак в знак подтверждения.

— Первая уже почти за стеной деревни.

Кара выпрямила раненую ногу, поднялась с подстилки из сухой травы и листьев. Колено вспыхнуло болью, как только она перенесла на него свой вес.

Большеглазый повернулся ухом к двери, прислушиваясь.

— Одна едет быстрее, — прервался, продолжая слушать. — Уже совсем рядом.

Кара наконец услышала приближающееся жужжание двигателя и всплеск колеса, проехавшего по луже.

— Это высокая, — добавил Большеглазый. — Несет что-то тяжелое, — опустил голову, прислушался. — Она несет тебя к этому.

— Несет меня? — переспросила Кара. — Несет меня к чему?

Большеглазый иногда говорил загадками.

— Не тебя к этому, — поправил он, произнося слова медленнее, чтобы она расслышала гортанные звуки, определявшие порядок слов. — Я сказал, что высокая несет тебе что-то. Не знаю, что. Но вскоре ты увидишь это сама. Она почти...

Ткань распахнулась, взметнув веер капель. Следом за каплями внутрь вошла Эпсилон. Она несла полевое снаряжение, включая и свернутый одноколесный ровер, который один весил девять килограммов. Еще два килограмма добавлял рюкзак. Тем не менее Эпсилон

стояла прямо, в той позе, благодаря которой она все время казалась выше, чем была на самом деле.

— Ты встала, — заметила она, снимая капюшон. — Ее лицо не отличалось от лица Кары: квадратная челюсть, впалые щеки, широко поставленные глаза.

— Он все еще заботится о тебе? — Эпсилон указала на Большеглазого.

— Более или менее, — ответила Кара. — Скорее, просто не дает мне скучать.

— Я думала, что ты спишь, боялась тебя разбудить, — Эпсилон отошла от входа.

— Я не могу уснуть, — сказала Кара.

— Из-за боли? Тебя беспокоит нога?

— Нет. Не совсем, — Кара вышла на свет, пытаясь казаться сильной.

— Значит, рука? Повязка, похоже, растрепалась. — Эпсилон обошла костер. Она держала ровер за руль и тащила его за собой, оставляя след на глиняном полу.

Большеглазый отошел, освобождая место.

— Мне казалось, что я затянула бинты сильнее.

— Да, слишком сильно, — сказала Кара. — Мне пришлось снять их и перебинтовать заново. Думаю...

Эпсилон подняла палец.

— Минуточку, — она прикрыла ухо рукой и отвернулась. — Продолжай, Альфа. Я слушаю.

Три дня назад Кара тоже слушала бы. Но теперь, когда лишилась своей встроенной электроники, могла лишь молча ждать.

— Хорошо, — произнесла Эпсилон. — Я спрошу, — она повернулась к Каре: — Альфа хочет знать, не заражена ли рана.

— Нет. Я тщательно все осмотрела перед перевязкой. Корка вполне здоровая, гноя нет. Жара тоже. Думаю, я в порядке. — Она понимала, что полная диагностика куда надежнее подобных наблюдений, но выбора у нее не было.

Эпсилон кивнула.

— Похоже, придется поверить тебе на слово. — Она сняла рюкзак и опустила его на пол перед Карой вместе с ровером. — Это тебе.

— Ровер тоже? — Кара нахмурилась.

— Да. Если только тебе хватит сил им управлять.

— А рюкзак?

— Стандартный набор: еда, лекарства, полевой костюм. Альфа передала все это час назад. Тебе пора возвращаться к работе.

— Но я отключена от Сети.

— Дело в твоём опыте... если только ты сможешь ехать.

Снаружи плеснули по лужам ещё два ровера.

— Куда мы направляемся? — спросила Кара.

— Скажу, как только...

Ткань, закрывавшая вход, расступилась, пропуская Дельту и Дзету, внешне таких же, как Эпсилон, но других по характеру.

Когда Дельта обходила костёр, её походка выдала волнение. Она повернула голову, чтобы встретиться глазами с Карой. «Нам нужно поговорить, — вот что читалось в этих глазах, — но не здесь». Она взглянула на Эпсилон, затем на Дзету: «Не при них».

Дзета выглядела менее настороженной. Она встала рядом с Эпсилон, словно была её тенью.

— Все в порядке?

— Да, — ответила Эпсилон. — Сказала, что сумеет управлять ровером. Думаю, ты все же могла бы остаться на базе.

— Не беспокойся об этом, — сказала Дзета. — Я хотела прийти. — Она убрала капюшон, обнажая поцарапанный лоб. Широкий рваный порез — она могла оцарапаться о ветку, когда ехала следом за Эпсилон через лес. — Ты сказала ей, что мы собираемся сделать?

— Ещё нет, — ответила Эпсилон, не отрывая взгляда от Кары. — Я хочу, чтобы она сначала оделась.

Кара посмотрела на остальных, изучая выражения их лиц, пытаясь понять причину их предрассветного прибытия в деревню.

— Вы нашли их, да? Вы нашли гнезда?

Дельта кивнула. Кара отвернулась и заговорила на местном языке:

— Большеглазый! Мои сестры...

Большеглазого не было в комнате. Кара посмотрела на Дельту.

— Он ушел?

— Я за ним не следила, — Дельта пожала плечами.

Кара посмотрела на ткань, раскачивающуюся под ветром.

— Возможно, пошел разбудить Старейшину, — предположила Эпсилон. — Хочет сказать им, что мы вернулись.

— Но я должна сообщить ему...

— Ты должна собираться. Альфа прогнозирует смену погоды. К рассвету небо расчистится. Если ты собираешься помочь нам, сейчас — самое время.

Кара ещё раз посмотрела на вход, затем склонилась над новой машиной и отодвинула ровер, стараясь не задеть свою пораненную ногу. Потом открыла рюкзак. Внутри оказались только что интегрированные пластиковые упаковки и свернутая ткань. Кара вытащила ткань и развернула кибернетический комбинезон.

— Мне нужна информация. — Она положила комбинезон на пол и сняла с себя тунику. Покрытая контактами кожа заблестела в пляшущем свете огня. — Расскажите о гнездах. Где они находятся?

— На восточном побережье, — ответила Эпсилон, — над морем нависает уступ. Скала под ним сплошь изрыта пещерами. Спуститься туда можно с обрыва, находящегося недалеко от опушки леса. Я побывала там вчера утром. Видела сотни острозубов. Когда вылупятся детеныши, их будут тысячи.

— Кс-ина, — прошептала Кара. Местное название этих животных напоминало гортанный щелчок, за которым следовал назальный свист. Единственное или множественное число определялось тональностью. В буквальном переводе это слово означало «острозуб» и являлось, подобно большинству местных слов и названий, весьма описательным. — Тысячи Кс-ина?

— Они опустошат весь остров, — сказала Эпсилон. — Наша работа откатится на год назад, если только мы что-нибудь не предпримем.

Кара развернула комбинезон, раскрыла спинной шов и взглянула на подкладку, покрытую микросхемами.

— Ты знаешь, как справиться с тысячами этих существ?

— Да, — Эпсилон повернулась к Дельте. — Покажи ей маркеры.

Дельта сняла рюкзак и вытащила из него четыре передатчика, снабженных пружинными креплениями.

— Дельта использует их, чтобы отметить цель, — пояснила Эпсилон. — А потом вы двое останетесь там, чтобы цель была отмеченной до тех пор, пока Дзета не ликвидирует гнезда.

Дельта убрала передатчики обратно в рюкзак.

— Ты поняла?

Кара стремительно соединяла детали и заполняла пробелы, мысленно выстраивая план, пока надевала комбинезон.

— Вы собираетесь использовать посадочный катер, да? — Когда подкладка касалась кожи, возникало пощипывание. На мгновение Каре показалось, что она чувствует текущий через нее ток, ощущает тепло от включения ее собственной системы, но это было лишь остаточное тепло ткани, сохранившееся после интеграции. Ее цепи по-прежнему не работали. Костюм не даст промокнуть или замерзнуть, но ее органы чувств по-прежнему оставались отключенными от Сети. — Вы собираетесь протаранить гнезда посадочным катером?

Дельта посмотрела на Эпсилон и усмехнулась.

— Я же говорила: она поймет. Может, она и не в Сети, но все же одна из нас.

— Давайте кое-что проясним... — Кара нахмурилась.

— Ты прекрасно все поняла, — сказала Дзета. — Мы переместили все оставшееся топливо в передние баки и подготовили их к столкновению. Когда я спикирую на гнезда, топливо вспыхнет. Сминающийся корпус запечатает вход и направит всю энергию в глубь пещер, — она говорила мягко, но властно, со стоицизмом одноразового полевого работника, который выполняет на планете свою кратковременную задачу, а затем уступает место только что интегрированной копии, созданной из файлов, хранящихся на орбитальной базе. По замыслу, на планете должно было находиться не более одного работника одновременно.

— Когда все закончится, — продолжила Дзета, — выполнение миссии продолжится по установленному протоколу.

— То есть останется только одна из нас?

— Это логично, — заметила Эпсилон. — Когда мы разберемся с гнездами, потребность в дополнительных работниках отпадет.

— Значит, останешься только ты? — сказала Кара, обращаясь к Эпсилон. — Остальные погибнут, а ты продолжишь выполнение миссии. Могу я поинтересоваться, кто принял это решение?

— Никто, — Эпсилон подала ей руку, помогая встать. — Мы в лагере тянули жребий.

— Счастливая случайность?

— Нет. Не случайность. Долг. В этой миссии отдельные работники никогда не принимались в расчет. — Она пожала Каре руку. Рукопожатие получилось каким угодно, но только не утешительным. — Мы все здесь... и мы все — расходный материал. Ты знаешь это, Гамма.

Кара вздрогнула. Гамма. Она не привыкла слышать это имя, ее порядковый номер, метку, означавшую, что она одна из серии одинаковых полевых работников, каждый из которых был передан с орбиты в интеграционную камеру лагеря.

— Что-то не так? — спросила Эпсилон.

Кара привыкла считать себя уникальной, пока не прибыли другие работники. Теперь — с появлением Кары Дельты, Эпсилон и Дзеты — все изменилось.

— Ты выглядишь напряженной, — заметила Эпсилон.

— Ничего, — Кара протянула здоровую руку и подняла с пола рюкзак. — Со мной все будет в порядке.

Она не рискнула ответить иначе. Помимо стандартного набора в рюкзаке лежала смертельная доза сульфата морфия. Любой работник, чувствующий, что он не способен далее выполнять свою миссию, должен был ввести себе эту дозу, освободив место для замены.

В одном Эпсилон была права. Лучше погибнуть во время выполне-

ния миссии, чем умереть от передозировки на ложе из пожухлых листьев.

— Значит, ты хочешь, чтобы мы с Дельтой остались там и убедились, что ничто не передвинет эти маркеры?

— Именно, — подтвердила Эпсилон. — Но местная живность старается держаться подальше от этих гнезд, а большинство острозубов после рассвета будут уже в пещерах. В худшем случае вы столкнетесь с одним-двумя отставшими.

— И я должна буду их отвлечь.

Эпсилон пожала плечами.

— Ничего такого, что ты не делала раньше, — она ухмыльнулась. — Ты знаешь их повадки. Столкнулась с одним из них и выжила, — ухмылка стала еще шире. — Впрочем, на сей раз оставаться в живых не обязательно.

Кара кивнула, отвернулась и снова запустила руку в рюкзак, на сей раз достав походную куртку и пару легких ботинок. Она надела их, а затем поняла, что этим утром ей может понадобится еще одна вещь.

В аптечном отделении рюкзака лежали разнообразные средства — как химические, так и кибернетические. Среди последних — устройство с безобидным названием «пробка». Запечатанное в прочном футляре, украшенном красной пометкой, это устройство могло убить не хуже, чем доза морфия.

— Возможно, мне это понадобится, — сказала Кара, убирая контейнер в карман. Эпсилон нахмурилась.

— Ты вроде сказала, что чувствуешь себя лучше. Или мне показалось?

— Не показалось. — Кара надела рюкзак.

Она подтянула ремни и подняла ровер. Машина все еще оставалась в сложенном состоянии: руль прижат к зафиксированному колесу. Кара вытащила руль и взмахом руки освободила колесо.

— Я готова. — Она повернулась к выходу, внезапно осознав, что больше не слышит шума дождя. В комнате стало подозрительно тихо.

— Может, нам стоит найти Большеглазого и рассказать ему о плане?

Эпсилон посмотрела влево, сверяясь с внутренними часами.

— Нет времени, — сказала она. — Тебе пора.

— Но Старейшины захотят...

— Я позабочусь о Старейшинах, — пообещала Эпсилон. — Теперь это моя задача. — Она шагнула к костру и сделала вид, что греет руки над огнем. — База данных поможет мне с языком. Альфа будет давать советы насчет местных обычаев, — она говорила так, словно уже осталась одна.

«Она не похожа на меня, — подумала Кара. — Мое лицо, мое тело, мои умения... но высокомерие — только ее».

— Что-то не так? — поинтересовалась Эпсилон.

Дельта шагнула к Каре.

— Нам пора, — произнесла она, в то время как в ее глазах по-прежнему темнел груз невысказанных фраз. — Гнезда не ждут. Мы должны сделать это — сейчас или никогда.

Эпсилон вновь ухмыльнулась.

— Вы должны верить мне. — Отблески пламени играли на ее лице, прорисовывая глубокие тени. — Доверься мне, Гамма, — она повернулась: — Ведь это все равно что поверить самой себе.

Деревню окружал частокол, внутри которого теснились хижинки и покрытые глиной дворы. В центре, на возвышенности, располагалось большое помещение, из окон которого поднимался дым.

— Что-то происходит, — заметила Кара. — Они жгут костры, готовятся к чему-то.

Дзета кивнула.

— Мы тоже, — она развернула свой ровер и рванулась к изгороди.

Кара и Дельта последовали за ней, рассекая огнями предрассветную тьму.

Жители деревни редко покидали свои хижинки до рассвета, особенно в холодное, дождливое утро после сбора урожая. И все же Кару не оставляло ощущение, что окружающие ее постройки пусты: ни дыма, ни лиц, высывающихся из-за завешанных драпировками входов, чтобы посмотреть на роверы. Как будто все оставили свои дома так же внезапно, как Большеглазый, и собрались в большом зале, повинувшись беззвучному зову Старейшин. Кара подумала о том, сколько еще предстоит узнать о местных жителях, и вздрогнула.

До самого края деревни им никто больше не встретился, а у частокола, под соломенным навесом, стоял сторож, которого звали Всегда Готов.

Кара помахала ему, сделав приветственный жест — кулак с подогнутым большим пальцем.

Сторож ответил, согнул шею и вышел к воротам, покоящимся на деревянных полозьях.

— В домах тихо, — произнесла Кара на местном языке.

Всегда Готов опустил кулак и взялся за ворота.

— В большом зале жгут костры. Что-то... — ее слова потонули в скрежете ворот, открывающих узкий проход между секциями стены.

Дзета и Дельта поехали дальше.

Кара задержалась. Она хотела все же расспросить сторожа, но он, кажется, с нетерпением ждал ее отъезда, словно должен был кое-что сделать... или куда-то пойти. Она подняла кулак и склонилась к рулю, направившись на убранное поле, которое простиралось между частоколом и темной стеной леса.

Дождь прекратился, но низкие облака, подгоняемые ветром к восточному побережью, все еще шевелились, вспыхивая редкими молниями. Было и еще какое-то странное свечение над хорошо знакомой горой на северо-востоке.

Лагерь находился на уступе у вершины этой горы, скрытый за деревьями и камуфляжной сеткой. Еще три дня назад он был для Кары домом. Она работала там одна, изучала деревню, подслушивала с помощью мощных микрофонов, запоминала обычаи. Все это время она не зажигала в лагере свет, но сестры, очевидно, не разделяли ее взглядов.

— Что происходит? — спросила Кара.

— Доводка катера, — ответила Дельта. — Эпсилон попросила Альфу прислать нам еще одного работника.

— Она там?

— Именно. Интегрирована вчера днем. Готовит катер к отлету. После этого она будет вторым пилотом.

— Двое в кабине? — Кара попыталась представить это. Посадочный катер предназначался только для того, чтобы спустить с орбиты интеграционную камеру, и кабина его едва вмещала одного пилота.

— Мы там кое-что перестроили, — пояснила Дельта. — Вынесли оборудование, освободили место. Для того чтобы разбить катер, нужно отключить его высшие функции. Ни предохранителей, ни автопилота. Эпсилон сказала, что для такого полета потребуются два пилота.

— Эпсилон много знает, не так ли?

Дельта сделала вид, что не услышала, наклонилась вперед, ускоряясь, и поспешила следом за Дзетой, которая уже достигла опушки леса.

Лес звенел от песен беспозвоночных, от свиста червей, кальмаров и мотыльков-падальщиков, расстулавшихся при виде одноколесных машин.

Сестры ехали вместе до тех пор, пока Дзета не свернула к лагерю. После этого Кара и Дельта остались одни и остановились у остатков заброшенной деревни. Лес здесь кишел вьющимися сорняками, которые боролись за существование на покосившихся столбах. Что-то не-

давно прошло здесь, словно нож, оставив за собой блестящий след из слизи и поврежденных ложноножек.

Дельта пошла по следу и остановилась у стоявшей на возвышении дверной коробки разрушенного зала. Кара потянула ее в сторону, глядя на восток, туда, где след расширялся, переходя на плоскую почву, и заканчивался среди деревьев. Там, где заканчивался след, из серебряного тумана поднимались покрытые травой холмы.

— Улитки? — спросила Дельта, указывая на них. — Это они, да? Гигантские улитки?

Кара кивнула.

— Местные называют их ходячими холмами. Ты видела их раньше?

— Пару раз. Сначала мы считали их природными образованиями.

— Это маскировка. Они покрывают свои раковины травой и мхом, приклеивая их слюной, затвердевающей, как стекло. — Кара подняла руку, показывая шрам на пальце. — Я как-то решила потрогать ее, и это оказалась плохая идея.

— Мы можем пройти через них? — спросила Дельта. — Нам ведь нужно именно туда, — она указала на лес, темнеющий за самым центром стада. — Мы сумеем? Это безопасно?

— Довольно безопасно, если только мы их не испугаем, — ответила Кара. — Когда они чувствуют опасность, то прижимаются друг к другу, закрываются в своих раковинах и сидят так, пока угроза не минует.

— Пойдем пешком?

— Именно это я бы и предложила, если бы у нас было время.

Дельта посмотрела влево, сверяясь со своими встроенными часами.

— Я все равно планировала остановиться здесь и подождать несколько минут, прежде чем мы пойдем дальше, — она отступила от ровера. — Если двинуться сейчас, времени хватит, — она сложила ровер и повесила его на плечо. Затем отвернулась, прикрыла ухо рукой и заговорила с орбитальной станцией.

— Альфа, отключи меня на пять минут от Сети. — Пауза. — Да, Альфа. Прямо сейчас. Мне нужно пять минут. — Затем она моргнула, выпрямилась и посмотрела на Кару. — Нужно поговорить. — Дельта пошла вперед. — Про Эпсилон. Меня кое-что беспокоит, и я хочу знать, разделяешь ли ты мое беспокойство. — Она подошла ближе к Каре, когда они оказались в полосе тумана у подножия возвышенности. — У нас есть пять минут, сестра. Поговори со мной.

Кара нахмурилась.

— Хочешь знать, беспокоит ли меня тот факт, что Эпсилон берет на себя командование миссией? — В тумане эта фраза прозвучала ровно, больше походя на озвученные мысли, а не на произнесенные вслух

слова. — Мне это не очень нравится. Мне кажется, ее темперамент не подходит для полевой работы... и она плохо поладит с местными жителями. Большеглазый называет ее «высокая». Ты знала об этом? Он считает, что она слишком гордая.

— Это понял даже Большеглазый?

— Думаю, да.

— Значит, нас уже трое, — заметила Дельта. — И все мы считаем, что Эпсилон — другая.

Кара вздрогнула.

— Что-то не так?

— Может быть. Слушай... возможно, мне не стоит этого говорить, но такую возможность тоже стоит учесть. — Она посмотрела Дельте в глаза — частично ее собственные, частично глаза незнакомки. — Что, если дело не в Эпсилон? Что, если все мы — другие?

— Не понимаю.

— Ты должна была заметить, что мы не идентичны. Возможно, мы были такими в самом начале. В момент интеграции мы все были копиями Кары Первой, но потом, за время совместной работы, мы изменились. Каждая в нашей группе нашла себе определенную роль. Ты стала скрытной тихоней. Дзета — преданной последовательницей. Эпсилон...

— Заносчивой и неискренней.

— Грубовато.

— Но это правда.

— Может быть. Ты была с ней с того самого момента, когда она интегрировалась. Уверена, ты знаешь ее лучше, чем я.

— Верно. Я видела кое-что. Ты знала, что она смухлевала в лагере? Она заранее спрятала короткую соломинку в кулаке. Я видела, как она это сделала. Я собиралась сказать об этом, но потом решила подыграть: сначала разобраться с гнездами, потом — с ней.

— Ты действительно видела, как она взяла ту соломинку?

— Да. И я считаю, что такое поведение нельзя назвать нормальным. Ее отличия глубже, чем наши, более тревожны. Что ты об этом думаешь?

— Что я думаю? — Кара замедлила шаг и стала говорить тише, потому что они шли между улитками. — Думаю, ты хочешь, чтобы я признала отличия Эпсилон врожденными. То есть не могло ли что-то пройти не так, когда ее передавали из файлов орбитальной базы.

— Ладно, — согласилась Дельта. — А такое возможно?

Кара пожала плечами:

— Вероятность есть, но она мала.

— Забудь о вероятностях, — предложила Дельта. — Взгляни на факты. Ты это видишь, я это вижу, — она обогнала Кару, уходя подальше от разворачивающейся улитки.

— Поговори об этом с Альфой.

— Я так и поступлю, — ответила Дельта. — Но не сейчас. Сейчас у нас есть работа. Я поговорю с Альфой после того, как мы установим маркеры. А потом, когда гнезда будут уничтожены, я направлюсь обратно в деревню. — Выражение ее лица казалось безжалостным в холодном свете луны. — Я не собираюсь умирать, сестра. Я оставлю тебя, а затем скажу Альфе, что у меня к ней есть личный разговор.

— Эпсилон тебя заподозрит.

— Но не сможет ничего с этим поделать. Главное, что Альфа узнает о наших сомнениях.

— О твоих сомнениях, сестра.

— И твоих! И Большеглазого: ты ведь говорила... Эпсилон не подходит на роль командира. И я думаю, что Альфа об этом подозревает. Когда я все ей объясню, она поймет.

— И что потом? Вернешься в деревню? Пойдешь на конфликт с Эпсилон?

— Именно. Встречусь с ней и буду надеяться на то, что она выслушает меня. В лучшем случае — она самостоятельно покинет свой пост, и я займу ее место.

— А в худшем?

— В худшем... — Дельта вздрогнула и отвела глаза, посмотрев влево. — Да-да, Альфа, я здесь. — Дельта остановилась. — Повтори. Ты уверена?

Кара подняла голову и посмотрела на клочок чистого неба. Орбитальная станция висела в зените, выделяясь ярким пятном среди предрассветных звезд.

— Покажи мне, Альфа, — Дельта смотрела внутрь себя. — Покажи, что ты видишь.

Кара услышала движение за спиной — шум веток, тяжелую поступь.

— Дельта, — сказала она. — Нам лучше...

Дельта подняла руку, показывая Каре, чтобы та подождала.

— Покажи в инфракрасном спектре, Альфа. Увеличь.

Шаги приближались, пугая улиток.

Кара развернулась, опираясь на здоровую ногу, и посмотрела на лес за их спиной.

— Хорошо, — сказала Дельта, глядя себе под ноги, все еще изучая картину, переданную с орбиты. — Вижу! Я скажу Гамме. — Она по-

вернулась и моргнула, чтобы избавиться от переданного изображения.

Каре уже не нужно было ничего говорить. Она видела. Позади в пятидесяти метрах от них над зазубренными раковинами улиток с ветвей сорвались летающие кальмары, а мгновением позже из-за деревьев возникла голова, посмотревшая на Кару холодными, мутными глазами. Голова возвышалась над землей метра на три — это был один из оставших острозубов, возвращающийся из леса.

— И что теперь делать? — спросила Дельта.

Острозуб отклонился, голова задела деревья. В отличие от обычных рептилий, у острозубов не было нижней челюсти. Вместо этого из основания черепа у них росла пара конечностей, тянувшихся вперед ко рту. Эти конечности изгибались и заострялись у носа, словно клыки, отсюда и возникло название.

— Что теперь? — повторила Дельта, доставая свой ровер. — Помчимся?

Улитки приближались.

— Нет, — ответила Кара. — Оставайся на месте. — Она согнула колени, надеясь, что раненая нога не подведет. — Придется карабкаться.

— Карабкаться? На раковины?

— Залезай наверх, но берегись зазубрин.

Острия, блестевшие в лунном свете, словно стекло, выступали из-под пучков травы и мха.

— Забирайся, — скомандовала Кара. — Вот на эту! Вперед!

Дельта взбежала по раковине, а Кара обернулась и увидела прямо перед собой пару пульсирующих глаз на тонких стебельках. Она оперлась на больную ногу и уклонилась от взмаха изогнутого языка улитки, острого, словно бритва. Улитки все еще ели, обдирая все, до чего дотягивались. Плоть, трава — их одинаково устраивало и то, и другое.

Кара отступила от головы улитки, подбираясь к покрытой травой спиральной стороне раковины. А затем вскарабкалась вверх как раз в тот момент, когда улитки сомкнули свои ряды. Раковины столкнулись. Кара почувствовала удар руками и коленями. Над полем прокатился сухой треск ломающихся зубцов.

Дельта находилась в нескольких метрах от нее, ее руки кровоточили, а глаза раскрывались все шире, наблюдая за тем, как из леса выбираются еще два острозуба. Они поравнялись с первым, затем все трое рванулись вперед, словно бескрылые птицы — тела, свисающие между мелькающими бедрами, головы, уравновешенные хвостами.

— Найди центр, — приказала Кара, осматривая раковины. — Туда! Беги туда!

Дельта выпрямилась и побежала по раковинам. Ближайший острозуб заметил ее и повернул голову, словно подъемный кран, широко расставив свои заменявшие челюсть конечности и обнажив беззубый рот и глотку.

— Замри, — крикнула Кара. — Они тебя не достанут, просто...

Второй острозуб кинулся к Каре, расставив когти. Она отпрыгнула, перекатилась и упала в провал между движущимися раковинами. Когти шелкнули прямо над ней, ухватив только воздух.

Дельта позвала ее, пронзительно крикнув.

Кара не ответила. Она карабкалась, цепляясь за зубцы, пальцы скользили из-за крови, пузырившейся на ладонях. Она подтянулась, заглядывая за раковины и углубляя порезы.

Острозубы крутились возле раковин, сфокусировавшись на Дельте.

— Держись! — Кара сняла свой ровер. — Ты привела меня пасти этих животных. — Она пригнулась к земле, собираясь бежать вдоль раковин. — Смотри, как это делается. — Она сорвалась с места, ускоренная паникой и адреналином.

Острозубы повернулись, наблюдая за ней. Кара спрыгнула на землю, приземлившись на здоровую ногу, встала на педали ровера, шелкнула фонарем и рванулась настолько быстро, что стабилизаторы чуть не отказали. Гироскопы взвыли, выравнивая положение.

В свете фары блеснули глаза ближайшего острозуба, затем глаза сменились темнотой — Кара пронеслась между ногами животного. Когтистые ступни повернулись, едва не придавив ее, но она уже вернулась из-под хвоста и уносилась прочь, через траву, хлеставшую по коленям. Впереди сплошной стеной темнел лес. Наверху, в ожидании неминуемого убийства, на ветки опускались летающие кальмары.

Кара притормозила и обернулась. Дельта, спотыкаясь, балансировала на раковинах, но улитки под ней продолжали двигаться. Она потеряла равновесие и упала — сначала на колени, затем на руки, а потом вбок, исчезая между раковинами.

— Дельта! — Кара рванулась обратно, вглядываясь в сомкнувшиеся ряды раковин до тех пор, пока в поле зрения не появилась окровавленная рука, ощущающая зубрины. Дельта снова выбралась наверх, обдирая комбинезон, и добралась до внешнего края стада. Тут она упала, ушиблась и попыталась встать. Ей это почти удалось, но она снова рухнула, когда вес пришлось перенести на ногу, заканчивавшуюся теперь окровавленным обручком. *Ее ступню съела одна из улиток.*

Острозубы кинулись к ней настолько стремительно, что Кара еле успела проскользнуть между ними и схватить Дельту за рюкзак. Она

выжала из ровера максимальную мощность, пытаясь утащить Дельту как можно дальше от приближающихся монстров.

А затем что-то хлопнуло, Кару ударило по запястью, и ее скорость неожиданно увеличилась, перегружая гироскопы и бросая ровер вниз по склону. Кара подняла голову, ожидая увидеть одного из острозубов, но животных не было. Не было рядом и Дельты. Хлопок, который она почувствовала, издала лопнувшая лямка рюкзака.

Она спасала рюкзак. Дельта осталась среди острозубов.

Животные насыщались, почти касаясь головами друг друга и размахивая хвостами. Один из острозубов поднял голову, и Кара увидела на его клыках обрывок полевой куртки, трепетавший, словно порванный флаг. Мгновением позже острозуб уже бежал к ней. Кара поднялась, надела на плечи рюкзак Дельты и поехала к лесу, прочь от поля.

Земля понижалась. Кара спустилась на полной скорости, перебравшись на ровную полосу, которая могла оказаться остатками старой дороги. Не замедляясь, она отстегнула от ровера фару и подняла ее высоко над головой, чтобы острозуб сфокусировался на ней. Она не оглядывалась — не было нужды. Кара чувствовала, как над ней маячит голова, склоняющаяся вперед, выцеливая жертву.

Кара выбросила фару и убрала ноги с педалей. Пятно света унеслось прочь, словно метеор, а гироскопы ровера отключились, обрушивая ее на землю. Острозуб побежал дальше, следуя за лучом света, заблудившимся в траве. Кара подождала, пока хищник не начнет пробираться сквозь листья, а затем вскочила на ровер и рванула прочь.

Начинался рассвет, над деревьями появилась темно-синяя дымка. Кара ехала, вцепившись в руль, а боль в раненой ноге, перевязанной руке и ободранных ладонях все усиливалась. Нужен отдых. «Скоро», — говорила она себе и продолжала двигаться.

Начался подъем. Она устремилась вверх, ускоряясь до тех пор, пока не показался край, укрытый папоротником. А затем, уже слишком поздно, увидела обрыв.

Кара отклонилась, пытаясь остановиться, в то время как колесо ровера нависло над пропастью. Гироскопы вновь взвыли, оказавшись над пустотой, и тут ее нервы не выдержали. Она отпустила руль, освободив руки, и ухватилась за край обрыва. Ладони громко хлопнули по камню. Кара остановилась, ударившись грудью и коленями о скалу. Что-то хлопнуло ее по плечу, но она удержалась. Внизу раздался грохот, эхо от которого раскатилось вокруг — приземлился ее ровер. Кара посмотрела вниз, но не увидела ничего, кроме тьмы. Теперь у нее

больше не было средства передвижения, а главной целью стала ровная поверхность, на которую нужно выбраться.

Рюкзак, который она забрала у Дельты, съехал на сторону, лишая ее равновесия, руки скользили по глине, оставляя кровавые следы там, где пальцам удалось нащупать трещины. Кара подтянулась, вскарабкалась и тяжело дыша упала лицом вниз среди папоротников, слишком ослабевшая, чтобы двигаться дальше.

Она сняла с плеч оба рюкзака и попыталась встать, но ничего не вышло. Ей удалось только опереться на пульсирующий от боли локоть.

В бедро уперлось что-то острое. Это оказался футляр, тот самый, который она положила в карман, когда покидала деревню.

— Достань его, — прошептала она. — Используй.

В задней части шеи, под неработающим передатчиком, на позвонке, находился прикрытый защитным колпачком слот. Кара сняла колпачок и тут же уронила его, когда руку пронзила боль. Искать колпачок в папоротниках Кара не стала — вряд ли он ей еще понадобится.

Затем она достала из кармана футляр и сломала красную печать. Внутри лежала пробка, кусочек кожи и наручная повязка с экраном. Кара заколебалась, в последний раз оценивая, сможет ли протянуть следующую четверть часа без этих средств. Возможно, ей следовало встать, сделать несколько шагов, посмотреть, не станет ли лучше. Но стоило ей двинуться, как спину прожгла боль. «Я напрасно теряю время, — она посмотрела на содержимое футляра: — Давай!»

Она взяла пробку, следя за тем, чтобы нечаянно не дотронуться до золотых контактов. Затем, поддерживая одну руку другой, вставила ее в слот.

Потом взяла клочок кожи и прижала его, заклеивая шею.

Повязку с экраном Кара надела на кисть, после чего удаленно активировала пробку, нажав на боковую часть устройства. Облегчение наступило сразу же, боль смыло так быстро, что Кара повалилась набок, прямо на раненую руку. Она почувствовала давление, ощутила холодную твердость почвы, но только не боль от падения.

Вся боль ушла.

Оставалась еще половина дела.

Среди химических препаратов она нашла шприц с оранжевой печатью. Достав его, сняла крышку зубами и вонзила иглу в бедро.

Кара ждала, пока первая волна катехоламинов пройдет сквозь нее, превращая истощение в прилив сил. Она наклонилась, обняв колени руками, и задумалась об опасности того, что сейчас сделала с собой. Наполненная энергией и освобожденная от боли, теперь она могла

навредить своему телу намного больше, чем пару мгновений назад. Мускулы и кости сейчас можно использовать до полного отказа. Ей нужно быть осторожной, следить за экраном и помнить о том, что наполняющая ее эйфория не имеет ничего общего с истинным состоянием.

Кара поднялась и повернулась. Колено безболезненно шелкнуло, приняв ее вес. В нижней части спины сместились кости. Но боли она по-прежнему не испытывала.

Рюкзак Дельты лежал у ног. Кара открыла его, достала маркер и установила на краю. Плечо скрипнуло. Она продолжала двигаться, устанавливая другие маркеры, когда вдруг поняла, что теперь видит ровер, лежащий на дне пропасти. Несколько минут назад он приземлился во тьме. Теперь он лежал в озере золотого света.

Кара прижалась к земле. Свечение походило на солнечный свет, но солнце еще не достаточно поднялось над горизонтом, чтобы добраться до этой пропасти. Свет должен был исходить из пещеры, выходявшей другим концом к морю.

Если этот свет шел из пещеры и если она спустится туда, то сможет увидеть гнезда.

Мысли понеслись вскачь.

Где-то глубоко внутри, в темном пространстве, все еще скрывавшемся под катехоламином, она боялась своей беззаботной храбрости. Только что она чуть не свалилась в эту пропасть. Теперь же собиралась спуститься на самое дно, а затем еще и выбраться обратно. Почему бы и нет? В скале виднелось множество удобных трещин. Спускаться, конечно, было рискованно, но в лесу все еще оставались, как минимум, три острозуба. Если они появятся до прибытия катера, состязаться с ними в скорости без ровера вряд ли удастся.

Кара повернулась к пропасти, ухватила за край и начала спускаться.

Она окунулась в сияние. Это действительно оказался солнечный свет, он согрел ее, когда она заглянула в овальную, длинную пещеру. Она увидела солнце, поднимающееся над океаном, сияющее сквозь трещину в скале.

Кара прикрыла глаза и посмотрела по сторонам. Стены пещеры, казалось, были покрыты волдырями, полупрозрачными язвами, мелко дрожавшими на свету. Она подошла ближе. Волдыри оказались студенистыми мешками, похожими на гамаки гнездами, в которых шевелились смутные тени. Острозубы уже вывелись.

По всей пещере сновали взрослые, охранявшие гнезда и кормившие молодняк. Некоторые чинили мешки, укрепляя их слюной, кото-

рую вытягивали в нити с помощью конечностей, заменявших нижнюю челюсть. Эти ткачихи были меньше и светлее охотников, их пальцы заканчивались подушечками, а не когтями.

Охотники тоже работали, они изрыгали пищу, повисавшую над гнездами, побуждая детенышей подпрыгивать, карабкаться и хватать.

Юные острозубы, сильные и быстрые, скорее всего, должны были покинуть гнезда уже через несколько дней.

Кара подняла ровер, свернула его и просунула руки в ремни. Затем вскарабкалась наверх. К тому моменту, когда она достигла края обрыва, ее ноги, казалось, затвердели. Она взглянула на пристегнутый к запястью экран, вздрогнула и отвернулась. Что-то оказалось не в порядке с нижней частью спины. Растянутая мышца? Спазм? Графики этого не показывали. Они показывали лишь то, что боль уже почти достигла края шкалы. Теперь, когда Кара вернула свой ровер, лучше всего было бы сесть и подождать, отдохнуть, пока не придут острозубы... или пока посадочный катер не отправит ее в бытие.

Но она не способна отдыхать, пока в крови бурлят катехоламины. Ей необходимо все время двигаться.

Она шла вперед, на звук разбивающихся о скалы волн, пока камень под ногами не сменился туманом. Глянув вниз, она увидела, насколько этот выступ нависал над отвесной стеной. Кара высунулась как смогла, но все равно не сумела увидеть вертикальную грань скалы.

Слева от нее склон частично обрушившейся горы изгибался над узким каналом, в котором клубились туман и волны. На склоне росли травы, тянувшиеся вниз, к лесу погнутых ветром деревьев, росших тридцатью метрами ниже.

Кара осмотрела скалу, но не увидела нигде ни намека на пещеру, вроде той, где только что побывала. Возможно ли, чтобы гнезда Кс-ина находились лишь в одном месте на всем острове? Большеглазый уверял, что именно так. Но почему? Откуда взялись Кс-ина? Куда они направляются, когда детеныши подрастут? Сколько вопросов, сколько многое еще предстоит выяснить.

— Я хочу узнать это, — крикнула она.

Разбивающийся о скалы прибой откликнулся эхом, прокатившимся по узким заливам.

— И я могу узнать, — сказала она тише. — Изучить этот остров. Живущих на нем людей.

Ее разум пылал. Возможно, ей стоило прогуляться еще немного, чтобы сжечь эндорфины. Но она осталась на месте, обдумывая то, что

Дельта сказала об Эпсилон. А потом Кара пришла к выводу, прозвучавшему в голове куда громче разбивавшихся волн: «Я должна вернуться!».

Кара подняла голову к станции, бесформенный корпус которой виделся слабой точкой на светлеющем небе.

— Мне нужно вернуться! — она преувеличенно четко произносила слова, надеясь, что Альфа прочитает их по губам. — Скажи Эпсилон. Скажи ей, что я не уйду. Я должна поговорить с ней, и ты тоже должна меня выслушать.

Когда-то давно, до распространения кибернетики, люди пользовались ручными коммуникаторами. В те времена расходным материалом были устройства, не люди. Когда устройство переставало работать, его заменяли на новое. Жизнь была легче и проще. Возможно, если Альфа передаст ей запчасти, Кара сможет собрать внешний коммуникатор, который позволит ей вернуть управление миссией — если только ее тело к тому времени еще можно будет отремонтировать.

Она посмотрела на экран. Боль распространилась на здоровую ногу. Что это значит? Повреждение нерва? Если да, то сможет ли она добраться до деревни?

— Поеду медленно, — решила она, намереваясь отправиться в лес и наблюдать оттуда. Так взрыв не заденет ее, когда катер разобьется. План был хорош, но она колебалась, где-то глубоко — глубже своей взбудораженности — понимая, что она не сможет его осуществить. — Мне нужно держаться курса, — прошептала она, не веря в собственные слова.

За ее спиной раздался резкий свист — кальмары взлетали с высоких ветвей. Их тела мерцали на солнце, взмывая вверх, а затем планируя к деревьям на соседней скале. Они мчались, словно стрелы, пронизывая верхушки деревьев, скрываясь под листьями. Кара знала причину. Приближалась опасность. Хищники, убившие Дельту, возвращались домой. И кое-что еще. Издалека доносился еще один звук. Она прислушалась.

«Катер!»

Она сняла ровер, развернула руль и встала на педали как раз тогда, когда первый острозуб появился из леса. Солнце било ему прямо в морду, отражаясь в глазах. Кара подозревала, что именно он гнался за ней в лесу. Сейчас он выглядел по-другому. Солнце обнажило провисшую кожу, покрытые шрамами бока и сломанные когти, до того скрывавшиеся во тьме. Глаза казались мертвыми, помутневшими от старости и катаракты. Ждал ли этого самца кто-нибудь? Или же он в одиночку шел по жизни, не имевшей более смысла?

Кара поехала на него.

Животное остановилось, наблюдая за ней, в то время как за ним возникли два других острозуба.

Кара разогналась, перепрыгнула через пропасть и продолжила движение, обогнув их и вырвавшись в лес.

Они повернули за ней, начиная преследование.

Кара собиралась отвести их в лес и там оторваться. Они переживут взрыв, но это не страшно. Несколько выживших принесут ей пользу, когда она вернется в деревню. Она умела обращаться с Кс-ина, знала их повадки как никто другой и потому лучше других подходила на роль управляющей миссией.

План выстроился в одно мгновение, словно она увидела свою судьбу. А потом один из острозубов внезапно рванулся вперед, перерезая ей путь. Кара свернула. Еще одно животное возникло прямо перед ней. Она вновь уклонилась, услышав взмах когтей. Кара пригнулась, снова изменила направление и поехала по юго-восточному краю обрыва, поднимавшегося над лесом искривленных деревьев.

Острозубы гнались за ней.

Катер ревел все ближе и ближе, наклоняясь, начиная пикировать.

Она пригнулась, разворачиваясь на 180 градусов. Колесо задымилось, бросая ее назад, туда, на прежний путь, но на этот раз один из острозубов все же схватил ее, оцарапав когтем, и отбросил в сторону — в пустоту.

Она перелетела через залив и упала в траву, росшую на соседней скале. Затем соскользнула туда, где склон обрывался над деревьями. Под ней раскинулись листья. Она тяжело рухнула на них, затрещали сучья. Или кости? Перевернулась, хватаясь за ветви, и наконец остановилась — в тот самый момент, когда катер добрался до маркеров. Она скорее почувствовала, чем услышала взрыв, встряхнувший все кости. Она вцепилась в дерево и посмотрела на скалу, ожидая оползня...

Но ничего не случилось.

Что-то пошло не так.

Она спустилась по ветке до ствола, затем по стволу до земли. Когда же упала на землю, катер наконец-то взорвался.

Скала задрожала. Из пещер взметнулась пыль, следом за которой появились и острозубы, рванувшиеся вверх по вертикальной стене. Она потрясенно наблюдала за их движениями — на отвесной скале они были так же проворны, как на ровной земле. А затем с грохотом, выдавившим воздух из ее легких, скала раскололась, выбросив облако пыли, и обрушилась в море.

Когда воздух перестал звенеть, а пыль рассеялась, уступив место очистительному туману, Кара все еще смотрела на остатки скалы. Сре-

ди обломков лежали тела. На одном из камней на тонких ногах стоял новорожденный, протягивая лапки к пустому небу.

* * *

Ноги наконец отказали, когда Кара была уже возле деревни. Позвоночник хрустнул в последний раз, и она упала в скошенном поле.

Затем поползла.

Впереди виднелась деревня, темневшая под тяжелыми облаками. От ворот отделилась фигура, сопровождаемая раскатами грома. Она раскачивалась, словно гусь, одетый в длинную тунику.

Это был Большеглазый, и он был один.

Она потянулась в нему.

— Высокая? — спросила она, искажая слова. — Мне нужно встретиться с ней.

Он поднял голову.

— Другая? — произнес он. — Ты спрашиваешь о той, которую оставила здесь?

Она подняла кулак.

— В большом зале, — ответил он. — Я отведу тебя. — Он взял ее за руку, поставил плечо и потянул вперед.

— Кс-ина, — сказала она, — мертвы... возможно, не все... но многие. Вы теперь в безопасности.

— Мы знаем, — ответил Большеглазый, обхватывая ее крепче.

Они прошли через ворота и направились дальше, мимо молчаливых хижин, на звук многоголосого пения.

— Все в большом зале, — сказал Большеглазый. — Перед рассветом, пока ты встречалась со своими сестрами, мы получили послание. — Он выгнул шею, заглядывая ей в глаза. — Послание от Кс-ах.

Последнее слово он произнес как гортанный шелчок, за которым последовал хриплый вздох. Довольно простое слово, которое Кара до сих пор не могла перевести. Похоже, оно означало какую-то высшую силу.

Они продолжали брести по грязной тропинке до тех пор, пока перед ними не возник большой зал, наполненный пением и дымом, который выходил сквозь отверстия в крыше. Кара попыталась разобрать слова и поняла, что на самом деле слышит одно и то же слово, повторяемое снова и снова, то самое, которое только что произнес Большеглазый: Кс-ах.

Высшая сила... божество... коллективное сознание?

Коридор несколько раз изогнулся, прежде чем привести их к просторной, освещенной кострами комнате. Воздух пропитался запахами

горящего дерева, вареного мяса и крепкого чая. Последний вызывал сильный наркотический эффект, и Кара собиралась воспользоваться им, после того как пробка перестанет функционировать. Ну а сейчас рано: когда она столкнется с Эпсилон, ей потребуется ясный ум.

Толпа расступилась, когда Большеглазый провел Кару через центр зала к возвышению, где стояло деревянное кресло. По бокам оно было украшено цветными осколками, в верхней части спинки сверкал драгоценный камень.

Это кресло Эпсилон? Ее трон? Кара задрожала.

— Что она наделала? — она задала этот вопрос на своем языке громким шепотом, словно обращаясь к Альфе. А затем на нее накатилась тьма.

Трехпалая рука подхватила ее затылок, подняла, прижимая губы к дымящейся чаше.

— Нет! — Кара откинулась. — Не нужно чая! — Она открыла глаза и увидела, что Большеглазый смотрит на нее.

— Это не чай. — Он снова поднес чашу к ее лицу, давая вдохнуть запах бульона. — Ты ослабела. Тебе нужно.

Повторять не пришлось, инстинкт взял верх. Она умирала с голоду.

— Ты ничего не ела с прошлой ночи. Тебе нужны силы.

Закончив пить, Кара откинулась и увидела, что в украшенном камнями кресле кто-то сидит. Она мельком увидела высокую фигуру в богато украшенной одежде.

— Я должна поговорить с ней, — произнесла Кара. — Отведите меня к ней... сейчас... пожалуйста.

Большеглазый выгнул шею, демонстрируя непонимание.

— Отвести тебя? Что ты имеешь в виду?

— Ты сказал, что приведешь меня к ней.

— Нет. — Он взял ее за руки, поднимая. — Я этого не говорил.

Он отступил, давая ей возможность разглядеть кресло и одежду внимательнее. В кресле никого не было. Одежда свисала со спинки.

И тогда Кара поняла. Она схватила Большеглазого за руку.

— Что ты сказал? — Она сжала его руку сильнее. — Тогда, в поле, что ты сказал мне? Повтори медленно.

Так он и сделал, и на этот раз она расслышала интонацию, изменявшую порядок слов.

Ее внутренности скрутило, но из горла вырвался лишь сухой кашель. Чьи-то сильные руки подняли ее и поставили на ноги.

— Я принес ее тебе, — сказал Большеглазый. — И сейчас ее принесут всем.

Осмотрев большой зал, Кара увидела чаши, передаваемые из рук в руки.

— Сегодня чудесное утро, — продолжил Большеглазый. — Ты умираешь, но живешь. Мы поглощаем тебя, но все же ты остаешься. Ты поглощаешь себя... и становишься сильнее.

Кара посмотрела на чашу в своей руке.

Большеглазый отступил и заговорил громче:

— Великий воин! Бессмертный воин! — Он поднял чашу выше. — Кс-аха о Кс-оох и-о Кс-ах!

Это восклицание поразило Кару, как удар молнии.

«Кс-аха о Кс-оох и-о Кс-ах!»

Первое слово не было местным — так здесь произносили ее имя. По звучанию оно почти не отличалось от загадочного Кс-ах.

Толпа пела вместе с ним все громче, заставляя дрожать наполненный дымом воздух. Кару повели к трону.

— Кара! — пели они. — Кара, воин из Кс-ах!

— Не делайте этого! — она упиралась каблуками, пытаясь остановить их, не дать поднять себя на возвышение. — Мой командир этого не допустит. — В местном языке не было слова «командир», поэтому она произнесла его на своем. Непривычные согласные походили на дикий рев.

Как она могла объяснить?.. Они все равно не поймут. Она олицетворяла силу, сбросившую Кс-ина в море.

Альфe теперь не останется ничего другого, кроме как передать на планету новую Кару — Кару Тета, восьмую интеграцию Кары Первой. Но, в отличие от остальных, Тета и шагу не ступит в деревню. Она останется в лагере, занимаясь исследованиями в безопасности, на отвесной горе.

— Вы понимаете, что вы наделали? — закричала Кара. — Вы уничтожили прекрасную возможность.

— Нет, — ответил Большеглазый, склоняясь к ней и поднимая на возвышение. Он заглянул ей в глаза глубоко, словно читая мысли. — Другие Кары не придут. Ты последняя. — Он отступил, указывая на камень, сиявший в спинке трона.

Она моргнула, отмечая, как тот поглощает свет и отражает пламя зеркальной поверхностью.

— Наш Кс-ах сказал, где найти его, — пояснил он. — Мы забрались на крутую гору, после того как твои сестры улетели. Мы забрали его и принесли сюда. Для тебя. Для всех нас. — Он поднял с трона одежду. — Поверь в нас. Так будет лучше.

Она опять двигалась, ее взяли за руки. Затем отпустили. Она отклонилась, вцепившись в подлокотники, и взглянула на сверкающий камень. Это оказалась линза лазерного наведения из интеграционной

камеры базы — деталь, благодаря которой Альфа могла передавать работников и снаряжение на планету.

— Это лучший способ, — сказал Большеглазый. — Лучший способ сделать так, чтобы ты стала нашим последним воином.

— Но я искалечена.

— Мы тебя вылечим.

— Нет! Вы не понимаете! Здесь нужен кто-то, кто сможет связаться с... — ей снова не хватило слов местного языка. — Нужен кто-то, кто сможет разговаривать с моим Кс-ах, — она указала вверх. — Вы понимаете? Я должна...

— Не нужно, — сказал Большеглазый. — Теперь, когда твой Кс-ах не слышит твой голос, мы научим тебя разговаривать с нашим. Ты прозреешь. Сейчас ты слепа, не знаешь истины, но именно так ты сможешь понять, кто ты, зачем ты здесь, что должна сделать.

— Что я должна сделать? — она произнесла эти слова на своем языке, обдумывая ответ. Она должна вылечиться, набраться сил и вернуться в лагерь. Забрать оптический маркер из спинки трона и вернуть его в интеграционную камеру. Тогда кто-то придет ее заменить. А она наконец исчезнет.

Она наклонилась, изучая свое отражение в прямоугольных гранях маркера. На нее смотрели глаза множества Кар — несчетного множества. Она не могла забрать маркер прямо сейчас. Она должна вылечиться, прежде чем закончится заряд пробки и ее парализует боль.

Сзади что-то зашелестело, опускаясь, согревая ее. Одежда. Большеглазый застегнул ее, в то время как Кара откинулась в кресле. Сказители синхронно затянули песню, казавшуюся отрепетированной, даже несмотря на то, что она подробно описывала уничтожение гнезд на восточном побережье.

Кара посмотрела вверх, на задымленный потолок и отверстия, открытые приближающейся буре. Она не видела станцию, но станция висела над ней.

— Я исправлю это! — она четко произносила слова, чтобы Альфа могла увидеть ее сквозь дневной свет, сквозь дым и собирающиеся облака. — Я все исправлю.

Кара молилась своей находящейся на небесах копии, четко выговаривая слова, а вокруг звучала песнь о ее подвигах.

Перевел с английского
Алексей КОЛОСОВ

© Lawrence C. Connolly. The Others. 2009. Печатается с разрешения журнала
«The Magazine of Fantasy & Science Fiction».

А Л Е К С Е Й К А Л У Г И Н

НА ДЕСЯТЬ

Иллюстрация Евгения КАПУСТЯНСКОГО

МИНУТ ПОЗЖЕ

А все началось с того, что Семён Мясников потерял музыкальный меморик с подборкой любимых блюзов. И обнаружил это ровно за сорок три секунды до старта. Конечно, можно сказать: подумаешь, какое дело, музыкальный меморик! Даже не сказать, а воскликнуть. Да еще и всплеснуть при этом руками. Подумаешь, меморик с блюзами! Ставь код-преобразователь для развернутого сетевого подключения к «Гештальт Бэй» и скачивай любую музыку! Но дело-то в том, что на музмеморике, пропажу которого в самый неподходящий момент обнаружил Семён Мясников, была записана его собственная, тщательно, со вкусом и любовью подобранная коллекция блюзов первой половины двадцатого века. Причем не отреставрированные копии, похожие на бесценное, безалкогольное пиво, а оригиналы — с шипением и треском виниловых дисков. Вот так-то! Теперь, надо полагать, понятно, почему Семён, тяжело вздохнув, прервал предстартовый отсчет времени, натянул круглую широкополую шляпу, защелкнул на носу скобку кислородного обогатителя и отправился на поиски пропажи. Тем более, что он примерно представлял, где мог оставить музмеморик.

Семён открыл люк посадочного антиграва, и в лицо ему пахло влажной духотой и густой прелью первозданной чашобы северного континента Туэньи. Воздух был настолько насыщен влагой, что, казалось, им можно захлебнуться. Если бы Семён любил баню, то ему бы непременно пришлось в голову сравнить местный климат с парной. Ну, а так он представил себя личинкой экзотической бабочки, обреченной ждать часа своего перерождения в сыром, тесном коконе.

Семён ненавидел жару. Но он любил свою работу. А потому стоически мирился с неудобствами.

Мясников не стал выставлять трап — только время тратить, — а просто спрыгнул на траву. Трап — символ первопроходцев, совсем необязательный для тех, чьи имена не попадут не только в школьный учебник, но даже в астрономический справочник. Планету Туэнью открыл неизвестно кто, непонятно в каком году. Но сей факт, несомненно, заслуживает внимания. А вот то, что на ней побывал Семён Мясников, вряд ли кто когда-нибудь вспомнит.

Как вы говорите? Семён Мясников?.. Да кто он вообще такой, этот Мясников?

А, вот он! Стоит, по щиколотку провалившись во влажную, зыбкую почву Туэньи. Все потому, что не пожелал трапом воспользоваться.

Вытянув ноги из грязи, Семён потопал сквозь чащобу к тому месту, где час назад сидел на поваленном дереве, помахивая сачком, и слушал бессмертную классику.

Мэми Смит, Ма Рэйни, Бесси Смит, Джо Тернинг, Джимми Рашинг...

Какие люди! Что за времена!

Мясников шел, продираясь сквозь густые заросли хвойных деревьев, похожих на буйно разросшиеся кипарисы. Хорошо еще, что не колючие. Однако прикосновения прячущихся среди веток летающих медуз, прозрачных, скользких и почти не заметных для глаза, вызывали у Семёна омерзение. Зато набрать контейнер таких медуз не составило большого труда. Одно название, что летающие. На самом деле, раскинув края слизистой мантии, медуза Туэньи могла разве что с одного дерева на другое спланировать. Как белка-летяга. Семён ловил медуз большим сачком с частой капроновой сеткой — чтобы не повредить лишенные скелетов аморфные тела.

Временами Семёну приходилось нагибаться, чтобы пройти под мертвым деревом, которое так и не смогло упасть на землю из-за того, что сучья его плотно сплелись с густыми ветвями близстоящих деревьев. С оплетенных лианами стволов деревьев-зомби лохмами свисали поросли вездесущего рыжего лишайника да сочилась какая-то слизистая гадость, весьма неприятная на вид и пахнущая гвоздичным маслом. Стволы мертвых деревьев еще при жизни были полыми. Теперь же, прогнившие насквозь, они лишь внешне сохраняли целостность, но могли от одного прикосновения рассыпаться в труху. И тогда все, что находилось на стволе и внутри него — лишайник, слизь, мелкие противные жучки и большие полупрозрачные черви, — сыпалось на голову неуклюжего странника. С Мясниковым такое уже случалось. И он не желал повторения. Поэтому и натянул перед выходом шляпу с широкими, плотными полями. На всякий случай.

Вряд ли у кого из представителей весьма, надо сказать, богатой и разнообразной фауны Туэньи могла родиться идея напасть на человека. В первую очередь, потому что по всем параметрам человек должен казаться местным хищникам чем-то совершенно несъедобным. А раз так, то что толку на него охотиться?

Однако!

Некоторые представители туэньской фауны, такие, к примеру, как бараволги или трималаи, обладали немалыми размерами. И хотя,

подобно всем прочим обитателям мокрых туэньских джунглей, были лишены скелета, легко могли раздавить человека. Просто по неосторожности. Или в испуге шарахнувшись не в ту сторону. Одним словом, представляли собой определенный фактор риска.

Но куда более опасными были другие, более мелкие существа, как растопяты или шаробоки. Эти для защиты от хищников обзавелись стрекательными клетками. Трудно сказать, какую гамму ощущений испытывали плотоядные твари, пытавшиеся проглотить растопята или шаробок, но на открытых участках кожи после контакта с ними возникало стойкое жжение и появлялись волдыри, как при химическом ожоге или сильной аллергической реакции. В этом Семён, увы, имел возможность удостовериться на собственном опыте.

Шпагофоры — те так просто плевались кислотой в любого потенциального агрессора. Дихиноиды готовы были ошарашить противника электрическим разрядом. Псевдоплавы имели крайне нехорошую привычку растягиваться в блин толщиной в полмиллиметра и прилипать к тому, кто его напугал, да так, что не отодрать. Семён довольно быстро понял, чем опасны псевдоплавы, но три комбинезона ему таки пришлось выкинуть.

А что делать?

Еще были пыжички, замойчи, васадивандры, пелепелы, вордоглоты и, наконец, маленькие зелененькие комочки, каждый из которых гордо именовался панонтикус вельдерус экстеркорпус белый. Почему белый? Этого Мясликов не знал. Да, честно говоря, ему было без разницы: белый, зеленый или синий. Семёна беспокоило лишь то, что в процессе эволюции каждая из этих туэньских тварей выработала свой, зачастую весьма оригинальный способ борьбы за существование. И, как ни крути, с этим приходилось считаться.

Самыми безобидными обитателями джунглей Туэньи казались сликолы. Внешне они были похожи на бесформенные мучнистые комочки, размером примерно с два кулака. Даже странно, как это им удавалось выживать в лесной чаще, кишмя кишасей скользкими, ползающими, прыгающими и летающими тварями, только и думающими о том, как бы сожрать друг друга. Мясликову приходил в голову единственный возможный ответ на эту загадку инопланетной природы — сликолы на вкус были омерзительны. И все, кто хотя бы раз попробовал сликолов, больше не желал разнообразить ими свое меню.

А что, есть другие варианты?

Справедливо решив, что со сликолами никаких проблем не возникнет, Семён оставил их напоследок.

Да, тут, наверное, стоит сказать, чем занимался Семён Мясников. Если, конечно, вы сами еще не догадались.

Семён Мясников был экзозвероловом. Так официально именовалась его специальность в «Межпланетном реестре профессий, разрешенных, допустимых и одобренных». Сам же он предпочитал называть себя специалистом по отлову и доставке экзотических инопланетных животных. Именно это было написано на его визитке, украшенной голографическим изображением скалящейся муртазианской гривастой кошки. В уголок карточки был вклеен микрочип, управляющий голограммой, и, если во время переговоров звучало слово «нет», которое Семён крайне не любил, хищная кошка внезапно взрыкивала и кусала за палец того, в чьих руках находилась визитка. Человек, с которым вел переговоры Мясников, испуганно вскрикивал: «Черт!». Ну, или что-нибудь вроде того. При этом он непременно ронял карточку. Готовый к такому повороту событий, Семён первым поднимал визитку, а то и ловил ее на лету, и с тонкой, деликатной улыбкой вновь протягивал несговорчивому клиенту. Как правило, этот прием срабатывал — теперь Мясников слышал только «да» в ответ на любое свое предложение, не сильно выходящее за рамки разумного.

Бизнес, которым занимался Семён, был на сто десять процентов легален. Мясников поставлял животных не частным коллекционерам и даже не зоопаркам, а научным учреждениям, имеющим государственную лицензию. За последним Мясников следил особенно тщательно — проблемы ему были ни к чему. А между тем самые серьезные проблемы легко могли возникнуть у любого, кто не желал принимать во внимание существование многочисленных организаций и общественных объединений, строго и неусыпно следящих за соблюдением прав инопланетных животных.

Нет, Мясников тоже любил зверей. Без этого разве стал бы он заниматься своей работой? Но у него вызывал недоумение тот факт, что, чем безобразнее и опаснее для человека животное, с тем большим рвением бросались защищать его друзья дикой природы. Никогда не обращали внимания? Факт!

Мясников и сам готов был почесать за ушком маленького пушистого котенка. Но вот приласкать шейтарского саблезубого заурофаза у него желания почему-то не возникало.

Короче говоря, благодаря далеко не тщетным стараниям истовых любителей природы и блюстителей ее прав, экзобиологи оказались поставлены в жесточайшие, можно даже сказать, почти невыносимые условия. Зато Семён Мясников получил постоянную, хорошо оплачиваемую работу.

Как все это было увязано? Да очень просто!

Представьте себе ситуацию: открыта новая планета, на которой существует жизнь, но разум еще не зародился. А может быть, и вовсе не собирается зародиться. Но в принципе — может. Собственно, почему бы и нет? Поэтому защитники всего и вся тут же заявляют о недопустимости какого-либо вмешательства в эволюционный процесс на дикой планете. В то время как ученые, понятное дело, горят желанием заняться ее изучением.

Как поступить в такой ситуации?

Самое простое и очевидное решение конфликта — исследование планеты с помощью спутников и дистанционно управляемых зондов. Поначалу это срабатывает. Но в какой-то момент ученые начинают испытывать неодолимое, как зуд под лопаткой, желание потрогать все собственными руками. Вот тут-то и появлялся Мясников со своей визиткой.

Семён имел статус дипломированного зверолова. Что подразумевало умение извлекать биологические особи из среды их обитания, не причиняя ущерба ни первым, ни последней. Экзобиологи могли получить лицензию на отлов необходимых им животных в строго научных целях. И более того, они имели возможность оплатить услуги профессионала.

Мясников получал список требуемых животных с приложенными к нему фотографиями. Остальное было делом техники. В принципе, Семён мог поймать и доставить в нужное место — при наличии всех соответствующих документов, разумеется, — любое животное. Правда, с некоторыми приходилось помаяться. Проблемы, как правило, возникали со слишком большими или слишком маленькими особями. Первых непросто затащить на корабль, вторых легко потерять. Особенно запомнился Мясникову случай с динойским псевдоминотавром...

Впрочем, сейчас речь идет о тузньских сликолах.

Эту скользкую мелочь Семён ловил обыкновенным сачком для бабочек. Мясников нашел место, покрытое густыми травянистыми растениями, напоминающими хвощ и папоротник, неподалеку от ко-

торого, по всей видимости, находилось гнездо, или нора, сликолов. Достаточно было затаиться на несколько минут, чтобы один, а то и сразу два сликола начали шуркать в траве. Работа не простая, но нудная. При всей своей внешней неуклюжести сликолы были на удивление проворными. Стоило раз промахнуться, пытаюсь накрыть прыгающий мучнистый комок сачком, как он тотчас же исчезал. Будто в землю зарывался. Или становился невидимым. Несколько раз Семён был абсолютно уверен в том, что поймал сликола. Так нет же, сачок оказывался пуст!

На то, чтобы отловить две дюжины сликолов — именно столько было заказано, — ушло четыре с половиной часа. Музыкальное сопровождение не мешало, поскольку для такой охоты требовались лишь острое зрение и быстрая реакция.

Отправив наконец в контейнер двадцать четвертого сликола, Мясников положил музмеморик на заросший густым мхом ствол упавшего дерева — для того, чтобы как следует закрыть контейнер и включить систему долговременного стазиса, нужны две руки — да, видно, там и оставил. Больше негде.

Так оно и оказалось.

Поляну, где он ловил сликолов, Семён отыскал без труда. Музмеморик лежал во мху. Сдув налетевший с деревьев мелкий мусор, довольный Семён сунул в карман любимую коллекцию блюзов и повернул назад.

Однако по возвращении Мясникова ожидал неприятный сюрприз. Посадочного модуля на месте не оказалось.

Представляете?

Посадочный антиграв — это не музмеморик. И просто так потеться в траве он не способен. Даже если трава вокруг очень густая и высокая. Для того, чтобы посадочный модуль переместился в другое место, им должен кто-то управлять. У него ведь даже автопилота нет. Но на всей Туэнье, если верить отправившим его сюда знатокам, не было иного разумного существа, кроме самого Мясникова.

В растерянности Семён прошелся по поляне. Следы посадочных опор — на месте. А значит, можно исключить и без того чисто гипотетическую вероятность, что Семён ошибся местом.

Мясников посмотрел по сторонам. Потом глянул наверх. Никаких следов, указывающих на то, куда мог подеваться антиграв, обнаружить не удалось. Семён отошел к краю поляны, присел на корточки и задумался.

После не очень продолжительных раздумий Семён Мясников пришел к выводу: размышлять о том, куда мог деться посадочный модуль — все равно что пытаться представить, какой была Вселенная до Большого Взрыва, когда еще вообще ничего не было.

И тут на поляне появился сликол. Зверек, похожий на теннисный мяч-переросток, выскочил прямо перед ним и растерянно запрыгал на месте, подскакивая сантиметров на семьдесят вверх.

Маленькому зверьку, если он не сидит в своей норке, ни в коем случае нельзя терять бдительность. Сликол, видно, забыл это золотое правило. А может, зверек в самом раннем детстве лишился родителей, и некому было объяснить ему, как нужно себя вести, чтобы не попасть на обед хищнику. Или же он не слушал старших и всегда поступал наперекор. Словом, как бы там ни было, но выплывший на полянку следом за беспечным сликолом бараволг прихлопнул маленького зверька краем своей волочащейся по траве мантии.

Вот оно как в жизни бывает, подумал наблюдавший за этой короткой аллегорической сценкой Мясников. Прыгаешь, резвишься, воображаешь, что весь мир лежит у твоих ног. И вдруг — бац! — ничего понять не успел, а тебя уже сожрали.

Бараволг не стал долго задерживаться на месте злодеяния. Подобрал края мантии, хищник, негромко посापывая, удалился восвояси, оставив Семёна все в том же задумчивом, полумедитативном состоянии.

А, собственно, что еще оставалось Мясникову?

Без посадочного модуля у него не было ни малейшего шанса добраться до зависшего на орбите корабля. Еды он не захватил. А отправившие Семёна на Туэнью специалисты снабдили его самой полной информацией о представителях местной фауны, забыв указать лишь одно — насколько они съедобны. Хотя, наверное, это не имело никакого смысла. Местные зверушки одним своим внешним видом могли лишить желания попробовать их на вкус даже умирающего от голода дикаря. Однако без еды здоровый человек может протянуть довольно долго. Месяц, или около того. Воды же вокруг было предостаточно. Если выйти на открытую местность и там начать бегать по кругу и размахивать руками, то рано или поздно обязательно попадешь в поле зрения одного из орбитальных спутников. Информацию отправят в центр наблюдения, где, вполне возможно, ее не оставят без внимания. Если штатным психологам центра удастся верно истолковать странное поведение Мясникова,

на Туэнью снарядят спасательную экспедицию. И быть может, спасатели найдут Семёна еще подающим слабые признаки жизни. Если, конечно, поторопятся и не станут пить кофе на каждой пересадочной станции.

Интересно, как долго можно протянуть, питаясь корнями папоротника? Корни земного папоротника весьма питательны и даже неплохи на вкус. Так, может быть, и местный...

Мысль о преимуществах и недостатках папоротниковой диеты оборвалась, как прогнившая зубная нить, когда в нескольких шагах от Мясникова из травы выпрыгнул сликол. Семён не мог поклясться, что это был тот же самый сликол, которого на его глазах сожрал бараволг. Но он не сомневался — появился сликол точно в том самом месте, где исчез его предшественник. Семён все это время смотрел перед собой. Сликолы не могли перемещаться иначе как прыжками. Если бы это был другой сликол, Мясников непременно заметил бы его появление гораздо раньше.

Еще не понимая до конца, что происходит, движимый лишь инстинктом, подсказывающим, как нужно действовать, Мясников сорвал с головы шляпу и, прыгнув вперед, прихлопнул ею сликола. На этот раз он не мог ошибиться — шляпа точно накрыла зверька. Ладонью, прижимавшей тулью шляпы, Семён почувствовал толчок, когда пытавшийся вырваться сликол подпрыгнул в очередной раз.

И — все.

Семён надавил ладонью на мягкую тулью. Сначала осторожно, затем сильнее. Примяв ее до самой земли, Семён поднял шляпу.

Сликола под ней не оказалось.

Как ни странно, это почти не удивило Мясникова. Видимо, подсудно он ожидал чего-то подобного. Отряхнув шляпу, Семён положил ее на колени, сел поудобнее, посмотрел на часы и приготовился ждать. Торопиться ему было некуда.

В лесу никогда не бывает тихо. В джунглях — тем более. Со всех сторон доносятся звуки, похожие на стоны, вздохи, влажные, приглушенные хлопки. Лишенные голосового аппарата беспозвоночные обитатели Туэньи издают звуки с помощью различных частей тела. Вот стон корнет-горна, попавшего в руки варвара. Это похожий на сухопутного кальмара гиллепиус дисси гоняет воздух через свернутый трубкой внешний край мантии. Если он сделает это резко, то переместится, скользя по траве, на несколько метров вперед. Но тогда звук будет другой, более короткий и пронзительный. Сейчас же гил-

лепиус просто пел. Может быть, искал партнера для спаривания. А может, выражал таким образом свое отношение к окружающему миру. Помимо звуков, издаваемых животными, из джунглей постоянно доносилось громкое потрескивание и поскрипывание, временами переходящее в тяжелый, протяжный охающий звук. Это деревья стонали и кряхтели под тяжестью облепивших их паразитов, теряли обломившиеся ветки, а то и падали, не выдержав непосильной тяжести. Помимо всего прочего, сырые, промокшие насквозь джунгли были наполнены звуками текущей и капающей воды, чавкающей и чмокающей жидкой грязи и влажно шлепающей листвы.

Мясников сидел неподвижно, прислушиваясь к звукам леса, и неотрывно следил взглядом за тем местом, где таинственным образом пропал сликол. Настоящий профессионал знает, что на охоте главное не умение быстро и точно стрелять. Не физическая выносливость. И даже не знание повадок зверя, которого ты выслеживаешь. Умение ждать — вот без чего охотнику не обойтись. Для того чтобы добыть редкого зверя, порой приходится часами сидеть неподвижно, не моргая и даже почти не дыша. Нужно научиться становиться частью окружающего ландшафта. Превращаться в камень, вросший в землю. В полужасохший колючий куст. Птица должна садиться тебе на плечо, как на сук. Полевая мышь — без страха взбегать на колено, чтобы осмотреться и убедиться, что поблизости нет врагов.

Умение Семёна ждать было почти совершенным. И вскоре его терпение было вознаграждено. Точно в том месте, где исчез накрытый шляпой сликол, из травы выскочил другой.

Или тот же самый?

Долго не раздумывая, Семён и этого прихлопнул шляпой.

Пытаясь вырваться, сликол три-четыре раза дернулся под тульей. И исчез.

Семён посмотрел на часы. С момента первого исчезновения прошло чуть больше десяти минут.

Теперь Мясников был готов к тому, что должно произойти. И когда, спустя десять минут, сликол выпрыгнул из травы, Семён вновь накрыл его шляпой.

Как и следовало ожидать, убедившись в том, что выскочить из-под шляпы не удастся, сликол исчез.

Семён довольно улыбнулся, отряхнул шляпу и надел ее. Продолжать ловить сликола он не собирался. Ему и без того уже была ясна суть происходящего.

Прошло десять минут. Сликол показался из травы. Попрыгал на месте, словно дразня Семёна. И, убедившись в том, что Мясников не желает продолжать заведомо проигрышную игру, разочарованно покакал прочь. Должно быть, искать нового партнера для игр.

А Семён остался сидеть на краю поляны.

Он уже в который раз получил наглядный урок того, что природа неистощима на выдумки. Более того, порой она оказывается феноменально непредсказуемой. Она готова идти на любые хитрости для того, чтобы помочь выжить порожденным ею существам. Замечательные туэньские сликолы — маленькие, безобидные зверьки, питающиеся комочками мучнистой слизи, скапливающейся в основании черенков широких листьев деревьев с округлыми, бочкообразными стволами, — изобрели свой, весьма оригинальный способ противостоять вездесущим хищникам, пусть беспозвоночным, но от этого не менее опасным, чем любой другой голодный зверь. А заодно и прочим жизненным невзгодам. В случае опасности, когда ни спрятаться, ни убежать невозможно, сликолы совершают прыжок во времени. Всего на десять минут вперед. Но этого достаточно, чтобы сохранить себе жизнь. И кто знает, быть может, благодаря своему уникальному умению, когда-нибудь сликолы станут на Туэнье доминирующим видом.

Конечно, пока это была всего лишь гипотеза, призванная объяснить исчезновение посадочного антиграва. Но объяснение, надо сказать, получалось весьма красивым и в целом непротиворечивым.

Семён встал, чтобы уступить дорогу ползущему по своим делам садукаму, похожему на гигантского слизня, обросшего зеленоватой бахромой. Садукам был сухопутным китом туэньских джунглей. Он не спеша, можно даже сказать, лениво, с чувством собственного достоинства переползал с места на место, собирая всяческую мелкую живность, копошащуюся в травяной подстилке. Благодаря огромным размерам садукам не имел естественных врагов. Он полз вперед, не обращая внимания на препятствия, которые оказывались у него на пути. Слишком большие он обтекал, как морская волна оглаживает во время прилива прибрежные скалы; те, что поменьше, подминал под себя. Поэтому самое разумное — уйти с его пути. Так поступали все местные твари. Так поступил и Мясников. Глядя вслед неспешно удаляющемуся исполину, Семён только порадовался, что работодатели не заказали садукама. А может быть, выделенных на экспедицию денег не хватило. Как бы там ни было, Мясни-

ков облегченно вздыхал всякий раз, когда видел ползущего сквозь джунгли гиганта.

Отойдя в сторону от оставленной садукамом широкой слизистой полосы, источающей отнюдь не благовонный, резкий аммиачный запах, Семён присел на траву.

Итак, он поймал две дюжины сликолов. Как ему это удалось? По всей видимости, сликолы не сразу видели в его сачке опасность (тот зверек, которого он ловил шляпой, тоже сначала пытался вырваться). Оказавшись в стагис-контейнере, сликолы впадали в оцепенение. Позже, очнувшись непонятно где, сликолы пришли в ужас и все разом рванули в будущее. Прихватив с собой посадочный модуль вместе со всем его грузом. Если бы в этот момент Семён находился в антиграве, он, быть может, и не заметил бы ничего. Или не понял бы, что случилось.

Поскольку посадочный модуль все еще не появился, хотя Семён уже больше часа глазел на опустевшую поляну, оставалось сделать вывод, что, когда группа сликолов одновременно задействует свои феноменальные способности, эффект на выходе получается суммарный. И если один сликол способен прыгнуть на десять минут вперед, то две дюжины страшно напуганных зверьков могли утащить антиграв аж на четыре часа в будущее.

Мясников невольно улыбнулся, представив, как в бессильной ярости станут обгрызать ногти ученые, прознавшие о способности сликолов совершать прыжки во времени. Им ведь непременно захочется добраться до органа, который отвечает за это необыкновенное умение, и разобраться, как он функционирует. Но защитники природы никогда, ни за что, ни на каких условиях не позволят им даже кончиком скальпеля коснуться хотя бы одного из сликолов. Более того, они непременно начнут кампанию за то, чтобы объявить Туэнью закрытой планетой. Дабы уникальный местный эволюционный процесс не свернул бы вдруг не в то русло. Хотя какое именно русло «то», а какое — «это», никто, естественно, понятия не имел. Но тут уж речь пойдет не о понятиях, а о принципах.

Ждать появления антигравы — если, конечно, предположения и выводы, сделанные Мясниковым, соответствовали действительному положению дел — оставалось не так уж долго. Чуть более двух часов. У Семёна имелся музmemорик, значит, было чем заняться. И все бы ничего, да вот только надвигались сумерки. А ночь или даже поздний вечер в джунглях — не самое лучшее время суток. Осо-

бенно, если джунгли эти населены беспозвоночными, аморфными тварями, которые воспринимают окружающий мир, обходясь без органов зрения. Ночью гигантские слизняки ориентируются в своих мокрых джунглях ничуть не хуже, чем при свете дня. А вот Семён, не собиравшийся задерживаться на Туэнье до темноты, оставил свой никтоскоп в антиграве. И никакого оружия он с собой тоже не прихватил.

Семён прошелся по краю поляны. Отмахнулся от надоедливого зельюка, так и норовившего прилепиться ко лбу, сложил руки за спиной и озабоченно поцокал языком.

А почему, собственно, он решил, что сликолы перемещаются только в будущее? А вдруг они умеют совершать прыжки и в обратном направлении? Если так, то он рискует никогда больше не увидеть свой посадочный модуль — запертые в тесном ящике, перепуганные до смерти зверьки будут перебрасывать его то вперед, то назад во времени, пытаясь найти выход из ситуации, из которой выхода нет.

К тому же...

Семён даже присел, ошарашенный неожиданной мыслью. Почему он решил, что только сликолы обладают способностью перемещаться во времени? Что, если этот дар в результате эволюции приобрели все, ну, или почти все обитатели Туэньи? Если жертвы научились прятаться от своих врагов в будущем, то, значит, и хищники должны были освоить это искусство. Иначе бы они попросту вымерли от голода. Или сожрали бы друг друга. Однако как хищников, так и их потенциальных жертв на Туэнье предостаточно. Следовательно, они оказались не хитрее других.

Если дело обстояло именно так, ситуация грозила обернуться подлинным кошмаром. Где, в каком времени находится сейчас посадочный модуль, бесполезно было даже гадать. Можно было, не задумываясь, наугад ткнуть пальцем в любую приглянувшуюся точку времени, предполагая, что в данный момент антиграв оказался именно там. Ну и что? Даже если и так, в следующую секунду он мог появиться где угодно. Да и какой толк от всех этих логических выкладок был Семёну, если сам он находился здесь и сейчас? И, в отличие от местных беспозвоночных, отношения со временем у него складывались весьма определенные.

Как ни старался Мясников сосредоточиться на решении одной конкретной задачи, мысль его снова вильнула хвостом и свернула в сторону.

Вот же, право слово, забавно. Люди едва ли не на протяжении всей своей истории пытаются найти способ управлять временем. Или хотя бы понять, как можно рационально его использовать. Время — это то, чего никогда не бывает в достаточном количестве. Его то некуда девать, то катастрофически не хватает. Вот было бы здорово обращаться со временем, как, скажем, с солнечными батарейками — зарядил и, когда нужно, включил. А здесь, на Туэнье, прыгают себе, забот не зная, живые временные батарейки.

Почему именно сликолам досталось это чудо? А не человеку? Может, потому что человек уже наделен разумом? А разум в сочетании с умением использовать время по своему усмотрению может устроить такой вселенский катаклизм, что мало не покажется...

И не останется никого — ни людей, ни сликолов...

Так, может, оно и лучше, если люди никогда не узнают о необыкновенных способностях сликолов?

И что для этого нужно?

Всего-то организовать защитников природы, чтобы они бросили клич в защиту уникальной и неповторимой окружающей среды Туэньи, любой контакт с которой может привести к биологической катастрофе.

Эти защитники природы — ребята боевые. Им дай только повод побузить.

Мясников и сам готов был возглавить движение в защиту Туэньи. Вот только для этого ему требовалось сначала с нее выбраться.

По мере того, как сумерки сгущались, из глубин джунглей доносились все более зловещие звуки. И, что особенно неприятно, постепенно они приближались к поляне, на краю которой притаился Мясников. Все заметнее нервничая, Семён поглядывал то на небо, пока еще видневшееся в просветах между кронами высоких деревьев, то на поляну, где, по расчетам, ожидал появления угнанного антиграва.

Услыхав доносящийся сверху мерный хлюпающий звук, Семён ничком кинулся на траву. И вовремя — прямо над ним, влажно хлопая краями слизистой мантии, пронеслась гигантская псевдоманта. Должно быть, уловив каким-то из своих органов чувств движение, характерное для живого существа, псевдоманта низринулась с вершины одного из близлежащих деревьев, рассчитывая прихлопнуть жертву своим массивным телом. И хотя, разобравшись, что к чему, есть она его, скорее всего, не стала бы, но это слабое утешение для расплющенного Мясникова.

Пролетев над человеком, псевдоманта, как кусок сырого теста, шлепнулась посреди поляны. В сгустившихся сумерках Мясников все же мог разглядеть, как из середины ее аморфного туловища выдвинулись три упругих усика с цилиндрическими утолщениями на концах. Покрутив усиками по сторонам, псевдоманта оценила ситуацию. Недовольно хлюпнула. И поползла, опираясь на выпирающие из туловища псевдоподии, к ближайшим кустам. Должно быть, для того, чтобы снова забраться на дерево и продолжить охоту.

Знать бы еще, как она выслеживает добычу? Какие органы чувств при этом задействует? Тогда можно было бы придумать, как лучше спрятаться.

Незаметно для себя самого Мясников уже почти смирился с мыслью о том, что ему придется провести ночь в джунглях. А потом, скажем, к утру, он, конечно же, смирится и с необходимостью искать что-нибудь пригодное в пищу. По возможности, то, что можно употреблять в сыром виде. Ничего для разведения огня у Мясникова при себе не было. И он сильно сомневался в том, что ему удастся добыть огонь одним из дедовских способов — ударяя камень о камень или быстро вращая в ладонях небольшую палочку. Увы, современный человек не приспособлен для жизни в диких условиях. Для того, чтобы просто остаться живым, ему нужно иметь массу всевозможных вещей, устройств и приспособлений. У Семёна при себе был только музmemорик с любовно подобранной коллекцией блюзов начала двадцатого века. В оригинальном, неремастированном звучании. Но кому, спрашивается, это сейчас нужно? Мясников собственноручно готов был запустить музmemорик в кусты в обмен на то, чтобы снова увидеть на поляне свой антиграв. С багажным отсеком, забитым стазис-контейнерами с туэньской живностью. Он даже не против выпустить всех этих беспозвоночных в их естественную среду обитания. Пускай себе плодятся и размножаются.

Семён хотел вернуться домой.

Ну, и все... В общем... В данный момент...

Сейчас он готов был махнуть рукой даже на то, что неустойку за невыполненный контракт не покроет продажа корабля — единственная собственность, которой владел Мясников. В жизни каждого человека бывают такие моменты, когда он не думает о будущем. И при этом решительно рвет с прошлым. Хотя потом об этом, скорее всего, сильно пожалеет.

Сейчас Мясников думал о том, что, если ему удастся дожить до утра, то он почти наверняка смирится с потерей антиграва. И начнет свою робинзонаду. Естественно, с мыслью о том, как бы обустроить Туэнью. Человек ведь считает себя венцом творения, а потому не имеет привычки приспосабливаться к условиям окружающей среды, предпочитая, чтобы внешнее пространство перестраивалось в соответствии с его потребностями. В условиях современного мегаполиса это было возможно. И даже, скорее всего, разумно. В условиях дикой природы грозило гибелью. Однако к идее о полной безнадежности и бесперспективности подобного отношения к жизни нужно было еще прийти. И никто не обещал, что путь этот окажется коротким.

Семён ощущал себя зверем, запертым в клетке. Заранее он уже прикидывал, с какими трудностями и лишениями ему придется смириться. Он даже мысленно составлял список, с чем смириться будет относительно легко, а с чем — непросто. Например, Мясников даже и не подумает сокрушаться по поводу одновременного исчезновения всех средств массовой информации. А вот рисовой лапши, маринованного имбиря и самого обыкновенного майонеза ему будет здорово не доставать. Особенно первое время.

Семён в очередной раз посмотрел на часы, грустно вздохнул и искренне пожалел о том, что он не сликол. Обладая Мясников теми же экстраординарными способностями, что и эти маленькие мучнистые комочки, он бы перенесся на четыре часа вперед. К тому моменту, когда короткую туэньскую ночь сменит чуть более длинный инопланетный день.

День, в отличие от ночи, несет с собой новую надежду. День — для созидания и труда. Для радости и веселья. Для того, чтобы заняться поисками пищи, в конце концов. Семён, хотя уже часа полтора, как начал ощущать голодные спазмы в животе, не собирался отправляться на поиски пропитания на ночь глядя. День на диете еще никого не убил. За исключением тех, кто натошак решил ночью в лесу прогуляться.

Поскольку спать Мясников не хотел, да и опасное это было занятие, самое время снова все обдумать и разобраться, как же такое могло случиться? Ведь не первая же это была экспедиция для Семёна. Далеко не первая. С какими только тварями не приходилось иметь дело. Казалось бы, пора уже было привыкнуть к тому, что порой они выкидывают такие коленца, от которых и черту бы тошно стало. Вот, помнится, был случай...

Правда, следует признать, прежде посадочный модуль у Семёна не угоняли.

Мысли приходили в голову, сменяя одна другую. Идеи спасения вспыхивали, как праздничные фейерверки, и тут же гасли. Жалость к самому себе переплеталась с гордостью за умение сохранять спокойствие и здравый рассудок в любой ситуации. Мозг то ссыхался в вишневую косточку, то разрастался, как раковая опухоль, повсюду пуская метастазы...

Рак — вот что такое разум, понял Семён. Именно он заставляет человека мечтать о несбыточном и придумывать такое, что вообще не должно бы приходиться в голову. Человек не властен над временем, потому что он слишком для этого умен. Он знает, сколько будет дважды два. Знает, сколько электронов в атоме водорода. Знает, что случится, если случайно провалишься в черную дыру. Знает, что сколько бы обезьян ни получило доступ в интернет, они не смогут путем случайного перебора клавиш воссоздать хотя бы строчку из «Гамлета». Вопрос — а зачем ему все это знать? Не лучше ли стать хозяином времени, как маленький комочек протоплазмы с Туэньи? Ведь получив в свое распоряжение время, можно обрести вечность. И не вечный покой, а вечный восторг. Вечную радость бытия.

Стоила ли вечная жизнь того, чтобы отказаться ради нее от разума?

Все перемешалось в голове у Мясникова: вопросы и ответы, плюсы и минусы, доводы и опровержения, решения и последствия, правда, вымысел, иллюзия, реальность, бред... Да, собственно, кому какая разница! Соображения сиюминутной выгоды оборачиваются высшими идеалами в условиях, когда нет ни прошлого, ни будущего. Все плохое заканчивается, не успев начаться. А приятное длится вечно. Как сон. Как мечта о вечной жизни...

Семён уже забыл, какова была отправная точка его логических построений. Но вывод, к которому он постепенно подбирался, был очевиден. Настолько, что Семён в один миг забыл о нем, едва только на укрытой густыми фиолетовыми сумерками поляне материализовался исчезнувший посадочный модуль.

Сорвавшись с места, Семён подбежал к открытому люку и, ухватившись рукой за скобу, запрыгнул в антиграв.

Хлоп! — ладонь припечатала клавишу аварийной блокировки люка.

Только после того, как упавшая сверху плита отделила пространство внутри антиграва от диких, первозданных джунглей Туэ-ньи, Мясников почувствовал нервную дрожь, словно сильный озноб, сотрясавшую его изнутри. Это была запоздалая реакция на смертельную опасность, которой ему, по счастью, удалось избежать.

Все хорошо, мысленно принялся внушать себе Мясников. Все уже закончилось. Все позади.

Семён подошел к пульту управления и опустился в кресло пилота.

В посадочном модуле кресло было не такое мягкое и просторное, как на корабле. Собственно, это было не кресло даже, а стул на вращающейся ножке, высокий и неудобный. Но Мясников умел мириться с временными неудобствами. Вернее, он предпочитал их не замечать. Быстро набрав код доступа, Семён включил предстартовый отсчет времени.

Забыв о прошлом, Мясников уже строил планы на будущее. У него на борту находились животные, обладающие способностью перемещаться во времени. И самое главное, кроме него, никто об этом не знал. А сам Семён пока еще не придумал, как лучше распорядиться этим чудом. Но у него еще будет время, чтобы не спеша как следует все обдумать.

Включился двигатель антигравитационной тяги. Посадочный модуль оторвался от земли и стал медленно подниматься вверх.

На край поляны выбрался бараволг. Прыгая, будто наперегонки, к нему подскочила пара сликолов. Казалось, существа наблюдают за тем, как аппарат странной конструкции и непонятого назначения покидает их планету.

Поднявшись чуть выше макушек деревьев, антиграв на мгновение завис в одной точке. И вновь исчез. На этот раз вместе с Мясниковым.

— Что это было? — спросил один из сликолов.

— Кто его знает, — задумчиво изрек бараволг.

— Поиграем? — спросил другой сликол.

— Конечно.

И все трое разом, как в реку, нырнули в поток времени.

Д Ж О Р Д Ж Л О К К Х А Р Д

РАЙСКИЕ

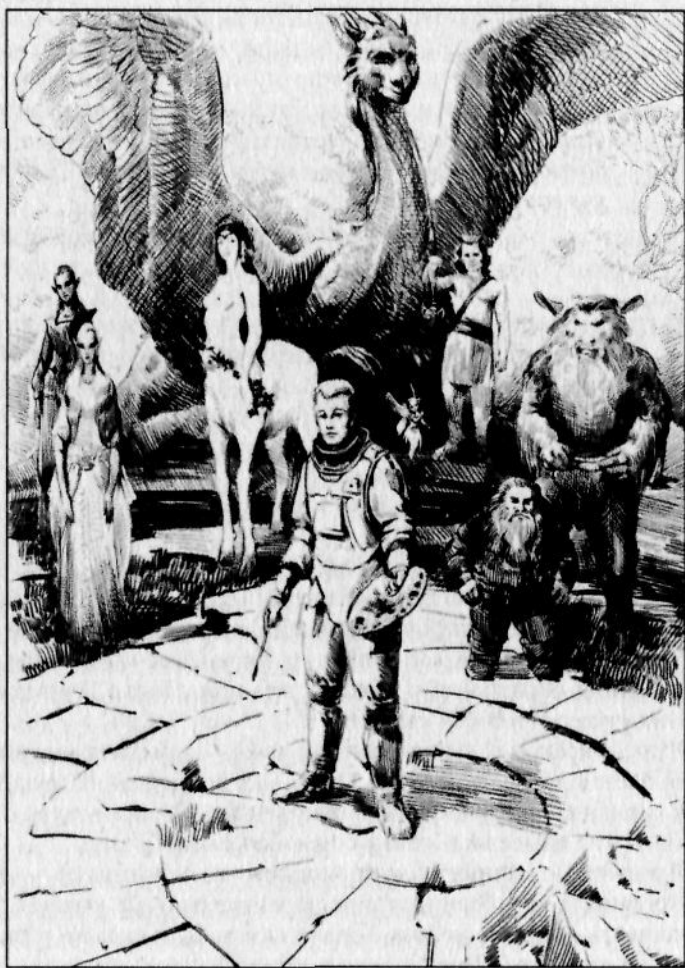

Иллюстрация Владимира БОНДАРЯ

ПТИЦЫ

Я учу вас о сверхчеловеке. Человек есть нечто, что должно превзойти. Что сделали вы, чтобы превзойти его? Все существа до сих пор создавали что-нибудь выше себя; а вы хотите разорвать эту великую цепь и скорее вернуться к состоянию зверя, чем превзойти человека? Что есть обезьяна для человека? Посмешище или мучительный позор. И тем же самым должен быть человек для сверхчеловека: посмешищем или мучительным позором. Вы совершили путь от червя к человеку, но многое в вас еще осталось от червя. Некогда были вы обезьяной, и даже теперь в вас больше от обезьяны, чем в любой из обезьян... Смотрите, я учу вас о сверхчеловеке!

Фридрих Ницше. «Так говорил Заратустра».

Глава 1

Что вы знаете о драконах? — с легкой иронией спросила Ичивака, не отвлекаясь от созерцания себя в большом зеркале. Ее искрящиеся, цвета морской волны волосы струились по плечам, изгиб бровей был совершенен, точеное лицо и огромные, слегка вытянутые глаза довершали портрет редкой даже по местным меркам красавицы.

«Безумие, — промелькнуло в разуме Огрин. — О чем я думаю?!»

— М-м-м... — он напряг волю, сопротивляясь чарам. — Драконы, драконы... Большие летучие ящерицы, если не ошибаюсь?

Ичивака метнула в его сторону такой взгляд, что на мгновение Огрин почти физически ощутил жар. Впрочем, сиреневые глаза островитянки тут же вновь обратились к зеркалу; оно привлекало Ичиваку больше других «чудес» на борту корабля.

— Итак, о драконах вы не знаете ничего, — заметила девушка,правляя цветок лотоса в волосах. Он да еще лежавшая на груди живописная гирлянда из разноцветных листьев составляли всю ее одежду, и это ничуть не помогало Огрину сохранять спокойствие.

— Простите, а... О них следует знать что-то особенное? — капитан вынул из пенала карандаш и принялся аккуратно, не поднимая глаз, его затачивать. Черт бы побрал Хельгу, могла бы и сказать гостье, что у землян не принято... Так...

— Вам трудно со мной? — голос Ичиваки внезапно прозвучал над самым ухом, и Огрин подскочил от неожиданности. Как ей удастся передвигаться столь бесшумно?!

— Мне? Нет, что вы, все хорошо! — капитан разом вспотел. — Я, э-э-э... Просто вымотался на работе. Нервная работа, много вопросов...

— Ваш запах говорит о другом, — с легкой улыбкой заметила девушка. Огрин содрогнулся.

— Запах?

— Я другая, не забывайте, — Ичивака провела рукой по волосам. Казалось, следом за ее пальцами бегут волны искрящегося света. — Тиэррай до сих пор правит вами. Это плохо.

— Тиэррай? — растерянно переспросил Огрин. Девушка улыбнулась.

— Слово трудно перевести. У вас нет... похожего. Можно лишь объяснить, — Ичивака опустила на ковер. — Тиэррай, это когда облик заслоняет содержимое. Вы смотрите на меня, и в вас поднимается мужское желание, поскольку я напоминаю ваших женщин. Но это самообман, и вы должны с ним бороться, иначе... — девушка покачала головой, — вам будет очень трудно и опасно в нашем мире.

Огрин почувствовал, как краснеет, будто мальчишка. Чтобы скрыть смущение, он рывком поднялся из-за стола и подошел к иллюминатору.

— Простите, — сказал он после паузы. — Мы... летели много лет, и...

— Это тиэррай, — мягко ответила Ичивака. — Вы по-прежнему думаете обо мне, как о женщине, но я другая.

Она поднялась с ковра и на сей раз позволила Огрину расслышать тонкий перестук копыт. Когда она подошла, человек ощутил волну влажного тепла от ее тела.

— Вам придется одолеть тиэррай, — шепнула девушка. Шерсть на ее конской половине отливала тем же сказочным перламутром, что и волосы, в хвост были вплетены жемчужные нити. Ичивака была фантастически красива.

— Тиэррай, — с натугой повторил капитан.

Девушка глубоко вздохнула.

— Я не могу обещать вам встречу с драконами, пока тиэррай столь силен. Это опасно и для вас, и для них.

Огрин несколько секунд осмысливал сказанное.

— Встречу с драконами? — переспросил он недоверчиво. — Здесь есть драконы? Настоящие?! Те самые... ящеры с крыльями?!

Ичивака ответила не сразу.

— Вам следует больше узнать о драконах, — сказала она наконец. — В вашем... корабле есть хранилище знаний. Обратитесь к нему. Когда мы встретимся в следующий раз, вы должны знать хоть что-то.

Тихий перестук копыт слышался уже где-то у выхода. Огрин сглотнул.

— Пойдите! — он обернулся и заставил себя спокойно взглянуть на феерическое существо. — Вы так и не объяснили, зачем нам свидание с драконами.

Ичивака загадочно улыбнулась.

— Когда мы встретимся в следующий раз, — повторила она негромко, — вы уже будете знать ответ.

Кентаврица ушла, и в каюте словно потемнело. Некоторое время Огрин молча стоял у иллюминатора, заново переживая странную беседу. Да-а, скажи ему кто всего месяц назад, что в результате самого рискованного и героического путешествия, когда-либо предпринятого людьми, он будет, как подросток, глазеть на обнаженную девушку, которая к тому же наполовину лошадь?! Огрин содрогнулся. Его практичный, цепкий ум до сих пор отчаянно сопротивлялся, запрещая разуму верить глазам, беззвучно крича — «невозможно!». Но в этом мире возможно было все.

Взгляд Огрин случайно скользнул по старомодной книжной полке у двери и задержался на пурпурном корешке с золотым тиснением. Помолчав, капитан с силой потер подбородок.

— Хельга, Яускас, Бьорн, зайдите ко мне, — негромко произнес он, дотронувшись до сенсора терминала. Книга жгла ему глаза. Неужели случайность?.. Именно эта книга. Именно здесь.

Повинуясь внезапному импульсу, Огрин подошел к полке и взял «Марсианские хроники». Интересно, живут ли тут эльфы? Смуглые и золотоглазые?

Его передернуло. Впору уж думать, что корабль погиб где-то в космосе, а невозможное вокруг... Но Огрин был слишком упрям, чтобы принять подобное. Его сжигала потребность найти рациональное, логичное объяснение всему, что происходит. И рано или поздно он найдет. У всего есть причины. У всего есть смысл. Даже у обнаженных четвероногих красавиц с жемчужными нитями на хвосте...

— Друзья, — сказал он, когда офицеры собрались. — Надо принять решение.

Космонавты расселись по креслам. Некоторое время царила тишина, начать разговор никто не решался: Ичиваку видел не только капитан. Ее странный, неуловимый аромат до сих пор сохранялся в каюте.

— Яускас, — Огрин наконец собрался с мыслями. — Вы биолог. Вы

больше любого из нас знаете о законах развития жизни. У вас есть теории?

Невысокий, полноватый, с окладистой черной бородой и давно нечесанной гривой таких же волос, всегда энергичный и веселый Яускас сегодня казался необычно тихим.

— Чтобы ответить на ваш вопрос, не нужно быть биологом, — он развел руками. — Вы ведь и сами все понимаете, капитан.

— Нет, не понимаю, — возразил Огрин. — Я только вижу, но не понимаю. Вижу кентавров, фей, гномов...

— Беккер клянется, что встретил в лесу единорога, — вставил Бьорн. — Говорит, был слишком потрясен, чтобы сфотографировать.

— Сегодня Ичивака обещала познакомить меня с драконами, — тяжело произнес капитан. — Яускас, я не спрашиваю, каким образом на только что открытой планете может существовать гибрид земной девушки и земной лошади. Я готов верить, что подобное существо возможно и даже возникло здесь самостоятельно, в процессе эволюции. Но я не могу, не имею права верить, что в семи парсеках от Земли, на совершенно чужой планете случайно появилась точная копия нашей, человеческой мифологии.

— Древнегреческой, — уточнила Хельга, сухая, всегда подтянутая и прямая как палка глава медицинской службы. — И скажите за это спасибо. Если б мы угодили в скандинавскую мифологию или в мир духов майя... — она свирепо улыбнулась и резким, отрывистым движением чиркнула ладонью поперек горла.

Яускас опустил голову, сцепил руки на пухлом животе.

— Я много размышлял, — признался он. — Меня даже посетила страшная мысль, что, быть может, мы не долетели до цели...

— Эта мысль посещала всех нас, — резко оборвал Огрин. — Проверить ее невозможно, и мы должны исходить из теории, что живы и видим то, что видим.

— Тогда будем логичны до конца, — серьезно ответил биолог. — Самое простое объяснение — все, окружающее нас, взято из нашего же воображения и каким-то образом материализовано. Увы, это невероятно, поскольку в таком случае местные жители общались бы на одном из языков Земли.

— Согласен, — кивнул Бьорн. — Кроме того, мы видели животных, которые на Земле ни в одном мифе не встречаются. Да и в остальном множество расхождений...

— Именно, — Яускас развел руками. — Я взял у Ичиваки немного

крови на анализ. Она действительно кентаврица, самая настоящая, и ее генотип просто поразителен! Создать подобное на основе наших фантазий... нереально. Немыслимо. В ее геноме есть следы избыточных пар, остатки рецессивных мутаций, подозреваю — там встретятся и скрытые дефекты, способные проявиться как болезнь. Это однозначно говорит о естественном, эволюционном развитии.

— Яускас, — Огрин подался вперед. — Я верю, что кентавры могли развиться на этой планете самостоятельно.

— Не могли, — резко ответил биолог. — Значительная часть хромосом Ичиваки полностью идентична нашим. Подобное совершенно невозможно, Огрин. Вы просто не понимаете, о каких мизерных шансах идет речь. Совпадение даже одной хромосомы у двух видов, возникших на разных планетах, — событие такое же вероятное, как, скажем, случайное превращение Луны в головку сыра!

Яускас оглядел собравшихся.

— Как ученый, я заявляю с полной ответственностью: жизнь и на Дуагее, и на Земле возникла в одном и том же месте, прошла одну и ту же эволюцию и до сих пор практически идентична. Дуагея не просто обитаемая планета; это, если хотите, альтернативная версия Земли. Вплоть до субмолекулярного уровня.

Огрин с силой потер подбородок.

— Ясно, — вздохнул он. — Что ж, принимаем гипотезу Яускаса за базовую. Мы попали на Землю, только в другой реальности.

— Отнюдь, — возразил Бьорн. — Я понимаю чувства коллеги, но как физик заявляю с не меньшей ответственностью: Дуагея — не Земля. Здесь даже гравитация отличается, не говоря уж о химическом составе коры и атмосферы. А очертания материков? Спектр звезды? Наконец, если это Земля, то где Луна?

— Без Луны жизнь никогда не покинула бы океаны, — вставил Яускас. — Попробуйте-ка это объяснить!

Капитан стиснул зубы.

— Я лишь пытаюсь понять. Не сойти с ума.

— Как и все мы, Огрин, — заметила Хельга.

Они помолчали.

— В общем, так, — сказал наконец капитан. — Мы на чужой планете. Обитаемой. С разумной жизнью. Точка. Нам придется забыть о сходстве местных жителей с существами из наших мифов. Это просто совпадение. Точка. Отныне и впредь действуем только по инструкции. К счастью, нас готовили к первому контакту и готовили основательно, не правда ли?

— Будь я проклят, если готовился к такому, — пробурчал Бьорн. Огрин метнул в его сторону свирепый взгляд.

— Осьминоги, муравьи или бесплотные шары плазмы в качестве разумных обитателей понравились бы вам больше?

— Да, — жестко ответил физик. — Их можно понять и изучить. А как прикажете воспринимать светящуюся крылатую девушку размером с пачку сигарет? Выходит, в объем не больше наперстка можно вместить такой же мозг, как у меня? При полете местные феи за час расходуют гораздо больше энергии, чем содержится в тонне нектара! Я не разбираюсь в генетике, но хорошо знаком с законами физики!

Хельга фыркнула.

— Магия, дорогой Бьорн, законам физики не подчиняется...

— Хватит! — Огрин обрушил ладонь на стол. — Мы должны принять решение! Как я уже сказал, отныне действуем только по инструкции. Это приказ. Удаляться от корабля за пределы прямой видимости, даже группами, — запрещено. Самостоятельно вступать в контакт с аборигенами — запрещено. Носить любое оружие, кроме парализующего, — запрещено! Советую перечитать разделы устава, посвященные контакту с разумной жизнью.

Он встал на ноги.

— Каждый из вас должен провести совещание с членами своего отдела и передать новые директивы. Впредь, пока обстановка не станет более понятной, я ввожу на борту состояние тревоги шестого класса. Яускас, вы назначаетесь ответственным за все контакты с аборигенами; соберите группу из пяти-шести специалистов и подготовьте их.

— Почему я?! — всполошился биолог.

— Потому что вы ученый и привыкли видеть за обликом суть, — спокойно ответил капитан. — Вам будет нетрудно одолеть тизэррай.

Глава 2

От раскаленной на солнце обшивки тянуло жаром. Звездолет стоял у самой кромки могучего леса, на высоком берегу, резко обрывавшемся в океан, который простирался вдаль насколько хватало глаз. Предварительная съемка с орбиты показала: остров, где Огрин решил совершить посадку, почти необитаем, и риск повредить деревни аборигенов здесь минимален. Никто не ожидал, что местные жители почти мгновенно обнаружат гостей.

Огрин стоял в десяти метрах от корабля, среди деревьев, вдыхал запах свежей травы и чувствовал — всей душой, — что он дома, на Земле. Сходство было поразительным. Буквально в каждой еловой иголке,

в каждой травинке узнавались родные формы. Яускас прав, смешно полагать, что это случайность.

Чем глубже люди изучали планету, тем яснее понимали: Дуагея была раем. Досконально проработанной, выверенной в мелочах утопией, способной подарить столетия счастливой, интересной и при этом безопасной жизни любому своему обитателю. Утопией настолько идеальной, что все подсознательно ощущали ее неестественность.

«Что же мы за существа такие?» — думал капитан, стоя по колено в изумрудной траве. — «Вот он, рай — мечта во плоти! Чего же нам неймется, почему не верим?»

— Наверное, память мешает, — очень серьезно ответил молодой женский голос сзади.

Капитан не вздрогнул; опасных встреч в этом мире не ожидалось. Спокойно обернувшись, он с силой втянул воздух, чувствуя, как сердце начинает судорожно колотиться. В паре шагов от человека, в тени разлапистой ели, на траве лежал дракон.

Он вовсе не казался огромным — скорее, изящным. Обычно, думая о драконах, каждый мысленно представляет некоего «зверя», но это существо сразу вызывало мысли о птицах. Грაციозный и хрупкий на вид, начисто лишенный массивности, присущей крупным животным, лазурно-белый дракон чем-то напоминал лебедя.

Его чешуя поражала; белые и лазурные чешуйки образовывали сложные узоры, бежали двумя сверкающими полосами вдоль шеи, растекаясь по груди, будто поток ртути, переплетаясь на боках, за крыльями, до самого хвоста. Лазурные чешуйки отражали свет, как маленькие зеркальца, а белые совсем не блестели, в результате узор чешуи создавал фантастическое впечатление, будто совершенно белый дракон облачился в зеркальную облегающую кольчугу из полированного металла. Самой удивительной во внешности крылатого создания была грива — гладкая, длинная, перламутровая, цвета слоновой кости, очень похожая на волшебные волосы Ичиваки. Кроме того, волосы тянулись еще и вдоль задней стороны лап, словно бахрома, и тонкой лазурной полоской ниспадали по шее, от подбородка до груди, где разветвлялись, повторяя узор чешуи.

Огрин с трудом взял себя в руки и перевел дыхание. Дракон — или драконица, если, конечно, голос мог что-то значить — молча ждал, пока пораженный человек его разглядывал.

— 3-з... здравствуйте, — сумел наконец выдать капитан. — Я Огрин, предводитель... пришельцев. Мы гости вашего мира... — он запнулся, — но вы, наверное, уже знаете?

— Знаю, — отозвался дракон. В его янтарных глазах на миг скользнула веселая искорка. — Вы хотите узнать мое имя. Его трудно произнести; наша гортань крупнее, диапазон значительно смещен в сторону инфразвука.

От неожиданности Огрин моргнул.

— Инфразвук? — он облизнул губы.

— Да, вы удивлены, — дракон прищурил глаза и легонько наклонил голову. — Не делайте поспешных выводов. Сейчас я говорю на языке землян, поэтому вынуждена пользоваться вашими терминами. А знание принципов, на которых зиждется природа, вовсе не достаточное условие для всех тех предположений о драконах, которые вы сейчас строите.

Огрин помолчал, обдумывая слова крылатой.

— Встреча с вами стала большой неожиданностью для меня, — сказал он после длительной паузы. — Ведь о существовании драконов нам стало известно лишь этим утром. Я рад и... восхищен встречей. Надеюсь, посадка корабля никому не доставила трудностей.

Драконица грациозно изогнула шею, бросив на человека задумчивый взгляд свысока.

— Вы считаете меня красивой, — протянула она. — И это не тиэррай. Ваше понимание красоты не привязано лишь к привычным образам. Меня информировали неверно.

Огрин лихорадочно соображал.

— Вы читаете мысли?

— Нет, — в голосе драконессы прозвучало веселье. — Я читаю вас. Она легонько приподняла края чешуйчатых губ.

— Никакой магии, просто комплексная обработка данных. Внешность, запах, движения, реакция зрачков, подсознательные сокращения лицевых мышц, распределение крови по капиллярам, биоритмы мозга и многое, многое другое.

Огрин помолчал.

— Ясно. Да, я считаю вас сказочно красивой, однако образы, из которых складывается ваш облик, каждый по отдельности, они знакомы людям с детства. Вы грациозны как юная пантера, изящны как лебедь, прекрасны как райская птица... Галерею сравнений можно продолжать долго.

— Ассоциативное восприятие? — уточнила драконица. — Вы мысленно разлагаете незнакомый объект на знакомые составляющие, и если большинство из них отвечает вашим критериям красоты...

— ...мы видим красоту, — закончил Огрин.

Драконница опустила одно из крыльев и провела им по траве. Капитан восхищенно вздохнул: по лазурной прозрачной перепонке неуловимой вязью скользнула целая россыпь искр.

— Интересно, — задумчиво произнесла крылатая. — Предположим, я выглядела бы так же, как сейчас, но издавала бы ужасный, бесконечно противный человеческому обонянию запах. Как действовал бы типичный человек?

Огрин улыбнулся.

— Вероятно, он восхищался бы вами издали, горько сожалея, что столь совершенное создание обладает таким недостатком.

— Недостатком? — драконница прищурила один глаз. — А если запах требуется драконам, чтобы идентифицировать особь в крупной колонии, помогает детям не теряться, привлекает партнеров в период спаривания и в целом играет важную роль в нашей жизни?

— Вы спросили, как поступил бы типичный человек, — заметил Огрин.

— Это и в самом деле типично?

Капитан вздохнул.

— Я хотел бы сказать «нет»...

— ...но предпочитаете неприятную правду сладкой лжи, — закончила крылатая. — Умный поступок. При любой интерпретации ваших мотивов он характеризует вас как более развитое существо, по сравнению с типичным человеком, и делает привлекательнее для контакта.

Она привстала на левой лапе, приложив правую к груди.

— Можете звать меня Тау. Я женского рода, как вы и предполагаете.

Огрин вежливо склонил голову, размышляя, достаточно ли драконы изучили землян, чтобы понять этот жест.

— Я счастлив познакомиться с вами, Тау.

Драконница вновь улеглась в траву и сложила крылья на спине сверкающим покрывалом.

— Ваше появление удивило нас, — сказала она негромко. — Мы не ждали гостей с Земли в этом тысячелетии.

Огрин чуть не поперхнулся.

— Вам... — он сглотнул и начал снова: — Вам... известно о Земле?

Тау прищурила глаза.

— Прежде чем выходить из корабля без скафандра, вы, несомненно, тщательно изучили нашу биосферу. Неужели ваши ученые верят,

что на двух планетах может самостоятельно возникнуть фактически одинаковая жизнь?

Потрясенный капитан молча смотрел на крылатое существо. Долго смотрел.

— Ваши слова объясняют сразу все загадки этого мира, — сказал наконец Огрин. От волнения его голос прозвучал хрипло. Драконица слегка приоткрыла пасть и вновь растянула тонкие чешуйчатые губы в весьма точном подобии улыбки.

— Я бы не делала столь поспешных выводов, — заметила она весело. — Ведь вы даже не знаете, где жизнь зародилась раньше — здесь или на Земле.

— Так здесь или на Земле? — спросил Огрин.

— У вас есть вся информация, чтобы догадаться, — спокойно ответила Тау.

Повисла тишина.

— Луна, — внезапно сказал капитан. — Дуагея лишена спутников. Жизнь здесь никогда не покинула бы океаны самостоятельно.

Драконица легонько склонила голову набок.

— Быстро.

— Так я прав? — от волнения Огрин с трудом дышал. — Вы земляне?

Тау задумчиво перебрала когтистыми пальцами.

— Сложности с развитием сухопутной жизни на Дуагее вовсе не означают, что жизнь была доставлена сюда с Земли... Но в некотором смысле — да, вы правы.

— Как давно? — капитан невольно шагнул вперед. — Кто и когда заселил Дуагею? Они... тоже были землянами?

— Оставьте хоть парочку вопросов для наших следующих бесед, — весело отозвалась Тау.

Огрин перевел дыхание.

— Кто перенес сюда драконов? — тихо спросил он. — Я чувствую в вас огромный интеллект и поразительное знание. Это не вяжется с уровнем развития местного общества, вы словно с другой планеты.

— А если так и есть? — серьезно спросила драконица.

— Нет. Будь вы пришельцами, вы не смогли бы интегрироваться в земную биосферу.

Тау улыбнулась.

— Смелое заявление для представителя расы, до сих пор не вступившей в контакт ни с одним разумным видом за пределами родной

планеты. А что, если драконы способны гибко приспосабливаться к любым условиям? Что, если наша наука умеет легко изменять тела, геном, обмен веществ и биохимию? У вас слишком мало информации, Огрин, и чересчур буйная фантазия. — Она прищурила яркие глаза. — Вы ведь даже не спросили, дракон ли я.

— Но... — удивленный человек шагнул назад.

— Что? — улыбнулась Тау. — Вы сказали, что лишь этим утром узнали о существовании драконов. Но почему вы решили, что я и есть дракон? Только лишь из-за внешности, сходной с обликом героев земных мифов? А вдруг перед вами абориген Дуагеи, способный к мимикрии? Или осьминог в биомеханическом скафандре? Что если драконами здесь называют пушистых древесных зверьков?

Огрин медленно покачал головой.

— Вы допустили ошибку. Еще до того, как я назвал вас драконом, вы сделали это сами, заметив, что я тороплюсь строить о драконах предположения.

— Разве? — в глазах крылатой красавицы вновь мелькнула веселая искорка.

Огрин запнулся, задумался на несколько секунд.

— Простите, — сказал он после паузы. — В действительности ошибку допустил я. Вы обратили внимание, что я строю предположения о драконах, но из этого никак не следует, что сами себя вы считаете таковым. — Капитан со вздохом развел руками. — Вынужден согласиться: нет ни единого доказательства, что вы дракон, о которых нам сообщили утром. Более того, я понимаю всю нелепость и нелогичность сравнения вас, высокоразумных инопланетян, с существами из примитивных и нередко кровавых земных сказок. Но все же осмелюсь заметить: с эмоциональной стороны, субъективно, вы для меня — изумительно красивая драконесса, даже если самоназвание вашего вида иное. Таковы уж мы, люди, — Огрин грустно улыбнулся. — Иногда судим разумом, иногда сердцем.

Тау привстала на передних лапах и приняла позу сфинкса.

— Замечательно, — сказала она негромко. — Вы и в самом деле изменились.

— Изменились в сравнении с чем? — напряженно спросил Огрин.

Вместо ответа драконесса окинула человека внимательным и очень добрым взглядом, растянула чешуйчатые губы в улыбке и беззвучно, словно мираж, растворилась в воздухе. Лишь трава, примятая ее могучим телом, да слабый миндальный запах свидетельствовали, что встреча не была наваждением.

Огрину потребовалось немало времени, чтобы прийти в себя, убедиться, что видеокамера на запястье выключена, обругать себя пушистым древесным зверьком и вернуться на корабль. Встреча с драконницей настолько потрясла человека, что он не обратил внимания даже на странную тишину, царившую в звездолете.

Довольно долго капитан одиноко сидел в каюте, заново переживая сказочное приключение. Все существо Огрина охватило странное ощущение покоя, умиротворенности, будто он только что завершил многолетний упорный труд и впервые смог оценить его результаты. Огрин вдруг вспомнил, что уже много месяцев, с последней коррекции траектории, не брал в руки кисть; ему неудержимо захотелось рисовать. Вскочив, капитан стремительно подошел к стене и включил мольберт.

Сердце затрепетало в предвкушении одного из самых изысканных наслаждений, знакомых человеку. Порыв вдохновения был так силен, что Огрин даже не размышлял над композицией будущей картины, не представлял ее в уме; его кисть, будто ведомая извне, многоцветной кометой заметалась над мольбертом.

Он забыл о дыхании, не смотрел на часы. С каждой минутой картина обретала очертания. Горизонт, восходящее солнце — его лучи пронзали весь небосклон веером света от слепящей оранжевой точки. Воображение почему-то избрало тревожную тему: ствол дерева почти горизонтально над бездной, тянущий руки-ветви к неведомому подножию. Далеко внизу, насколько хватало глаз, призрачным морем стелились облака, свет солнца красил их мягкие спины в пурпур.

У края пропасти, одним копытом на дереве, стояла Ичивака. Огрин еще не видел ее такой — полной энергии, трепещущей от желания узнать, что там, за туманом? Рядом с девушкой, любопытная и жизнерадостная, под кистью рождалась драконесса: ее искрящийся образ возникал сам собой, безо всяких усилий.

С начала работы едва минуло пять часов, а картина уже потрясала воображение. Огрин сам не ожидал, что получится так хорошо; уставший, но счастливый, он продолжал прорисовывать детали, оттачивать игру света и тени на зеркальных чешуйках. Работа так его поглотила, что он даже не обратил внимания, когда в дверях появилась костлявая, долговязая фигура Хельги. Пару минут женщина молча разглядывала картину из-за спины капитана. Затем сухо, с напряжением в голосе сказала:

— Пропало семнадцать человек.

Огрин так вздрогнул, что чуть не уронил кисть. Сглотнув, он страшным усилием воли вернулся в реальность и обратил взгляд на врача.

— Как... пропало? — переспросил, не веря своим ушам.

— Семнадцать человек, — с надрывом повторила Хельга. — Исчезли прямо из своих кают. Просто растворились в воздухе. Внутренний мониторинг все зафиксировал.

Капитан ощутил, как палубу выдернули из-под ног. Хрипло вскрикнув, он отпрянул, сжал кулаки и закусил губу.

— Операторы? — спросил после паузы. — Астрофизики?

Хельга медленно покачала головой.

— Шесть мужчин, одиннадцать женщин. В основном, из отдела гидропоники.

Огрин сильно вздрогнул.

— Тогда их могут не вернуть...

— Мы тоже так считаем, — Хельга опустила взгляд. — Логичный поступок: забрать максимальное число образцов и в то же время оставить нам шансы вернуться домой.

Капитан до посинения стиснул пальцы.

— Они должны прекрасно знать не только устройство корабля, но и профессию каждого из нас, и его роль в команде!

— Безусловно, — кивнула Хельга.

Огрин ударил кулаком по ладони:

— Тогда в чем смысл нападения?!

— Понятие «смысл» придумали люди, — возразила врач. — Не давайте тиэррай, Огрин. Собирать образцы новых видов — поступок рациональный, в отличие от нелогичного человеческого стадного чувства. В действительности, — она дрожащей рукой поправила очки, — теперь у нас меньше поводов беспокоиться за корабль. Нам ясно дали понять, что гибель экспедиции им не нужна...

Скрипнув зубами, капитан рубанул воздух кистью.

— Соберите офицеров в шлюзовую. Пусть принесут скафандры.

— Но не оружие? — с тревогой уточнила Хельга. — Поверьте, толку от оружия не будет!

Капитан заставил себя кивнуть.

— Да... Без оружия. Постараемся объяснить аборигенам, что стадное чувство имеет для нас большое значение.

Молча покачав головой, сухая как палка женщина развернулась на каблуках и зашагала к выходу. Огрин, тяжело дыша, прижался лбом к холодной стене. Взгляд остановился на картине, сиявшей над вирту-

альным мольбертом. Драконесса... Такая прекрасная, мудрая, совершенная!

— Почему? — прошептал Огрин, отчаянно моля об ответе. — Почему?!

Ответа не было. Около минуты капитан собирался с силами, лихорадочно обдумывая план дальнейших действий. Прежде всего, логика: нападение произошло сразу после встречи. А драконы, весьма вероятно, являются самыми развитыми жителями Дуагеи, как минимум не уступая землянам в интеллекте и уровне знаний.

«...Он восхищался бы вами издали, горько сожалел, что столь совершенное создание обладает таким недостатком...» — вспомнил Огрин. Можно ли считать недостатком иную психологию? Логично ли воспринимать случившееся как нападение?

«У вас слишком мало информации, Огрин, и чересчур буйная фантазия», — мягкий голос Тау прозвучал как наяву. Капитан с силой пересвел дух. Она права — сказал он себе. Информации слишком мало.

Решительно развернувшись, Огрин быстро зашагал к лифту, но тут же застыл на месте. В памяти ярко, сочно возникли полянка, залитая теплым светом, легкий ветерок, аромат цветов — и бесконечно глубокие, мудрые глаза драконессы.

«У вас есть вся информация, чтобы догадаться».

— Небо... — прошептал Огрин.

Глава 3

Четверо бледных, напряженных людей стояли перед шлюзом. Потный Яускас ежесекундно протирал глаза платком, его руки заметно дрожали. Хельга и Бьорн, в одинаковых защитных скафандрах, молча смотрели на приближающегося Огрину. Четвертый офицер, молодая Ксения из отдела гидропоники, нервно крутила в пальцах хризантему — почти все пропавшие работали в ее ведомстве. Когда капитан подошел к группе, она заговорила первой:

— Мы не осилим обратный полет с такой нехваткой кадров. — Бледная Ксения мяла хризантему в руках. — Любое ЧП оставит корабль без воздуха...

— Тише, — Огрин обвел офицеров быстрым взглядом. — Я думаю, людей скоро вернут.

Хельга встрепенулась.

— Вы что-то узнали?

— Догадался, — губы капитана тронула невеселая улыбка. — Друзья. Сам выбор похищенных свидетельствует, что аборигены доско-

нально знакомы с кораблем и обязанностями членов команды. Любая мыслимая причина, зачем им могли потребоваться семнадцать образцов — при такой осведомленности, — не выдерживает критики. Поэтому... — Огрин вздохнул, — я думаю, объект эксперимента вовсе не пропавшие космонавты, а мы.

Яускас отпрянул.

— Мы? — он запнулся, широко раскрыл глаза и резко, отрывисто кивнул: — Да. Это самое логичное объяснение.

— Нападавших интересует, как мыотреагируем на нападение? — хмуро уточнил Бьорн.

— Верно, — капитан вкратце поведал о встрече с драконессой. — Я убежден: они более развиты, чем люди, и сейчас изучают землян столь же интенсивно, как мы — Дуагею. Каждое слово нашей беседы имело скрытый смысл; вне всякого сомнения, дракон Тау — их специалист по контактам, и в разговоре сознательно дал нам строго отмеренную дозу информации.

Хельга бросила на Огрину долгий, подозрительный взгляд.

— Допустим... — протянула она. — Да, вы, скорее всего, правы. С такой позиции их поступок выглядит логичным. Обставить похищение как рациональный выбор наименее важных особей в группе, самок вдвое против самцов, то есть пустить наши мысли в неверное русло. И в то же время дать альфа-особи малозаметный ключ к истинной разгадке...

— Так поступил бы компьютер, а не разумное существо! — горячо возразил Яускас.

— Мы ничего о них не знаем, — Бьорн мрачно покачал головой. — И не узнаем, стоя тут.

Огрин закусил губу.

— Считайте меня недалеким и смешным, — сказал он негромко. — Но я видел дракона, говорил с ним. Тау читала мои эмоции, как открытую книгу, она смеялась, жестикулировала и подмигивала — иначе говоря, пользовалась всеми человеческими сигнальными системами. Я не верю, что столь интеллектуальные существа не знают о психологии людей и нашей реакции на угрозы. Им должно быть известно, что похищение сделает нас враждебными, заставит искать пропавших товарищей и снизит шансы на успешный контакт.

Хельга медленно наклонила голову.

— Согласна, — отозвалась она спокойно. — Вы правы, капитан. Это тест на интеллект.

Яускас возбужденно потер ладони.

— Они дали нам оценить свой уровень развития, а затем расчетливо и в точно выбранное время осуществили враждебный, но бессмысленный акт. Следовательно, если мы достаточно умны, то должны просчитать их мотивы и понять, что акт в действительности не был враждебным. Видимость скрывает сущность — тизэррай! Вот что они проверяют!

Огрин кивнул.

— Точно. Тау сказала: «меня неверно информировали», а чуть позже — «вы действительно изменились». Сейчас идет контрольный эксперимент.

Все переглянулись. Ксения, нервно сглотнув, подняла голову к капитану — она была значительно ниже его ростом.

— Что делаем?

Огрин глубоко вздохнул.

— Ничего, — сказал он твердо. — Расходимся по каютам и продолжаем рядовую вахту. Если за нами ведется наблюдение, а иного я и не жду, — все пропавшие вернутся еще до конца смены.

Бьорн нахмурил брови:

— А если пройдет смена... за ней другая... но никто не вернется?

Огрин закусил губу. Офицеры ждали решения.

— Что ж... — капитан отвел взгляд. — В таком случае, будем действовать по инструкции.

Все замолчали и разом, не сговариваясь, посмотрели на дверь шлюзовой камеры. Толстую, несокрушимую, многослойный композит из самых прочных материалов, известных человечеству.

Огрин чувствовал себя голым.

К тому времени как офицеры вернулись на посты, все пропавшие вновь оказались в своих каютах. Огрин вызвал парочку для расспросов, но люди озадаченно моргали — никто из семнадцати не заметил собственного похищения, просто из их жизни неведомым образом выхватили один час. Тотальный медосмотр у Хельги также не выявил ничего подозрительного. Впору было решить, что весь экипаж «Лихорадки» подвергся внушению, но записи мониторинга подтверждали — похищение состоялось.

Бледный от тревоги, капитан расхаживал взад-вперед по каюте. Сценарии, которые он изучал в центре подготовки, предусматривали контакт с различными гипотетическими цивилизациями, в том числе и с приставкой «сверх», но сейчас — Огрин криво усмехнулся — их ав-

торы зашли бы в тупик. Дуагейцы владели силами, на десять порядков превосходившими все известное человеку, но жили как дикари, не пользуясь в быту фактически никакими орудиями. Их общество казалось верхом совершенства — однако всем до боли, до скрежета зубов было ясно: как и любому безупречно отлаженному часовому механизму, местной цивилизации для краха хватит и песчинки. Ни одно существо, даже звери, до сих пор не проявляли к гостям враждебности или элементарной настороженности!

— Яускас, зайдите ко мне, — попросил Огрин, вдавив клавишу интеркома. Пока толстый биолог спешил к рубке, капитан нервно тербил подбородок.

— Садитесь! — приказал он, едва Яускас открыл дверь. — Доложите об успехах комиссии по контактам.

Ученый развел руками.

— Контактных пока не было. Вы же сами приказали не удаляться от звездолета.

Огрин моргнул.

— Да... да, приказал. — Он откинулся в кресле и закрыл глаза. — Все бесполезно...

— Ну отчего же? — биолог ободряюще улыбнулся. — По крайней мере, вы вывели у драконицы сведения о земном происхождении местной биосферы. Должен сказать, у меня прямо гора с плеч свалилась.

— Стоп, — Огрин покачал головой. — Тау ничего не говорила о биосфере. Она сказала... — он зажмурился, вспоминая точную фразу, — «сложности с развитием сухопутной жизни на Дуагее вовсе не означают, что жизнь была доставлена сюда с Земли, но в некотором смысле — да, вы правы».

— И? — Яускас прищурил глаза.

— Из ее слов может проистекать что угодно, — невесело отозвался Огрин. — Начиная с забытых космических цивилизаций Земли и кончая галактической егерской службой, озабоченной сохранением каждого планетарного вида от катастроф вроде GRB или вспышек сверхновых...

Яускас покачал головой.

— Так можно далеко зайти.

— Еще бы, — Огрин прижал ладони к вискам.

Взгляд биолога тем временем остановился на картине, которая так до сих пор и висела над мольбертом. Присвистнув, Яускас вскочил и подбежал к голограмме.

— Потрясающая работа! — он бросил на капитана недоверчивый взгляд. — Ваша?

Слегка смущенный, Огрин кивнул. Яускас восхищенно развел руками:

— Замечательно! Так вот как они выглядят... — он впился взглядом в изображение драконессы. Хмыкнул, прищурился. — Рисунок похож на оригинал?

— Да, — нехотя отозвался Огрин. Его странно тревожило, что картину видят посторонние — какое-то нелепое, бессмысленное чувство, будто Яускас подглядел нечто глубоко интимное между ним и Тау.

— Во всех деталях похож? — Яускас продолжал изучать драконессу.

— Насколько я сумел их передать, — чуть резче, чем требовалось, ответил Огрин. Биолог, к счастью, ничего не заметил — его целиком поглотила картина.

— Поразительно! — Он обернулся к капитану. — Можно приблизить? Вот тут, у лапы.

Кивнув, Огрин подошел к мольберту и коснулся сенсорной панели. Яускас возбужденно потер руки:

— Да, да... Еще-немного... Стоп! — Он торжествующе ткнул пальцем в голограмму. — Когти!

Огрин нахмурил брови.

— Когти, да.

Яускас моргнул.

— Как? Вы не понимаете?! — Он недоверчиво оглядел капитана. — Дайте крупный план морды, пожалуйста.

— Лица! — Огрин чуть не сорвался. Тяжело дыша, он переместил изображение. Биолог невозмутимо кивнул:

— Вот так, отлично. Смотрите, — Яускас указал на изящную, точечную драконью голову. — Видите? Когти такого размера нужны хищникам для забоя крупной дичи с плотной, грубой шкурой. Но этими челюстями им не разорвать мяса, такая форма характерна для рыболовов и мелких насекомоядных, глотающих добычу целиком. Более того, рога! — Яускас резким жестом ткнул прямо в картину. — Рога, мой дорогой капитан, однозначный атрибут травоядного. Рогатых хищников в истории Земли известно лишь два — аллозавр и карнозавр, причем у обоих «рога» являлись всего лишь костяными наростами над глазами и несли сугубо оборонительную функцию.

Огрин моргнул.

— Что вы пытаетесь сказать?

— Пытаюсь? — переспросил Яускас. — Я не пытаюсь. Я со всей ответственностью ученого заявляю, что перед нами химера.

— Химера? — капитан отпрянул.

— Искусственное существо, — пояснил биолог. — Такое же, как феи, гномы, кентавры, единороги, тролли и прочие дуагейцы.

Огрин резко поднял руку.

— Это невозможно. Вы сами говорили, что их гены настоящие!

— Говорил и могу повторить, — отрезал биолог. — Да, местные жители — настоящие, живые. И в то же время никто из них не мог возникнуть самостоятельно. Капитан, поймите: все, что эволюция способна пропустить сквозь жернова естественного отбора, уже обитает на Земле. И есть множество реальных, прозаичных причин, почему мы не видим вокруг кентавров и драконов. Если бы они отвечали эволюционным законам, они бы уже существовали!

Яускас отвернулся от голограммы и взглянул Огрину в лицо.

— Капитан, я понимаю ваши чувства. Но, как вы уже заметили, я ученый, и бороться с тиэррай — моя работа. — Он скрестил на груди руки. — Вам придется отодвинуть эмоции и признать сухой факт: красота, которую мы видим вокруг, гармония и совершенство целого мира, все это было специально разработано для нас, людей. Просто потому, что иначе оно не казалось бы нам совершенным!

Огрин кусал губы, нервно сжимая и разжимая кулаки.

— Но это нонсенс, — произнес он с трудом. — С начала торможения до выхода на орбиту прошло не более полугода, не станете же вы утверждать, что кто-то сумел за шесть месяцев сотворить это чудо, руководствуясь только нашими грезами?!

— Мир был создан за шесть дней, — пошутил Яускас, но свирепый взгляд капитана заставил его побледнеть. Огрин резко отвернулся к стене.

— Можете идти, — произнес он хрипло.

Яускас с тревогой положил руку ему на плечо:

— Огрин...

— Я все понял! — яростно выпалил капитан. — Нет нужды повторять лекцию. При следующей встрече я спрошу Тау, рыбой она питается или насекомыми.

— Я вовсе не хотел обидеть, просто...

— Просто? — Огрин горько усмехнулся. — Просто хоронить мечту — ваша работа?

Яускас отшатнулся. От его лица мгновенно отхлынула кровь. Не сказав ни слова, он повернулся и вышел из каюты. Огрин в бешенстве обрушил на стену кулак.

Глава 4

Не в силах ни спать, ни работать, Огрин перерыл в поисках «драконой литературы» всю корабельную библиотеку, обнаружив лишь одно произведение по теме — роман двухсотлетней давности «Гнев дракона» позабытого автора. Среди его персонажей имелась драконица, чем-то сходная с Тау; зачитавшись, капитан даже вздрогнул от стука в дверь.

— Входите! — Он отложил книгу. Гостем оказался астрогеограф Коул Беккер — тот самый, что утверждал, будто несколько дней назад видел единорога.

— Капитан, можно поговорить? — Беккер явно нервничал, его водянистые голубые глаза бегали по сторонам. Слегка встревоженный, Огрин кивнул.

— Разумеется. Садитесь.

Географ опустил в кресло и молча протянул капитану видеокристалл. Тот, нахмурив брови, бросил кристалл в приемник. Вспыхнувшая голограмма высветила контуры стройной ажурной башни весьма не типичного для Дуагеи вида, слегка похожей на древнюю «космическую ракету», как ее рисовали в детских книжках задолго до Фау и первого спутника. Широкая, конусовидная у основания башня плавно утончалась к середине и вновь расширялась у вершины, образуя нечто вроде огромного цветочного бутона. Огрин помолчал, разглядывая снимок.

— Итак, в чем дело?

— Я провел спектральный анализ, — глухо ответил Беккер. — Это слоновая кость.

Капитан отшатнулся.

— Башня из слоновой кости?!

— Как в сказке, да? — Беккер криво усмехнулся. — Из-за сказки я бы не стал вас тревожить, Огрин. Сказки тут повсюду... — он нервно сцепил пальцы, — а вот слоны не водятся. Совсем.

Пораженный Огрин склонился поближе к картинке.

— Невероятно!

— Это еще не все, — отозвался Беккер. — Вы представляете, скольких слонов пришлось бы забить ради такой башни? Она в высоту девятю три метра. Сомневаюсь, что кость, как строительный материал, выдержит собственную тяжесть такой конструкции.

Откинувшись на спинку кресла, капитан пробежался пальцами по столу.

— Где расположено строение?

— Хе-хе, — географ нервно потер шею. — На маленьком острове,

в центральной части океана М1. Остров, вероятно, необитаем: в спектрограмме атмосферы компьютер не обнаружил ДНК-маркеров известных рас.

Огрин удивленно моргнул.

— Какой смысл строить подобное чудо на острове, где никто не сможет им любоваться?

Беккер многозначительно кивнул.

— Я сначала решил — это маяк, но вспомнил, что дуагейцы не мореплаватели. К тому же, — он указал на голограмму, — на всей планете мы пока обнаружили лишь девять заброшенных замков, пять из которых лежат в руинах, остальные доживают последние годы. А здесь? Вы взгляните, как отполированы стены!

Огрин решительно встал.

— Я полечу сам. — Он вышел из-за стола. — Беккер, сообщите Хельге — пусть возьмет пуму и ждет у вездехода. Передайте ей координаты башни.

— Есть, капитан! — Географ козырнул и скрылся за дверью. Огрин подошел к боксу со скафандрами.

«Зачем здесь скафандр? — думал он, натягивая броню. — Зачем вездеход? При желании они и от звездолета мокрого места не оставят...»

Лифт спустил капитана на первую палубу. У ангара уже маячила худощавая фигура Хельги в зелено-белом медицинском скафандре, рядом на полу располагался полевой универсальный медицинский агрегат, или попросту ПУМА. Удивительно похожие на растолстевших коротконогих львиц в блестящей белой броне, такие роботы уже много лет служили спасателями по всей Земле.

— Надеюсь, я вас не слишком отвлек? — поинтересовался капитан.

— Не слишком, — Хельга качнула головой. — Хотя я предпочла бы узнать, зачем в археологической экспедиции врач.

— Мне нужен ваш критический склад ума, а не профессиональные знания, — признался Огрин.

Хельга смерила его внимательным взглядом.

— Дракон столь благоприятно на вас повлиял? — осведомилась она с легкой иронией.

Капитан молча кивнул. Хельга, покачав головой, скрылась в ангаре, пума догнала ее одним грузным прыжком. Когда в вездеход поднялся Огрин, тот уже разворачивался носом к шлюзу.

— Простите... — Капитан с трудом протиснулся мимо Хельги к креслу пилота. Пристегнулся, опытным взглядом окинул экраны. — Машина в порядке, стартуем.

— Добро на старт, — в голосе дежурного по ангару чувствовалась легкая тревога. — Капитан, будьте там осторожнее!

— Постараюсь, — вздохнул Огрин, запуская двигатели.

Бесшумно, слегка покачиваясь на мини-ураганчиках из размоловых тахионов, вездеход рванулся на волю и мгновенно начал набор высоты, вдавив экипаж в кресла.

Сканеры биомассы уныло тикали, пока Огрин по спирали облетал башню. Настроенные на параметры известных рас Дуагеи, детекторы с обреченной уверенностью заявляли, что остров мертв.

— Возможно, под землей имеются помещения... — неуверенно заметил капитан, когда стало ясно, что здесь нет даже животных. Хельга скептически поджала губы.

— Что вы ожидаете найти? — спросила она сухо.

Огрин медленно покачал головой.

— Не знаю, Хельга. Не знаю... — Он прищурил глаза. — Взгляните на башню. Какие обводы, узоры. Почему полировка до сих пор совершенна? Как могли дуагейцы построить ее без машин, без индустрии, без транспорта?

— Драконы вместо вертолетов, тролли как бульдозеры... — Хельга вздохнула.

Огрин криво усмехнулся.

— Запускайте пуму. Пусть исследует остров.

— Так точно, — Хельга коснулась сенсора на панели. Робот, лежавший под креслами, бесшумно скользнул к специальному люку в двери шлюзовой камеры, и спустя мгновение вездеход качнулся, потеряв несколько сотен килограммов массы.

Почти моментально внизу, рядом с башней, поднялось облако пыли: пуме не требовались парашюты. Огрин вывел на главный экран вид из глаз робота.

— Ищи искусственные объекты, — приказала Хельга. — Ищи скрытые и подземные помещения. Используй радар, нюх и магнитоскопию. Сканируй все маркеры ДНК на пути, докладывай об известных видах.

Капитан перевел вездеход в автоматический ховер-режим и вместе с врачом подался к экранам. Жухлая трава на них ритмично сновала вверх и вниз.

Место травы вскоре заняли выжженный солнцем песок и блестящие, неестественно гладкие стены. Робот двигался по максимально эффективной траектории, проносясь над землей многометровыми

прыжками и сканируя местность вокруг. Время едва шевелилось, минуты казались часами. Когда в кабине наконец раздался голос пумы, люди вздрогнули.

— Обнаружен туннель. Искусственное освещение отсутствует. Назначение неизвестно.

— Вперед! — воскликнул Огрин.

Экран резко померк, затем вспыхнул мрачноватым красным пламенем: робот перевел камеры в инфракрасный режим. Широкий и довольно высокий туннель с арочным сводом из крупных обтесанных камней полого спускался под землю, пол толстым слоем устилал песок. Прыгающее вместе с пумой изображение мешало видеть детали.

Впрочем, дерганье вскоре прекратилось — туннель уперся в гладкую, как зеркало, вертикальную стену из слоновой кости. У подножия, на маленьком каменном блоке, стоял бронзовый треножник с большой оплывшей свечой, а рядом, полужасыпанный песком, лежал тинтар — популярный на Дуагее музыкальный инструмент, помесь арфы с лирой. Хельга и Огрин переглянулись.

— Храм? — удивленно спросила врач. Капитан, нахмурившись, обернулся к экрану.

— Проектор на стену, камеру в видимый диапазон, — приказал Огрин.

Хельга негромко ахнула, капитан подался назад. Едва инфракрасное изображение сменилось обычным, стало видно, что стена целиком, сверху донизу, украшена странной однотонной живописью, сильно напоминавшей творчество первобытных людей. В инфракрасном диапазоне рисунки были невидимы.

— Ярче! — выдохнула врач. — Приблизь картинку!

Далеко внизу, под землей, робот послушно усилил яркость прожекторов. Огрин впервые в жизни реально ощутил, как шевелятся волосы на затылке.

— Люди... — прошептал он, невольно вцепившись в подлокотники. Хельга резко обернулась.

— Стоп! — бросила она жестко, сверкнув глазами. — Смотрите внимательно!

Огрин молчал. Рисунки на стене изображали сцены охоты — стилизованные контуры копытных, пробитые копьями и стрелами мамонты, костры, где жарились вспоротые тела, целые табуны, окруженные черными фигурками с оружием. Фигурками людей.

— Капитан, — напряженно спросила Хельга. — Сколько разумных рас обитает на Дуагее?

Огрин вздрогнул.

— Больше десятка. Мы не знаем точно.

— Но людей здесь нет, верно?

Капитан потер подбородок.

— Многие местные виды очень близки нам морфологически. Феи, гномы, кентавры... С орбиты мы наблюдали также расу, образно названную «эльфами», они максимально похожи на людей.

— И тем не менее, — женщина повернула к нему бледное лицо, — одного взгляда на эти рисунки вам хватило, чтобы однозначно идентифицировать людей. Не эльфов, не фей... Почему?

Огрин отшатнулся. Помолчал.

— Не знаю, — выдал он наконец.

— А я знаю, — спокойно, хоть и с легким напряжением в голосе, ответила врач. — Потому что в сценках, запечатленных здесь, вы подсознательно ожидаете встретить людей. Мы уже десятки тысяч лет господствующий вид на Земле, кроме нас, никто не создавал произведений искусства. Ваш мозг видит стилизованных гуманоидов в сценах ярко выраженного доминирования над средой; этого, как правило, достаточно для мгновенного и однозначного вывода на уровне рефлексов. Разум включается в работу гораздо позже.

Капитан стиснул зубы:

— Согласен. Что из этого следует?

Хельга нервно усмехнулась.

— Огрин, на Дуагее нет доминирующих рас. Ни один абориген не смог бы с ходу, просто взглянув на стену, назвать изображенный там вид. Их мозг работает иначе.

Повисла тишина.

— Иначе, чем у автора этих рисунков?

— Вот именно, капитан, — тихо сказала Хельга. — Не думаю, что здесь вообще изображена Дуагея.

Она отвела взгляд.

— Треножник со свечой. Музыкальный инструмент. Единственная на планете башня, построенная из костей не известных здесь животных...

— Аэлита, — выдал Огрин.

Хельга вздрогнула.

— Что?

Капитан с болью зажмурился.

— Они поклонялись жестокому Магашитлам, веря, что те однажды вернутся с Кровавой Звезды Талцетл...

— Магацинты? — тревожно переспросила врач. — Звезда Талцетл?!
Огрин стиснул зубы.

— Это из книги. Я люблю старинные книги, вы же знаете. В одном древнем романе... Такое не просто объяснить, Хельга.

Женщина поджала губы.

— Верю, — сказала сухо.

Капитан с силой втянул воздух.

— Возвращаемся, — произнес он твердо. — Пора задать кое-кому прямой вопрос.

Хельга молча кивнула. Под землей, в туннеле, пума огромными прыжками помчалась обратно.

* * *

Яускас и четверо биологов его отдела заперлись в корабельной лаборатории для изучения записей с камеры робота, Хельга продолжила медосмотр спасенных. Мрачный и встревоженный, Огрин вызвал на совещание свободных старших офицеров — Бюрна и Ксению.

— Возвращение? — недоверчиво спросил физик. Девушка моргнула от изумления.

Капитан постукивал по столу пальцами.

— Теперь мы знаем, о чем говорила драконесса, указав, что люди изменились...

— Здесь не крохотная деревушка, где все на виду, — возразил Бюрн. — Капитан, Дуагея огромна! Местные жители не роботы, со временем среди них обязательно возникнут суеверия, течения, секты! Храм могли построить члены некоего культа, не имеющего отношения к прочим дуагейцам, ваша находка ничего не меняет!

Огрин нехотя кивнул.

— Я думал над этим.

— Капитан, сейчас нельзя возвращаться! — Ксения в волнении ломала пальцы. — Мы ведь так мало знаем!

— Зато местные знают о Земле куда больше нас, — буркнул Бюрн. — Если авторство рисунков действительно принадлежит древним людям, то первые контакты дуагейцев с Землей должны были произойти уже в конце неолита. Это разом отменяет теорию о том, что местный... зверинец... был создан на основе мифов людей.

— Мы не знаем, кто возвел эту башню, — возразила Ксения. — Она слишком отличается от всего, что мы видели в других регионах планеты. Возможно, ей миллионы лет, и дуагейцы просто обнаружили подземелье с рисунками!

Бьорн упрямо мотнул головой:

— Едва ли аборигены стали бы устраивать ритуалы перед примитивными, жалкими рисунками в полузасыпанном туннеле. Их собственные картины и статуи сравнимы с лучшими творениями эпохи Возрождения! — Он подался вперед. — Вспомните, что сказала Хельга: здесь нет доминирующих рас. Нет даже стимула к обожествлению неизвестного, поскольку стилизованные фигурки людей не отличить от фигурок эльфов или фей! Не-ет, помяните мое слово: тут скрыта очень старая и очень злая тайна.

Огрин невесело усмехнулся.

— У нас слишком мало информации, Бьорн, и чересчур буйная фантазия.

— Отнюдь, — парировал физик. — Мы точно знаем, что архитектура местных замков относится к Средним векам Европы, точнее между IX и XIV. Даже если предположить, что с тех пор дуагейцы на Землю не летали, между первым и последним контактами остается пропасть в десятки тысячелетий! Чем они занимались все это время? Почему в их культуре дико перемешаны античность, Древний Восток, средневековая Европа и первобытно-общинные кланы?

Ксения покачала головой.

— По-моему, не дико, а исключительно гармонично.

— Вот именно! — Бьорн с жаром опустил ладонь на стол. — Вот именно! Гармонично! Все эти годы, целые тысячелетия они собирали, обрабатывали и ассимилировали нашу культуру, сохраняя лишь то, что им нравилось — готические замки, к примеру, или простоту и прозрачность первобытной экономики.

Огрин встрепенулся:

— Верно!

— Тогда им необходим контроль, — заметила Ксения. — Организация, функционирующая без перерывов уже десять—двадцать тысяч лет...

— ...или бессмертная Императрица, живущая в Башне из Слоновой Кости, — пробормотал Бьорн и, ошеломленный догадкой, вскинул голову.

Ему никто не возразил.

Глава 5

Кентаврицу у звездолета первым заметил дежурный, потягивавший колу перед экранами внешнего наблюдения. Резкий звонок интеркома властно вырвал Огрину из объятий сна; не дожидаясь окончательного синтеза одежды, капитан поспешил в рубку.

— Что? — выдохнул он, подбегая к приборной доске.

— Гостья, — дежурный перевел картинку на объемный экран и восхищенно вздохнул. Даже Огрин, видевший кентаврицу вблизи, ощутил, как мгновенно вспотели ладони.

В этот раз Ичивака выбрала основным цветом для украшений золотисто-желтый; гирлянды из мелких блестящих многоугольных листиков тянулись вдоль ее стройного тела, спиралями обвивая ноги и грудь. Крупный цветок, похожий на золотой лотос, был вплетен в волосы, желтый оттенок получили даже жемчужные нити на хвосте. Контраст с изумрудной перламутровой шерстью был восхитительным.

Пока люди разглядывали кентаврицу, в рубку вбежала Хельга, следом — чуть не столкнувшись в дверях — объявились Яускас и Бьорн. На короткое время по обе стороны экрана воцарилась настороженная тишина.

— Красота-то какая! — прошептал дежурный.

— Верно, — пробурчал Яускас. — Красота сказочная. Они нас действительно изучили.

Огрин с силой вдохнул.

— Откройте шлюз. Пусть ее проводят в мою каюту.

— В вашу? — с легкой иронией уточнил биолог. — Капитан, не пора ли вспомнить, что вы на борту не один?

Огрин вспыхнул.

— Отлично, — бросил он сухо. — Проводите аборигена в кают-компанию. Хельга, Яускас, Бьорн — вы согласны присутствовать?

— С радостью, — за всех отозвалась женщина.

Огрин кивнул и первым покинул рубку. Лифт опустил офицеров на третью палубу, к кают-компании, где — разумеется, у зеркала — уже ждала Ичивака.

— Огрин! — кентаврица улыбнулась, обернув «человечий» торс к дверям и легонько, по-кошачьи изогнув спину. Капитан шагнул в сторону, пропуская товарищей.

— Рад видеть вас, — отозвался он тепло.

— Вы не один? — быстро спросила Ичивака. — Почему?

Огрин вздрогнул, Хельга и Яускас метнули на него короткие взгляды. Бьорн молча пожирал глазами гостью — из всех четверых он был единственным, видевшим Ичиваку лишь на экранах. Капитан с легким волнением покачал головой.

— Наш корабль огромен и очень сложен. Это мои друзья, старшие офицеры, они помогают управлять звездолетом и должны все знать на-

равне со мной, — он обвел рукой спутников. — Боюсь, без них беседа не состоится, Ичивака. Вы не против?

Кентаврица чуть изогнула брови.

— Я пришла не для беседы, — ответила она с короткой запинкой. — Огрин, вас приглашают на къен. Очевидно, ваших друзей тоже, хотя о них мне не говорили...

В кают-компании повисла неловкая тишина. Нарушила ее сама Ичивака:

— Понимаю, вам незнакомо это понятие, — она вздохнула и грациозно провела рукой по волосам, вызвав уже знакомую Огрину восхитительную волну зеленых искр. — Объяснить его гораздо труднее, чем тиэррай.

— А вы попытайтесь, — довольно сухо заметила Хельга. Огрин невольно подумал, как должна себя чувствовать пожилая, костлявая, долговязая женщина в присутствии такого искристо-обнаженного чуда. Ичивака, разумеется, ничего не заметила и лишь улыбнулась.

— Я, правда, не знаю, как объяснить, — сказала она с детской наивностью. — Къен — это... радость общения, вероятно, так. Радость общения с будущей вехой.

Огрин растерянно взглянул на Яускаса. Тот, казалось, ничуть не озадаченный, легонько подался вперед.

— Будущая веха? — спросил он быстро. — Радость общения с теми, кто ее достиг?

Ичивака кивнула.

— Да, да! Только не совсем общение. — Она скромно перебрала копытами и опустила взгляд. — Не разговор, как мы сейчас беседуем друг с другом... Ощутить присутствие и... — девушка в замешательстве умолкла, — не знаю, как сказать.

Огрин, внезапно догадавшись, шагнул вперед.

— Дракон! Къен — это встреча с драконом, верно?

Удивление в глазах Ичиваки ответило ему раньше, чем голос:

— Нет, конечно. Почему вы так решили?

Запнувшись, капитан переглянулся с Бьорном.

— М-м... простите, — выдавил он. — Я уже встречался с драконом и подумал... что она достигла будущей вехи.

Кентаврица звонко, по-девичьи рассмеялась.

— Тау вскружила вам голову? — она укоризненно погрозила пальцем опешившему человеку. — Не поддавайтесь тиэррай. Драконы, как и вы, летают меж звезд, но веха у всех у нас общая. Для драконов къен стал большим сюрпризом...

Повисла тишина. Нарушить ее довольно долго никто не решался, и лишь спустя минуту, впервые с начала беседы, послышался голос Бьорна.

— Драконы пришли со звезд? — спросил он глухо. Изумленный Огрин молча моргал.

Ичивака кивнула.

— Разве Тау вам не сказала?

Огрин вздрогнул. Ему, будто наяву, вспомнился теплый голос драконессы: «А если так и есть?» — серьезно спросила Тау. Дурак, дурак, надо было анализировать каждое слово, а не глазеть на прозрачные крылья...

— Да, теперь я вспомнил, — медленно, с напряжением произнес Огрин. — Она упоминала.

— Драконы были первыми, кто пришел со звезд, много-много столетий назад, — весело сообщила Ичивака, даже не подозревая, какую бурю она только что породила. — Первый кьен их сильно напугал, с тех пор мы сначала проверяем гостей.

В каюте воцарилось напряженное, взрывоопасное молчание.

— И... много у вас побывало... гостей?.. — с натугой спросил Яускас.

Ичивака развела руками.

— Конечно. Обычно они улетают домой и никогда не возвращаются вновь. С нашим миром трудно найти уауке... — она запнулась, на миг задумалась, — «уауке» примерно означает гармонию невысказанных мыслей с чувствами, которые нельзя выразить.

— А драконы? — нервно спросила Хельга.

Девушка улыбнулась.

— Драконы нашли уауке в первый же кьен, — заметила она весело. — Они сами просили остаться.

— Почему? — быстро спросил Бьорн.

Ичивака недоуменно подняла брови, но тут же рассмеялась.

— Простите, я забыла, что вы не знаете, — она подмигнула физику. — Поверьте, после кьен таких вопросов не бывает. Вы просто... понимаете.

Огрин нервно кашлянул.

— А что драконы поняли в тот раз?

Ичивака вздохнула.

— Не только драконы, — объяснила она терпеливо. — Мы поняли, что драконы станут жить здесь, а они поняли, насколько это правильно, и всем стало хорошо, тепло и радостно, поскольку мы нашли друг

друга, а значит, уауке стал еще прочнее. Это нельзя объяснить словами, Огрин. Вы должны идти со мной.

Воцарилось молчание. Капитан гадал, с кем или чем они столкнулись. Хельга, Яускас и Бьорн также задумались. Ичивака с легким нетерпением переступила с копыта на копыто.

— Вы принимаете приглашение на кьен? — спросила она наконец, устав ждать.

Все разом вздрогнули. Огрин, сглотив, заставил себя успокоиться.

— Последний вопрос, — он впился глазами в лицо девушки. — Те, с кем вы общаетесь на... кьен, они жили здесь раньше вас? Они первые жители этой планеты?

Ичивака моргнула.

— Они? — переспросила она с легким удивлением. — Не они, а он. Конечно, он был здесь раньше нас, как же иначе появились мы? — девушка фыркнула от нелепости вопроса.

Огрин молча посмотрел на Яускаса. Тот, слегка бледный, кивнул. Капитан обернулся к кентаврице:

— Мы принимаем приглашение. Где состоится... кьен?

Ичивака улыбнулась.

— Там, где вы желаете его провести. Можно прямо здесь, — она обвела рукой каюту. — Но драконы хотели присутствовать, а тут они не поместятся. Может, на полянке у корабля?

Огрин и Бьорн вздрогнули, Яускас закусил губу. За всех ответила Хельга:

— Почему бы и нет? — Врач с легким напряжением скрестила руки за спиной. — Буду рада знакомству с драконами...

Ичивака просияла.

— Замечательно! Идемте. — Она бесшумно проследовала мимо оцепеневших людей и скрылась за дверью. Огрин, Хельга, Яускас и Бьорн, слегка помедлив, поспешили следом.

Крылатых на сей раз было трое. Три непостижимых, струившихся искрами чуда: серебристое, янтарное и уже знакомое Огрину — перламутровая Тау. Драконы сидели в высокой траве напротив главного шлюза и смотрели прямо на дверь, будто видели людей сквозь броню.

Дул ветер, по траве бежали мягкие волны. Небо чуть ли не впервые покрывали пушистые белые облака, там и тут солнечные лучи прорывались сквозь них радужными столпами света, придавая равнине и океану совершенно сказочный вид — будто картина великого гения,

чей безграничный талант дал рисунку жизнь. Свежий, пропитанный ароматами воздух буквально пьянил, Огрин даже споткнулся на трапе. Драконы терпеливо ждали, пока к ним подойдут.

Вблизи они производили еще большее впечатление, чем на экране, пусть даже объемном. Огрин поймал себя на мысли, что единственное слово, действительно и безоговорочно применимое к этим созданиям, прозвучит до обидного банально: неземные. Грация, величие, мистическая аура, окружавшая крылатых, — в них все было совершенно. Совершенно неземное.

Плечом к плечу с капитаном встали Хельга, Бьорн и Яускас, позади столпились другие космонавты — звездолет покинула почти вся команда. Огрин осмотрелся: в глазах людей горели любопытство и жгучий интерес. Куда пропала обязательная для космонавта подозрительность, где столь тщательно натренированные способности к анализу и просчету ситуаций? Меньше чем за полгода Дуагея сделала из взрослых, опытных специалистов, готовых к любым сюрпризам космоса, толпу любопытных детей. Способных весело играть с тиграми...

Ичивака вышла вперед и раскинула руки в символическом объяснении. Крылатые отозвались улыбками, Тау весело подмигнула капитану. Кентаврица подошла к могучим существам и опустила в траву рядом с янтарным драконом, чей вид сразу навевал мысли о мудрости и огромном опыте. «Аура лидера?» — растерянно подумал Огрин.

— Добро пожаловать, друзья, — вежливо произнес янтарный, обведя людей чистыми, ярко-зелеными глазами бесконечной глубины.

Ответить дракону решились не сразу — пару секунд царил неловкая тишина. Как ни странно, первым на сей раз заговорил молчаливый и вечно хмурый Бьорн. Физик шагнул вперед, обратив лицо к Тау, сидевшей в центре.

— Мы получим ответы? — спросил он просто.

Перламутровая приподняла края губ в тонкой и доброй улыбке.

— Не все, — отозвалась она с той же прямоотой.

Бьорн глубоко вздохнул.

— Тогда скажите, что это? — Он обвел рукой лес, небо, далекое море. — Мы теряемся в догадках, наш разум готов сдаться. Как возник этот мир? Почему он так похож на Землю, родину людей?

Тау весело и не слишком официально толкнула крылом серебряного дракона, сидевшего от нее слева.

— Ответишь? — спросила лукаво.

Серебряный бросил на подругу слегка укоризненный взгляд. Огрин

еще раз поразился, насколько понятной и естественной для человека была драконья мимика — ожидать подобного от инопланетных рептилий казалось смешным, но ни один жест, ни одна улыбка не казалась заученной или чуждой. Просто драконы и люди — а также все прочие жители Дуагеи — действительно общались на одном языке. И это сводило с ума, ведь сейчас-то Огрин уже знал, что даже если Ичивака и другие аборигены в самом деле потомки землян, то уж драконы определенно явились из мира, с Землей никак не связанного!

Между тем серебряный обратил к Бьорну глаза цвета насыщенного ультрамарина.

— Чтобы ответить на ваш вопрос, вы должны вначале испытать кьен, — сказал он мягким, очень приятным баритоном. Огрин, встряхнувшись, отодвинул размышления в сторону и шагнул навстречу драконам.

— Я капитан экспедиции, — произнес он твердо, глядя прямо в глаза янтарного. — Мы готовы.

Дракон улыбнулся.

— Да, вероятно, готовы, — ответил он задумчиво. — Вопреки всем прогнозам...

Яускас вышел вперед.

— Кто вы? — спросил он с напряжением. — Я не верю, что этот мир сотворили ради нашей экспедиции, хотя логика утверждает обратное.

Перламутровая Тау весело, совсем по-человечески рассмеялась.

— Видите? — она склонила голову набок. — Вам известны все факты, но выстроить их в линию не получается. Вы смотрите на яблоко, а видите сферу.

— Нам известны все факты? — напряженно спросила Хельга. — Так ли это?

— Главное, одолеть тиэррай, — очень серьезно сказала Ичивака. — Задумайтесь, люди. Крепко задумайтесь, поскольку лишь тиэррай сейчас мешает вам понять.

— Однако вступление затянулось, — произнес серебряный. — Кьен пора начинать.

Он склонил голову к Огрину и тихо произнес ему прямо в лицо:

— Сейчас решается очень многое. Держитесь.

Капитан хотел ответить, но не успел. Начался кьен.

Огрин ожидал чего угодно. Более того, уже привычный к сюрпризам Дуагеи, он ожидал, что любые ожидания будут обмануты. Но кьен все равно оказался неожиданным.

Снаружи ничего не изменилось — те же степь, ветер, облака и столпы солнечного света, играющие в зеркальных драконьих чешуйках. Но в душе, в самой глубине разума, Огрин внезапно ощутил ПРИСУТСТВИЕ чего-то, объяснения которому не просто не было, а вообще не могло БЫТЬ. Отказывающееся принимать невозможное как данность, ассоциативное мышление Огрин в панике бросилось искать аналогии — и, как ни странно, сразу нашло. Капитан зажурился, внезапно ощутив себя ребенком.

Младенцем, едва начинающим понимать окружающее. Теплые, мягкие руки матери — или отца, — они всегда здесь, рядом. Кроме них, просто не существует НИЧЕГО. Огрин всей душой, каждым своим атомом впитал абсолютно человеческое чувство единения с кем-то, понять которого ты не можешь, но чью доброту и любовь ощущаешь ежесекундно.

Капитан мысленно ахнул, осознав, что точно такие чувства испытывает собака к своему хозяину. Его поступки никогда не ясны, его мир полностью чужд, далеко за гранью собачьего понимания. Но любовь его совершенно родная, искренняя. Его эмоции так похожи! Собака не может понять, отчего хозяин грустит или радуется, но саму грусть и радость чувствует столь же полно, как сам человек. Только в случае с собаками чистоту аналогии портят взаимоотношения «господина» с «рабом», а здесь — Огрин признавал — нет ничего подобного. Ичивака выразилась удивительно точно: кьен действительно был радостью общения. Но не с «высшим» существом, вовсе нет! Просто ТОТ, чье присутствие сейчас наполняло Огрин тепло, находился за гранью разумного понимания.

— Прокариоты, — услышал капитан. Изумленный, бледный Яускас говорил вслух. — Затем многоклеточные, растения, животные. Следующая ступень — разум, волею случая доставшийся на Земле только людям. А что же дальше? Сверхразум? Живые компьютеры?

— Нет, — к собственному удивлению отозвался Огрин. Кьен совершенно не мешал воспринимать реальность. — Конечно, нет. Следующая ступень уже не будет разумом в нашем понимании.

— Как говорил Заратустра, — пробормотал Бьорн, — человек суть канат, натянутый между животным и сверхчеловеком. Канат над пропастью...

— Котята, — сухо сказала Хельга. — Греются у камина.

Бьорн кивнул.

— Они знают лишь, что пламя дает тепло. Чтобы развести пламя, требуется нечто, котяткам не доступное.

— Доступное! — возразил Яускас. — Просто непонятное. Мы для зверей не боги!

— Не боги... — повторил Огрин и ахнул. — Конечно! Ведь богов придумали люди по своему образу и подобию! Любой бог лишь преумножает знакомые нам качества — всезнающие, всемогущие, безукоризненные разумные сущности. Разум становится сверхразумом, воля — сверхволей, и мы продолжаем цепочку обожествления нас самих!

Хельга натянуто улыбнулась — она тяжело дышала, глубоко потрясенная кѐн.

— Держу пари, — заметила женщина, — если б волки создали религию, их богом стал бы огромный самец с тысячами клыков, способный одним укусом завалить тигра и догнать любого оленя.

— Верно, — тяжело отозвался Бьорн. — Придумать человека не сумел бы ни один волк.

Они переглянулись, шокированные и уничтоженные пониманием. Огрин с болью обернулся к драконам.

— Этого вы испугались? — спросил он горько. — Тогда, в первый раз?

Тау посмотрела на человека с абсолютно непередаваемым выражением — полное, бесконечное понимание, смешанное с материнской любовью, и в то же время глубочайшая тоска.

— Да, — ответила она просто. — Для нас существует лишь одна истинная радость: познание Вселенной. Сотни веков мы верили, что рано или поздно сумеем познать ее целиком.

— А потом нашли этот мир, — глухо сказал Бьорн.

— И поняли, что на разуме жизнь останавливаться не намерена, — с кривой усмешкой вставила Хельга.

Драконесса с болью покачала головой.

— Нет, — отозвалась она тихо. — Мы поняли, что иногда эволюция слишком жестоко перечеркивает все, чего добилась раньше.

Янтарный дракон распахнул сверкающее крыло и обвел им пейзаж.

— Что вы чувствуете? — спросил он сурово. — Какие эмоции вызывает у вас кѐн?

Хельга стиснула зубы.

— Забота, — процедила она. — Внимание извне. Любовь к животным.

— Боль, — внезапно сказал Яускас. — Жгучая боль ученого, твердо знающего, что ему никогда не раскрыть этой тайны.

— Горечь, — произнес Огрин, всей душой чувствуя, сколь искренне он сейчас говорит. — Тоска и горечь.

Перламутровая драконица грустно улыбнулась.

— Видите, — сказала она негромко. — Что угодно, только не зависть.

Капитан вздрогнул.

— Зависть? — переспросил он и вдруг понял, что действительно НЕ ЧУВСТВУЕТ себя ущербным. Он не завидовал — даже в душе, даже в самых потаенных уголках разума. По изумлению в глазах друзей он понял, что о зависти никто из них и не задумывался.

Драконесса легонько кивнула.

— Не удивляйтесь, — она вздохнула. — Все правильно. Мы не понимаем кьен и не сможем его понять, никто из нас, никогда. Мы способны теоретизировать о возможных преимуществах следующей ступени, мы отдаем себе отчет, что от НИХ столь же далеки, как животные от нас, и все же мы не хотим — не умеем — мечтать о такой судьбе. Как очень верно сказал ваш капитан, — драконесса улыбнулась Огрину, — судить можно разумом, а можно сердцем.

— Есть давний парадокс, наверняка известный землянам, — в разговор вступил серебряный дракон. — Способно ли всемогущее существо сотворить гору, до вершины которой оно не сумеет долететь?

Яускас нервно усмехнулся.

— У нас речь идет о камне, который бог не сможет поднять.

— Вот-вот, — отозвался крылатый. — С разумом та же история. Видите ли, разум действительно всемогущ, и границ у познания нет. Беда в том, что разум оказался способен сотворить то, чего не в силах осознать. Таким образом, парадокс получил эмпирически найденный ответ: да, бог может создать камень, который он затем не поднимет.

— И с этого мига перестанет быть богом, — шепнула Ичивака.

Повисла тяжкая, гнетущая тишина. Огрин медленно выдохнул и на миг зажмурился, стараясь отогнать убаюкивающее тепло кьен, мешавшее мыслить четко.

— Итак, мы прошли испытание, — произнес он размеренно. — Теперь скажите наконец: в чем тайна этого мира?

Тау горько улыбнулась.

— У вас есть вся информация, чтобы догадаться.

— Я в этом сомневаюсь! — резко возразила Хельга. Драконесса качнула головой.

— Информацией владеет лишь Огрин.

Капитан замер. Его разум вспыхнул лихорадочным жаром.

— Только я?

— Да.

— Почему?

Крылатая ответила не сразу; вначале она некоторое время отрешенно водила когтем в траве. Капитан резко шагнул вперед:

— Почему я?

— Знаете, мы ведь следили за вашим кораблем еще на орбите Земли, когда его строили, — не поднимая глаз, тихо сказала Тау. — Никто не ждал людей в этом тысячелетии...

Космонавты невольно отпрянули. Яускас широко раскрыл глаза:

— Вы посещаете Землю?!

— Иногда, — еще тише отозвалась драконесса.

— С какой целью?

Тау подняла голову и взглянула прямо в лицо Огрину.

— Мольберт, — сказала она размеренно и четко.

Воцарилось изумленное молчание. Ветер гнал по траве искристые волны, развевал драконьи гривы. Неземная красота пейзажа накладывалась на глубокое, почти интимное ощущение кьен, разрывая связь с реальностью, волнуя сердце. Потрясенный Огрин поднял руки к лицу, взглянул на ладони.

— Мои картины, — прошептал он. — Вам известно, что я художник? Янтарный дракон очень серьезно кивнул. Капитан отшатнулся:

— Картины! — он широко раскрыл глаза. — Этот мир — картина?!

Тау вздохнула.

— Зачем людям живопись? — спросила она негромко. — Ведь есть фотография, кино, голограммы...

— Нет! — крикнул Огрин. — Я не верю!

Изумленный Яускас облизнул губы.

— Кьен... — прошептал биолог. — Им знакомы эмоции?

— Радость, горе, любовь, все это известно и животным, — глухо произнес Бьорн. — Раз мы унаследовали их от предыдущей ступени...

— ...то и следующая унаследует от нас, — закончил Яускас. — Невероятно!

Огрин попятился, упрямо качая головой.

— Нет. Нет! Так не может быть! Это нонсенс!

— Все логично, — сухо заметила Хельга. — Мы, люди, рисуем картины. Творчество дарит нам наслаждение. Почему бы ИМ не рисовать миры?

— Но Вселенная не холст! — в отчаянии крикнул Огрин.

Перламутровая драконесса с легким удивлением склонила голову набок.

— Почему? — спросила она просто.

— Потому что мы живые! — рявкнул капитан. — Мы разумны, у нас есть свобода воли и собственный путь!

Серебряный дракон моргнул.

— Так ведь никто их не отбирает, — заметил он коротко.

Янтарный с хлопком расправил над поляной гигантские прозрачные крылья.

— Мы вовсе не собирались оставаться, когда обнаружили Дуагею тысячи лет назад, — произнес он сурово. — Но первый кьен испугал нас сильнее, чем любая опасность в космосе, с которой драконы сталкивались ранее. Здесь мы ощутили... гармонию. Кьен не навязывает, не лишает воли — он демонстрирует. Великий художник открывает вам неоконченное полотно и одним лишь взглядом дает понять, сколь идеально, прекрасно и... правильно... в него вписался бы ваш образ. Оглянитесь, — янтарный обвел крылом горизонт. — Вы ведь и сами видите, как подошли этому миру драконы. Недостающий штрих, последний мазок, завершающий сказку.

— Королевский зверинец, куда наконец-то привезли тигров, — мрачно отозвалась Хельга.

— Нет, — улыбнулась Ичивака. — Скворечник.

Огрин вздрогнул от яркости аналогии.

— Точно, — прошептал он. — Скворечник. Красивое и уютное гнездышко.

— Как может птица устоять? — горько улыбнулась драконесса.

Потрясенный Яускас сгреб ладонями волосы.

— Мольберт. Он смешивал краски на Земле, экспериментируя с цветами, а добившись нужного — наносил мазок. Что будет, если слить зеленый и желтый? Кобылицу и девушку?

Ичивака звонко рассмеялась.

— Среди нас и жеребцы есть, — заметила она лукаво.

Яускас ахнул и широко раскрыл глаза.

— Естественный отбор! — прошептал он. — Вы не способны его пройти, вы погибнете без присмотра. Вот почему на Земле вас больше нет!

— Нас никогда и не было много, — объяснила кентаврица. — Две-три сотни, пока шло творение. Земля всегда оставалась мольбертом, черновиком будущего шедевра. Жить мы должны были здесь.

— В саду Эдема, — выдавила Хельга сквозь зубы. — А люди, выходит, сырые? Нас и в реальности прогнали из рая?

Ичивака недоуменно моргнула.

— Но вы и есть творцы, — отозвалась она с удивлением. — Дуагею и всех нас создал человек следующей вехи.

Глава 6

Слова кентаврицы буквально заморозили космонавтов. Оцепеневший Огрин переводил взгляд с драконов на Ичиваку и обратно, у Яуска отвисла челюсть. Легче всех с шоком справился Бьорн, поскольку тишину прервал именно его голос.

— Как? — только и спросил физик.

Янтарный дракон усмехнулся.

— Вы еще не понимаете, — заметил он негромко, — однако каждая следующая ступень эволюции приносит качественные, а не количественные изменения. Автор этой планеты, — дракон провел лапой по траве, — родится, вероятно, лишь через много миллионов лет. Однако его существование не ограничено только пространством — он не «сверхчеловек», поймите, это нечто совсем, абсолютно иное. Назовем его «послеразумом».

— Животное не владеет понятием времени, — продолжила Тау. — Звери живут текущим моментом, подчиняясь сложнейшим инстинктивным моделям поведения, рожденным эволюцией за мириады веков. Разум действует совершенно иначе.

— Мы способны осознать любую, даже НЕ СУЩЕСТВУЮЩУЮ В ПРИРОДЕ концепцию, — очень серьезно сказал серебряный. — Нам не требуется, чтобы предки хоть раз сталкивались с нею прежде. Не нужны генетическая память и инстинкты. Здесь, — он коснулся когтем своего изящного, украшенного перламутровыми шипами лба, — можно уместить Вселенную, даже ту ее часть, которую никто никогда не увидит, а главное — мы умеем ПРИДУМЫВАТЬ вселенные! Вот могущество разума!

— А разве всемогущий организм может эволюционировать? — коротко спросила Тау.

Яуска медленно покачал головой.

— Если и может, — произнес он медленно, — то лишь в новом направлении.

— Именно, — отозвался янтарный.

— Но время? — Бьорн развел руками. — Как можно мыслить вне ВРЕМЕНИ, но в ПРОСТРАНСТВЕ? Ведь они едины!

Тау грациозно пожала крыльями.

— Мы не знаем. Это как раз та область, где наши способности заканчиваются и начинается послеразум.

— Где пасует смертный и начинается бог... — прошептал Огрин.

— Нет! — жестко возразил янтарный дракон, даже дернув хвостом от гнева. — Разум никогда не сдается. Пусть не сейчас, не мы — но на-

ши потомки уже совершили этот скачок в далеком будущем, и драконы все равно раскроют тайну. Познание Вселенной нельзя остановить! — Он встопоршил гребень шипов и привстал, хищно изогнув спину.

— Пусть хоть кто-то станет на нашем пути, — прорычал янтарный. — Пусть попробует только!

Огрин внезапно отшатнулся и даже сделал пару шагов назад. В его глазах отразилось невероятное изумление, но крылатые восприняли реакцию человека по-своему.

— Не бойтесь, мы не кусаемся! — Тау, рассмеявшись, нежно лизнула янтарного дракона в нос, тот фыркнул и опустил шипы. Драконица с легким смущением обернулась к людям. — Всем нам было непросто смириться с кьен, — вздохнула она. — В драконах еще силен конфликт между разумом и врожденной гордостью, мешающей объективно воспринимать реальность.

— Видите ли, — в разговор вступил серебряный, — мы не привыкли... чтобы о нас заботились. Скорее уж, наоборот, одним из главных приоритетов драконьего звездного флота является защита и эвакуация любой жизни из опасных районов космоса.

— Так и есть, — неожиданно сказал Огрин. — Все правильно.

Серебряный запнулся.

— Правильно? — переспросил он с легким удивлением.

Огрин резко кивнул и ко всеобщему изумлению обернулся к янтарному дракону.

— Скай? — спросил он негромко, глядя прямо в зеленые глаза крылатого существа. — Ведь твое имя Скай, правда?

Дракон заметно вздрогнул.

— Что-что?! — Под зеркальной чешуей напряглись мышцы, гребень шипов встопорчился. Огрин, нервно сглотнув, обратил глаза к Тау.

— А тебя зовут Тайга, — прошептал капитан. — И ты уже много столетий любишь Драко... — Он кивнул на серебряного.

Потрясенная драконесса отпрянула.

— Вы не можете этого знать! — вырвалось у нее. Серебряный вскочил, его могучие когти впились в землю.

— Я требую объяснений! — рявкнул дракон.

Огрин, стиснув виски, сел прямо в траву и опустил голову. Его грудь судорожно вздымалась, дыхание со свистом прорывалось наружу.

— Теперь все понятно, — выдавил он. — Загадки больше нет. Капитан поднял глаза. В них блеснули слезы.

— Вот почему вы общаетесь как люди, разделяете нашу мимику и жесты. Вот почему драконы так идеально соответствуют этому миру. Изумленная и явно испуганная Тау припала к земле.

— Что все это значит?!

Капитан с горечью улыбнулся.

— Я о вас читал, — ответил он просто. — Двести лет назад вас придумал всеми забытый автор и описал в своей книге. Точно так же, как ранее другие авторы описывали кентавров, фей, единорогов и гномов. Создатель этого мира черпал вдохновение не только в мифах, но и в литературе Земли.

Он встал.

— Я должен был догадаться сразу, как только увидел ту башню, — Огрин стиснул кулаки. — Ведь ее придумали не древние мифотворцы, а сказочник из XX века, не помню имени...

— Михаэль Эндэ, — глухо вставил Бьорн. Огрин кивнул.

— Верно, — он вновь обернулся к драконам. — Теперь понимаете?

Крылатые, оцепеневшие от слов человека, застыли безмолвной скульптурной группой. В их ярких глазах — чужих и в то же время абсолютно понятных — читались вполне ожидаемые эмоции. Изумление и неверие — Тайга, всесокрушающий гнев — Скай, страх за товарищей и готовность ринуться в бой — Драко. И хотя облик драконов ничем, даже цветом чешуи, не напоминал описанных в древней книге примитивных ящеров, характеры были те же самые. Огрин даже не удивился, когда молчание нарушила Тау.

— Любопытный получился сегодня кьен... — заметила она слегка дрожащим голосом.

Янтарный в бешенстве ударил хвостом.

— Это ничего не доказывает!

— Он прав, Скай, — тихо сказал серебряный. — Все логично. Вот почему мы сразу ощутили гармонию с этой планетой...

Янтарный хрипло что-то рявкнул и рывком обернулся к Огрину.

— В книге, которую ты упомянул, говорилось о родине драконов?

— О Дракии? — улыбнулся капитан. Все трое крылатых вновь замерли. И воцарившуюся на сей раз тишину разорвать не решались очень, очень долго.

— Носители послеразума мыслят вне времени, — заметила наконец Хельга. — Если Дуагею создал кьен-человек, который родится лишь через миллионы лет, почему бы кьен-дракону из будущего не создать

собственную родину в далеком прошлом относительно текущего момента?

Перламутровая драконесса нерешительно кивнула.

— Логично предположить, — выдавила она, все еще потрясенная открытием, — что каждая разумная раса в Галактике была создана собственными кьен-потомками.

— Но мы были описаны в человеческой книге! — гневно возразил Скай. — Сами видите, как мы на них похожи!

— Минутку! — Яускас внезапно ахнул и шагнул вперед. — Вы похожи на нас? Но, может, это мы похожи на вас?!

Он оглядел товарищей слегка ошалелым взглядом.

— Откуда мы знаем, что сами люди не были описаны в книге дракона, чьи кьен-потомки затем создали Землю? Ведь у нас так много общего!

Все потрясенно умолкли. Хельга недоверчиво потрясла головой.

— Люди творят мифы о драконах, потомки людей воплощают эти мифы в реальность... Но кто создает легенды о людях?

— Драконы, — тихо сказал Огрин.

Они взглянули друг на друга — сказочный капитан звездолета и не менее сказочная драконесса с прозрачными крыльями. И улыбнулись.

— Что ж, теперь я знаю, о ком напишу свой первый фантастический рассказ, — задумчиво протянула Тайга. Драко озадаченно взглянул на свой хвост.

— Да уж... — Он фыркнул. — Придется основательно потрудиться, чтобы наши кьен-драконята его отыскали через миллион лет.

— Отыщут, ты за них не волнуйся, — заверила драконесса.

Огрин с громадным облегчением закрыл глаза, раскинул руки и упал спиной в траву, впервые с момента посадки чувствуя, как разум отдыхает от непрерывных испытаний. Рядом, бледные от пережитого волнения, опустились друзья.

— Тайга! — не раскрывая глаз, позвал капитан.

— Слушаю! — отозвалась драконица.

— Там, в рассказе... — Огрин тихо улыбнулся. — Напиши, что следующей остановкой человеческого звездолета станет самая прекрасная планета на свете.

Тайга лукаво склонила голову набок.

— Вы ведь даже не видели нашей планеты.

— Ничего, — очень серьезно ответила Хельга. — У нас есть вся информация, чтобы догадаться.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЭЛЕКТРОНИКОВ

В известном всем фильме школьник Сыроежкин извлек массу выгод и неприятностей, посылая на уроки своего робота-двойника. В новом фильме «Суррогаты» подобная ситуация доведена до крайности: двойник есть практически у каждого представителя среднего класса.

Правда, в отличие от Электроника, такие «друзья» не имеют самостоятельного сознания. Здесь уже вспоминаются дубли из «Понедельник начинается в субботу». Инженеры хотели как лучше — помочь инвалидам, страдающим нарушениями опорно-двигательного аппарата. А получилось как всегда: человечеству оказалось выгоднее стать инвалидом, но уже духовным. И вот Америка и весь остальной цивилизованный мир (про Россию почему-то молчат) превратились в виртуальность наяву: живые люди днями напролет лежат в специальных креслах, а по улицам ходят киборги, дистанционно соединенные с центральной нервной системой своих операторов. Это вам не Матрица, двойника можно хоть из самолета выбросить без парашюта, оператору ничего не будет. Однако, как показывает практика, все когда-нибудь случается в первый раз...

Про сам фильм можно сказать словами Витьки Корнеева из того же НИИЧАВО: «Хороший дубль, развесистый... Анекдоты, стойку делает, танцует как вол...». Почему дубль? Несмотря на то, что «Суррогаты» сняты по оригинальному графическому роману, фильм сконструирован, как и его основные герои-роботы: на типовой каркас натянуто индивидуальное, но все же искусственное лицо. Типовой же каркас таков: в общество настоящего или недалекого будущего вводится фантастический элемент, который меняет весь уклад жизни, но таит в себе некую потенциальную угрозу и дробит социум на своих приверженцев и противников. В «Я, робот» и менее известном «Подразделении Т» это были андроиды, в «Людах Икс» — мутанты, в «Особом мнении» — ясновидящие в полиции, а в недавнем «Районе № 9» — инопланетяне. Как правило, в таких картинах главным

героем выступает бывший или действующий служитель закона, который пережил личную трагедию и к тому же пострадал от новой системы. Как правило же, всем заправляет одна могущественная структура — коммерческая или государственная. И обычно в завязке сюжета лежит преступление.

Практически один в один мы видим это и в «Суррогатах». Однако из Виткиной характеристики пришлось вырезать фразу «дурак дураком». Все подобные картины неизменно претендуют на то, чтобы считаться «кино со смыслом», ну и на высокую кассу. И нередко оправдывается хотя бы последняя претензия. Но в случае с «Суррогатами» вышла осечка: на большом экране ленту ждал решительный провал.

Кто виноват? «Суррогатная» фабула, хотя аналогичная и насквозь компилятивная лента о пришельцах в Йоханнесбурге незадолго до этого прошла на ура? Брюс Уиллис, который в очередной раз «вылез из люка и спас планету»? Репутация Джонатана Мостоу, ответственного за неудачный тюнинг «Терминатора-3»? Или прыжки электронного Уиллиса и его напарницы, которые выглядят едва ли не карикатурно?

Однако на фоне огрехов нельзя не увидеть и очевидный шаг вперед для Мостоу после пресловутого третьего явления народу киборга T-800, причем сделанный на том же «андроидном» поле и с теми же сценаристами. За историей о ро-

ботах, посадивших людей под добровольный домашний арест, лежит едкая сатира на человеческий мир с его подправленными в «фотошопе» иллюстрациями красивой жизни. Следить за этими деталями и штрихами фильма куда интереснее, чем за традиционно предсказуемой детективной интригой. Суррогаты ходят к таким же суррогатам в салоны красоты, чтобы поправить овал лица; киборг-«мажор» презрительно называет обычного прохожего «мясом»; армия ведет войну неизвестно с кем и неизвестно за что, но для операторов эта война не отличима от компьютерной «игрушки». «Будь счастлив, мистер Манекен!» — когда-то давно пел Высоцкий в другом фантастическом фильме, «Бегство мистера Мак-Кинли». Прошло тридцать с лишним лет, и манекены научились по-настоящему вылезать из витрин и двигаться. Может, именно это и оттолкнуло массового зрителя — нежелание отказываться от иллюзий? Недаром вместо ядерной катастрофы «Восстания машин» тут все наоборот — апокалипсис наступает не для людей, а для машин, и обрюзгшие белковые, выйдя на улицу, впервые за много лет жмурятся от солнца и с удивлением смотрят друг на друга.

Но продолжения не будет, это не «Терминатор». Законы глянцевого шоу-бизнеса неумолимы: нет успеха — нет сиквела. Хотя, как следует из фильма, законы святы, да исполнители — лихие... суррогаты.

Аркадий ШУШПАНОВ

ЗАПРЕЩЕННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Производство компаний Русь-Медиа и PS TVC (Россия), 2009.

Режиссер Константин Максимов.

В ролях: Игорь Петренко, Александр Балувев, Владимир Вдовиченков, Тина Канделаки, Любовь Толкалина, Анна Ходюш, Валерий Гурьев, Лев Прыгунов и др. 1 ч. 40 мин.

Билеты на просмотр картины «Запрещенная реальность» должны гласить: перед посещением обязательно прочесть книгу «Смерш-2» Василия Головачёва. Иначе зритель сильно рискует остаться один на один с вопросом: что это было?

А был там военный контрразведчик Матвей, который вывалился из самолета, но выжил. Был его напарник со страшной фамилией Курыло, который захватил психотронное оружие и рвется во власть. Был непонятно откуда взявшийся Внутренний круг, который борется за равновесие. О том, что это за круг, в фильме не сообщается, как и о многих других вещах. Кажется, режиссер решил, что при наличии спецэффектов сюжет вовсе не обязателен. Все ведь так красиво взрывается, к тому же в картине присутствует Тина Канделаки... чего ж еще надо?

Ах да, нужны еще драки. Их много. Но после какого-то момента зритель понимает, что Матвею даже фингала не поставят, и смотреть на экран становится совсем скучно. Сцена же, в которой один безоружный контрразведчик укладывает целую роту вооруженных солдат (не вспоминая при этом), становится уже Рубиконом...

Режиссер все же объясняет, что Матвей — избранный, и только он может остановить зло, вселившееся своими щупальцами в несчастного Курыло. Визуально зло выглядит как нечто среднее между коричневым осьминогом и кустом. Может быть, режиссер таким образом проводит аллегория с нефтяными трубами, опутавшими российских чиновников? Тогда становится понятен смысл фамилии Курыло — это наши Курилы, за которые идет битва! А Матвей — честный бизнесмен, пытающийся разорвать сырьевую зависимость российской экономики.

Жаль, что авторы картины все же не это хотели сказать. Тогда в фильме был бы хоть какой-то смысл или, на крайний случай, сатира. Перспективы проекта можно оценить немного переделанной фразой из самого фильма: у него много шансов в прокате... если только все ослепнут и оглохнут одновременно.

Юлия Рыженкова

ПАНДОРУМ

(PANDORUM)

Производство компаний *Constantin Film Produktion* и *Impact Pictures* (Германия—США), 2009.

Режиссер Кристиан Альварт.

В ролях: Деннис Куэйд, Бен Фостер, Чунг Ле и др. 1 ч. 48 мин.

Говорят, что знаменитый редактор и писатель Джон Кэмпбелл-мл. когда-то посчитал тему о «поколении, достигшем цели», одной из самых интересных и перспективных в научной фантастике. Говорят также, что когда он предложил друзьям-фантастам отметить в теме, откликнулись Хайнлайн, Саймак, Олдисс, Лейнстер, чем еще более подняли интерес. Именно поэтому поклонники космической НФ, прочитав анонс фильма «Пандорум», вполне могли загореться желанием сходить в кинотеатр.

События действительно развиваются на огромном космическом корабле, летящем к далекой землеподобной планете. В анабиозе находятся десятки тысяч переселенцев, обслуживают полет смены космонавтов, которые по очереди выходят из анабиоза. В центре повествования — двое проснувшихся и обнаруживших, что происходит что-то не то. А еще им мешают осознать происходящее частичная амнезия и опасность заполучить «пандорум» — профессиональную болезнь космонавтов, напоминающую маниакально-депрессивный психоз. А может, они уже заболели?

Чтобы реанимировать корабль, младшему космонавту надо пробраться по коридорам и «перезагрузить реактор». По дороге ему встречаются оголодавшие и одичавшие космонавты из других смен, а также огромное количество непонятно откуда взявшихся злобных мутантов. Собственно, НФ на этом заканчивается. А начинается тупое коридорное «мочилово». Кто играл в «Квейк», «Анреал» и другие подобные шутеры, увидит много знакомого: темные коридоры, стробоскопно-зеленое освещение и кучи орущих зомбаков за каждым углом. А задуматься, откуда на корабле гравитация при неработающем-то реакторе, героям, наверное, некогда?

В результате получился дешевый, бессмысленный, громкий и нестрашный хоррор-боевик, который не спасают ни участие голливудской звезды средней величины (Деннис Куэйд), ни подобие неожиданной концовки. Наблюдается рождение нового Уве Бола?

Тимофей Озеров

АНТИХРИСТ

(ANTICHRIST)

Производство: Zentropa Entertainments, ZDF/Arte и др.
(Дания—Германия—Франция—Швеция—Италия—Польша), 2009.
Режиссер Ларс фон Триер.
В ролях: Уиллем Дефо, Шарлотта Генсбур. 1 ч. 40 мин.

Когда к женщине приходят трое нищих — скорбь, боль и отчаяние, — кто-то должен умереть. Таков месседж Ларса фон Триера. Фильм призван показать сатанинскую природу женщины. Злая дамская сущность таится не где-нибудь, а в физиологии.

Мужчин понять можно: женская биология, женская логика кажутся им чуждыми и оттого пугающими. Триер развивает тему вширь и вглубь, нагнетая обстановку и тревожа прах стариков-психологов веточкой от векового дуба. Но в целом тема подана в лоб, поэтому скучна. Фильм кажется слабоватым для Триера. «Догвилль» и «Танцующая в темноте» впечатляют сильнее.

Главный герой фильма — психотерапевт, отягощенный гордыней. Вместе с женой он переживает трагедию: в то время как они занимались сексом, их сын выпал из окна. Мужчина забирает погруженную в скорбь и депрессию жену из больницы и начинает лечить ее сам, заставив выбросить назначенные лекарства. «Я знаю все твои страхи, тревоги, проблемы. Я знаю тебя наизусть», — говорит он супруге. И в этом его главная ошибка.

Так кто же тут Антихрист? Женщина? Мистический лес? Страх? Антихристом в данном случае видится психотерапевт — гордыня его столь сильна, что позволяет проявиться темной стороне женской натуры. И неприятности не заставляют себя ждать.

Фильм нужно показывать в качестве учебного пособия всем, кто работает с такой тонкой материей, как психика человека: «Вот так — не надо!». Лишь возомнишь себя Господом Богом, душеведом и человеко-знатцем, потянешь на себя проблемы того, с кем работаешь.

Актеры играют на грани гениальности. Фильм, посвященный Тарковскому, содержит и визуальные аллюзии на творчество великого режиссера. Всё выстроено, чтобы вести за собой на дно, куда падает женщина. Много неприятных физиологических подробностей.

Смотреть рекомендуется все-таки тем, у кого стальные нервы и не слишком юный возраст.

Елена Навроцкая

ДЕЛО № 39

(CASE № 39)

Производство компаний Anonymous Content, Case 39 Productions и Misher Films, 2009.

Режиссер Кристиан Алверт.

В ролях: Рене Зельвегер, Иэн Макшэйн, Джодель Ферланд,

Каллум Кит Ренни, Брэдли Купер, Керри О'Мэлли и др. 1 ч. 49 мин.

Работник социальной службы Эмили Дженкинс (Рене Зельвегер) спасает от родителей-извергов девочку Лилит Салливан (Джодель Ферланд), которую едва не сожгли в духовке. Девочка оказывается настолько очаровательной и умной, что бездетная и незамужняя Эмили устанавливает над ней опеку. С этого момента с близкими и родными Эмили начинают происходить необъяснимые вещи...

«Дело № 39» подавалось прокатчиками как фильм ужасов. В действительности же никакой это не фильм ужасов, а самый настоящий психологический триллер с элементами мистики. Вздрогнуть во время просмотра решительно не получается, а вот следить за развитием отношений между героями крайне интересно. Во многом благодаря игре всех, без исключения, актеров.

Хотя, конечно, истинным украшением фильма стала Джодель Ферланд, блестяще сыгравшая в свое время Алессу в «Сайлент Хилле». Несмотря на сходство ролей (и там, и здесь ей приходилось вживаться в образ исчадия ада), в «Деле № 39» перед юной актрисой стояли совсем другие задачи. Если в «Сайлент Хилле» Ферланд нужно было зловеще сверкать глазами, нагоняя страх на зрителя, то в новом фильме ей пришлось сыграть и напуганную девчушку, и безобидного ангелочка, и жуткую стерву, способную довести детского психолога до истерики, и злущего демона. При этом всякое перевоплощение удалось ей на славу.

Увы, подобных хвалебных слов нельзя сказать о сюжете. Он старомоден и стандартен. К тому же местами очень нетороплив. Кроме того, источником всех бед и вселенского зла опять выступает скверный ребенок, а появление на экране Джодель Ферланд интриги картине не добавляет. С самого начала становится ясно, что с девочкой что-то не так. Ибо насколько бы скверными ни были родители, они вряд ли додумались бы сжечь своего ребенка в духовке. Повествование из мрака неспешности и предсказуемости вытаскивает лишь весьма оригинальный финал для подобного рода картин.

Степан Кайманов

МУЛЬТТРАНЗИТ: ОТТАВА — БРЮССЕЛЬ

Фантастическая анимация, которую мы не замечаем

В каких странах снимают больше всего фантастических мультфильмов? Ответ известен: это Япония и США. Именно там отлично развита специализированная мультииндустрия, научившаяся доставлять производимую ею продукцию в самые отдаленные уголки планеты. В других странах так пока не умеют, а ведь талантливые мультипликаторы и собственные анимационные студии есть практически повсюду. Не теряем ли мы, оставаясь в неведении об их работе, что-то важное, что-то, способное добавить новую, яркую краску в привычную палитру буден?

Но прежде чем отправиться в путешествие по карте фантастической анимации — два слова о грандах: это позволит нам уточнить их место на упомянутой карте и, соответственно, место всех остальных. В Японии мультииндустрия работает по железным законам рынка — востребованы почти исключительно коммерческие форматы: телесериал, фильм для выпуска на видео, фильм для кинопроката. Исключения есть, и они, как правило, высочайшего качества (такие, как короткометражка Кунио Като, выигравшая «Оскар» в нынешнем году, — «Дом из маленьких кубиков»), но это все-таки исключения.

В США выбор куда более разнообразен. С одной стороны, фильмы и телесериалы для массового зрителя (зачастую на основе популярных франшиз вроде «Звездных войн» или «Людей Икс»), с дру-

гой — большое количество арт-проектов «фестивального толка». Скажем, трехминутная экранизация африканской сказки, снятая в Америке на языке йоруба. Тут, как представляется, работают два фактора: во-первых, много киношкол, во-вторых, много кинофестивалей и есть даже специальный «Оскар» для короткометражной анимации.

Что касается мультипликаторов других стран, то для них, с одной стороны, никакие пути не закрыты, а с другой — многое зависит от финансирования. Удастся раздобыть денег на полный метр — снимается полный метр, и фильм выходит, как минимум, в национальный прокат. Не удастся — снимается «фестивальное кино», причем нередко на средства местных институций, ведающих развитием культуры. Что ж, давайте посмотрим, каких ре-

зультатов добилась фантастическая анимация планеты, скажем, за последние пару лет, с 2007-го. И начнем мы с англоязычных государств, у которых так велик соблазн во всем брать пример с США.

Сны голодного астронома

Ближе всего к Штатам расположена Канада, благодаря чему ее мультипликаторы давно и плодотворно работают на американскую мультииндустрию. С другой стороны, как раз поэтому сил и средств на собственные, чисто канадские проекты остается не очень много. За последнее время на экраны вышел единственный полнометражный фантастический анимационный фильм — «Эдисон и Лео» (2008, реж. Нил Бернс). Зато постановка эта получилась довольно нетривиальной — кукольная лента о гениальном изобретателе (нет, не том самом Эдисоне, но однофамильце), гениальность которого не мешает ему подворовывать, что плохо лежит, и создавать большие проблемы для собственной семьи. Немного НФ в стимпанковском духе, чуть-чуть индейской мистики и масса черного юмора; блюдо вышло небезынтересным — для взрослого зрителя. Не на детскую аудиторию рассчитан и другой канадский кукольный фильм — короткометражка «Мадам Тутли-Путли» (2007, реж. Крис Лэвис и Мацек Щербовский), со-

бравшая целый урожай призов на фестивалях. За несерьезным названием скрывается мрачная фантазмагория о даме, севшей с огромным багажом в ночной поезд и ставшей жертвой грабителей. Если попытаться следить только за сюжетной канвой, покажется, что фильм оборван на середине. Но если разглядеть лежащий рядом с поверхностью символический слой, станет ясно: это рассказ о путешествии через жизнь, об избавлении от житейского багажа (т.е. о смерти) и о новой надежде... Лента, кстати, сделана в новаторской технике: кукол снабдили человеческим взглядом — были засняты живые актеры, а потом выполнен компьютерный монтаж.

Фантазмагории и откровенный сюр в Канаде, похоже, любят: в 2009 году появился мультфильм «Сон астронома» (реж. Малькольм Сазерленд), рисованный и очень красивый — внешний вид и «начинка» космического корабля изображены в манере индейцев майя. Но вот содержание... словом, лента о том, чем питаются в космосе... чего только не приснится голодному астроному!.. Интересен и тоже довольно сюрреалистичен замысел авторов проекта «Межгалактический кто есть кто» (www.intergalacticwhoswho.com) Кевина Кэригника и Кэрол Бичер. На сайте проекта выкладываются короткие анимашки, сделанные по техноло-

гии флэш, каждая из которых посвящена отдельному виду живности, встречающейся на некоей планете Зиг-5. Такая форма существования мультипликации сегодня очень востребована. В 2007-м, например, завершилась выкладка в Интернет канадского мини-флэш-сериала «Минуши» (реж. Тайлер Гибб). Тот, кто посмотрит все 19 серий, узнает историю девушки, отправившейся искать брата, которого призвали в армию во время вторжения монстрических инопланетных роботов. Роботы оказались добрыми, земные военные — гадкими, а сериал в целом — не слишком умным, но схватки и погони присутствуют в нем в должном количестве.

Примерно так же, как в Канаде, обстоят дела в Австралии и Новой Зеландии — с той поправкой, что кинематографистов там существенно меньше. А вот с точки зрения эстетики отличия разительные: жители Южного полушария однозначно предпочитают «твердую» НФ. Единственная полнометражная анимация за рассматриваемый период — австралийская «Краденая жизнь» (2007, реж. Жаклин Тюрнюр) — рассказывает о сыщике, прибывшем на астероид, чтобы расследовать таинственное исчезновение одного шахтера. Некоторую пикантность происходящему придает то, что все действующие лица — роботы, и даже не антропоморфные. Впро-

чем, как доказал успех пиксаровского «ВАЛЛ-И», антропоморфность главного героя ныне уже не является обязательной. С «ВАЛЛ-И», кстати, любят сравнивать еще один австралийский мультфильм — семиминутное «Сердце из консервной банки» (2008, реж. Родни Марч). Эту работу можно назвать попыткой запрограммировать эмоциональную реакцию зрителей: судьба робота-щенка, брошенного на мертвой планете, пытающегося подружиться с залетным андроидом и в конце концов отдающего ему собственный элемент питания, обязана вызвать обильное слезотечение. Прочие ленты несколько повеселее — будь то новозеландский «Мозг посла» (2007, реж. Том Рейли), где показаны злоключения головы профессора До... то есть, простите, космического посла, обожающего покурить; или даже арт-проект художника из Мельбурна Саймона О'Кэрригана «Наездник на бочке с бензином» (2009), который сам автор описывает фразой: «Безумный Макс встречает Франца Кафку».

А что же происходит в бывшей метрополии — Великобритании? Там, как известно, имеется своя международно признанная франшиза — «Доктор Кто». И какие-то анимационные фильмы, связанные с ней, — вещь обычная. За последнее время, в частности, сняли 45-минутный «спешл» о противосто-

янии Доктора Кто и «величайшего деспота Галактики» — «Бесконечный квест» (2007, реж. Гари Рассел), а также целый мультсериал «К-9» о кибер-собаке из классического «Доктора...», у которой в носу размещен лазер. Все это, скорее, ориентировано на детскую аудиторию, а подростки постарше могут насладиться мини-сериалом «Meta4orce» (2008, реж. Алекс Норрис) о команде из четырех генетически измененных людей, расследующих убийство в Лондоне будущего, полузатопленном в силу глобального потепления. Их историю показали по каналу Би-би-си-2, а сейчас она стала частью развлекательного интернет-портала; там можно посмотреть сами серии, а можно и поиграть в прилагающиеся к ним простенькие игры.

Вообще, у английских аниматоров напророчить ужасные катастрофы собственной столице считается, похоже, хорошим тоном. В «Meta4orce» знаменитый Биг-Бен был со всех сторон окружен водой и в него врезалась лодка. В короткометражке «День, когда роботы проснулись» (2009, реж. Эд Хартвелл) его покрывает мох, а вокруг — такие же замшелые руины. По сюжету, люди оставляют Лондон, когда неподалеку в Землю врежется комета. Жизнь остановится, но в один прекрасный день забытые в домах роботы проснутся — и любоваться закатами уже при-

дется им... Из короткометражек заслуживают упоминания еще две работы: «Неисчислимое» (2007, реж. Гергели Цираки; о встрече творца со своим творением) и «Что увидела Кассандра» (2008, реж. Лиам Бразье и Карен Пенман; о сказочном департаменте, который ведает людскими тенями). Честно сказать, негусто для страны с такими мощными кинематографическими традициями.

Может, это общеевропейская тенденция? Давайте посмотрим, что происходит по ту сторону пролива Ла-Манш.

Место на небе

Во Франции перебоев с фантастическими мультфильмами не наблюдается. И с разнообразием жанров все в порядке. И с охватченностью разновозрастных аудиторий. Сугубо для взрослого, искушенного зрителя предназначен киноальманах «Страх(и) темноты» (2007). Продюсер, арт-директор «Studio Canal+» Этьен Робьяль пригласил трех французов, одного итальянца и двух американцев поставить по анимационной новелле, исследующей человеческие страхи. Получилось очень стильно (лента черно-белая), очень умно — и совершенно невозможно пересматривать эти истории про призрачных самураев и живучих богомоллов вторично... На статус семейного кино претендует мультипликационный блокбастер «Охотники на драко-

нов» (2008, реж. Гийом Ивернель и Артур Квак) — киноверсия популярного сериала, которая, в отличие от первоисточника, снята в технике 3D. Довольно простой сюжет о двух пройдохах, которым пришлось спасти фэнтезийный мир от нашествия драконов, не помешал создать действительно захватывающее зрелище... Только детям, наверное, будет интересна лента «Миа и мигу» (2008, реж. Жак-Реми Жирер). Мигу — это такой волшебный народец, живущий на тропическом острове и охраняющий священное дерево жизни. А Миа — имя маленькой девочки, отец которой работает на подрядчика, решившего сделать из острова курорт, что, конечно, не по нраву мигу и грозит уничтожением священного дерева жизни. С одного раза можно догадаться, кто в этом детском мультике победил...

Сериальную нишу во французской анимации заняла экранизация знаменитого комикса Жана-Клода Мезьера «Валериан и Лорелина», выходящего с 1967 по 2007 год. Комикс сделан в духе классической литературной фантастики, он рассказывает о приключениях двух агентов из спецслужбы, призванной предотвращать попытки нарушить пространственно-временное единство. С этой целью агенты попадают в разные миры и в разные эпохи. В 2007—2008 годах вышло 40 эпизодов одноименного сериала (реж. Филипп Видаль, продюсер

Люк Бессон), снятого совместно с японскими аниматорами.

Весьма обилён во Франции и урожай короткометражной мультипликации. Тут тоже «расцветают сто цветов». Перво-наперво надо сказать о номинанте на «Оскар» — остроумной и поучительной мини-атюре «Даже голуби попадают в рай» (2007, реж. Самуэль Турне). Бойкий священник пытается опередить в ней саму Смерть и успеть продать старику место на небе. Ничего хорошего из этого не выходит... Немного сюр и медитации можно найти в ленте «Слизистый цирк» (2008, реж. Филипп Десфретье и Николя Дюфресне) о мальчишке, устроившем со своими друзьями улитками настоящее цирковое представление. «Армия любви» (2008, реж. Мелисса Марс и Тома Гериген) поначалу покажется просто музыкальным клипом — но нет, создатели уверяют, что это целый фэнтезийный мюзикл продолжительностью 4 минуты. И наконец, прекрасно отрисованный студентами Школы Жоржа Мельеса фильм «Рука господ» (2008), который можно назвать стимпанковской революционной агиткой: персонажи в кого-то стреляют, выпускают на футуристическом печатном станке тираж листовки, потом погибают. Причины бунта остаются за кадром, но когда это французским студентам нужны были особые причины, чтобы побунтовать?

Конечно, галльское изобилие недостижимо ни в одной другой европейской стране — просто потому, что нет особых традиций фантастического кинопроизводства, да и проектов в принципе меньше. Скажем, в Италии сняли однуединственную анимационную ленту «Школа волшебниц: Тайна потерянного королевства» (2007, реж. Иджинио Страффи). Это полнометражное дополнение к сказочно-фэнтезийному мультсериалу, необычайно популярному среди младших школьников. В Германии вышло очень много мультфильмов-экранизаций известных детских книг (в том числе «Близнецы» по Э.Кестнеру, «Король Матиуш» по Я.Корчаку, «Три разбойника» по Т.Унгереру), но собственно фантастика (мистика) представлена только картиной «Переполох в Гималаях» (2007, реж. Михаэль Хербиг). Изложение фабулы может показаться мрачноватым (снежный человек похищает австрийскую императрицу, чтобы преподнести ее в дар дьяволу), но на самом деле это комедия. Подлинную мрачность же нужно искать у Яннис Вальц из Бабельбергской киношколы. В миниатюре «Standby» (2008) изображен пустынный мир, оставшийся после внезапной гибели человечества. Только роботы-прислужники продолжают бессмысленно наводить чистоту в квартирах и на улицах...

Всего одна лента интересующего нас содержания вышла в Ир-

ландии, зато какая — «Тайна книги Келлз» (2009, реж. Томм Мур и Нора Туоми). Книга Келлз — это рукописное Евангелие IX века, созданное в аббатстве Келлз. Послушнику аббатства, 12-летнему Брендону, пришлось пережить немало чудесных приключений, чтобы книга была завершена. Уникален образительный ряд фильма — он основан на миниатюрах из той самой книги. Для точности следует добавить, что ирландцам помогали французские и бельгийские кинематографисты. В Бельгии, кстати, любят снимать картины фантастические по антуражу, но совершенно иные по сути. К примеру, «Мухом на Луну» (2008, реж. Бен Стассен). Фантастический элемент как бы и есть (космический полет), однако это фикция: в основе сюжета — противостояние мух и злодеев колорадов, что надежно переводит ленту в разряд современных сказок. Аналогично и с фильмом «Макс и его компания» (2008, реж. Фредерик и Самуэль Гийомы): традиционные мотивы НФ (безумный ученый) «анигилируются» тем фактом, что герои — этикие стилизованные зверюшки.

Ну, а о том, что происходит в фантастической анимации иных стран и континентов, читайте во второй части обзора. Окончание следует.

Александр РОЙФЕ

С В Я Т О С Л А В Л О Г И Н О В

СТАТУЯ

Иллюстрация Владимира БОНДАРЕ

ВЕЛИКОЙ БОГИНИ

Когда Корнуэл Сэмингс начинает величать себя стариной Сэмингсом, следует держать ухо востро. Впрочем, с ним всегда следует держать ухо востро, а еще лучше, попросту не иметь дел. Но попробуйте не иметь дел с Сэмингсом, если это единственный на сто парсеков тип, у которого можно заправить корабль в ту минуту, когда у тебя ничего, кроме этого корабля, не осталось. Нетрудно догадаться, что благотворительностью Сэмингс не занимается и в обмен на свою горючку обдерет тебя, как липку. Сам он любит приговаривать, что делает это для твоего же блага: к липкому, мол, деньги липнут. А уж если Сэмингс принимается называть себя стариной, значит, ты будешь обобран с особым цинизмом.

Но самое опасное, если старина Сэмингс выдает фразу: «Не мне тебя учить». Такое произносится, когда Сэмингс хочет, чтобы ты совершил какое-нибудь гнусное преступление, ответственность за которое будешь нести ты, а прибыль, если она найдется, получит он.

До сих пор я, услышав такого рода предложения, вежливо (неприменно вежливо!) прощался и уходил. Но сейчас деваться было некуда, разве что ночным сторожем на склад списанных звездолетов. А для настоящего звездолетчика это все равно что в петлю лезть. Поэтому мне пришлось выслушать все, что предлагал Сэмингс, вплоть до фразы: мол, не ему меня учить. И самое скверное, что я не понял, где именно старина Сэмингс собирается меня прищучить. Разумеется, благотворительностью он и сейчас не занимался, горючки мне давалось в обрез, а санкции за невыполнение задания были такими, что, проштрафившись, я с ходу мог прощаться со своей «Пташкой». Вот только задание казалось подозрительно пустяковым. С одной из планет Внешнего круга следовало привезти деревянную статую местной богини. Официально — для Эльсианского этнографического музея, хотя, скорее всего, просто кому-то из толстосумов очень захотелось иметь ее в своей коллекции.

Вывозить предметы культа с отсталых планет, разумеется, запрещено. Это, видите ли, может нанести урон местной культуре. Какая у них может быть культура, если там культ, — не знаю, но я и прежде местных божков не касался, и впредь бы не хотел. Однако заказ есть заказ: втемяшилось толстосуму богиню иметь — надо доставить. Аборигены, конечно, своего болвана добром не отдадут, но тут уже, как говорит старина Сэмингс, не ему меня учить. Отбирать статую силком я не собираюсь, это не мои методы, а какие методы мои, распространяться не

следует, особенно когда в радиусе ста парсеков ошивается старина Сэммингс.

Короче, контракт такой, что просто оторопь берет. Не вижу я, где тут ловушка — и все.

А Сэммингс придвигает контракт и улыбается, словно крокодил перед завтраком: мол, подписывай живее, я есть хочу.

— Стоп, стоп! — говорю я. — Так дела не делаются. Я еще не знаю, что за планета, что за богиня, куда и в каком виде ее доставить...

— Это все оговорено в техзадании, — подозрительно быстро произнес Сэммингс.

— Вот и давай сюда техзадание, — ласково предложил я. — Не могу же я соглашаться на работу, не зная, в чем она заключается.

— Там конфиденциальная информация, — зажурчал Сэммингс, — с ней можно ознакомиться только после подписания контракта.

— Если угодно, могу дать подписку о неразглашении, но без информации я за дело не возьмусь.

Конечно, выхода у меня не было, но в данном случае Сэммингс загнул чересчур круто. Ставить подпись под нечитаным документом равносильно самоубийству, а до этого я покуда не дошел.

— А почему? — спросил Сэммингс. По-моему, он был искренне удивлен, что я не желаю совать голову в петлю. Пришлось объяснять.

— Предположим, — произнес я тоном своей первой учительницы, — вскрыв пакет, я узнаю, что планета, на которую мне надлежит отправиться, называется Земля, а статуя богини — Венера Милосская. И что я, спрашивается, буду делать в таком случае?

Сэммингс даже зубами закрипел от зависти, что не он эту штуку придумал. Готов прозакладывать любимую дюзу, что в следующий раз он предложит какому-нибудь лопуху подписать в темную подобный контракт. А покуда залебезил:

— Даю честное слово, что это не Земля. Прежде всего, Земля не относится к планетам Внешнего круга, кроме того, твоя Венера... она ведь не деревянная. Вроде как чугунная или еще какая, но не деревянная. Да и вообще, зачем мне это? Вложения мои пропадут, неприятностей огребу по самое что не надо. Ну, чего ты смотришь волком? Тебе моих слов мало?

— Мало, — признался я.

— Я тебя когда-нибудь обманывал?

— Ни разу. Но это потому, что я никогда не верил тебе на слово и впредь верить не собираюсь.

Короче, разругались мы на славу. Я даже забыл, что деваться мне некуда и договор все равно придется подписывать. Сэмингс, конечно, ничего не забыл, но он отлично знал мой взрывной характер и понимал: я ведь могу и хлопнуть дверью, просто позабыв, что мне некуда уходить. Кончилось тем, что дополнительное соглашение было вытасчено и показано мне.

Я прочел название планеты и понял, что лучше бы это была Земля и мне предложили бы выкрасть Венеру Милосскую.

— Мистер Сэмингс, — сказал я, от избытка чувств переходя на хамски вежливое обращение, — я всегда считал вас жестоким, жадным и беспринципным, но деловым человеком. Однако то, что вы предлагаете сейчас, деловым предложением названо быть не может.

— Это почему же? — спросил Сэмингс тоном оскорбленной невинности.

— Потому что ни один человек в здравом уме и твердой памяти не полетит на Интоку и не станет связываться с поисками, покупкой или контрабандой лаша.

— Чушь! — загремел Сэмингс. — Я лично летал на Интоку меньше месяца назад, и если ты вздумашь при свидетелях усомниться в моем душевном здоровье, то тебе придется до конца жизни выплачивать мне компенсацию за моральный ущерб!

Трудно сказать, какой ущерб можно нанести насквозь прогнившей морали Сэмингса, но на всякий случай я промолчал, а ободренный Сэмингс продолжал развивать наступление:

— Ты требовал показать тебе этот документ, ну так читай! Читай внимательно и не забудь показать мне, где тут написано слово «лаш». Меня не интересует, что вывозят с этой планетенки другие, я собираюсь забрать оттуда старую деревянную статую — и больше ничего! Ну, покажи, где я подбиваю тебя на контрабанду лаша? Смелее, ну!..

— Мало ли чего тут нет, — хмуро сказал я. — Любой знает, что Интока — это лаш, а все разговоры о статуях — лишь прикрытие. Таможенный крейсер сожжет мою «Пташку», едва я появлюсь на орбите.

— Будешь вести себя аккуратно — не сожжет. Сам посуди, мне никакого резона нет посылать тебя на бессмысленную гибель. Сначала мне бы хотелось, чтобы ты выполнил задание.

Порой даже Сэмингс говорит от души, и ему хочется верить. Но я поостерегся совершать такую глупость.

— Вот что, старина, — сказал я и закинул ногу за ногу. — Если ле-

теть на Интоку так безопасно, то, может быть, слетаешь туда со мной? Путь недалекий, заодно посмотришь, как работают мастера.

И тут старина Сэмингс меня удивил. Он заулыбался, словно я подарил ему новенький четвертак, и проскрипел:

— Это первая здравая мысль, которую я услышал от тебя за сегодняшний день. Я с удовольствием слетаю до Интоки. Только на поверхность спускаться не буду, зачем мешать мастеру? Я подожду тебя на орбите, думаю, у таможенников найдется для меня каюта.

Ноги у меня были расположены неудачно, поэтому падающая челюсть долетела до самого пола.

— Зачем тебе это? — только и смог спросить я, когда челюсть со стуком вернулась на место.

— Видишь ли, — охотно пояснил Сэмингс, — я не уверен, что такой мастер, как ты, не захочет малость подзаработать на лаше, поэтому заранее договорился с таможенниками, что они сначала позволят перегрузить статую и только потом конфискуют твой корабль или торпедируют его, если ты вздумаешь удирать.

— Лаша не будет, — твердо пообещал я.

— В таком случае, пройдя досмотр, ты можешь отправляться на все четыре стороны.

После этого мне ничего не оставалось, как подписать контракт. Впрочем, мне с самого начала ничего другого не оставалось.

В Галактике не так много вещей, которые было бы выгодно возить с планеты на планету. Случается порой перевозить редкие металлы; я сам не так давно доставил на Мезер шестьдесят тонн гафния. Ума не приложу, куда им столько? А так больше возим предметы роскоши: поделочный камень, канурские устрицы, редких зверей и цветы долианских лесов. Так что сама по себе поездка за деревянной богиней ничего особенного в моей карьере не представляла. Если бы только планета не называлась Интока... та самая, где покупают лаш. Или не покупают?.. Во всяком случае, оттуда его привозят. Но не вольные торговцы. Вольным торговцам лучше обходить Интоку за двадцать световых лет. Торговлей лашем занимается государственная корпорация, и миндальничать она не станет: патрульный крейсер будет только рад бесплатному развлечению — не каждый день появляется возможность дать залп по дурачку, вздумавшему обмануть таможенников.

Этак кто-то незнающий (хотя откуда взяться незнающему?) может подумать, что лаш — или наркотик сверхъестественный, или оружие бог знает какое ужасное. А лаш — это отделочный материал, во всяком случае, по слухам, на Интоке он именно так используется. Лаш — это маленькие, специально выделанные дощечки, а возможно, чешуйки какого-то дерева или чашелистики местной флоры, это ботаником надо быть, чтобы в таких вещах разбираться. Но эти пластинки, с виду такие никчемные, оказались притягательнее любого наркотика, да и оружие — любому известному во Вселенной — они могут утереть нос. Лаш умудряется отражать удар, многократно усиливая его. Кроме того, как-то он действует на психику и владельца, и тех, кто вздумал бы на него напасть. Владеть лашем удивительно комфортно, а помещение, отделанное этими дощечками, ни разу не было ограблено. Что при этом происходило с потенциальными грабителями, меня не волнует; я не грабитель, но и охранять банки и частные коллекции не подряжался. Кстати, это сильно сказано: «помещение, отделанное лашем» — две, от силы четыре дощечки в обрамлении резной кости, палисандра, янтарных панно, жемчужной вышивки и прочих красотей. Дощечки лаша всегда должны быть парными. Почему — не скажу, но так оно есть.

Вот вроде бы и все, что мне известно о лаше. Примерно столько же знает каждый малолетка, живущий в любом из открытых миров. Больше мне знать не нужно, потому что лашем я не занимался, не занимаюсь и заниматься не хочу. Прежде всего потому, что пара лашек стоит вдесятеро дороже моей «Пташки». Кроме того, как и всякий вольный торговец, я очень неуютно чувствую себя под прицелом орудийных башен. Поэтому на Интоку я отправлюсь за деревянной богиней, кроме нее, не собираюсь трогать там ни единой щепки и улечу оттуда, как только выполню заказ.

Есть немало способов изъять у туземцев святыню, но я пользуюсь шадящими методами. К чему обижать добрых людей и брать грех на душу? А украсть богиню — это всегда грех, во всяком случае, с точки зрения тех, кто ей поклоняется. Значит, надо сделать так, чтобы прихожане не заметили, что богиню у них умыкнули. С моей техникой это не так сложно.

Предаваясь таким душеспасительным размышлениям, я за каких-то три дня долетел до места будущей работы. Старина Сэммингс оказался сносным попутчиком. Поначалу он стал было ныть, что у меня слишком пуританский рацион, но после того, как я предложил ему

платить за провиант, все жалобы мигом стихли. На второй день Сэммингс предложил было перекинуться в картишки по маленькой, но я соврал, будто в юности прирабатывал шулером в трущобах Клирена, и больше он ко мне не подкатывал. Сидел в каюте, и что там делал — не знаю. Наверное, злоумышлял. А я рылся в справочных системах, выискивая все, что есть умного об Интоке, распространенных там верованиях и о лаше, будь он неладен.

На третий день я порадовал Сэммингса, сообщив, что сегодня мы выйдем к Интоке.

— Уже? — удивился старый разбойник. — По моим данным, лететь туда четыре дня, не меньше.

— Это смотря кто летит, — возразил я. — Другому и недели не хватит.

— Получается, я выделил тебе лишку горячего, — ворчливо произнес Сэммингс. — А ты меня обжулил, умолчав об этом.

— Какой смысл летать, если не можешь сэкономить на горячем? Кстати, откуда взялась цифра «четыре»? По норме лететь полагается шесть дней, так что еще надо посмотреть, кто из нас жулик.

Сэммингс пробурчал что-то нечленораздельное и прекратил разговор. Но кое о чем он все-таки проболтался. Раз он знает, сколько времени в действительности требуется, чтобы слетать на Интоку, значит, и впрямь уже летал сюда, а поскольку вряд ли на Интоке имеется много великих богинь, то получается, что в прошлый раз взять ее не удалось. Такое может быть, если все задание не больше чем отговорка, а на самом деле меня здесь ожидает ловушка, вляпавшись в которую, я могу потерять голову или, что хуже, лишиться «Пташки». Ничего, кроме головы и «Пташки», у меня нет, так что об этих двух вещах и будем думать.

Уже на дальних подступах к Интоке я принялся вопить на всех диалектах, что, мол, сами мы не местные, так что, люди добрые, помогите, в смысле, дайте бедному торговцу местечко у причала и команду для таможенного досмотра. Самому было дико слушать, чтобы свободный торговец просил о досмотре. Вопил, конечно, не я, а заранее сделанная запись, сам же я сидел и, отключившись от своих воплей, слушал, как их воспринимают на станции.

Таможенники реагировали адекватно. Не так часто можно вживе полюбоваться на добросовестного идиота, поэтому никто из находившихся на командном пункте не предложил профилактики ради вломить мне в борт торпеду. Зато я сумел получить кое-какую полезную

информацию. Один из офицеров (не тот, что был у микрофона) произнес, обращаясь к товарищу:

— Все понятно: Сэммингс еще одного кретина захомутал. Куда ему столько мелких кораблей?

Я даже не удивился. «Пташка» достаточно лакомый кусочек, чтобы Сэммингс захотел наложить на нее лапу. Как подтвердил незнакомый таможенник, никакой более серьезной подоплеки у дела нет. Задание наверняка окажется невыполнимым, и «Пташка» перейдет к Сэммингсу в качестве «приза». А лаш и прочие хитрости тут ни при чем. Так, во всяком случае, думает старина Сэммингс. Он настолько уверен в успехе предприятия, что даже прибыл сюда на моем корабле, собираясь на нем же отбыть обратно, но уже в качестве владельца. Как явствует из подслушанной фразы, один раз, по крайней мере, ему такое уже удалось. Ничего не скажешь, очень мило и вполне в духе Сэммингса. Вот только меня он в расчет принять забыл, и это большая ошибка. «Пташку» я отдавать не собираюсь, к тому же «предупрежден, значит, вооружен». Не знаю, кто первым это сказал, но думаю, парень был вольным торговцем.

Таможенником оказался засидевшийся в лейтенантах офицер — судя по голосу, тот самый, что называл меня захомутанным кретином. Я не стал прежде времени разубеждать его и отыграл кретина на полную катушку.

Стандартные вопросы для прилетающих на закрытую планету:

— Цель прилета?

— Этнографические исследования. (Ха-ха! Это вольный-то торговец!)

— Сколько времени рассчитываете провести на планете?

— Максимум неделю. (Ха-ха! Я им тут за неделю наисследую!)

— Наркотики на борту имеются?

— Нет. (Еще всякой пакости мне не хватало!)

— Оружие?

— Штатный бластер в опечатанном сейфе. (Я — законопослушный гражданин.)

— Предъявите.

— Вот, пожалуйста. Федеральная печать цела, вот сам бластер, в батареях полный заряд. Надеюсь, все в порядке? Не забудьте только заново сейф опечатать. (А то, что задняя стенка сейфа держится на магнитах, и может быть снята в пять минут, вас не касается.)

— Спиртное?

— Только для личных нужд. (Еще бы я возил выпивку для нужд общественных.)

— Сколько?

— Точно не знаю. Надо сходить на камбуз, посмотреть, а то как бы скотина Сэмिंगс не вылакал за три дня все до капли. Вообще-то он трезвенник, но думаю, что на халяву готов хлестать террианский бальзам стаканами.

— Террианский бальзам! — лейтенант мечтательно закатил глаза. — Давненько я его не пробовал. У нас тут, знаете ли, сухой закон.

— Вполне приличное пойло, — согласился я. — Как говорят торговцы: разумное соотношение цены и качества. Жаль, что вы сейчас при исполнении... Но когда вы будете без кокарды на фуражке, я с удовольствием разопью с вами бутылочку террианского, если, конечно, Сэмिंगс не прикончит ее прежде. Но, разумеется, все будет происходить здесь: у меня на корабле сухого закона нет.

Намек был понят мгновенно, лейтенант развернул фуражку кокардой к затылку, и все формальности на этом закончились. Лишь когда мы приканчивали вторую бутылку террианского и давно стали лучшими друзьями, он спросил:

— А на продажу ты что-нибудь привез, хотя бы для отмазки?

— У меня отмазка от Эльсианского этнографического музея, а вообще я привез полторы тонны мандаринов. Как думаешь, раскупят у меня мандарины?

— Купить-то купят, нас армейская кухня фруктами не балует, но тебе это зачем? Это же невыгодно — мандарины через полгалактики везти!

— Это был единственный товар, который мне дали на реализацию просто под честное слово. Будет прибыль — расплачусь, а и пропадет — не велика потеря. Этих мандаринов там, что грязи. Мандарины для меня товар сопутствующий, а главное — предметы местных культов. Рейс снарядили под них.

Лейтенант наклонился ко мне и,дохнув террианским, произнес:

— А вот здесь ты, парень, влип. Месяц назад один твой коллега уже прилетал за туземными редкостями. Корабль его теперь у Сэмिंगса, а где он сам, никто не знает.

— То есть пропал внизу?

— Где же еще? На станции если кто и пропадает, так любой рядовой знает, кто, как и за что его уделал. А из тех, кто спускается на планету, мало кто возвращается. Смертники, что с них взять, их и не ищет никто.

— Мой предшественник спускался на посадочном модуле, оставив корабль в лапах Сэмингса?

— Совершенно верно.

— Ну, этой ошибки я не совершу. Пропаду, так вместе с «Пташкой». Но, честно говоря, я подозреваю, что парень решил подзаработать на лаше, и вы его уконтрапупили.

— Если бы это было так, я был бы в курсе. Нас тут пятьсот человек — и знаешь, чем мы занимаемся?

«По три кило мандаринов на нос, — машинально отметил я. — Многовато, но терпимо». Вслух я ничего не сказал, чтобы не перебивать полезный монолог. Не дождавшись отклика, лейтенант продолжил:

— Мы сидим тут и ни фига не делаем. Единственное развлечение — сплетни, словно в клубе старых дев. Конечно, шугаем всяких проходимцев, самым незаконным образом не пуская их на планету. Кое-кого даже жечь приходится — тех, кто пытается прорваться вниз с оружием. Мы бы и тебе пинка под зад дали, но твой шеф как-то сумел договориться с нашим полковником. Не иначе, они в доле. Ну и, конечно, гарантия, что новой войны за лаш не случится... Ты хоть знаешь, что такое война за лаш?

— Читал...

— Ни хрена ты не знаешь! Больше тысячи человек потерь, цвет космического десанта положили, а результат — ни одной дощечки! Понимаешь теперь, почему мы туда никого с оружием не пропускаем? Кстати, твой бластер я изымаю. Сумеешь живым вернуться, получишь назад. Зверей, чтобы на человека нападали, там нет, а от людей бластер не спасет. Нельзя там стрелять, понимаешь?

Я кивнул, подначивая на продолжение разговора.

— У них там этого лаша — завались! В каждой хижине по две или четыре дощечки просто на стенке висят. Они всегда парами, по одной дощечке лаш не работает, деревяшка — и все. Вот и у них: простая семья — две лашки, знатная — четыре. Казалось бы, приходи и забирай, а они пускай себе новые вырезают, если без них не могут. Только ведь они родами живут и друг за дружку горой. Попробуй их тронь, если на их стороне тысяча лашек!

— Мне лаш не нужен, — напомнил я. — Меня предметы культа интересуют.

— Дураком ты родился, дураком и сгинешь... У них весь культ на лаш завязан. Сколько в святилищах этого лаша, никто не считал. Оттуда не возвращаются. Это такая сила, что и представить невозможно.

Ударная рота космодесанта на подходе к одному из святилищ полегла вся до последнего человека. Уже знали, что стрелять там нельзя, лаш выстрелы возвращает вдесятеро, так они в рукопашную пошли. И что с ними дальше было, неизвестно. Ни один не вернулся, чтобы рассказать.

— Но ведь вы покупаете лаш, — коснулся я запретной темы.

— Ага, покупаем. Только не вздумай спрашивать, в обмен на что. Сам не знаю и тебе не советую выяснять. Понял? А я вот что тебе скажу... Мы тут сидим, пятьсот голов, целый гарнизон. Плюс начальство, менеджеры, всякая шелупень. Раньше еще ученые были, но теперь их подальше передвинули, в институт лаша. У них там есть пара дощечек, пусть изучают. И вся эта прорва народа — ради чего? В год получаем от туземцев от одной до четырех пар лашек. Больше, видите ли, нету!

— Так, может, и на самом деле нет?

— Скажешь тоже... Для себя — сколько захочется, для нас — сколько останется. Оттого и война началась. Войной-то ее после назвали, когда потери начались нешуточные. А сначала хотели по-быстрому изъять лишний лаш, а в остальном никто туземцев поработать не собирался, тем более истреблять. Только обломились наши вояки. Потом высоколобые объясняли, что весь лаш на планете связан в единую систему, так что без разницы, хочешь ли ты напасть на самое главное святилище или забрать пару дощечек у какого-нибудь пастуха. Ответ получишь по полной. Знаешь, во время войны был такой случай: решили наши стратеги нанести психотронный удар по малонаселенной местности. Там у дикарей вроде как фермы были, на всю округу всего несколько семей. Хотели отключить крестьян на пару часов, быстренько выбрать лаш — и все, пусть себе дальше пасут своих овец, или кто у них там. А вышло как в сказке: вся десантура неделю в депрессняке валялась. А у них, между прочим, системы жизнеобеспечения и прочее хозяйство, которое обслуживать надо непрерывно. Народу погибло — море, безо всякой стрельбы.

— А у пастухов что?

— Не знаю. Кто ж такими вещами интересуется?

— А святилища, значит, особо защищены...

— Это уж как пить дать!

— В хорошее, однако, местечко меня Сэмिंगс посылает... Но откуда тогда известно, что там статуи стоят, и всякое прочее? Может, там, кроме лаша, и нет ничего? А я буду, как последний дурак, идолов искать.

— А ты и есть последний дурак, потому что умный человек в такое место не полезет. Но идола там есть, в каждом святилище девка деревянная стоит. Весь избыток лаша, черт бы его побрал, в жертву девкам идет.

Теперь все стало по своим местам. Статуи великой богини находятся под охраной лаша, и легче украсть весь лаш, чем бросить алчный взгляд на великую богиню. Хорошо меня Сэмингс обдурил. Положение, похоже, безвыходное. Но я продолжал выпрашивать, хотя остатки террианского бальзама стремительно испарялись из лейтенантовой головы.

— Как же узнали про статуи? Был там кто-то из наших?

— А как же! Ученая братия всюду шаталась, хотя у них тоже из троих спустившихся двое пропадали без вести. Потому яйцелобых и убрали отсюда. Хотя, думаю, не из-за тех, которые гибли, а из-за тех, которые возвращались. Некоторые ходили вниз, как к себе домой, а это военным обидно, коммерсантам еще обиднее, потому что пользы от них было меньше, чем нисколько. Узкие специалисты, прах их раздери! Один, вишь ли, занимался предикативной лексикой. Все остальное ему было неинтересно. Ты вот знаешь, что такое предикативная лексика?

— Первый раз слышу.

— И я не знаю. Обсценную лексику знаю, а предикативной, извините, в училище не проходили.

Я сочувственно кивнул. Образованный лейтенант мне нравился. Он и лексику какую-то знает, и у другой название запомнил. Я так не могу. Не удивлюсь, если окажется, что обсценную лексику я тоже знаю и даже пользуюсь ею в нужную минуту, но как она называется, мне вовек не запомнить.

— Билось с ними начальство, билось, потом видит, что одни гибнут, а другие бесполезны, и выслало всех к ядрене фене.

— Правильно, — поддакнул я.

Напрасно я это сказал. Лейтенант глянул на меня неожиданно осмысленным, трезвым взором и твердо произнес:

— И ты сгинешь, потому что тебе что-то там надо.

— Ничего сверх предикативной лексики. Раз она позволяет уцелеть, вот ею я и займусь. А вообще мне нужно одно: остаться в живых и поскорее избавиться от кабального договора с Сэмингсом. Это вещи взаимодополняющие.

— Тогда желаю удачи.

Я вытащил третью бутылку террианского, не забыв добавить, что она последняя, но лейтенант откупоривать бутылку не стал, а бесхитростно засунул ее в карман кителя. Затем повернул фуражку кокардой вперед, вежливо попрощался и ушел, в виде благодарности забыв изъять бластер.

Таможенный осмотр закончен. Впрочем, у меня и на самом деле не было ничего, запрещенного к ввозу на отсталые планеты. Не считать же контрабандой незадекларированные мандарины.

От фруктов я избавился в тот же день. Как известно, цены можно заламывать и залуплять, а поскольку я не сделал ни того, ни другого, то местный интендант купил у меня разом все полторы тонны, а я предоставил ему возможность самому делать наценку на каждый килограмм мандаринов. Едва мы закончили расчеты, как в каюту ворвался Сэммингс и принялся орать, что я нарушаю контракт и обтяпываю свои делишки, вместо того чтобы выполнять прямые обязанности.

— Я теряю драгоценное время, а он пьянствует с офицерами и при-
торговывает каким-то гнильем! Горючее тебе выдавалось для вполне конкретных целей, среди которых нет перевозки фруктов! Если уж на то пошло, то мандарины, перевезенные за мой счет, должны принадлежать мне, и будь уверен, я стребую с тебя все до последнего гроша!..

Я внимательно, не перебивая, выслушал всю тираду, а потом предложил:

— Угодно приостановить выполнение заказа и отправиться в ближайший федеральный центр, чтобы начать тяжбу по поводу мандаринов? В суде с удовольствием примут иск. «Мандариновое дело» — такого прежде не бывало. Все издержки за счет проигравшей стороны. Только кое-кому придется доказать, что горючки, которую ты мне выдал, должно хватить на перелет до Интоки и обратно.

— Но ведь тебе хватило, даже с избытком!

— Так я долетел за три дня вместо шести. А в суде действуют федеральные нормы.

Сэммингс схватился за голову и простонал:

— Мошенники! Всюду мошенники...

— Совершенно верно, — согласился я. — По крайней мере, одного я вижу в своей каюте. Ну так что: летим в суд восстанавливать поправную справедливость?

— Сначала контракт, — проскрипел Сэммингс. — Но помни, уж там-то сроки проставлены жесткие: три дня — и ни минутой больше. А один день ты уже профукал.

— Н-да?... — голос мой был полон холодного сарказма. — По-моему, первый из трех дней начнется завтра. Сегодня — день, сэкономленный на дороге. Зря я, что ли, старался?

— Что тебе дался этот день? — патетически спросил Сэммингс.

— Я забочусь о человечестве. Целый день ты будешь сидеть здесь и не сможешь никому сделать никакой гадости. Я рассчитываю, что за этот подвиг мне воздвигнут железобетонную статую в святилище великой богини. А теперь, будь так добр, убирайся вон. Остаток дня я намерен посвятить изучению предикативной лексики.

Издеваться по мелочам над Сэммингсом, конечно, приятно, но в главном он прав: время поджимает и основной контракт в суде не оспоришь.

Пора браться за дело.

Еще пару минут я потратил на то, чтобы все-таки выяснить, что же это такое — предикативная лексика. Оказалось, ничего особенного. Жизнь класть за нее я бы не стал. А вот любопытно: таможенный лейтенант тоже заглядывал в справочник или ему комфортнее не знать, что это такое?

Об этом я размышлял, покуда зонд-разведчик прочесывал окрестности святилища, из которого мне предстояло извлечь богиню. Очень скоро я нашел, что искал: посадочный модуль моего предшественника. Парень делал именно то, чем поначалу собирался заняться я. Точная копия богини была уже изготовлена и дожидалась в модуле. Только специальные методы анализа, которых, разумеется, нет у дикарей, могли бы отличить подлинник от подделки. Казалось бы, чего проще: втихоря подменил статую, и все довольны, кроме, разумеется, Сэммингса. Дикари продолжают молиться своему кумиру, Эльсианский этнографический (никакого толстосума, несомненно, в природе нет) получает редкостный экспонат, а вольный торговец довольствуется скромным вознаграждением и чувством хорошо выполненного дела. Тем не менее замечательный план сорвался, и жив ли исполнитель — неведомо. Три дня прошли, Сэммингс вступил во владение кораблем и теперь точит зубы на мою «Пташку».

Значит, мне предстоит действовать иначе.

Мой предшественник работал тайно, скрываясь от глаз туземцев, и это ему не помогло. Я буду действовать в открытую. Он спускался на посадочном модуле, я полечу на «Пташке». О дальнейшем у меня имелись самые смутные представления. Что значит — действовать в открытую? Явиться к жрецам и сказать: «Отдайте мне вашу богиню.

Очень она мне понадобилась». Боюсь, что после таких слов не ее мне отдадут, а меня ей. Есть у них среди обрядов нечто подобное: «Отдать великой богине». Подробности этой процедуры никто не знает, и узнавать я их не хотел бы на собственной шкуре.

Осталось последнее: когда не знаешь, как поступать, доверься интуиции.

Едва я отшвартовался от орбитальной станции и пошел на посадку, как передатчик ожил и принялся визжать голосом Сэмिंगса:

— Ты что делаешь, болван? Немедленно вернись!

— Приступаю к выполнению задания, — сообщил я уставным тоном. — Но если вы разрываете контракт и готовы заплатить неустойку, то я немедленно возвращаюсь.

Сэмингс захлебнулся проклятиями. Старину можно понять: если я сгину внизу, ему предстоит выволакивать с планеты корабль, а охотников на это дело так просто не найти. Ничего, пусть помучается. Он-то на мою долю и вовсе оставил бесславную гибель среди дикарей.

Опустился я чуть в стороне от поселка, где находилось нужное мне святилище. Приземлился нежно, на антигравках, но с оптическими эффектами, чтобы прибытие мое все заметили, но никто не счел за нападение. Вышел наружу даже без бластера, что как-то и непривычно. Уселся ждать. Покуда ожидал, составил в уме предикативную речь: «Я быть хотеть видеть великую богиню, поклониться, иметь честь принести дар...» — и прочее в том же духе. Через полчаса явились трое, серьезные до ужаса. А у меня, как назло, все предикаты из головы вылетели, и я выдал по-простому: так, мол, и так, много слышан о вашей богине, хотел бы, если возможно, взглянуть и поклониться. Они отвечают тоже вполне предикативно, что великой богине поклоняться могут все, всегда и везде.

— А видеть?

— Тоже можно.

После этого отправились в поселок, беседуя по дороге о погоде и видах на урожай. Вполне себе нормальные люди оказались, безо всякого фанатизма.

Поселок выглядел как всякий поселок на отсталой планете: хижин стоят, детишки бегают, куры в пыли возятся... или не куры, но в перьях, хотя и с шестью ногами. Девушки опять же словно случайно по делам вышли, на гостя взглянуть. Симпатичные пампушечки, мне такие нравятся. Лысые, правда, все до одной, но ведь мне им не косы заплетать.

Строго говоря, мне сейчас не о девушках думать надо, а о жизни и душе. К великой богине иду, не куда-нибудь. И что там со мной делать начнут — неизвестно. Хорошо, если только волосы выдерут по своему образу и подобию, а если сразу освежают?

Посреди поселка — святилище в пребольшем бунгало. Вообще-то я в жизни ни одного бунгало не видел, но думаю, оно как раз такое и есть. У входа — охрана, двое молодцев с резными деревянными колотушками. Резьба по дереву у них хороша, и чего музею непременно богиня потребовалась? Я бы им за неделю такую коллекцию резной всякости собрал — закачаешься!

Мимо охраны меня провели и представили старшему жрецу. Тот тоже ничем особо не выделяется — старикашка с ехидным выражением лица. Сэмिंगс, когда состарится и окончательно облысеет, таким же будет. Хотя, думается, я напраслину на жреца возвел: двух Сэмिंगсов в одной Вселенной наверняка не сыщешь.

Представили меня жрецу, объяснили просьбу. Тот скрипит:

— Похвально, весьма похвально. Всякий, желающий лицеизреть богиню, может это сделать. Только помни, что у алтаря тебя ожидает грозный страж. Поэтому смири грешные мысли, чтобы он не заметил тебя.

Произнес он это так, что сразу стало понятно: грозный страж не метафора и не богословский термин, а должность — Грозный Страж. Теперь все стало ясно. Предшественник мой в святилище проник, но грешные мысли не смирил и был замечен. А если за спиной Стража вся мощь лаша, то он и впрямь таков, что грознее не бывает.

Отступать было некуда, поэтому я сделал постную мордашку и вошел в святая святых. Утешала меня мысль, что не всех же они подряд убивают; вот и среди ученых пусть каждый третий, но возвращался. Хотя ученые по определению люди не от мира сего, а значит, безгрешные.

Помещение оказалось просторным, богиня на возвышении поставлена, вырезана из цельного бревна с большим умением. Симпатичная, хотя те, что в поселке встретились, мне больше по душе. У живых юбочка снимается, а эта вместе с юбкой в одном куске.

Подумал так и сам ужаснулся — куда уж грешнее мысли. Однако никто на меня не набросился, башки моей драгоценной не свернул. Значит, простые человеческие чувства тут за грех не считают. И на том спасибо.

Я поклонился пониже и подкатил к подножию статуи свои дары —

четыре мандаринчика. Что здесь все, по возможности, должно быть парным, я уже усвоил.

— Это что? — скрипит жрец.

— Плоды моей земли.

— Семечки в них имеются?

Продавцы на рынке, расхваливая свой товар, традиционно кричат: «Бэс косточки!» — но я человек честный, а перед деревянным взором богини лучше и вовсе не врать.

— Есть немного.

— Это хорошо. Мы попробуем вырастить твои плоды. Может быть, они станут и нашими тоже.

Вот так. Правильно меня учила мама: всегда лучше говорить правду. Когда понадобится соврать, честному человеку скорее поверят.

Приосмелел я, бросил взгляд по сторонам и охнул: все стены в святилище выложены лашем! Не десять, не сто — тысячи дощечек! Настоящего лаша я в жизни не видел, но почему-то сразу узнал. Да и с чего бы жрецам в главном святилище подделку выставлять? Под таким прицелом не о грешном надо думать, а о том, как свою душу спасти.

Между тем никто меня не убивает, и даже особого влияния лаша не чувствуется. Хотя, если вдуматься, так и должно быть. Молитвенного экстаза я вовек не испытывал, жадности к деньгам, а значит, и к лашу, во мне не так много. За жизнь страшновато, но не настолько, чтобы сломя голову бежать. Спрашивается, что лашу усиливать? Он меня и не замечает, как и пресловутый Грозный Страж. Кстати, где он сам? Не иначе, сбоку за занавесочкой прячется. Пододвинулся я, словно невзначай, и увидел его, родимого. Сидит, ноги калачиком свернул, морда тупая, ничего не выражает. Медитирует, бедняжка, перед лицом хозяйки. И не лысый, а вовсе даже наоборот. Среди всех вольных торговцев такая огненная шевелюра у одного Патрика Брайена. Так вот, значит, кто был моим предшественником! Ну, погоди, старина Сэмингс, придет время, за все заплатишь, тут уж не тебе меня учить.

Великая богиня и эти мысли за грех не посчитала. Я ее даже зауважал — правильная баба, даром что деревянная. Если под старость впаду в маразм и вздумаю уверовать в какого-нибудь бога, непременно выберу великую богиню Интоку.

— Патрик, — позвал я. — Патрик, очнись!

Никакой реакции. Сидит, наблюдает вечность. Зато жрец забеспокоился, коснулся моего плеча:

— Не тревожь Грозного Стража. Он пребывает в покоях великой богини и беседует с ней. Человеческие речи ему неинтересны.

Это я и сам вижу, что приятелю моему сейчас ничего не интересно, кроме, возможно, лаша, устилающего стены. И каковы должны быть грешные мысли, пробуждающие Стража, теперь понятно. Думай о чем хочешь, но не пытайся посягнуть ни на лаш, ни на богиню. Понятно также, почему никакая психотроника на Стража не действует. Он и так в глубокой прострации — куда уж больше?

Мне осталось печально вздохнуть и последовать за жрецом, напоминающим об окончании аудиенции. Мандарины, кстати, жрец уже прибрал. И правильно: деревянная богиня цитрусы есть не станет, так что нечего товар зря гноить.

Зашли в комнату для гостей, принялись беседовать. Я со всем рвением неофита начал выпрашивать о великой богине все, что только можно. Ну там, чудеса, то да сё, как она народ свой бережет и лелеет; это все не трудно, когда у тебя целая стена лашем выложена.

— А Грозный Страж зачем нужен?

— Охранять образ богини и наказывать нечестивцев за грешные мысли.

— Это я понимаю, а как вы его выбираете?

— Мы, — отвечает жрец, — его не выбираем. Его выбирает сама богиня. Иногда приходит новый человек и начинает биться со Стражем. Если он победит, то становится новым Стражем. Страж, которого ты видел, пришел меньше месяца назад, ночью, и с легкостью сокрушил прежнего Стража. Это очень могучий служитель великой богини.

«Да уж, на кулачках драться рыжему Патрику равных не было...» — это я подумал, а вслух спросил:

— И часто появляются новые соискатели этой почетной должности?

— Последние годы редко, а было время, твои соотечественники являлись сюда толпами и насмерть бились за право служить великой богине. Тогда погибло много ваших людей и даже несколько мирных жителей, которые вовсе не собирались биться за право стать Грозным Стражем. Мы не успевали хоронить погибших пришельцев и храним о тех временах скорбные воспоминания.

«Ага! — понял я. — Значит, так аборигены понимают войну за лаш! Послушали бы эти рассказы стратеги из космического десанта, может, кому-нибудь из них стыдно стало бы...»

— После этого мы просили ваших людей не приходить сюда с оружием. Они с тех пор выполняют нашу просьбу, а мы, убедившись, что

они хотя бы иногда умеют держать слово, стали им дарить лаш. Конечно, он нужен нам самим, но лаш — это такая вещь, что надо не только пользоваться им, но и уметь с ним расставаться.

— А что они дают вам в обмен? — задал я наивный вопрос.

— Ничего. Разве в обмен на подарок следует что-то давать?

Пока я переваривал услышанное, мой собеседник вернулся к теме, которая волновала его значительно сильнее.

— У вас очень странное оружие. Оно не только убивает, но и зачастую сжигает тело. Если человек пойдет на охоту с таким оружием, он не принесет никакой добычи — она вся сгорит. Наши мудрецы много думают над этим вопросом, но пока разумного объяснения не нашли.

— Дело в том, — вступился я за человеческий разум, — что на некоторых планетах водятся очень большие и опасные звери. Ваши луки, томагавки и метательные дубинки совершенно бесполезны при охоте на такого зверя. Для охоты на них и придуманы наши бластеры. А когда наши люди едут в новые места, они берут с собой такое оружие. Мало ли кто может встретиться в незнакомом лесу.

Жрец уважительно поцокал языком, представляя зверя, которого можно свалить только из плазменной пушки. А я, устыдившись вранья, решил честно признаться в невольном нарушении:

— У меня на корабле тоже есть бластер, но он надежно спрятан, заперт под замок, и я обещаю не доставать его, пока я у вас в гостях.

— Оружие, лежащее взаперти, — хорошее оружие, — изрек служитель великой богини. — Я рад, что у нас нет животных, против которых требуются такие ужасные средства.

Этак мы беседуем, как воспитанные люди, а я еще и размышляю над полученной информацией, потому что задание, так или иначе, выполнять надо. Получается, что силой богиню не взять, поскольку ее защищает мощь лаша. Хитростью тоже не взять, ибо нетрудно догадаться, что всякое злоумышление против статуи будет расценено Стражем как греховная мысль. Чтобы понять, что будет дальше, семи пядей во лбу не требуется. Либо Страж меня побьет, — не знаю, что случится после этого, но богини я точно не получу. Либо я побью Стража и немедленно стану Стражем сам. Я припомнил физиономию Патрика и понял, что такая карьера меня не привлекает.

Жрец между тем рассказывает:

— Раз в год богиня покидает храм и обходит страну, принося успокоение и процветание в самые дальние пределы. Случается, она от-

правляется в путешествие и в неурочное время, если где-либо нарушился мир или повредились нравы...

И тут меня осенило. Я дождался перерыва в речах и осторожно спросил:

— Мудрейший, приходилось ли вам наблюдать маленькую луну, которой прежде не было на небе и которая быстро движется среди звезд?

Старец важно кивнул:

— Мы знаем эту луну. Она называется Орбитальной станцией, и на ней живут люди, подобные тебе.

— Вот о ней я и говорю! — подхватил я. — Мир там худо-бедно, но установлен, хотя незапертого оружия на станции много больше, чем хотелось бы скромному торговцу. А вот порча нравов превысила все пределы. И я подумал, может быть, великая богиня смогла бы помочь моим бедным соплеменникам?

— Это было бы хорошо, но тут есть одна трудность: великая богиня не летает.

— Как раз для этого я и прибыл к вам! — с искренним жаром воскликнул я. — Мой корабль к вашим услугам. Если угодно, великая богиня сможет хоть прямо сейчас подняться в небеса!

— Прямо сейчас, — скрипит жрец, — невозможно. Перед путешествием необходимо провести полуночную службу. А вот завтра с утра...

Покуда он говорил, у меня сердце сначала оборвалось, — а ну как полгода ждать заставит? — потом снова к жизни воспряло.

— К утру, — говорю, — все будет готово.

Целую ночь я свою «Пташку» прихорашивал. Все-таки богинь приходится возить не так часто. В грузовой отсек ее засовывать — не по чину будет, а еще куда? Есть две каюты, куда, кроме койки и рундучка, втиснуть ничего нельзя. Есть камбуз и там же обеденный стол на двоих. Еще ходовая рубка. Она попросторнее — на случай установки дополнительных приборов. Туда я и решил богиню определить. Дополнительные приборы, которых у меня всегда бывало много, большей частью демонтировал и перетаскал в грузовые отсеки. Заднюю стенку освободил, хотел даже надпись сделать светящимся маркером: «Добро пожаловать!» — но передумал. Хотят, пусть сами пишут, маркер я им выдам. Красоту навел и чистоту, все перегоревшие или попросту ненужные индикаторные лампочки заменил на новые, так что засияла рубка ярче новогодней елки.

Утром является процессия. Жрецы с резными посохами, охранники с колотушками, следом в паланкине несут Грозного Стража, и ме-

стные красавицы с ужасом и восторгом взирают на его мандариновую шевелюру. Во втором паланкине тащат мою драгоценнейшую деревяшку, а позади всех на плечах шестнадцати самых здоровых служителей едет алтарь — все две тысячи сорок восемь дощечек лаша, красиво уложенных в виде параболической фигуры.

— Куда столько? — тихо ужаснулся я.

Оказывается, великая богиня должна путешествовать так, и никак иначе. Прямо скажем, это не то, о чем мечталось в босоногом детстве. Я бы предпочел, чтобы на корабль погрузили богиню и для комплекта Грозного Стража, а все остальное пусть остается внизу, особенно лаш, с которым я честно обещал не связываться. Но тут уже не поспоришь, традиция — штука упрямая. Придется импровизировать по ходу дела.

Служители шустро установили вдоль стеночки алтарь, перед ним воздвигли богиню. Грозного Патрика вытряхнули из носилок, и он уселся на свою приступочку сбоку от алтаря. Еще я взял верховного жреца и для вящего авторитета двух охранников поздоровее, после чего объявил перегруз, так что остальным пришлось из корабля выбираться и тосковать на земле.

Взлетал медленно и торжественно, как и полагается возноситься в небеса. Потом потихоньку начал прибавлять скорость. И только вышел за пределы атмосферы, как слышу голос моего знакомого лейтенанта:

— Вольный торговец, внимание! Индикаторы показывают наличие на вашем корабле партии лаша. Следуйте к посадочному терминалу для досмотра. В случае неподчинения ваш корабль будет немедленно уничтожен!

Как же — немедленно!.. Сначала они попытаются взять меня на abordаж, потому что даже две лашки слишком дорого стоят, чтобы напрасно сжечь их. От планеты я отошел достаточно далеко, планетарная система мне не помощница, а с двумя лашками десантная рота справится. Кстати, уничтожить «Пташку» они тоже могут; какая там будет отдача от двух дощечек? — слезы, да и только, защита патрульного крейсера такое выдержит. Так что лейтенант в своих угрозах вполне серьезен, он же не знает, сколько у меня лаша. Лампочка перед ним мигает или там зуммер пищит, что лаш есть, а количество лаша, пока он не активен, определять на расстоянии никто покуда не умеет. Это я знаю точно, даром, что ли, перед высадкой книжки читал?

Так что грозный лейтенант мне ничуть не страшен. Иное дело, что за спиной у меня алтарь, а при нем Грозный Страж, наказывающий за

грешные мысли. Поэтому импровизировать — импровизируй, а про совесть не забывай.

— Уже лечу, — отвечаю я, на всякий случай отключив переводчик, чтобы жрец и охрана не могли понять, о чем мы беседуем. — А ты, лейтенант, тем временем взгляни, что у меня на борту.

И показываю им крупным планом панораму моей рубки: алтарь, богиню, Грозного Стража, великого жреца и непреклонную охрану с колотушками.

Лейтенант засипел, словно ему уже попало колотушкой по затылку. А чей-то другой голос, поначальственнее или, по крайней мере, поопытнее, загремел:

— Группа захвата — отбой! Оружие на предохранители, и чтобы никто зажигалкой не чиркнул! Сгорим все к ядрене фене!

Правильно мужик ситуацию просек, не удивлюсь, если окажется, что он помнит войну за лаш. Проявлять агрессию перед алтарем, выложенным лашем, самое натуральное самоубийство. От алтаря отдача получится такая, что Интока разом лишится своей маленькой луны.

Я тем временем пришвартовался к одному из терминалов и сообщил по внутренней связи:

— Скажите там Сэммингсу, что я привез ему великую богиню. Да пусть поторопится, а то вдруг у кого из вашей команды венароком грешная мысль проскочит, так я за последствия не отвечаю. Опять же, и эти ребята, — я кивнул в сторону охранников, — богиню хоть и привезли, но расставаться им с нею жалко, нервишки шалят, так что надо бы с этим делом побыстрее завязывать.

Нервишки ни у охранников, ни у Грозного Стража и не думали шалить, поэтому я направил камеру на красноречиво вздетые колотушки. Уж больно мне эти орудия воспитания понравились, жив останусь, вырежу себе такую же.

Не знаю, на руках они несли старину Сэммингса или еще как, но на корабле он появился уже через пару минут и с ходу заорал:

— Это блеф, богиня фальшивая!

— Сэммингс, — сказал я, встряхнув мерзавца за шкирятник. — Заткнись и не богохульствуй перед алтарем. Под старость я намерен уверовать в великую богиню, поэтому не оскорбляй мои грядущие религиозные чувства. Лучше погляди как следует, что я тебе привез.

Дверь я приоткрыл ровно настолько, чтобы Сэммингс мог видеть статую и часть алтаря. Но и увиденного было достаточно, чтобы Сэммингс, как замороженный, потянулся вперед. Уж на Сэммингса-то лаш

действовал, что валерианка на кота. Пришлось вновь хватать его за шкуру и устраивать встряску. Думаю, многие из вольных торговцев позавидовали бы мне в эту минуту.

— Это же лаш! — задыхаясь прохрипел Сэмिंगс. — Прорва лаша!

— Совершенно верно, — подтвердил я. — Дело в том, что алтарь вместе со всем своим лашем является неотъемлемой частью богини. Мне никто не позволил бы взять богиню без алтаря. Это было бы кощунством. А я не собираюсь отягощать свою совесть еще и этим грехом.

— Согласно договору, богиня со всеми своими неотъемлемыми частями принадлежит мне, — голос никак не мог вернуться к Сэмिंगсу, но эту фразу он отчеканил, как на бронзе вырезал.

— Пока не принадлежит, — резонно заметил я. — Не вижу контракта с отметкой о выполнении задания.

Полагаю, Сэмिंगс еще никогда не подписывал документов с такой быстротой.

— Только смотри, — предупредил он. — Если это обман, документ будет недействителен.

— Моя фамилия не Сэмिंगс, — гордо объявил я, — поэтому здесь все честно. Теперь тебе осталось подписать вот это, и можешь вступать во владение имуществом.

Сэмिंगс взглянул на бумагу, которую я ему протягивал, и его глазам вернулся привычный блеск подозрительности.

— Но ведь это контракт Патрика Брайена!

— Совершенно верно. Он был в спускаемом модуле. Там я его нашел и теперь предлагаю подписать.

— Брайен не выполнил договора. Почему я должен это подписывать?

— Не хочешь — не подписывай, — покладистость моя не знала границ. — Только учти, у алтаря имеется Грозный Страж, на которого замкнута вся сила лаша. Если угодно, можешь пойти и сразиться с ним. Я с удовольствием погляжу, чем кончится ваша стычка. Поскольку Страж есть неотъемлемая часть алтаря, я не обязан его нейтрализовать. Цена его нейтралитета — погашенный договор.

С этими словами я приоткрыл люк пошире, так что Сэмिंगсу стал виден сидящий Патрик. Сейчас он не был столь непроницаемо спокоен, эхо грешных мыслей долетало к нему, Грозный Страж ворочал головой, выискивая крамолу, глаза мрачно светились, с рыжих волос стекали холодные голубые огни. Выглядело все внушительно и могло напугать кого угодно.

Конечно, в этот момент я блефовал, но, как известно, кто не рискует, тот не пьет террианского бальзама. Сэмингс сморщился, словно вместо воды хлебнул обезьяньей мочи, и расписался на втором кон тракте.

— Теперь все это твое! — торжественно возгласил я. — Забирай!

Я распахнул люк и втокнул Сэмингса внутрь.

— Мое! — прохрипел Сэмингс, слепо двинувшись к алтарю.

Патрик, почувствовав угрозу, начал подниматься навстречу.

Верховный жрец ошибался, говоря, что порой Страж просто наказывает нечестивца, а порой случается поединок между Стражем и претендентом на его место. Поединок происходит всегда. И побеждает не тот, кто сильнее, лучше обучен или вооружен, а тот, чья алчность пылает ярче. Именно он перехватывает управление лашем и давит противника.

Я собирался предупредить поединок, вырвав ритуальную колотушку из рук растяпы охранника и тюкнув ею Патрика по рыжей макушке, но вмешаться не успел. Жадность Сэмингса была так велика, что Патрика попросту смело. Сэмингс мгновенно установил контроль над лашем, отняв его у бывшего Грозного Стража. Мне оставалось подхватить упавшего Патрика под мышки и выволочь его из рубки, пока Сэмингс не добил поверженного. Прочих свидетелей поединка он уже не замечал, они на лаш не претендовали и были ему неинтересны.

В каюте я быстро достал бутылку террианского бальзама (последнюю!) и влил в пасть Патрику разом полстакана.

Вообще, террианский бальзам следует смаковать по каплям, из маленьких хрустальных рюмочек, под хорошую беседу. Однако последнее время мои запасы поглощаются стаканами и целыми бутылками. Особенно обидно тратить таким варварским образом последнюю (ну, почти последнюю) бутылку. Но выбирать не приходилось, лучшего средства привести Патрика в чувство у меня не было.

— А?.. Что?.. — выговорил Патрик и потянулся к бальзаму.

— Бутылку не лапай, — осадил я Патрика. — Лучше почитай-ка вот это да носа из каюты не высовывай, пока я за тобой не приду.

Я протянул Брайену его договор с Сэмингсом, где скорченная от жадности приписка сообщала, что статуя великой богини доставлена и передана заказчику, так что претензий к Патрику Брайену не имеется.

Патрик углубился в чтение, а я побежал назад в рубку.

Там уже все устаканилось, не только Сэмингс взял под контроль лаш, но и лаш взял под контроль Сэмингса. Новый Грозный Страж си-

дел на приступочке у алтаря, а жрец невозмутимо декламировал приличествующие случаю молитвы.

Я включил связь, и рубку заполнил проникновенный баритон, повторявший:

— На «Пташке», отвечайте, что у вас происходит?

— Вы же сами видите, — устало откликнулся я. — Это мне не видно, что происходит у вас, а к вам на командный пункт все транслируется. У нас произошла смена Грозного Стража. Патрик Брайен уволен от дел, его место занял более достойный кандидат: Корнуэл Сэмингс. Смену Стража вы наблюдали собственными глазами. Брайен жив, хотя и огорчен случившимся. Что вас еще интересует?

— С вами говорит полковник Кирх, — заметно было, что баритон не знает, как обратиться ко мне. — Мы предлагаем вам сотрудничество. Вы сумели добыть лаш, но вам никогда не удастся продать за хорошую цену ни одной пары лашек. А у нас есть знание рынка, налаженные каналы сбыта...

— Послушайте, полковник, я никак не разберусь, вы представляете федеральную структуру или частную лавочку?

— Это имеет значение?

— По большому счету — нет. Но я вынужден огорчить вас, поскольку не собираюсь продавать ни единой пары лашек. Тут две тысячи сорок восемь дощечек или одна тысяча двадцать четыре пары. Если мы вынем из алтаря хотя бы одну пару лашек, гармония чисел будет нарушена.

— Вы собираетесь продать алтарь целиком? В Галактике ни у кого нет таких денег.

— Именно поэтому я собираюсь вернуть алтарь на место. Я соби-
рался сделать это с самого начала и только поэтому еще жив. Этот лаш, полковник, он возвращает вам усиленными не только выстрелы, но и помыслы, поэтому перед алтарем нужно избегать мыслей, которые убьют вас или сделают, — я кивнул в сторону Сэмингса, — Грозным Стражем свалившегося сокровища.

— Но погодите, — полковник занервничал. — Не надо никаких убийственных мыслей. Ко всему на свете можно подойти хладнокровно. Небольшой бизнес...

— В отношении лаха маленького бизнеса быть не может. К тому же вы забываете, что это не просто штабель ужасно дорогих досок, которыми можно хладнокровно торговать. Спросите любого жителя Инто-ки, он скажет: это святыня, алтарь великой богини. Святынями, к вашему сведению, не торгуют.

— Алтарь ложной туземной религии! Если бы не лаш, он бы вообще не заслуживал упоминания и интересовал только музейщиков.

— Я вижу, полковник Кирх, вы верующий человек.

— Да, конечно.

— А я — нет. Поэтому все религии для меня равны, и я могу судить объективно. Так вот, в любой религии есть две крайности, противоположные, но равно отвратительные. Это фанатизм и святотатство. Великая богиня Интока сумела свести противоположности воедино, за что ей честь и хвала. Фанатик здесь становится святотатцем, и наоборот. Вот сидит Сэммингс, соединивший в себе оба эти качества. Он фанатик денег, и лаш, как их высшее проявление, священен для него. Но в погоне за деньгами он попытался украсть алтарь, и значит, он святотатец. Кстати, его попытка удалась, алтарь принадлежит ему. Полковник, попробуйте вести переговоры о вашем бизнесе с законным хозяином — Корнуэлом Сэммингсом. Боюсь, что у вас ничего не выйдет. В лучшем случае, вы сумеете сменить его и занять почетную должность Грозного Стража. Ну как, рискнете?

— Вы произнесли замечательную проповедь, — сказал полковник.

— Должно быть, алтарь действует и на вас. Тем больше причин поскорее разобрать его. Вспомните: вы сами прилетели сюда, чтобы украсть богиню.

— Именно за этим я и прилетел. И если бы это можно было сделать, не оскорбляя чувств прихожан, я бы спер ее с чистым сердцем. Но раз нельзя, то нельзя. Я не фанатик, но и богохульством заниматься не привык. Поэтому богиня вместе с алтарем отправится домой и будет принадлежать Сэммингсу, заняв свое законное место.

— Но...

— Хватит, хватит! А то я действительно впал в морализаторство, обычно мне не свойственное. Сейчас я облечу вашу станцию, — не беспокойтесь, я просто обещал своим друзьям эту экскурсию, а потом повезу богиню обратно. Всего доброго, полковник.

Я решительно вырубил связь и покинул гостеприимный терминал орбитальной станции. Затем, как и обещал, совершил вокруг станции круг почета, чтобы жрец мог прочесть все положенные молитвы. Надеюсь, они послужат к исправлению нравов гарнизона, особенно пагубной страсти к пьянству за чужой счет. А куда гарнизон — пятьсот бравых вояк, замерших у лучевых орудий и торпедных аппаратов, экипажи двух патрульных крейсеров, всевозможные техники и механики, которых на подобных объектах всегда много больше, чем нужно для

дела, — дрожмя дрожал и боялся чихнуть, чтобы не вызвать ответной реакции лаша. Полагаю, не слишком приятно сознавать, что летающая смерть кружит у самой твоей головы, высматривая, достаточно ли чисты твои помыслы и намерения.

Что касается меня, я был совершенно уверен в себе и даже выкроил минутку, чтобы сгонять в каюту и снять излишнее напряжение рюмочкой бальзама. Разумеется, бутылка оказалась пуста, а Патрик дрых на моей койке, с блаженной улыбкой прижимая к груди погашенный контракт. Черт бы побрал всех алкоголиков, бутылками жрущих мой бальзам! Да, мне его жалко, и сама великая богиня не осудит меня за это чувство.

Опустились мы на той же полянке, с которой взлетали. Вся толпа провожавших теперь встречала нас. Насколько я понял, никто и не думал волноваться, словно космические путешествия для великой богини — самое привычное дело. Но меня, разумеется, начали чествовать как национального героя. Приняли в почетные граждане или что-то вроде того, во всяком случае, наташили кучу всякого обзаведения, так что теперь я мог жениться на любой лысенькой красавице, поскольку все домашнее хозяйство у меня уже было. А без этого туземцу жениться нельзя. Все приданое режется из дерева, и занимаются этим, как нетрудно догадаться, исключительно мужчины. А то какое же будет хозяйство, если муж мутовки вырезать не в состоянии? А меня не только гражданином признали, но и присвоили звание младшего жреца и выдали соответствующий посох.

Патрик тоже пригрелся в лучах чужой славы, получив весь полагающийся набор корзин и деревянной посуды. Прежде свергнутый Грозный Страж никогда не выживал; новый Страж всегда убивал предшественника, и теперь совет жрецов не знал, как поступить с разжалованным. Подумали и нарекли его почетным охранником. Выдали ему церемониальную колотушку, ту самую, которой я хотел отоварить его по кумполу. Мне даже завидно стало, я бы от такой дубинки не отказался...

А под конец, в завершение, так сказать, торжественной части, нам с Патриком, как полноценным гражданам племени, были вручены пластинки лаша: Патрику — две, а мне, как жрецу, — четыре. Впервые я держал в руках этот самый лаш. Дошечки как дошечки. Гладенькие, светло-желтые. Пахнут приятно, вроде можжевельовой древесины. А так — ничего особенного. И не подумаешь, что это идеальнейший преобразователь психической и всякой иной энергии.

Вечером, когда нас наконец оставили в покое, Патрик сказал:

— Ведь мы с тобой теперь несусветные богачи.

— Ты собираешься свои лашки продавать?

— Не решил еще. Не то чтобы я очень ценил здешнее гражданство, но и расставаться с лашками мне жаль. Вроде бы столько я из-за этого лаша беды принял, а эти две досочки легли на душу — и все тут.

— Не о том думаешь. Чтобы лашки продать или еще как-то ими распорядиться, надо сначала добраться до цивилизованных мест. А это вопрос проблематичный. После той встряски, что мы устроили полковнику Кирху и всему орбитальному комплексу, нас так просто отсюда не выпустят. Даже если мы вернем дощечки жрецам и взлетим чистыми, аки херувимы, нас торпедируют в первую же минуту, просто в память о том, как они тряслись, пока я облетал их поганую станцию. А взлетать с лашем — еще хуже. Шесть лашек от крейсера не защитят, а алтарь будет слишком далеко. К тому же полковник нас не выпустит еще и потому, что я разузнал его главный секрет. Как по-твоему, чем компания рассчитывается с жителями Интоки за лаш?

— Откуда мне знать? — Патрик пожал плечами.

— А я знаю. Ничем не расплачивается. Так что вся эта псевдогосударственная организация — пузырь на пустом месте.

— То есть они его все-таки отнимают?

— Нет. Когда-то попытались во время войны за лаш, получили по мозгам и теперь умные. А лаш им просто дарят, примерно как нам. Лаш, особенно в больших количествах, штука опасная, ты это на себе испытал. Обращаться с ним непросто, в том числе, как сказал жрец, с лашем надо уметь расставаться. Иначе даже великая богиня не спасет от порчи нравов. Лаш — лекарство, но и яд, к нему умеючи подходить надо. А теперь представь, что мы все это растрезвоним по Галактике. Искатели удачи из всей философии поймут одно: лаш дают на халяву! После этого первая война за лаш детской игрушкой покажется. Так что никто нас отсюда живыми не выпустит, и основания к тому самые веские.

Вижу, Патрик сидит молча, красный, под цвет волос. Значит, думает и так просто сдаваться не собирается. Это уже хорошо, а то сколько же мне одному за всех отдуваться?

— У меня здесь посадочный модуль, — сказал Патрик после раздумья. — Направим его в автоматическом режиме на станцию, словно бы в атаку, а сами тем временем попробуем улизнуть.

— Чтобы сбить идущий на автопилоте модуль, потребуется тридцать секунд.

— Я положу в модуль свои лашки, — с отчаянием произнес Патрик, — индикаторы покажут наличие лаша, и модуль сбивать не станут. А пока с ним будут разбираться, пройдет время.

Это уже лучше. Усвоил Патрик нехитрую мысль, что с лашем надо уметь расставаться, значит, больше в Грозные Стражи не попадет. Вот только у полковника против наших модуля и «Пташки» — два крейсера и станционные орудия. Все равно ничего не получается, слишком велика разница сил. Поневоле пожалеешь, что Патрик больше не Грозный Страж. Хотя, кажется, еще не все потеряно...

— Что у тебя в модуле есть? — спрашиваю.

— Ничего. То есть оружия никакого. Копировальное оборудование есть. Я собирался богиню подменить, даже копию успел изготовить.

— Давай-ка, — говорю, — стоняем к модулю. Он нам еще пригодится. Копировщикам тоже дело найдется, нечего ценным оборудованием разбрасываться. Да и великую богиню жалко бросать, я к ней, можно сказать, душой прикипел. Пусть хоть копия на память останется. А потом, если живы будем, подарим ее Эльсианскому этнографическому музею вместе со всеми нашими коллекциями и будем на старости лет водить туда правнуков.

* * *

На орбиту мы выходили медленно и торжественно, заранее и громко оповестив всех о своем появлении. В боевой рубке орбитальной станции в это время дежурил мой знакомый лейтенант.

— Вы что, опять? — выкрикнул он, видимо, взглянув на индикаторы и убедившись, что «Пташка» нашпигована лашем.

— Не совсем, — успокоил я его. На этот раз я не собираюсь швартоваться к станции, да и облетать ее тоже. Мы на совете жрецов решили, что порча нравов в Галактике превысила разумные пределы, и теперь собираемся облетать окрестные звездные системы.

В боевой рубке кто-то отчетливо застонал. Жаль, что я не могу их видеть, но они-то видели все в натуральную величину на огромном, во всю стену экране. Видели статую великой богини и бесконечный узор дощечек за ее спиной, видели Грозного Стража с колотушкой на плече и меня со жреческим посохом в руках. Ручаюсь, это было незабываемое зрелище!

— Вы улетаете? — пискнул лейтенант.

— Вот именно. Не скучайте тут без нас. Не знаю, когда мы сумеем вернуться, но если случится оказия, я пришлю вам в подарок ящик мандаринов и бутылочку террианского. Террианский бальзам такая штука, с ним надо уметь расставаться. Запомните эту истину, лейтенант, и не поминайте лихом!

Преследовать нас никто не решился.

Когда «Пташка» ушла в подпространство, где нас никто не мог достать, я позволил себе расслабиться. Прислонил жезл к алтарю, осторожно вынул из деревянной мозаики свои четыре лашки, поставил на их место копии, которые мы с запасом нарезали ночью, когда готовились к старту.

Патрик тоже вернул лицу осмысленное выражение, оставил колодушку и занялся своими лашками. На мои он даже не взглянул, да и у меня мысли не мелькнуло, что можно было бы пожить за счет товарища. Кто прошел испытание перед лицом великой богини, тому чужого не надо.

— И куда теперь? — спросил я Патрика.

— Сначала на Эльсиан, выручать мою «Красавицу», пока агенты Сэмингса не переделали ее в каботажное судно.

— А потом?

— Потом — не знаю. Только продавать свой лаш мне почему-то не хочется. Что толку остаток жизни сидеть на какой-нибудь курортной планете и греть пузо на солнышке? Тогда уж лучше было оставаться стражем при великой богине. Разницы никакой.

— Заметано! — сказал я. — Выручаем «Красавицу», а потом махнем на Тир. Там объявлен конкурс среди вольных торговцев: контракт на доставку пряностей. Дело чистое и прибыльное. Конечно, туда народ со всей Галактики слетится, но как ты думаешь, кто выиграет конкурс: какой-нибудь случайный тип или двое парней, у каждого из которых в кармане пара лашек? Эти дощечки не просто приносят удачу в делах, они помогают уговорить кого угодно, если, конечно, — тут я поклонился великой богине, — в твоей душе нет грешных мыслей.

— Ты меня с помощью лаша не уговаривай, — сказал Патрик. — Я и без того согласен.

— Тогда выпьем за удачу! — И я пошел доставать последнюю (на этот раз действительно последнюю!) бутылку террианского.

Б О Р И С Р У Д Е Н К О

МОЯ

Иллюстрация Игоря ТАРАЧКОВА

МАШИНА

Когда мы научились вычислять место и время появления каналов пространственного перехода — «кротовых нор», все стало намного проще. Невидимыми паутинками они пронизывают Великий Космос, связывают невероятно удаленные друг от друга точки пространства и через некоторое время исчезают, а где-то — совсем рядом или невероятно далеко — возникают снова. Их число бесконечно, как бесконечна сама Вселенная, проблема лишь в том, чтобы отыскать необходимую и активировать вход. Когда мы узнали, как это делать, то получили возможность достигать нужного места без помощи межзвездных кораблей. И хотя масса перемещаемого объекта не могла превышать десяти тонн, хотя порой нам приходилось подолгу ждать появления «норы» в нужном месте, разведка, создание и снабжение исследовательских баз уже не требовали прежних огромных средств и ресурсов. Паутина «кротовых нор» сделала далекие миры ближе и доступнее.

И очень скоро мы узнали, что не только для нас. Секреты паутины были известны и фенкам.

* * *

Больше всего мне нравятся минуты подготовки к отдыху. Когда, повинаясь моим командам, Машина подбирает под брюхо колеса и лапы, внедряется в почву якорными бурами и раскидывает над крышей защитный силовой зонтик, ко мне приходят абсолютное спокойствие и тихая радость. В течение десяти часов отдыха (семь — на сон и три — по личному усмотрению) ничто в этом мире меня не потревожит. Ни сумасшедшие ветры Фенебры, ни молниевые ливни, ни ураганы с камнепадами, ни атаки ходячих деревяшек — моей Машине все это нипочем.

Она меня защитит и укроет. Ее специально изготовили для работы на планетах, подобных Фенебре. Точнее — для меня.

На самом деле часы моего отдыха распределяются немного иначе, чем это принято. Я крепко сплю часов пять, потом просыпаюсь и пару часов читаю то, что мне захочется, а затем снова погружаюсь в сон до начала рабочего дня. Если бы об этом узнали психологи Управления, они бы непременно поставили в моем личном деле яркий значок о наличии тревожной аномалии в состоянии моего здоровья. Когда я с ними встречаюсь, меня так и подмывает вручить им это сладкое открытие. Останавливает лишь осознание того факта, что ни мне, ни психологам огласка моих прегрешений не принесет никакой выгоды.

Психологам просто прикажут заткнуться, а мне — немедленно отправиться на место исполнения служебного долга вплоть до истечения срока контракта.

Да я и не собирался ничего разглашать. Мне нравилась моя работа. Мне очень нравилась моя Машина.

Вместе с ней мы совершали на Фенебре всяческие подвиги: исследовали планету, составляя ее географическую и геологическую карты, боролись со стихиями и местной агрессивной фауной, пытаюсь разобратся, стоит ли, собственно, Фенебра всех этих усилий. Если честно, подвиги совершала Машина. Я всего лишь присутствовал при этом, находясь в ее уютном чреве, под защитой могучей брони и механизмов. Машина — фактически штучное изделие, специально изготовленное для работы в специфических условиях Фенебры, — лаборатория и комфортабельное убежище для его экипажа (меня), гостиница для нечастых посетителей, этакий самодвижущийся дом или даже крепость, способная функционировать полностью автономно в течение полутора стандартных лет. Так долго, впрочем, оставаться на Фенебре я не собирался, обычно срок вахты не превышал пяти — восьми месяцев. Запасы энергии, пищи и прочих ресурсов закладывались из соображений безопасности экипажа, действующего в экстремальных условиях совершенно незнакомой человеку планеты. То есть моей безопасности. На самом деле этот механизм имеет другое название — наземный тяжелый транспортный модуль класса «дракон». Но я всегда называл его моя Машина.

Меня вместе с моей Машиной — или Машину вместе со мной — забросили на Фенебру пять месяцев назад, когда открылась подходящая «кратовая нора». Теперь моя вахта подходила к концу. Техники на Земле уже сканируют пространство, готовя мое возвращение, скоро «нора» откроется вновь, и мы вернемся домой. Думаю, произойдет это в ближайшие дни. Потом полуторамесячный отдых и новая командировка. На Фенебру или в другое место — это решать не мне, а моим начальникам.

Фенебра — слишком горячая и сейсмически буйная планета для того, чтобы основывать здесь постоянную колонию. Она расположена слишком близко к своей звезде. Но все же она кислородная и чрезвычайно богатая ресурсами. Следующая за ней в порядке удаленности от светила планета системы своего имени не имела, ее звали только по номеру — Вторая, потому что разведчики не именовали планеты, на которых никто из них не побывал. Такая традиция. По идее, эта планета должна была выглядеть намного комфортнее. Пока мы прак-

тически ничего о ней не знали, потому что техники Управления, как ни пытались, не могли отыскать в пространстве ведущие к ней «норы» — что, честно говоря, выглядело весьма странно, — а посылать специально на разведку межзвездник было просто возмутительно дорого. Мое руководство весьма разумно решило начать с финансово перспективной Фенебры, основать здесь базу (при условии, что она окупится в разумные сроки) и уже после этого отсюда, оплатив работу межзвездника, как следует взяться за Вторую...

Весь рабочий день сегодня нас потряхивало. Сила подземных толчков не превышала трех баллов, но их неравномерный, сложный рисунок здорово изматывал, так что к вечеру, когда Машина выбралась за пределы сейсмоактивной зоны, я чувствовал себя изрядно уставшим. Конечно, можно было бы не слишком напрягаться — намеченную программу исследований Фенебры мы с Машиной выполняли с избытком. Я просто наткнулся на очень интересную аномалию в толще коры совсем недалеко от поверхности и, движимый здоровым исследовательским азартом, надеялся успеть составить хотя бы предварительное описание неизвестного феномена. Тем не менее, забираясь в спальный кокон, я очень надеялся, что ночь пройдет спокойно. Как оказалось, напрасно. Я не успел досмотреть даже первый сон, когда был разбужен назойливым пением зуммера. Кто-то настойчиво пытался со мной связаться. Выбравшись из кокона, я включил экран.

Центр — Разведчику. Вам надлежит срочно эвакуировать исследовательскую группу из пяти человек. Есть раненые. Координаты...

Изумление мое не имело предела. Какая, к черту, группа? Откуда она взялась? Кому могла прийти в голову идея забрасывать сюда людей до того, как закончится разведка? Почему, в конце концов, мне не сообщили, что на Фенебре я уже не один?

Я ввел полученные координаты в компьютер, и мое изумление мгновенно сменилось яростью. До указанной точки как минимум двое суток хода. Значит, столько же обратно. Вполне вероятно, что к тому часу, когда откроется «нора», мне просто не успеть. О чем они там думают? «Норы» не раскрываются по нашему желанию, мы можем только рассчитывать момент их появления. И это означает, что нам с Машиной придется ждать долгие недели, а может быть и месяцы, пока мало предсказуемая метрика пространства вновь предоставит возможность для возвращения или же техники Центра отыщут для нас другой канал. Ничего подобного в контракте на эту командировку я не видел. К сожалению, я не мог высказать свои соображения руководству: связь была односторонней. Чтобы проколоть пространство для доставки со-

общения, требовалась огромная мощность, в экстренном случае Машина была способна послать лишь один-единственный короткий сигнал, означающий, что мои дела совсем плохи и нужна срочная помощь...

Постепенно я успокоился. Помощь нужна не мне. Она необходима тем, кто попал в беду. И насчет контракта я тоже не прав. Обязанность спасать — выше любого контракта. Но все же мне было очень интересно: что же я буду делать на Фенебре со спасенными, если мне удастся таки их спасти?

И словно в ответ на мои сомнения, экран связи ожил вновь.

После приема группы двигаться в точку, координаты... Открытие канала ожидается через сто пятьдесят шесть часов от настоящего момента. Конец.

Значит, новую «нору» уже вычислили, и в запасе у меня есть неделя. Я снова посмотрел на координатную сетку. Два дня до эвакуируемого лагеря, примерно три до места, где появится еще одна «нора». Всего — пять. Но это только теоретически. На Фенебре дорог нет, и появятся они не скоро. На Фенебре вообще невозможно предсказать, что именно встретит тебя на следующем десятке метров пути. В любом случае отправляться следовало немедленно, и я приказал Машине проснуться, включив последовательность команд подготовки к началу движения.

Телескопические якоря, вывинчиваясь, поползли из почвы, Машина приподнялась на подвеске, и я тут же ощутил легкую дрожь ее корпуса под напором штормового ветра. Ветер на Фенебре дует почти всегда, достигая максимума по ночам. Сегодняшнюю погоду можно было назвать относительно благоприятной: скорость ветра не превышала пятидесяти километров в час, да и молнии сверкали не так часто. С видимостью дела тоже пока обстояли неплохо, ливень хлестал не столь сильно, чтобы полностью лишить мою Машину «ночного зрения». Машина сползла с пригорка, который я избрал для ночлега, и вломила в окружающий его густой кустарник. Первая треть маршрута выглядела почти прогулкой: через полтора километра мы окажемся на берегу реки и поднимемся вверх по течению до поворота русла.

Кустарник постепенно сменился подростом корнеходов. Скорость движения немного замедлилась, но Машина по-прежнему легко преодолевала заросли, подминая и раздвигая тонкие стволы. До наступления зрелости корнеходы не опасны, они почти не передвигаются, предпочитая растительный образ жизни, их сочные побеги и листву с удовольствием пожирает многочисленное местное зверье. Корнеходы растут не столько ввысь, сколько в ширину. К следующей здешней

весне каждое деревце превратится в существо, напоминающее внешними очертаниями огромную бочку. То, что казалось корой, делается непроницаемой броней, давая надежную защиту этим полурастениям-полуживотным от небесных камнепадов. Из ветвей сформируются мощные, цепкие конечности числом от двух до четырех десятков, и корнеходы покинут места своего взросления, перейдя в разряд плотоядных обитателей Фенебры. Из-за медлительности передвижения каждый в отдельности корнеход не слишком опасен, если не приближаться к нему. Именно поэтому в период кормежки охотятся они большими стаями, неторопливо и бесшумно окружая по ночам укрытия местных травоядных. А утром начинается бойня. По непонятной причине мою Машину они тоже считают добычей, пригодной к употреблению. За пять месяцев мы дважды подвергались хорошо организованной и скоординированной утренней атаке. Понятно, что успеха она иметь не могла, но времени, чтобы пробиться сквозь плотные ряды тяжелых и каменно твердых тел, с тупым упорством продолжавших штурм, уходило немало. Поэтому устраиваться на ночь я предпочитал подальше от джунглей, где корнеходы в долгих перерывах между кормежками переваривают пищу.

В блеске молний я увидел впереди отраженный от воды свет и понял: мы выбрались на берег реки. Словно огромный бегемот, Машина неторопливо погрузилась в воду. Чтобы колеса не увязли в топком прибрежном дне, я слегка приподнял Машину на воздушной подушке, а потом убрал шасси и включил водометы. На середине русла я перевел управление на автопилот, задав требуемый курс. Река оказалась достаточно широкой для того, чтобы ветры сумели изрядно раскачать ее воды. В нос и борта моей Машины били волны метровой высоты, но в водительском кресле качка почти не ощущалась. Несколько часов путешествия по реке, пожалуй, можно будет потратить на то, чтобы попытаться досмотреть тот сон, из которого меня вырвали...

Часа три, наверное, я все же поспал. Теперь меня разбудила Машина. Она кричала прерывистым тревожным звонком из всех сил, и я, конечно же, немедленно проснулся. Машина разбудила меня вовремя. Света снаружи немного прибавилось, поэтому я без труда разглядел на экране накатывающуюся на меня гигантскую волну. Что-то случилось в верховьях реки: землетрясение, прорыв селевой плотины или извержение подземных вод — неважно, но надвигающийся на нас вал был огромен и беспощаден. Оставшихся до встречи с ним минут нам едва хватило, чтобы нырнуть на дно и вцепиться изо всех сил в рыхлую почву речного ложа.

Когда вал прокатывался над нами, Машину ощутило дернуло, но якоря выдержали. Последовало еще несколько затихающих толчков, и все успокоилось. Я немного подождал и приказал Машине всплывать.

Тучи разошлись, выкатившееся из-за горизонта солнце осветило последствия происшедшего. Искореженные, изломанные берега, вывороченные деревья и трупы животных, плывущие по течению нам навстречу, — вот что я увидел на экранах обзора. Нам пришлось сбросить скорость, и я взял управление на себя, лавируя меж обломков и останков во взбаламученной, нехорошей воде. Мы миновали все признаки катастрофы лишь часа через три, а еще через час русло реки повернуло почти под прямым углом налево, и я вывел Машину на берег. Впереди начинался затяжной, усыпанный каменными обломками подъем...

Мы успели вовремя. Приближаясь к лагерю, я услышал звуки разрывов микрогранат и угадал на вершинах утесов отблески плазменных вспышек. Там, впереди, люди вели бой с порождениями Фенебры. А когда Машина прорвалась сквозь заросли холмов и начала спускаться в ложину, увидел, что бой этот очень скоро должен закончиться не в пользу человеческих существ. Плотное полукольцо деревьяшек надвигалось на устроенный под отвесной скалой полуразрушенный лагерь, превращаясь по мере приближения в сплошное каре. На Земле, на десятке любых других планет я бы именно здесь и строил убежище: лагерь был укрыт от стихий и хищников незыблемым камнем почти с трех сторон. Только не на Фенебре, превращающей подобное укрытие в ловушку.

Деревяшки нельзя убить привычными способами. Их панцири не горят, они не испытывают ни боли, ни страха, ни каких-либо иных чувств, кроме чувства голода. У них нет центральной нервной системы и жизненно важных органов, поскольку каждый корнеход — это не растение и не животное в привычном для нас понимании, а коллективный организм, связанный нервными окончаниями конгломерат элементарных ячеек. По сути, их вообще нельзя убить. Пулевое, плазменное оружие и даже гранатометы против них абсолютно бесполезны.

Зато деревянные можно срубить.

Я заставил Машину приготовиться к сражению. Она немного присела и выдвинула перед собой мономолекулярные фрезы. Мы атакова-

ли толпу деревяшек с тыла. Фрезы с легким свистом быстро срезали деревянные под корни-ноги, разваливали бочкообразные тела вдоль и наискось на отдельные фрагменты, манипуляторы Машины ловко расшвыривали обломки по сторонам, освобождая дорогу. Я беспокоился лишь о том, чтобы осажденные не начали палить по своим спасителям. Слава богу, у них хватило ума прекратить стрельбу. Через несколько минут атакующее полукольцо было прорвано и превратилось в два отдельных сегмента. Не знаю, что думают в таких случаях деревянные, если они вообще способны думать, но обычно, когда их атака нарушается таким образом, практически немедленно следует отступление. Именно так произошло и теперь. Корнеходы замерли, а потом неторопливо заковыляли к зарослям, рассыпаясь, рассредоточиваясь, чтобы в течение следующей ночи набрать новых рекрутов-собратьев и подготовиться к очередной атаке на эту несговорчивую добычу.

Некоторые из обломков еще шевелили конечностями, но движения эти потеряли целеустремленность и смысл: части корнехода, каждая из которых оказывалась меньше некоторой критической массы, прекращали функционировать и теряли способность к восстановлению, что было равносильно смерти. Полагаю, что и совместные действия деревяшек прекращались примерно по той же причине. Разделенная на группы атакующая стая утрачивала понимание смысла атаки...

Мы мягко затормозили перед разгромленным лагерем этих идиотов. Прежде чем выбраться наружу, я все внимательно осмотрел. Ну конечно! Их обиталищем был стандартный модуль В-3У. «У» в данном случае означало «усиленный», что не имело ровным счетом никакого значения в условиях Фенебры. Модуль был уничтожен, искорежен и разбит небесным камнепадом, как и стоявший неподалеку механизм, останки которого я опознал как серийный транспортер, предназначенный для работы в агрессивных экосистемах. Какая глупость! Фенебра вовсе не агрессивна. Она беспощадна. Увидел я также и объяснение тому факту, что до сих пор люди оставались в живых. Скала, перед которой был разбит лагерь, имела углубление. Не пещера, а, скорее, грот с широким входом, который и сохранил им жизни. Но, видимо, не всем. В сообщении говорилось о пятерых, а перед нами — передо мной и Машиной, — сжимая оружие в руках, стояло лишь четверо.

Я вышел наружу и сделал несколько резких глотательных движений — давление на Фенебре было немного выше земного, уровень которого я поддерживал в Машине. Погода стояла практически курортная. На ярко-красном небе не было грозowych облаков, и ветер почти спал.

— Привет! — сказал я дружелюбно. — Я Кларенс, разведчик-исследователь. Это вы меня ждали?

— Ты здорово задержался, — мрачно ответил тот, кто стоял чуть впереди остальных. Он один из всех снял защитную маску, и теперь она болталась у него на груди. Мощный, могучий мужчина, выше меня на полголовы, с заросшими черной щетиной подбородком и щеками.

— Так получилось, — улыбнулся я, все еще надеясь с первых минут наладить контакт. — Всякие мелкие проблемы в дороге. Мне сказали, что вас должно быть пятеро. Где ваш пятый товарищ?

— Его уже нет, — сказал он. — Потому что у тебя в дороге случились мелкие проблемы.

В отличие от моего, тон его был отнюдь не дружелюбным. Не собирается ли он обвинить меня в своих собственных глупостях и неудачах? Отчасти я понимал его, а потому прощал неуместно раздражительный тон. Все четверо были одеты в одинаковые защитные комбинезоны, но в одном из спасенных я опознал женщину и с этого момента из чувства протеста обращался исключительно к ней.

— Нам следует поторопиться. Очень скоро погода испортится. Хорошо бы пройти за день хоть сотню километров. Если вам нужно собраться, пожалуйста, постарайтесь уложиться в десять минут. Если вам требуется моя помощь...

— Мы справимся, — отрезал мужчина с зачерненным щетиной лицом.

— Что это были за существа? — спросила женщина.

— Деревяшки, — ответил я.

— Чего они добивались от нас?

Я пожал плечами.

— Они просто хотели есть.

Мужчины направились в грот, и я поплелся вслед за ними. Продолговатый сверток лежал у дальней стены грота. Женщина подошла к нему и опустилась на колени. Щетинистый положил ей на плечо руку и принялся в чем-то убеждать. Женщина возражала. Они говорили негромко, изредка посматривая на меня. Двое остальных ждали окончания спора, не принимая в нем участия. Спор продолжался недолго, и если стороны и пришли к согласию, то оба все равно остались недовольны. Женщина сбросила с плеча руку щетинистого, резко поднялась и принялась поспешно запихивать в вещевой мешок какие-то мелкие предметы. Двое других подхватили сверток и осторожно понесли к Машине. Я уже понял, что это было тело их погибшего товарища, поэтому поспешил вперед, чтобы подготовить место в морозиль-

ной камере, предназначенной для хранения биоматериалов. Геологи вежливо, но категорично отказались от моей помощи, когда заносили в камеру тело и укладывали на указанное мною место.

— Что с ним случилось? — спросил я.

— Камни, — односложно ответил один из геологов.

Интересно, подумал я, отчего женщина не хотела брать тело на борт? Впрочем, это их личное дело, моя задача заключалась в том, чтобы доставить выживших к «норе», все прочее меня совершенно не касалось.

В десять минут они уложились. Входной люк бесшумно закрылся. Я чувствовал: Машина рада моему возвращению. Мне кажется, ей не нравились даже самые короткие мои отлучки.

— Здесь есть каюты для отдыха, — сообщил я. — Там немного тесновато, поэтому вещи предлагаю оставить в багажном отделении.

— В этом нет необходимости, — сказал щетинистый предводитель, — спасибо, все в порядке.

Кажется, он снизошел до элементарной вежливости.

— Мы должны представиться, — продолжал он в том же тоне. — Это наш биолог, Зета Каванти. Грэхем и Товий, м-м... исследователи. А я Орсам, руководитель группы.

Все они сбросили защитные маски, и теперь я смог разглядеть их лица. Зета — молодая женщина с тонкими, правильными чертами. Глубокие тени под глазами, усталые складки у рта говорили о том, что в последнее время ей немало досталось. Грэхем и Товий — молодые мужчины лет тридцати с невозмутимыми и малоподвижными лицами. Крепко сложенные и похожие друг на друга, как люди одной профессии. Из таких обычно набирают отряды десантников и прочих пионеров новых миров. Орсам был старше всех. Выражение его глаз скрывал постоянный прищур.

— Я был несколько резок с вами, — снизошел до признания Орсам. — Вероятно, я должен...

— Я понимаю, — прервал я его извинения. — Как и вы, полагаю, понимаете: я делал все, что в моих силах.

— Да, — он тряхнул головой и протянул руку, показывая, что инцидент исчерпан.

Решив до конца исполнить обязанности радушного хозяина, я собрался было проводить их в каюты, но Машина позвала меня тревожным сигналом, на который, кажется, никто из гостей не обратил внимания.

— Когда мы отправимся? — спросил Орсам.

— Не сейчас, — озабоченно бросил я, устремляясь к пульту управления.

— Почему?

Я показал ему на верхний экран. Алый цвет небес быстро менялся на фиолетово-черный. Приближался мощный камнепад. Орсам побледнел, и этого не могла скрыть даже его щетина.

— Что вы собираетесь делать?

— Просто переждать, — пожал я плечами. — Здесь мы в полной безопасности, но мощности силовой установки хватит только на то, чтобы эту безопасность нам обеспечить. Двигаться мы не сможем.

Зонтик защитного поля забирает у Машины все силы, она беззаветно отдает их, чтобы уберечь меня от беды, и я всегда испытываю к ней пронзительное чувство благодарности. Иногда мне кажется, что она слышит и прекрасно понимает это мое чувство.

— Хорошо, — пробормотал он ошеломленно, явно превозмогая охвативший его страх. И, надо сказать, с ним Орсам довольно быстро справился.

То, что я называю камнепадом, — вовсе не дождик из камней. Когда скорость ветра превышает четыреста километров в час, он поднимает в воздух не только пыль, но и щебенку, которую обрушивает на все, что попадает ему на пути. Я лично находил после урагана камни величиной с кулак. При столкновении со снарядами такой массы сминается металл и разлетается в осколки прочнейший пластик. Временные человеческие укрытия и машины — обычные или усиленные — превращаются в бесполезный хлам, что и произошло здесь с геологами несколько часов назад. Подобные ураганы в тропиках часты и регулярны, поэтому тут почти нет птиц, а мы лишены возможности использовать в тропических широтах атмосферные летательные аппараты.

Местная фауна хорошо приспособилась к подобным катаклизмам. Одни, задолго предчувствуя приближение бури, убираются с ее пути, другие зарываются под землю. Кстати, больше половины представителей фауны Фенебры ведет норный образ жизни.

Этот ураган оказался не из самых сильных и длился относительно недолго. Размер камней, увязающих в силовом поле Машины и соскальзывающих на грунт, не превышал трех-четырех сантиметров. Все время каменной бомбардировки мои гости, несмотря на усталость, оставались в рубке, рядом со мной. Орсам сидел в кресле второго пилота, Зета — на откидном стульчике возле панелей компьютера, Товий с Грэхемом, для которых в рубке сидений не хватило, устроились просто на полу. Я понимал их — они инстинктивно жались ближе к тому,

кто мог их защитить, хотя настоящей защитой служила моя Машина, а не я.

Под силовым зонтиком царили покой и тишина, если не считать тихого, уверенного урчания силовой установки Машины и легкой дрожи корпуса, когда удары урагана оказывались особенно сильными. Напряжение и страх моих гостей начали спадать. К ним приходило осознание того, что в Машине они полностью защищены. К тому времени, когда фронт грозы умчался, с наветренной стороны Машины образовался вал из щебенки высотой по колено. Теперь можно было трогаться, о чем я и сообщил спутникам. Только сейчас они поверили, что спасены окончательно.

— Как пройдет наш маршрут? — спросил Орсам.

— Откуда я могу знать? — удивился я. — Я никогда не бывал в тех местах. У меня есть конечная точка и снимки поверхности планеты, которые много лет назад сделал автоматический зонд. Они, конечно, достаточно подробные, но вы должны понять...

— Я понимаю, — нетерпеливо перебил он меня. — Но хотя бы примерно вы представляете?

— Действительно весьма примерно, — согласился я. — Если хотите, взгляните сами.

Я вывел карту на экран и прочертил пальцем мерцающую линию от той точки, где мы сейчас находились, до пункта назначения.

— Приблизительно так, — пожал я плечами. — Но на самом деле все может выглядеть совершенно иначе.

Некоторое время Орсам внимательно изучал изображение.

— Что это? — показал он пальцем.

— Плато, — сказал я. — Оно не имеет названия, если хотите, можете его сами придумать. Конец нашего маршрута находится на плато. Боюсь, нам придется штурмовать довольно высокую стену.

— Бойтесь? — уцепился он за слово.

— Подъем будет не очень комфортным, но этот путь самый короткий. Обогнуть стену и подняться там, где проще, — намного дольше. Велик риск того, что мы не успеем к открытию «норы». Впрочем, я еще не решил до конца, как поступить...

— Нет-нет! — воскликнул он с неожиданной горячностью. — Нам нужно именно так!

— Нам?

Он взглянул на меня довольно хмуро. Как в начале встречи.

— Мы должны оказаться на плато как можно раньше, оно является целью... нашей экспедиции. И «нора», через которую мы попали на

планету, должна была открыться именно там. Я не понимаю, почему расчеты оказались неверными...

Честно говоря, я тоже этого не понимал. Расчеты появления «норы» — проблема тонкая, но техники научились решать ее предельно точно.

— Вам хорошо заплатят, если мы окажемся на плато как можно скорее.

Я не могу назвать себя богатым, но в деньгах не нуждаюсь. Денег, как я считаю, у меня вполне достаточно для того, чтобы не говорить о них с малознакомыми людьми.

— Меня вполне устраивает то, что я получаю за свою работу, — сказал я.

— Вы получите в четыре раза больше, если все пройдет удачно.

Взгляд его сверкал непонятным возбуждением, я чувствовал: сейчас он не приемлет никаких возражений, и не собирался спорить попусту. Только дело в том, что лишь один я выбираю маршрут для Машины и никто не может указывать мне, как это следует делать. Плато? Может быть. А может, и нет, и деньги Орсама тут ничего не решают. Может быть. Я так ему и сказал, ожидая новой вспышки, но Орсам неожиданно увял.

— Как вы оказались на Фенебре? — задал я вопрос, который давно уже вертелся у меня на языке. — И вообще, кто вы такие?

В силу моей профессии я общаюсь с людьми лишь периодически. Я к этому вполне привык, но не стану утверждать, что совсем уж не скучаю по себе подобным. Может, потому, не утомившись общением, я ощущаю их эмоции особенно остро и теперь, еще до того как Орсам начал мне отвечать, уже знал, что он намерен мне солгать.

— Нас наняла компания разведать месторождения кларкита, — ответил он. — Когда мы обнаружили, что оказались далеко от расчетной точки, то попытались вернуться к «норе» до того, как она закроется, но буря не позволила нам этого сделать. Мы не представляли, с чем придется здесь столкнуться. Думаю, не знали этого и те, кто нас сюда послал.

В принципе, все правдоподобно. Гоняющиеся за кларкитом компании такое иногда делали. Добыв при помощи подкупа или иным способом предварительные данные, забрасывали свои команды на открытые объекты до официального оглашения результатов разведки и объявления аукционов. Они действовали на свой страх и риск, и закон этого не запрещал. Иногда авантюристам сопутствовала удача. Иногда — нет, как сейчас. Это походило на правду, кларкит на Фенебре дейст-

вительно был, но все же я чувствовал, что Орсам лжет или, по меньшей мере, не договаривает. Интересно, почему? В любом случае, за спасение группы нанявшей их компании придется выложить кругленькую сумму. Разумеется, не мне, а Управлению, на которое я работал.

— Вам стоит отдохнуть, — сказал я. — Вы можете расположиться по своему усмотрению.

Вообще-то для подобных гостей на борту Машины предназначены две каюты. Каждая — на два места, но в случае необходимости после небольшой трансформации может принять и третьего, и четвертого. Третья каюта — моя. Но в такие тонкости я их посвящать не стал, предложив все три на выбор. Эти несколько дней я могу провести и в рубке. Как ни странно, они заняли только одну каюту, разместившись там вчетвером. Впрочем, их отношения меня совершенно не касались. Пора было начинать движение к пункту назначения, туда, где через несколько дней откроется «нора». Я убрал зонтик, поднял якоря и плавно послал Машину вперед.

Мы добрались до стены засветло практически без приключений. Все это время мои гости, изможденные перенесенными невзгодами, дружно спали. Во всяком случае, мне так казалось. Но едва Машина сбросила обороты двигателя и остановилась, за моей спиной звякнула, раскрываясь, дверь. Чуть покосившись назад, я убедился, что не ошибся в своем предположении насчет того, кто станет первым посетителем рубки. Это и в самом деле оказался Орсам. Он не только отдохнул, но и побрился. Не скажу, что его гладкая физиономия стала для меня более привлекательной, но по крайней мере острой антипатии не вызвала.

— Где мы находимся? — спросил он.

— Сейчас вам лучше всего вернуться в каюту и как следует упаковаться в кокон, — озабоченно проговорил я. — И разбудите своих друзей, им нужно сделать то же самое. Будет здорово трясти.

Орсам взгляделся в обзорные экраны.

— Что это? — потрясенно сказал он.

— Плато, — пожал я плечами. — Нам предстоит на него забраться.

Уходивший вертикально в небо серый монолит, казалось, не имел пределов ни в высоту, ни по протяженности. Его верхняя грань терялась где-то в облаках. Направо и налево стена простиралась от горизонта до горизонта.

— Это возможно?

— Вполне, — кивнул я. — Хотя и непросто.

— Другого пути нет?

— Наверняка есть. Никакая дорога не может быть единственной. Где-то стена, возможно, ниже. А где-нибудь, может быть, даже существует совсем легкий, удобный подъем. Только я не знаю, где именно. И если мы потратим время на его поиски, то гарантированно не успеем к открытию «норы». Поэтому нам придется забираться именно здесь. Зато могу вас порадовать: там, наверху, не бывает камнепадов.

— Но как вы собираетесь это сделать?

— Можете понаблюдать сами в кресле резервного пилота, если сумеете покрепче привязаться, — сказал я, не скрывая гордости за мою Машину. — Но сперва все же разбудите и устройте понадежнее своих коллег.

На корпусе откинулась крышка, и из недр Машины, влекомая двумя турбинками, вертикально стартовала балка подъемника, вытягивая за собой невесомые тросы, сотканые из мономолекулярных нитей. Установленная на балке видеокамера транслировала убегающую вниз серую неровность скалы, счетчик отщелкивал преодоленные метры. Когда счет достиг двухсот, я уменьшил скорость подъема, выбирая место для стыковки с монолитом. Повинуясь моим командам, балка прижалась к стене вплотную. Лазерные резак встроились в камень, высверливая глубокие отверстия, в которые выдвинулись телескопические стержни. Включился насос, подав в скважины реологическую жидкость, мгновенно затвердевшую под действием электрического поля, превратив балку и монолит в единое целое.

— Внимание! Начинаем подъем! — предупредил я.

С легким шумом заработали лебедки. Нос Машины задрался, и она неторопливо поползла вверх.

— Я надеюсь, тросы достаточно прочны, — осторожно осведомился Орсам.

— Безусловно, — заверил я его. — Не знаю случая, чтобы они порвались. По сути, для подъема нам хватило бы и одного. Остальные три — просто страховка. Основной риск в другом. Например, если часть скалы, к которой прикрепилась балка, не связана с монолитом. Словно кирпич в кладке, который забыли обмазать раствором, понимаете?

— Я понимаю, — подтвердил Орсам угасшим тоном. — Но если мы все же упадем?

— Тогда мы разобьемся. Но в нашем случае все в порядке, — тут же

продолжил я. — Сканирование не обнаружило существенных трещин в камне.

Больше Орсам вопросов не задавал. Он не отрывал взгляда от экрана заднего обзора, следя за тем, как удаляется почва. Выражение его лица при этом ясно показывало мне, что поступал он так совершенно напрасно. Неведение о происходящем ему было бы полезнее. Его спутники, с комфортом упакованные в своих каютах в аварийные коконы, полагаю, чувствовали себя намного лучше.

Подъем шел в тишине, изредка нарушаемой скрежетом корпуса Машины о камень и слабым жужжанием механизмов. Я внимательно смотрел вперед, то есть вверх, контролируя скорость подъема и состояние крепежа. Через сорок минут первая стадия подъема завершилась. Якоря Машины намертво соединили ее со скалой, а балка отстыковалась и вновь отправилась вверх. Эту операцию нам предстояло проделать еще несколько раз...

На высоте полукилометра Машина вошла в плотный слой облаков. Даже инфракрасное зрение Машины не позволяло обеспечить обзор более чем на десяток метров. Для технологии подъема этого было вполне достаточно, но все же испытываемые мною ощущения не относились к числу приятных. А вот Орсам, напротив, несколько успокоился, лишившись возможности запугивать себя созерцанием огромной высоты, на которую забралась отнюдь не приспособленная к полетам Машина.

Подъем с промежуточными остановками занял более шести часов. Когда Машина выбралась на горизонтальную поверхность плато, начинался вечер. Местное солнце, которое я увидел здесь впервые, опускалось к горизонту. По сравнению с моим родным Солнцем, оно было чуть больше и немного краснее. Над нашими головами плыли облака — обычные облака, которые несут дождь, снег или град, но уж никак не каменные бомбы.

Я услышал шаги в коридорчике: гости выбрались из коконов и пришли в рубку осмотреться. Специально для них я включил установку панорамного обзора с увеличением изображения.

— Не предполагала, что на Фенебре есть такие места, — сказала Зета.

Мертвый, изломанный камень окраины плато метров через пятьсот сменялся холмами, покрытыми синевато-красной травой. Исключая эту окраску, пейзаж выглядел почти альпийским.

— Я тоже, — сказал я и обернулся к ней, пораженный неожиданной мыслью: — С чего вы решили, что на плато есть кларкит? До нас здесь

не было ни людей, ни автоматических аппаратов, это я знаю совершенно точно.

Прежде чем ответить, она глубоко вздохнула, отвела глаза в сторону, и я тут же понял: Зета готовится солгать. Что-то слишком много врут мне за последние сутки. Но делать этого ей не пришлось: в разговор вмешался Орсам.

— Аппаратов и людей не было, это точно, зато лет десять назад вокруг Фенебры кружился орбитальный зонд. Плато — единственное место на планете, доступное для сканирования из космоса, которое и показало ясные признаки присутствия кларкита.

Все звучало вполне логично. Зонд действительно летал. И он вполне мог просветить плато и даже обнаружить кларкит, если таковой тут вообще был. Непонятно одно: отчего я об этом ничего не знаю?

— Почему мы стоим? — нетерпеливо спросил Орсам.

— За оставшееся до захода солнца время мы всего лишь сумеем добраться до холмов, — сказал я. — Я не знаю, что нас там ждет. С точки зрения безопасности, будет лучше провести ночь здесь.

— Вы опасаетесь здешних тварей? — пренебрежительно хмыкнул Орсам.

— Я о них ничего не знаю, — сказал я, а потом набрал в грудь воздуха побольше и рывкнул, потому что Орсам к этому времени мне просто надоел: — Но самое главное, я просто хочу поспать, черт возьми, потому что толком не занимался этим уже двое суток!

Чтобы добраться до холмов, моей Машине пришлось на время прерваться в паука. Восемь многочленных лап, поднявших корпус Машины на трехметровую высоту, поочередно совершали шаг за шагом, осторожно нащупывая опору среди неровных, грубых каменных обломков. Двигаясь с неторопливой целеустремленностью, мы миновали каменный хаос всего за какие-то полчаса и вступили на более или менее ровную почву. Теперь скорость нашего передвижения была весьма приличной — километров двадцать в час, — и мы не выходили из намеченного мною графика. Я был полностью сосредоточен на управлении и не особенно следил за тем, как проводят время пассажиры Машины. Несколько докучал мне только Орсам, который почти все время зачем-то торчал в рубке. Изредка заходила Зета, ее визитам я был даже рад — эта женщина мне несомненно нравилась. А о существовании на борту Машины профессиональных близнецов Грэхема и Товия, предпочитавших не покидать каюту, я вообще почти забыл.

Машина шла медленнее, когда я передавал управление автопилоту, чтобы перекусить и немного отдохнуть. Всякий раз Орсама это здорово раздражало. Старательно скрывая неудовольствие, он предлагал свои услуги, порываясь занять кресло пилота. Его предложения я вежливо отклонял под более или менее аргументированными предложениями, не сообщая главного: моя Машина не терпит чужаков, пытающихся ею командовать. Впрочем, этого аргумента Орсам все равно бы не сумел понять.

Мы двигались весь световой день и большую часть ночи, остановились на короткую передышку и вновь продолжили путь. Эта часть маршрута была несложной, но утомительной из-за удручающего однообразия пейзажа. Холмы и невысокая трава вокруг — больше ничего и ничего. Если на плато водилась какая-то фауна, то, скорее всего, она бежала в страхе перед вторгшимся в ее пределы урчащим бронированным гигантом, за время пути нам не попало ни одного представителя местного животного мира, хотя несколько раз мне казалось, что я замечал пробитые в траве тропы. День вновь сменился ночью, мы продолжали движение.

Область холмов кончилась за пару часов до рассвета так же внезапно, как и началась. Ощувив радаром очевидную перемену в открывшемся пространстве, Машина деликатно остановилась, ожидая моих решений и команд, но я отложил их принятие из-за крайней усталости. Спасение этих недотеп давалось мне нелегко. К счастью, Орсам уже убрался в свою каюту и не помешал своими глупыми вопросами мне немного выспаться.

Утренний свет показал нам потрясающую перспективу. Перед нами раскинулся бескрайний простор саванны. Именно бескрайний, потому что длинный и пологий спуск с холмов отодвигал линию горизонта невероятно далеко. Я видел островки растительности, группы пасущихся в траве животных, размеров и очертаний которых из-за удаленности не позволяла определить даже мощная оптика Машины. Сверившись с картами и навигатором, я обнаружил, что до конечной точки маршрута осталось не так уж далеко, о чем сообщил собравшимся в рубке пассажирам. Кстати, в отличие от меня, прекрасно отдохнувшим.

— Когда именно вы рассчитываете добраться до места? — потребовал точности Орсам.

— Через шесть — восемь часов.

— Так все же через шесть или через восемь? Мы должны оказаться там быстрее.

— Ничем не могу помочь, — сухо сказал я, понемногу раздражаясь. — Не по магистрали едем. И хочу напомнить вам, что должен всего лишь доставить вас к «норе» и сдать на руки тем, кто будет там встречать. Я надеюсь, вас будет кто-то встречать?

Ноздри Орсамы нервно раздулись. Товий и Грэхем молчали, но смотрели на меня без малейшей приязни, и ситуация начинала нравиться мне все меньше, тем более что я совершенно не понимал причины такого их настроения. Обстановку разрядила Зета. Она шагнула вперед и положила руку на мое предплечье.

— Капитан Кларенс, поверьте, для нас это действительно очень важно, — мягко проговорила она. — Ради этого и была создана наша группа. Из-за этого погиб наш товарищ. Неужели вы не поможете нам хоть частично компенсировать неудачу.

— Хорошо, — сказал я. — У вас в запасе будет некоторое время. И то при условии, что нам повезет и в пути ничто не помешает. И, кстати, не нужно называть меня капитаном — это у нас не принято. Я пилот.

Зета мне нравилась — она и в самом деле была красива, хотя после пятидесятилетнего воздержания критерии женской красоты для меня изрядно снижались. Однако было в этих людях — в том числе и в ней — что-то, делающее их не похожими на обычных полевиков. Впрочем, тратить время, разбираясь в этом «что-то», мне совсем не хотелось: план моей собственной работы на Фенебре, четко оговоренный контрактом, был еще далек от завершения. В конце концов, отклонение от маршрута представлялось действительно незначительным. Путешествие по вознесенному на два с половиной километра над основной твердью Фенебры плато представлялось почти прогулкой: ураганы, молниевые ливни и камнепады гремели далеко позади и внизу. Но дело в том, что каждому геологу должно быть совершенно очевидно: выведенное миллионы лет назад из бушующей мантии планеты плато, скорее всего, состоит из легких пород. Ни кларкита, ни трансуранидов здесь не сыскать по определению, и, конечно же, никакой космический зонд обнаружить их не мог. Именно по этой причине исследование плато не входило в мое задание — я находился на Фенебре вовсе не для того, чтобы отыскать место расположения будущего планетарного курорта. И настойчивость Орсамы и его спутников меня удивляла и озадачивала.

Между тем дорога действительно оказалась легка, моя Машина летела по азимуту почти на крейсерской скорости, распугивая стада травоядных и стайки мелких хищников. Хотя не все здешние хищники оказались мелкими. Громадная бронированная тварь, поджидавшая

добычу в высоком кустарнике, длинными скачками кинулась нам наперерез. Столкновение было неизбежным, но я не стал маневрировать или применять оружие. Машина лишь слегка вздрогнула от удара, а задние экраны позволяли с немалым удовольствием следить за тем, как оглушенное, ошеломленное животное медленно приходит в себя, пытаясь подняться и роняя хлопья пены из усеянной клыками пасти величиной с ковш экскаватора.

Тем временем впереди возникло нечто, чему я не сумел сразу подобрать определения. Мы приближались к странной возвышенности в форме низко усеченного конуса. Обильно покрывавшая ее внешний склон трава не могла скрыть правильности геометрической формы. Впрочем, я был далек от того, чтобы немедленно счесть возвышенность искусственным образованием, — природа удивительна в своем спонтанном творчестве и способна обмануть любого. Например, так мог бы выглядеть кратер древнего вулкана.

Я сверился с картой: видимо, это было то самое место, куда так стремился Орсам сотоварищи. Так оно и оказалось.

— Остановитесь, — прозвучал за моей спиной его голос. — Дальше мы пойдем сами.

— Вы уверены, что это стоит делать? — осведомился я. — Необходимые пробы можно сделать, не покидая машины.

— Мы сделаем это сами.

Машина остановилась в самом начале короткого подъема. Главный экран демонстрировал, как они вышли из шлюза, поднялись по склону и некоторое время стояли, о чем-то переговариваясь. А потом произошло нечто странное. Они исчезли. Возможно, в какое-то мгновение я отвел в сторону взгляд или просто моргнул, но на экране больше никого не было. Они пропали, как будто одновременно рухнули во внезапно открывшуюся бездну. Я отвечал за них и потому не медлил ни секунды. Повинуясь моей команде, Машина рванулась вверх и перевалила через край гряды. Экраны на секунду потемнели, тут же вспыхнули вновь, а я поспешно нажал на тормоза.

То, что открылось передо мной, не имело аналогов на этой планете и, как следствие, объяснений. Машина стояла на ровной поверхности в форме правильной окружности. Поверхность эта влажно поблескивала, словно идеально выглаженный мокрый асфальт, а в центре высилось странное сооружение — огромный цилиндр метров шести высотой и втрое большего диаметра, этакий бункер без окон и дверей, выточенный из тяжелого темного камня. Почему-то он вызвал у меня ассоциацию с гигантской консервной банкой, поданной на блюде

к столу великана. Никого из четверых в обозримом пространстве не наблюдалось. Торопясь, я выбрался наружу, оставив в нарушение всех правил открытым шлюз.обежал вокруг сооружения. Никого! Им некуда было спрятаться — если они живы, то находятся внутри монолита. Его поверхность была абсолютно сплошной, без малейших щелей и зазоров, гладкой и холодной на ощупь. Я присмотрелся внимательнее. Казалось, ее покрыли слоем прозрачного лака или пластика, под которым проступали непонятные узоры. Образующие их линии пересекались, сливались и вновь расходились, они не имели ни начала, ни конца, ни какой бы то ни было симметрии. Чем дольше я рассматривал этот лишенный внутренней логики орнамент, тем сильнее испытывал тревогу, а вместе с ней твердую уверенность, что это творение никоим образом не могло быть создано человеком.

Я оглаживал и ощупывал непроницаемую стену, пытаюсь отыскать скрытый механизм, открывающий путь в недра цилиндра, даже постукивал по неведомому материалу кулаком, но никакого успеха мои усилия не имели.

Мои усилия? У меня была моя Машина, способная разнести в пыль и прах все, что угодно. Арсенал моей Машины был разнообразен и могуч, хотя предназначался вовсе не для ведения боевых действий. Мономолекулярные фрезы, плазменный резак, кумулятивные снаряды малого калибра и, в конце концов, торпеды с термической боеголовкой, способные прожечь для Машины многометровый туннель в крепчайшем базальте... Пожалуй, все же следует попробовать ручной плазменный резак. Я буду осторожно отщипывать от этой консервной банки по кусочку, пока она мне не покорится...

Я направился к шлюзу, но замедлил шаг, обнаружив еще одну странность этого места. Блюдце вместе с цилиндром, Машиной и мной было накрыто прозрачной, колышущейся вуалью, слегка искажающей перспективу. Я приблизился к ней вплотную и протянул руку. Рука проникла сквозь вуаль без каких бы то ни было неприятных ощущений, тогда я решительно шагнул за ее пределы.

И оказался один под чужим светилом на огромном просторе Фенебры. Один, без Машины, без надежды на помощь и саму жизнь. Охвативший меня ужас был столь силен, что тело среагировало раньше, чем рассудок. Я прыгнул назад и едва не свалился, поскользнувшись на гладкой поверхности блюдца: все сделалось точно так же, как секунду назад, — цилиндрический монолит за моей спиной, Машина и укрывавшая нас вуаль, которая оказалась вовсе не вуалью, а маскировочным полем не известной мне природы. Бешеный стук сердца посте-

пенно унимался, концентрация адреналина в крови возвращалась к норме, я вновь обрел способность рассуждать здраво. Итак, испытубем плазменный резак...

Я вернулся в Машину, направился через рубку в инструментальный отсек, мимоходом бросив взгляд на контрольную панель, и остановился. Левый край индикаторной полоски сканера пространственной метрики слабо светился. Это означало, что техники Центра завершают процедуру открытия «норы». Вторая полоска — маркерная — оставалась темной, она запыхает перед самым моментом активации входа, сообщая, сколько времени «нора» будет оставаться открытой. Все это прекрасно, но если мне не удастся в самое ближайшее время вернуть на борт моих гостей, они здорово рискуют задержаться здесь очень долго. А значит, и я вместе с ними. Следовало поторопиться. Я поспешно освободил резак из стойки и проверил заряд батарей. Однако, пробега мимо сканера, снова замер в недоумении.

Поведение индикатора ничуть не изменилось. Свечение не стало ярче и не продвинулось от края полоски ни на миллиметр. Я подождал еще немного, но все оставалось по-прежнему. Такого попросту не могло быть. Время раскрытия «норы» составляет от одной до десяти минут, этот процесс сопровождается изменением интенсивности свечения индикатора. Инициировав процесс открытия входа в «нору», его невозможно остановить или задержать. Однако сейчас я как будто нахотился перед запертой дверью...

Внезапная мысль пришла мне в голову. Точнее, внезапной она не была, поскольку уже посещала меня ранее. Только реализовать я ее не мог из-за постоянного и довольно назойливого присутствия рядом Орсама либо кого-то из его товарищей. Теперь же я намеревался заглянуть в холодильный отсек. Без чьего бы то ни было участия.

Мой настоящий контракт не предусматривал сбора образцов живого мира планеты, и это было просто прекрасно. Впрочем, лишь по той причине, что изучение Фенебры находилось на самой начальной стадии. Поэтому в холодильнике отсутствовали замороженные туши местной фауны и всяческие биопробы. Единственным объектом хранения оставался труп погибшего товарища спасенных. Я выдвинул носилки из ниши хранения и приподнял укрывавшую тело ткань.

Не оставалось никаких сомнений: гибель произошла в результате камнепада. Из середины смятой грудной клетки торчал острый каменный осколок, левая половина лица была изуродована, но правая, оставшаяся нетронутой, человеку явно не принадлежала. Глубоко спрятанную в черепе круглую глазницу закрывала серая пленка, подборо-

док у существа отсутствовал, под тонкой нижней челюстью бугрились мышцы, плавно переходящие в шею. Существо обладало пятипалой кистью, но одинаковые по размеру пальцы имели лишь по две длинные фаланги. Дальнейший осмотр представлялся излишним. Передо мной лежал труп фенка. Я услышал за спиной шорох и обернулся. Последним, что я успел увидеть, был силуэт одного из близнецов, Товия или Грэхема — точнее разобрать я не успел, — с занесенной для удара рукой. Потом для меня все исчезло...

Сознание вернулось не постепенно, а сразу. Я словно вынырнул из темной глубины забвения на поверхность, увидев и услышав окружающий мир. Ничего хорошего этот мир для меня не приготовил. Хотя я находился в рубке Машины и сидел в собственном кресле первого пилота, руки мои были крепко связаны, затылок наполнен тупой болью, а вокруг расположились все четверо гостей, явно претендовавших на то, чтобы стать хозяевами. И еще я заметил (хотя осознал важность увиденного намного позже), что индикаторный огонек на левой панели по-прежнему едва тлел, находясь на грани жизни и смерти.

— Вы совершенно напрасно полезли не в свое дело, Кларенс, — произнес Орсам без тени сожаления. — В том, что случилось, виноваты вы сами и никто больше.

— Что у вас за дела с фенками? — хрипло спросил я.

— Бизнес, конечно же. Очень выгодный бизнес. Фенки могут быть вполне надежными партнерами.

— Откуда вам знать, какими они могут быть!

— О, да, — кивнул Орсам, — мне известны распространенные заблуждения на их счет. Но сейчас вы должны думать совсем о другом.

— О чем, например?

— О вашей собственной судьбе.

Я слегка приподнял связанные руки.

— Мне кажется, возможности выбора у меня несколько ограничены.

— Тем не менее выбор у вас есть, — улыбнулся Орсам, — хотя и не слишком большой: сотрудничество, которое будет хорошо вознаграждено.

— Или?

— Или мы обойдемся без вас.

— То есть в знак признательности за то, что я вас спас, вы собираетесь меня убить, — кивнул я. Честно говоря, больше всего меня сейчас задевало поведение Зеты. Все это время она оставалась совершенно

равнодушной к происходящему. Она даже смотрела на меня мельком, словно на некий неодушевленный предмет. Собственно, с чего я решил, что она должна относиться ко мне иначе?

— Мы просто обойдемся без вашей помощи, — возразил Орсам. — Но вашу замечательную машину нам придется забрать. Нет, убивать мы вас не собираемся. Мы вас просто отпустим.

— Что, в сущности, означает то же самое. Как вы думаете, сколько часов после этого я проживу?

— Такой финал отнюдь не неизбежен, — пожал плечами Орсам. — Вам нужно только принять наши условия.

Я выдерживал паузу, и никто из них меня не торопил.

— Вы уверены, что сумеете справиться с управлением Машины? — спросил я. — Это не так просто, как вы полагаете.

— Грэхем неплохо знаком с механизмами этого класса, — усмехнулся Орсам. — Конечно, он маловато практиковался, и поэтому у нас вполне могут возникнуть определенные затруднения, но уверен, рано или поздно мы их преодолеем.

В отличие от него, я не был в этом уверен. Более того, я был абсолютно убежден в противоположном, однако сообщать об этом вовсе не собирался.

— Что это за сооружение? — вопрос мой был не вполне уместен в данной ситуации, но я от него все же не удержался.

— База предыдущей экспедиции, — немедленно объяснил Орсам. — Как видите, вы здесь не первый.

— Никогда не видел, чтобы так устраивали базы, — пробормотал я. — Но у фенков на этот счет, вероятно, другое мнение.

— Я не слышу вашего ответа!

— Скажите, Орсам, — спросил я, — что же такое пообещали вам фенки, что вы забыли о том, где, собственно, родились?

— Кое-что очень интересное, — со сладким вздохом ответил он. — Я не стану вам говорить, чтобы не расстраивать. Но уверяю, вы тоже не прогадаете. Итак: ваше решение?

— Вижу, у меня действительно нет выхода, — сказал я. — Тем не менее я бы хотел знать, о чем вообще пойдет речь.

Орсам и Зета обменялись короткими взглядами, означавшими завершение какого-то недавнего спора. Интересно, кто из них считает себя победителем?

— Конечно, мы вам все расскажем, — сейчас Орсам являл собой само внимание и дружелюбие. — Как я уже сказал, наше путешествие — исключительно коммерческое предприятие...

* * *

То, что пути фенков и людей пересеклись, могло оказаться как случайностью, так и закономерностью, поскольку и мы, и они искали в Космосе одно и то же — кислородные планеты. Мы не знали, откуда приходят фенки и где находился их дом, известно было лишь, что они так же, как и мы, использовали для путешествий «кротовые норы».

Однажды связь с нашей базой на Посейдоне внезапно прервалась. Посланный туда корабль — времени ждать открытия подходящей «норы» не было — обнаружил, что база разрушена, а персонал отсутствует. Затем последовало нападение на Новое Гаити, которое удалось отбить ценой жизни половины сотрудников базы. Только тогда мы узнали, как выглядят наши враги, однако их цели и намерения оставались все так же непонятны. Фенки не пытались вступить в контакт, они просто нападали там, где могли напасть, а затем исчезали. Совершенной случайностью оказалось, что следующее нападение не застало нас врасплох. Тяжелый грузовик, доставлявший на Кемпер-2 шахтное оборудование, находился на орбите, когда в открывшуюся «нору» высыпался отряд фенков. Его засекли примерно на полпути к шахтам и блокировали на ближних подступах. Они отчаянно сопротивлялись, но против колоссальной мощи межзвездника шансов у них не оставалось. Нам даже удалось захватить несколько пленных. Допросы практически ничего не дали, пленные категорически отказывались от сотрудничества и через некоторое время одновременно покончили самоубийством так и не понятым до конца способом. Удалось выяснить единственное: межзвездных кораблей у фенков не было. Технологией пространственных бросков они не обладали. Это давало нам в намечающемся противостоянии неоспоримый перевес в силах: через «нору» не проведешь армию и тяжелое вооружение, а наши межзвездники способны достичь любой точки Галактики в течение нескольких суток. К тому же появление «норы» предсказывается за несколько часов и даже дней, теперь, когда мы знали о возможности нападения, фенки лишились единственного своего преимущества — неожиданности.

После того как очередные две попытки нападения были жестко пресечены в зародыше, фенки это поняли. Но все же сумели нанести еще один удар — самый жестокий и самый бессмысленный. Через несколько месяцев исчезло поселение на Орландо, уничтоженное взрывом кварковой бомбы. И хотя последнее время мы о них больше не слышали, успокаиваться никто не собирался: потенциальная угроза человечеству сохранялась в полном объеме хотя бы по той причине,

что мы по-прежнему слишком мало знали о наших врагах. Одно мы знали твердо: фенки умеют делать кварковые бомбы.

Я, как и все разведчики, хорошо представлял себе внешность фенка — в памяти компьютера моей Машины имелась полная информация о всей истории столкновений с ними и собственно о них самих, вплоть до подробнейших стереомodelей в натуральную величину. Но вся эта информация не давала мне сейчас ответа на простые вопросы: как фенкам удалось отыскать среди людей тех, кто захотел с ними приватно договориться? И самое главное: когда и где? Это стоило серьезных размышлений. Но сейчас меня прежде всего занимала собственная судьба.

— Наши планы несколько изменились, — сообщил Орсам. — «Нора» не откроется там, где вы полагали.

— Она и не должна была открыться, — почти уверенно сказал я. — Не знаю, как вам это удалось, но сообщение, которое я получил, было вовсе не из отделения нашей Базы в этом секторе.

— Вы догадливы, — снисходительно наклонил голову Орсам.

— Тогда я продолжу свои догадки. Вашей целью было именно это сооружение. И вы дважды потерпели неудачу. В первый раз, когда попали на своей жалкой скорлупке под каменный ливень. В сущности, все для вас должно было кончиться уже тогда, вас спасло только чудо. А второй раз здесь. Не знаю подробностей, но готов спорить, что у вас и сейчас ничего не получается.

Орсам нахмурился.

— Вы слишком догадливы, — сказал он, — хотя и не вполне точны. Мы с самого начала рассчитывали использовать ваш «дракон». При-знаю, что не все сложилось так, как мы предполагали, камнепад оказался случайностью, которую мы не учли, но план строился именно на этом. Ну вот, вы, в сущности, все знаете.

— Кроме того, что представляет собой эта штука, к которой я вас привез, — хмыкнул я.

— Об этом вы обязательно узнаете, но чуть позже, — пообещал Орсам.

— Почему не сейчас? — я сделал вид, что обижен. — Разве такие отношения должны быть между партнерами?

— Кто вам сказал, что мы партнеры? — холодно осведомился Орсам. — Я предлагаю вам способ выжить и к тому же неплохо заработать, только и всего.

— Ладно, — не стал спорить я. — Так что же от меня требуется?

— Совсем немного. Доставить нас в точку, которую я вам укажу.

— И это все?

— Абсолютно! — Орсам улыбнулся широко и открыто, но я отчего-то не поверил его открытости ни на грош.

За его спиной, за спинами Товия и Грэхема внимательно смотревшая на меня Зета как бы ненароком поднесла к своей щеке палец, тут же убрала его и отвела взгляд в сторону. Если она таким образом подавала мне знак, то, скорее всего, он означал, что я должен быть очень внимательным.

— Хорошо, — сказал я. — Может быть, теперь вы развяжете мне руки?

* * *

Новая цель нашего путешествия находилась в полутора тысячах километров к северу, далеко за пределами плато, поэтому путь предстоял нелегкий, хотя вначале трудностей не предвиделось. Как и показывали карты, к северу плато постепенно понижалось, стена с этой стороны была намного ниже и спуск оказался достаточно простым. Трудности начались на вторые сутки пути, когда мы вступили на обширное пространство, испещренное невысокими, но совершенно дикими россыпями камней, скальными грядками и трещинами узких расщелин. Мне постоянно приходилось корректировать маршрут, огибая труднопроходимые участки местности. Но моя умная Машина легко несла нас к цели, длинные лапы с широкими опорами-ступнями страховали гусеницы, опираясь или цепляясь за надежно просканированные участки поверхности. Нас почти не трясло — разве что на особенно густых отрезках пути. К тому же нам не досаждала погода Фенебры. Пока еще нам не довелось испытать ярости каменных бурь: плато по-прежнему защищало нас от южных ураганов. В этом отношении преодолеваемая область планеты показалась мне намного более комфортной для обитания живых существ. Однако совершенно никакой жизни вокруг не обнаруживалось. Это озадачивало меня недолго — лишь до того момента, когда Машина звуковым сигналом предупредила меня о том, что радиоактивность почвы вокруг превышает все разумные пределы.

— Что это? — подозрительно спросил Орсам на кряканье зуммера. Один из троих — Орсам, Грэхем или Товий, сменяя друг друга — постоянно находился в рубке, с оружием в руках контролируя все мои действия. Зета в дежурствах участия не принимала, за двое суток пути я видел ее лишь несколько раз, когда она ненадолго заглядывала в рубку.

— Индикатор сигнализирует о высоком уровне радиоактивности, — объяснил я, отключив звук и переведя сигнал индикатора в световой режим. — Не беспокойтесь, Машина имеет хорошую защиту. Но если вас действительно интересуют кларкит или трансураниды, самое время забрать полевые пробы.

— Мы сделаем это несколько позже, — отвечал Орсам, — я не хочу терять время. Ведь мы, кажется, сильно выбиваемся из графика, который вы составили.

— Выбиваемся, — подтвердил я. — Но совсем не сильно. Тем более, что я составлял его с достаточным запасом.

Я почти не сомневался, что Орсам откажется — просто хотел еще раз проверить свои предположения. Но даже если бы он согласился, у него бы ничего не получилось, потому что эта радиация к полезным ископаемым не имела никакого отношения. Зато все это, включая пейзаж, очень походило на результат взрыва кварковой бомбы, произошедшего здесь лет этак шестьдесят или семьдесят назад. Я чуть изменил направление движения, чтобы проехать через эпицентр взрыва. Эпицентр, впрочем, довольно условный, потому что такового при взрыве кваркового заряда не образуется. Никакой воронки, никаких сверхразрушений, разве что небольшое повышение уровня радиации. Кварковая бомба выжигает невидимыми лучами огромное, но строго локализованное пространство с почти четкими границами, немного размытыми лишь вторичным излучением породы, превращая его в мертвую зону лет на двести. Мерзкое, бессмысленное оружие тотального уничтожения. Но на что-то здесь оно было когда-то нацелено, и мне очень хотелось посмотреть, на что именно.

Орсам зевнул и поднялся, я услышал, как открылась дверь рубки, короткий разговор, а потом в кресло второго пилота (мне всегда было интересно, зачем конструкторы предусмотрели это кресло, если разведчики работают в одиночку) водрузился сменивший Орсама Грэхем. Полуобернувшись, я обнаружил, что это все же не Грэхем, а Товий. К тому же довольно сонный, что в данном случае мне было весьма на руку.

Товий и в самом деле скоро погрузился в полудрему. Специально, чтобы его не беспокоить, я сбросил скорость на четверть. Машина одолела очередную расщелину, неторопливо взобралась на каменную насыпь. Я приблизил открывшееся на экране изображение, вздрогнул и тут же грубо вмешался в работу управляющего компьютера Машины, резко крутанув руль влево. Озадаченная и наверняка возмущенная до

глубины механической души Машина, конечно же, повиновалась, но одна из ее опорных лап поскользнулась на месте, не просчитанном для шага заранее, и лишенная поддержки левая гусеница съехала на метр вниз. Машину тряхнуло, Товий проснулся, заполошно дернулся и принялся протирать глаза.

— Что случилось?

— Ничего страшного, — пожал я плечами, — скрытая каверна в почве. Я вовремя ее заметил — и она уже позади.

Он с подозрением уставился на экраны, но гребень осыпи уже заслонил то, что открылось мне несколькими секундами раньше. Я не собирался ничего показывать Товию, поэтому заложил — теперь уже при участии компьютера — широкую дугу в объезд. И самому мне тоже не было нужды что-либо внимательнее рассматривать, ведь я увидел самое главное.

Объектом кварковой атаки было точно такое же блюдо с цилиндром посредине, которое осталось далеко на плато. Правда, выглядела конструкция намного хуже: края «блюдца» изрядно потрескались, а цилиндр оплыл одним боком внутрь и покосился в противоположную сторону, уподобившись использованной жестянке, попавшей под сапог великана. Я не знал, что представляют на самом деле эти непонятные сервизы и зачем кому-то понадобилось их громоздить, а потом разрушать. Зато я знал, что такое кварковая бомба и что ее с удовольствием используют фенки. Дальнейшая перспектива моих действий выглядела весьма логичной. Если цель фенков — уничтожение блюда, неплохо бы мне постараться сохранить то, что пребывает в относительной целостности. Не знаю, что из этого выйдет, но иной рациональной задачи для себя я пока не видел. К сожалению, пределы моих попыток были существенно ограничены статусом тщательно охраняемого пленника. Нужно было придумать нечто, способное изменить этот статус. Хотя бы на время.

Индикатор вновь запульсировал в режиме тревожного оповещения. Еще не разобравшись в причине, я резко остановил Машину.

— В чем дело? — немедленно потребовал отчета Товий.

— Пока не знаю, — сказал я. — Но снаружи что-то изменилось. Не стоит двигаться дальше, пока мы не поймем...

На пороге рубки появился Орсам.

— Почему мы остановились? — почти закричал он и тут же сбросил тон до уровня змеиного шипения. — Пилот Кларенс, я крайне убедительно прошу вас не прекращать движения.

Я не ответил ему немедленно, потому что был занят проверкой по-

казаний датчиков. Тогда он шагнул вперед и сильно потрянул меня за плечо.

— Вы меня слышите?

— Безусловно, — с досадой пробормотал я. — Но я бы на вашем месте не настаивал. Поглядите на верхние экраны! Видите, что происходит с небом? На это раз камней не будет, нас ждет кое-что похуже.

— Что вы имеете в виду?

— Молниевый ливень. Он идет прямо на нас. Напряженность электрического поля растет с невероятной скоростью. Ничего страшного не произойдет, если мы успеем подготовиться, но времени у нас остается не так много. Все вы должны немедленно разойтись по каютам и укрыться в коконах. Скорее, Орсам, прошу вас!

Товий соображал быстрее, он первым выскочил из рубки, бросившись к своей каюте. Спустя секунду за ним последовал Орсам.

— Через пять минут все энергетические системы будут отключены! — крикнул я ему вслед. — Не пугайтесь, полчаса или час вам придется провести в темноте. И запомните: когда все это начнется, ни в коем случае не пытайтесь двигаться. Ни в коем случае! Не шевелитесь, если хотите остаться в живых...

Надеюсь, он услышал мои последние фразы и правильно понял их смысл. А я принялся лихорадочно готовить Машину к встрече с катаклизмом.

Молниевые ливни — самая неприятная штука на Фенебре. Намного хуже камнепада и тем более атаки ходячих деревяшек. Молниевые ливни редки, но смертоносны. Единственное спасение от них — заранее убраться с пути бури или зарыться как можно глубже в почву. Так и поступают обитатели Фенебры. От них не спасает защитный экран Машины — колоссальная напряженность электрического поля этой грозы подавляет любую защиту. Создатели модулей класса «дракон» не могли всего предусмотреть, поэтому я не склонен их ни в чем винить. Многие из способов выживания в неземных средах мы должны были придумывать и реализовывать сами.

Именно поэтому нас — разведчиков — было так немного, именно поэтому нам платили так хорошо.

Мне несказанно повезло, что, когда я впервые попал под молниевый ливень, мы работали в овраге с довольно крутыми склонами, потому что летящая низко над землей сияющая туча надвигалась с такой скоростью, что ни убежать от нее, ни искать укрытия времени уже не

оставалось. Я успел вцепиться якорями в Фенебру изо всех сил, а потом выстрелом из пушки обвалил на себя ближайший склон оврага. Это нас спасло. Но я допустил ошибку, за что, как мне кажется, Машина остается обиженной на меня до сих пор. Я был обязан действовать строго по инструкции, но не смог заставить себя отключить защитные системы окончательно. Энергетическая защита Машины оказалась бесполезной перед чудовишной мощностью атмосферных разрядов. К счастью, предохранительный блок успел сработать, прежде чем электрические цепи — нервы Машины — оказались сожжены. Мы уподобились мертвому тысячелетнему валуну под слоем грунта, и безнадежно выбитыми оказались лишь два кластера компьютера. Конечно, когда все закончилось, я их сменил, Машина вновь отзывалась на любой мой запрос, но чувство вины перед ней у меня сохранилось до сей поры.

Сейчас времени у нас было несколько больше, но медлить не стоило. Я загнал Машину в ближайший распадок. Торопясь, выстрелил динамитным патроном в нависающий край и попросил Машину побыстрее закапываться. Она и так старалась изо всех сил, наваливая на себя камни попеременно с бесплодной породой. Связь с окружающим миром нами была на время утеряна. Последнее, что я сделал, — отключил абсолютно все системы Машины и поспешил в свою каюту, проверив по пути, подготовились ли пассажиры. Все они приняли мои предостережения всерьез и уже находились в коконах.

Я тоже успел забраться в кокон и был невероятно счастлив, что встретил навалившиеся ощущения в своей каюте, а не в кресле пилота. Главным из них был невыносимый зуд во всем теле. Синеватый туман плавал по каюте — то ли объективное следствие ионизации, то ли болезненная реакция глазных нервов на происходящее. Мышцы мои судорожно сокращались в просьбе избавить тело от мучений, но я держался, отлично зная, что последует за любой попыткой. Я увидел, как на металлических углах возникают ослепительные шарики сгустков энергии. Именно они убили первого пилота, работавшего на этой планете, — его звали Фонтейн, и, к счастью, он не был моим другом. Фонтейн успел рассказать, что и как его убивает, прежде чем умер, исполнив свой долг разведчика. Расшифрованная запись его предсмертной инструкции спасла меня в первую встречу с Облаком Молний и спасала сейчас.

Прошло около получаса, а потом я почувствовал, что Облако начинает уходить. Смертоносные шарики сдувались и схлопывались внутрь себя, бесследно исчезая. Зуд не прекращался, но я знал, что все позади

и теперь у меня есть некоторое время, чтобы попытаться выяснить то, что до сих пор оставалось для меня непонятным, и проверить свои подозрения. Страхивая остатки оцепенения, я ринулся в рубку. Пока Орсам и его компания приходят в себя, у меня есть минут пятнадцать — двадцать.

Было довольно жарко: несмотря на заземление, вихревые токи разогрели металлическую плоть Машины. Я включил питание, с замиранием сердца отсчитывая томительно длинные секунды, пока шла проверка цепей, кластеров и систем. Наконец, успокаивающе мигнув экраном, Машина сообщила, что все в норме, молниевый ливень прошел для нас без серьезных последствий. Торопясь, набрал запрос: «База «Посейдон», список персонала». Машина ответила немедленно. Я жадно вцепился взглядом в появившийся на экране текст и меньше чем через минуту обнаружил то, что и рассчитывал увидеть: «Зета Каванти, биолог...». Как ни странно, ни Орсама, ни Товия с Грэхемом в списке не было. Возможно, эти трое были захвачены фенками во время какого-то другого нападения? Не знаю, что заставило их пойти на сотрудничество с врагом — пытки, психологическая обработка или банальная корысть, — ясно, что мы с ними находились сейчас по разные стороны баррикад. Некоторые надежды, впрочем, мне внушало поведение Зеты, но чтобы проверить их обоснованность, нужно было хотя бы недолго поговорить с ней наедине.

Я услышал шаги, и через секунду в рубке появились Орсам с Грэхемом. Выглядели они изрядно помятыми, что я отметил с немалым удовольствием.

— У нас все в порядке? — спросил Орсам, сверля меня одновременно встревоженным и подозрительным взглядом.

— Думаю, что да. Я заканчиваю проверку систем. Через несколько минут мы продолжим движение.

Орсам жестом приказал Грэхему занять сторожевой пост, а сам удалился, массируя виски.

Машина ожила. По моей команде она легко приподнялась на лапах, сбрасывая со спины тонны грунта, и выползла из укрывавшей нас расщелины.

Чем дальше мы перемещались к северу, тем больше менялась окружающая нас природа. Ночью налетел ураган, однако по своей силе он был вполне сравним с земными катаклизмами. Скорость ветра вряд ли превышала сто пятьдесят километров в час, и принес он с собой не ка-

менный град, а мощный ливень, превративший местность в сплошное болото. Мы вступили в зону лесов — не знакомых мне прежде бесконечных зарослей низкого, цепкого кустарника, а настоящего царства растительных великанов с широкими кронами и листвой, и это означало, что зона молниевых ливней осталась позади. Я никогда не был прежде в этих широтах, Фенебра оказалась многоликой. Но какие бы сюрпризы она нам ни приготовила, здешние пейзажи нравились мне несравненно больше. К счастью, древесные гиганты, составляющие основу джунглей, располагались друг от друга на расстоянии достаточном, чтобы пропустить Машину. В любом случае, никакая чаща не могла быть для Машины решающей помехой, но мне вовсе не хотелось ради собственных нужд прорезать огнем просеку, уничтожая местную флору, которая впервые начала мне нравиться, а также неизвестную мне и столь же ни в чем не повинную фауну.

Впрочем, представители местной фауны — если таковые и встречались — благоразумно бежали с нашего пути, а с непролазными зарослями нижнего яруса джунглей без труда справлялись носовые пилы. Мы оставляли за собой изрядно извилистую дорогу, которая, несомненно, зарастет уже через несколько недель, не сохранив ни малейших следов пребывания на Фенебре человека.

Сейчас со мной в рубке вновь находился Грэхем, и это меня очень раздражало. Видимо, чтобы восстановить свое умение пилотировать машину класса «дракон», он неотрывно следил за каждым моим движением. Я вовсе не собирался облегчать ему жизнь, поэтому, делая маневры, всякий раз совершал массу совершенно необязательных манипуляций: включал вспомогательные механизмы, переключал обзорные экраны с ближнего вида на дальний и наоборот. Рано или поздно он, конечно же, догадается, что я просто вожу его за нос, однако сейчас, полностью поглощенный своей слежкой, он вряд ли способен был обнаружить подвох.

Джунгли оказались не сплошными. Уже четырежды Машина выбиралась из-под древесных крон, пересекая довольно обширные каменистые пустоши. Всякий раз при этом я посматривал на датчики излучения, но пустоши, кажется, имели вполне естественное происхождение. Мы находились посреди очередной такой пустоши, когда Грэхем вдруг спросил:

— Что это?

Палец его указывал на экран верхнего обзора. Я посмотрел и невольно вздрогнул: по небу, оставляя за собой короткий след инверсии, быстро двигался летательный аппарат. Он явно снижался, было

похоже, что километров через десять он намерен совершить посадку. Конструкция аппарата не показалась мне знакомой, хотя в этой области техники специалистом я себя отнюдь не считаю. Я схватился за ручки увеличения изображения, но аппарат уже исчез за вершинами деревьев.

— Радиосвязь! — приказал я Машине и тут же ощутил, что к моему затылку прижались контакты разрядника.

— Выжгу мозги! — предупредил Грэхем. — Немедленно выключи передатчик!

— Отмена радиосвязи, — послушно сказал я и чуть повернул голову к своему стражу. — Откуда ты знаешь, что это не ваши друзья? Может быть, они вас уже давно ищут? Я просто хотел помочь.

— Не твое дело, — буркнул он, но разрядник от затылка отодвинул, так и не заметив, что несколькими мгновениями ранее я быстрым движением включил микрофон, который начал транслировать происходящее в кабине в эфир.

Продолжая держать меня на мушке, Грэхем открыл дверь в коридор.

— Орсам! Товий! Зета!

Все они появились немедленно.

— Только что над нами пролетел неизвестный корабль, — торопливо сообщил Грэхем. — Курс на два часа по отношению к нашему. Кларенс попытался с ним связаться, но я не дал.

— Вы разочаровываете меня, Кларенс, — с тихой угрозой проговорил Орсам. — Еще одна такая ошибка...

— Но это же могли быть ваши партнеры! — воскликнул я с обидой. — Что если им удалось прибыть раньше намеченного?

— Ведите машину в лес! Немедленно! — крикнул Орсам. — Грэхем! Прикончи его при малейшем неповиновении!

— С удовольствием, — отозвался тот и снова упер мне в затылок оружейный ствол.

Машина послушно катила в лес, и все это время они не отрывали взглядов от верхних обзорных экранов. Небосвод оставался чистым от технологических произведений какой бы то ни было цивилизации, густые древесные кроны укрыли нас, и мы спокойно продолжили путь. Но с этого момента моя охрана была усилена вдвое. В рубке теперь находились и Грэхем, и Товий, причем первый не выпускал из рук оружия. А когда мы остановились на ночевку, он отконвоировал меня в каюту и запер снаружи дверь, заставив проклясть того дурака, которому вздумалось оснащать внутренние двери замками.

— Эй, Орсам! — крикнул я. — Кажется, вы забыли о моем ужине!

Он не отозвался, но через некоторое время дверь вновь открылась. Под бдительным присмотром Грэхема Зета внесла упаковку с вечерним рационом. Когда наши руки на мгновение соприкоснулись, я ощутил, как в мою ладонь скользнул клочок бумаги, и тут же спрятал его меж пальцев. Дверь захлопнулась, я остался один и немедленно развернул записку.

Они не должны получить то, чего хотят, помешайте им, — было написано торопливым почерком. Легко сказать! Я изорвал бумажку и бросил в утилизатор, после чего принялся за ужин. Мысль о воздушном корабле не оставляла меня. Что это было? Атмосферное судно? Посадочный модуль межзвездника? Но Фенебра находилась невероятно далеко от заселенных секторов, ее разведка только началась, планета имела шаткий статус «условно пригодных для освоения», и, кроме меня с моей Машиной, здесь вообще не должно было быть ни одного человека, — атмосферному кораблю точно так же, как и посадочному модулю, просто неоткуда и незачем было здесь появляться. Если не случилось чего-то такого, о чем я не мог знать. Я пытался сложить сколько-нибудь логичную версию происходящего из скудного набора фактов, которыми располагал: ложный аварийный вызов, мертвый фенк, странное сооружение на плато и второе, разрушенное кварковой бомбой, неизвестный корабль, появление которого явно встревожило моих тюремщиков, записка Зеты и неведомая цель всего этого предприятия. Я ломал голову — все бесполезно. В какой-то момент я был готов ощутить себя беспомощной шепкой, подхваченной потоком событий, не способной повлиять на их течение.

Но — нет! В шепку я пока еще не превратился!

Они подняли меня, едва рассвело. Грэхем сорвал с меня одеяло и потряс за плечо. Теперь они действительно относились ко мне, как к пленнику. Или даже как к рабу. Грэхем — здоровый, крепкий парень, и я не стал выражать своего возмущения. К тому же в дверях каюты стоял Товий с разрядником на изготовку.

— Пора двигаться дальше, пилот, — с ухмылкой сказал Грэхем на мой вопросительный взгляд.

* * *

Последний переход дался мне нелегко. Орсам страшно нервничал и торопил меня даже там, где спешить не следовало, а то и вовсе было невозможно, и всякий раз мне стоило немалых трудов убедить его, что наш маршрут и скорость движения оптимальны. Примерно за три ча-

са до захода светила Машина форсировала неширокий, но бурный поток, выбралась на пригорок, окруженный высоким кустарником, который плавно переходил в лес, и остановилась.

— Все, — сказал я, откидываясь на спинку кресла. — Мы на месте. Что дальше?

Орсам вытащил собственный навигатор и тщательно проверил показания.

— Прекрасно, пилот Кларенс, — напряженно проговорил он. — Вы отлично справились. Дальнейшее будет совсем несложно. Сейчас мы немного подождем, а потом... потом вы все узнаете и поймете, что поступили совершенно правильно, согласившись с нами сотрудничать.

— И больше вы ничего мне не хотите сказать?

— Всему свое время. Сейчас вы можете немного отдохнуть...

Я пожал плечами, положил руки на подлокотники и расслабился, демонстрируя полнейшую лояльность. Все они — все четверо, включая Зету, — находились сейчас в рубке за моей спиной. И хотя Грэхем убрал оружие в кобуру, я чувствовал его готовность выхватить его в любую секунду. Они ни о чем не разговаривали, разве что перекидывались короткими нейтральными репликами. Они просто ждали. Прошло около часа, к концу которого мне, как ни странно, удалось задремать. Это был не то чтобы сон — так, полузабытье, позволяющее скоротать время, когда иного способа не существует.

— Что это? — прозвучал над моим ухом голос Орсамы, и я открыл глаза.

Его палец указывал на панель слева от меня, где начала светиться полоска индикатора.

— Это значит, что кто-то совсем рядом с нами открывает вход в «нору», — объяснил я. — Сканер фиксирует начало структурного изменения пространства. Вы ведь именно этого ждете?

— Конечно, — выдохнул он с облегчением. — Когда это произойдет?

— Не позже чем через десять минут. Следите за индикатором.

— Отлично! Отлично... — Орсам не мог сдержать волнения, но, клянусь, вызвано оно было чем угодно, только не радостью завершения миссии.

Зона свечения продвигалась по индикаторной полоске, пока не заполнила ее целиком. Сейчас вся полоска светилась ярким оранжевым светом, но другая — маркерная — по-прежнему оставалась темной, и это означало, что «нору» где-то в невероятной дали пространства открывает кто угодно, только не люди.

А в остальном все происходило так же, как всегда. Внешние микрофоны принесли в рубку ровный свистящий звук, который завершился негромким хлопком, и в сотне метров перед Машиной возник темный овал, из которого на траву Фенебры шагнули два существа, похожие на людей ровно настолько, насколько от них отличались. Фенки. Шагнули и остановились в ожидании.

— Откройте люк! — крикнул Орсам. — Грэхем! Открой люк!

Грэхем грубо отпихнул меня в сторону и пробежался пальцами по клавишам пульта, давая команду открыть входной шлюз. Что ж! Этому, по крайней мере, он научился. Орсам бросился к выходу.

Вход в «нору» за спинами пришельцев поблескивал светлыми сполохами. Он просуществует еще пять минут, или полчаса, или час — те, кто открывает «нору», знают это с абсолютной точностью, но ни на миллисекунду не способны ни увеличить, ни сократить этот срок.

На экране я видел, как Орсам, торопясь и оскальзываясь на траве, бежит к ним. Добежал. Жестикуюлируя, принялся что-то объяснять, изредка показывая в сторону Машины. Потом все трое неторопливо направились в нашу сторону. И когда они сделали десятка два шагов, «нора» исчезла. И как всегда, я не сумел зрительно уловить этого мгновения: просто она была — и ее не стало...

Оказавшись в рубке, фенки не стали снимать защитные шлемы, за что я совершенно подсознательно испытал к ним нечто вроде признательности. Полузатемненные щитки скрывали их лица, светлая полоска ниже линии лба позволяла видеть только глаза, очень похожие на человеческие. Они лишь сняли контейнеры, которые принесли за плечами, и аккуратно положили их в угол рубки.

— Пилот Кларенс, — странно булькающий голос произносил слова практически без акцента. Впрочем, возможно, это был просто голос электронного лингвиста. — Мы рады, что вы поняли выгодность сотрудничества. Вы будете много вознаграждены. Очень много. Тот, кто понимает, всегда выигрывает. Тот, кто не понимает, проигрывает вплоть до полного уничтожения. Вы не выбрали уничтожение. Вы выбрали неуничтожение. Это верно и правильно. Мы будем сотрудничать.

— Я давно уже все правильно выбрал, — осторожно возразил я. — В чем, собственно, должно заключаться мое сотрудничество? Я уже сделал все, что от меня потребовали ваши партнеры. Я доставил их сюда. На этом все и должно закончиться. Орсам, подтвердите, пожалуйста!

Он, конечно же, не собирался ничего подтверждать. Только быстро

глянул на меня, потом на своих хозяев и снова уставился куда-то в пространство.

— Все должно закончиться, — заговорил булькающий голос. — Не здесь. Там, где вы уже были. Обратный путь будет легок. И выгоден.

— Ты отвезешь нас на плато, — неожиданно вмешался Орсам. — К тому сооружению. После этого можешь отправляться на все четыре стороны. Живым и здоровым, вместе со всем своим кларкитом, который ты уже успел здесь раздобыть. Это и есть плата. Думаешь, мы не проверили твои грузовые отсеки?

Я сделал вид, что смутился. Кларкит запрещено добывать без полного лицензионного контроля правительства. Таков закон, и отношение к тем, кто его нарушает, весьма жесткое. Но Орсаму было неизвестно, что разведчики находятся вне действия закона. Это наш особый статус, наша привилегия, своеобразное право «первой ночи».

— Я никуда вас не повезу, пока не получу ответы на свои вопросы, — сказал я. — Потому что больше не желаю работать втемную. Например, я хочу знать, для чего вам нужно взрывать это поганое блюдо?

— Л-людце? — булькнул промежуточный вопрос, после которого в нашей общей беседе возникла некоторая пауза в форме интенсивного обмена мнениями между Орсамом и обоими фенками. А потом оба фенка надолго забулькали без малейшего смысла для меня и, кажется, для всех остальных. Полагаю, они просто смеялись.

— Пилот Кларенс, — булькнул фенк. — Мы не будем взрывать поганое блюдо. Мы собираемся его починить.

В этот момент в моем мозгу словно сработал тумблер. Все или, по крайней мере, почти все, как мне казалось, встало на свои места. Стабильный пространственный туннель, постоянно действующий портал — вот для чего было построено это сооружение. Фенками или кем-то другим, это было уже не важно. Важно то, что фенки получали доступ к транспортному каналу, через который могли переправлять на Фенебру что угодно, когда угодно и в каких угодно количествах. В том числе кварковые бомбы, которые они так охотно применяют. Уже через неделю после того, как транспортная станция будет восстановлена, на Фенебре появится армия вооруженных до зубов фенков (или что у них там вместо зубов?). Или две армии, если им это потребуется. Я не знал, чем займется здесь армия фенков, — это дело ума не разведчика-исследователя, а стратегов в наших военных штабах. Зато я понимал, что обязан этому помешать.

— Не все так просто, — сказал я. — Есть кое-какие проблемы.

— Никаких проблем нет, — усмехнулся Орсам. — Пройденный маршрут записан в памяти бортового компьютера с точностью до сантиметра. Грэхему будет совсем нетрудно его повторить. В сущности, мы прекрасно можем обойтись без вас, Кларенс.

— Я имел в виду совсем не это. Машина работает в экстремальных условиях уже более пяти месяцев. Я ничего не могу гарантировать, пока не проведу тщательный осмотр ее систем и механизмов. Вы ведь не хотите застрять где-нибудь на полпути?

Орсам посмотрел на меня с недоверием, но возражать не стал.

— Сколько вам потребуется времени? — спросил фенк.

— Если начать прямо сейчас с внешнего осмотра, к утру все будет закончено.

Орсам повернулся к фенкам и некоторое время обменивался с ними негромкими репликами.

— Начинайте работу, пилот Кларенс, — пробубльнул наконец фенк.

— Но мы станем тщательно следить и проверять.

Под бдительным присмотром Товия и Грэхема я рылся в инструментальном отсеке, откладывая в сторону то, что, по моему разумению, было совершенно необходимо для проведения тщательного наружного осмотра Машины. Надеюсь, мои надсмотрщики думали так же. Дефектоскоп, массивный молоток на длинной ручке, мощная отвертка, автоматический напильник, набор ключей, баллон с вакуумной смазкой и еще какую-то несущественную мелочь. Мне очень пригодился бы плазменный резак, но я понимал, что вряд ли сумею убедительно объяснить Грэхему, зачем именно он мне понадобился. Зато мне невероятно повезло в том, что оба они не обратили никакого внимания на пару брикетов в пластиковой упаковке, которые я небрежно бросил в общую кучу. В конце концов я сложил все это в контейнер и направился к шлюзу. Но выйти сразу мне не удалось: по пути меня остановил Орсам и теперь лично проверил содержимое контейнера. Брикетов он там не обнаружил, поскольку я уже успел незаметно переправить их в один из многочисленных карманов комбинезона.

— Надеюсь на ваше благоразумие, Кларенс, — предупредил Орсам.

— Учтите, что Грэхем будет следить за вами очень внимательно.

— Мне нечего скрывать, — пожал я плечами. — Хотя я бы предпочел, чтобы он занялся чем-нибудь более полезным — например, помог мне с осмотром.

— А кто бы тебе помог, если бы нас здесь не было? — поинтересовался Грэхем.

— Никто. Просто вдвоем мы могли бы справиться намного быстрее.

— Я вам помогу, — внезапно сказала Зета. — Надеюсь, вы не возражаете, Орсам?

— Разве ты разбираешься в механизмах? — удивился он.

— Тут ничего сложного, — торопливо вмешался я. — Нужно просто обследовать дефектоскопом подвеску. Прибор сам подскажет, когда обнаружится опасный дефект. А я тем временем обработаю смазкой шарниры лап.

— Хорошо, — кивнул Орсам. — В таком случае поторопитесь!

Мы вышли наружу: Зета, я с контейнером и Грэхем, не опускавший руки с разрядника в расстегнутой кобуре. Я передал Зете дефектоскоп и объяснил, как с ним обращаться. Потом взял молоток и баллон со смазкой. Грэхем немедленно отступил на несколько шагов в сторону. Зета с прибором медленно двинулась вокруг машины. Я направился в другую сторону — к правой передней секции лап. В сущности, я почти не лукавил. Моя Машина действительно нуждалась в периодическом осмотре и техническом обслуживании. Все дело в том, что такое обслуживание я осуществил лишь десять дней назад, незадолго до того, как получил фальшивый сигнал Центра.

Я деловито постукивал молотком по шаровым сочленениям лап, внимательно вслушивался в звяканье металла, пару раз прыскал из баллона в приемники смазочных кассет, изображая, что полностью поглощен работой. На самом деле я изо всех сил пытался хотя бы немного усыпить бдительность Грэхема. Однако он не давал мне ни малейшего шанса, все время оставаясь на расстоянии.

— Ты не можешь? — озабоченно попросил я его.

— Не помогу, — откровенно рассмеялся он. — Хватит с тебя и Зеты.

— В самом деле, — кротко согласился я.

Зета как раз вышла из-за машины.

— Мне нужна ваша помощь, Зета, — сказал я. — Кстати, у вас все в порядке?

— Не совсем, — ответила она тоже весьма озабоченно. — Впрочем, я не вполне уверена.

— Мы посмотрим вместе. Но чуть позже. А сейчас помогите мне, пожалуйста.

Вообще я рассчитывал лишь оказаться к ней поближе, чтобы просто установить контакт, дать понять, что в Машину мы больше не должны возвращаться, но все произошло совсем не так, как я планировал. Снимая с плеча дефектоскоп, Зета неторопливо направилась

к Грэхему. Все его внимание было устремлено на меня, и то, что тяжелый прибор внезапно врезался Грэхему в область виска, оказалось для него полной неожиданностью. Как, впрочем, и для меня. Грэхем рухнул на землю не складываясь, словно поверженный монумент. Дальше мы действовали удивительно слаженно. Я подхватил контейнер, она выдернула из кобуры Грэхема разрядник, а в следующую секунду мы со всех ног неслись в лес. Спустя полчаса стремительного бега я остановился и рухнул на мягкий ковер опавшей листвы. Зета свалилась рядом.

— Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, — задыхаясь, сказала она.

У меня не было сил для ответа, и я только кивнул.

— А почему ты так поступила? — спросил я, когда дыхание немного восстановилось.

— Я читала твой бортовой журнал. Благодарю небеса, что никому больше не пришлось это в голову. Там есть отметка о времени последней профилактики. И предыдущей тоже. Твоя машина была в полном порядке. Я поняла, что ты что-то задумал, и решила помочь, ведь иной возможности тебе больше не представилось бы. Надеюсь, ты успел испортить машину?

— Нет, — покачал головой я.

— Но тогда... — она смотрела на меня с тревогой и изумлением. — Зачем тогда все это? Они доберутся до станции и без тебя!

— Никуда они не доберутся. Машина сконструирована так, что не способна работать без своего пилота. Орсам и его друзья фенки здорово удивятся, когда обнаружат, что Машина уснула и разбудить ее невозможно. Никто, кроме меня, не сможет этого сделать.

— И что будет дальше?

— Примерно через час Машина пошлет аварийный сигнал. Нам остается только ждать.

— И как долго?

— Вот этого я не знаю. На Фенебру направят один из патрульных кораблей. Три, пять, семь дней — это зависит от того, где в данный момент находится ближайший.

— Если все так просто, почему же ты не сбежал раньше? — спросила Зета с подозрением, которое в данной ситуации показалось мне немного обидным.

— Во-первых, за мной слишком тщательно следили, — начал перечислять я. — Во-вторых, мне хотелось все же попытаться понять, что задумал Орсам. В-третьих, мне отчего-то не хотелось оставлять с ними тебя. Ну и в-четвертых... Собственно, это «в-четвертых» — самое глав-

ное. Там, на юге у меня бы не было ни малейшего шанса выжить без Машины в течение семи дней.

— Ты надеешься, что здесь мы продержимся это время?

— Надеюсь, — сказал я и протянул ей один из брикетов в пластике. — Это аварийный комплект. Маячок, питательные концентраты — их хватит как раз на неделю — и ультразвуковой генератор, чтобы мы могли спать ночью без опаски. Многим представителям местного зверья ультразвук не нравится. Здесь нет камнепадов, молниевые ливни достаточно редки, да и звери не такие опасные.

— А здесь есть такие, кому нравится ультразвук? — спросила она.

— Не знаю. Возможно, — ответил я, немного подумав. — Мы это скоро выясним. Но у меня есть еще одна идея. Может быть, нам не придется ждать долго.

— О чем ты?

— Тот корабль, что пролетел вчера почти над нами. Он явно готовился совершить посадку. Если это челнок межзвездника, все становится намного проще. Я точно засекаю направление, и, если компьютер Машины не ошибался, сейчас от места посадки нас отделяет около десяти километров. Вот туда мы и пойдем. Тем более, что оставаться поблизости от наших ненавистных друзей мне совсем не хочется.

Мы двигались достаточно быстро, но на ходу я успевал задавать Зете вопросы, ответы на которые так давно хотел услышать.

Атака фенков на базу «Посейдон» была молниеносной и предельно эффективной. Удивительно, но нападавшие прекрасно ориентировались в помещениях и оборудовании базы, они в первые же минуты нейтрализовали защитные системы. Сопrotивления оказать никто не успел и не сумел. В этот раз фенки никого не убивали. Все восемьдесят шесть человек штата базы были захвачены в плен и уведены через остающуюся открытой «нору». На том конце туннеля их встретили обжигающий холод, клубящееся тучами небо и транспорт для перевозки пленников. Их разделили на маленькие группы по пять-шесть человек и заперли в помещениях, весьма походивших на тюремные камеры. А потом начали забирать по одному. Никто из покинувших камеру не возвращался. Четвертой была Зета.

Здесь ее воспоминания утрачивали четкость. Видимо, их допрашивали или выкачивали содержащуюся в мозгу информацию. В памяти остались вспышки света, лица склонившихся над ней фенков и долгое, огромное серое Ничто, продлившееся несколько лет, о которых Зета ничего не помнила.

Орсам появился в тот самый момент, когда Зета вновь обрела спо-

собность себя ощущать. Это произошло в светлом помещении, похожем на хирургическую палату. Зета осторожно поднималась из кресла, проверяя свои ощущения, а за происходящим внимательно наблюдали два фенка и Орсам. Зета его узнала. И поняла причину успеха атаки фенков на базу. Орсам не раз бывал на Посейдоне в качестве торгового агента компании, обслуживающей этот сектор.

Говорил с ней Орсам. Он обещал возвращение домой, крупный счет в банке. Взамен — недолгая экспедиция на планету, которая мало кому известна и совершенно никому не нужна. Ничего личного, никакого вреда тем, кто оставался Зете дорог. Фенкам просто была нужна машина класса «дракон», для того чтобы кое-что сделать на этой самой планете.

— А остальные? — спросил я ее в этот момент. — Твои коллеги и друзья, что с ними стало?

— Я их больше никогда не видела. Орсам сказал, что с ними все в порядке. И как только я сделаю то, что от меня требуется, все они тоже вернутся домой.

— Ты ему поверила?

— Не знаю. Нет... Не знаю...

— Четыре года, — сказал я. — Ты знаешь, что после атаки на базу «Посейдон» прошло четыре года? Неужели ты ничего не помнишь?

— Я почти ничего не помню, — опустошенно проговорила она. — Просто какие-то обрывки, картинки, не имеющие смысла. И я даже не уверена, что видела их наяву, а не во сне. Я не знаю, что они с нами... со мной сделали. Анабиоз или промывание мозгов. Я даже не могу предполагать.

— Почему им понабилась именно ты?

— Из-за моей второй специальности, — ответила Зета. — До базы «Посейдон» я работала в секторе пространственной метрики.

— Что было потом?

— Нас забросили на Фенебру и послали тебе фальшивый сигнал. Но дальше все пошло не так, как они задумали. Камнепад убил фенка — это он должен был активировать портал. У Орсамы и его людей ничего не получилось. А я сказала, что тоже ничем не могу им помочь.

— Ты на самом деле не могла?

— Да. Хотя я и не стала бы этого делать. И еще мне кажется, что к этому сооружению фенки не имеют никакого отношения, хотя знают, как его использовать.

Я заинтересовался.

— Почему ты так думаешь?

— То, что я видела в тюрьме... то, что я помню, совсем не похоже на эту станцию. Не могу точно объяснить. Просто все это совсем другое...
Еще одна загадка.

— Кстати, кто они, эти Товий и Грэхем?

— Они всегда находятся при нем. Помощники и телохранители.

Кажется, я исчерпал все вопросы из тех, которые собирался задать и на которые могла ответить Зета. Мы ускорили шаг, лес здесь был не особенно густым, заросли просматривались на полсотни шагов в любую сторону, а потому не казались опасными. Лишь однажды я заметил длинное оранжевое тело, скользившее по траве параллельным с нами курсом. Я тут же остановился и заставил остановиться Зету, но змея, или подобная ей рептилия, не обратила на нас внимания и скоро скрылась из виду.

До захода солнца и наступления темноты оставалось совсем немного времени, нужно было искать место для ночлега, которое послужило бы нам убежищем от непогоды и хищников, однако ничего подходящего не попадалось. Перспектива же провести ночь на древесных ветвях меня совершенно не вдохновляла, хотя в случае неуспеха поисков ничего другого нам просто не останется.

Удача не покинула нас окончательно, и вскоре мы оказались перед огромным рухнувшим древесным стволом. Его мощные сучья не позволили дереву окончательно улечься на землю, под него мы и заползли, пробравшись сквозь сплетение ветвей, которые и сами по себе служили неплохой защитой от непрошенных гостей. Ночь обещала быть прохладной, но разводить огонь я не собирался, опасаясь возможного преследования. Впрочем, наши комбинезоны служили достаточной защитой от таких перепадов температуры. Разумеется, мы не стали полностью полагаться на ультразвуковые пугалки и спать решили поочередно. Первым на дежурство заступил я, а Зета свернулась клубочком и очень быстро уснула.

Усталость моя была велика, но уснуть я не боялся, потому что помогали не спать (или мешали заснуть) мысли о моей Машине. Я почти физически ощущал, как Орсам вместе со своими разноплеменными партнерами мучают ее, пытаясь заставить подчиниться. У них ничего не получится, я знал, я был уверен, что Машина меня никогда не предаст, но как трудно ей сейчас приходится! Утешала меня лишь уверенность, что они не станут ее убивать, ведь от ее существования напрямую зависят их собственные жизни.

То ли ультразвук действительно оказался эффективен, то ли в этих местах живность по ночам предпочитала спать в своих норах и логови-

шах, но дежурство мое протекало спокойно. Звуки ночного леса не таили угрозы. Это было именно так и совершенно неважно, что этого леса я почти не знал. Всякий, кому довелось долгое время работать в диких, пусть и совершенно незнакомых местах, прекрасно меня поймет: предельно обострившееся чувство опасности неизменно срабатывает при приближении угрозы, где бы ты ни был и что бы эта угроза собой ни представляла. Конечно, оставалась масса неожиданностей, степень опасности которых ты не можешь оценить. Что-то вроде маленьких сухопутных пиявок Нового Гаити, укусы которых неощутимы и смертельны. Но от таких созданий — я очень на это надеялся — сейчас нас защищали костюмы и ультразвук. По крайней мере, против пиявок он был весьма эффективен. Примерно такие мысли бродили у меня в голове, когда я убедился, насколько был глуп и самонадеян. Я ничего не сумел предвидеть заранее.

Шорох, смертельно опасный шорох, прозвучал всего в метре от меня. Что-то гибкое и могучее неторопливо и уверенно стремилось к нам сквозь сплетение ветвей, полностью игнорируя ультразвуковые пугалки. Я выставил перед собой разрядник — наше единственное оружие — и нажал на спуск в режиме максимальной мощности. Неяркая вспышка выстрела осветила мускулистую плоть щупальца. Даже сквозь фильтр маски я ощутил отвратительный запах горелой плоти. Щупальце дернулось, ломая ветви, потащилось в обратном направлении, я услышал мягкий тяжелый топот и треск кустов, подминаемых удаляющейся тварью. Потом все стихло.

— Кларенс! — шепнула мгновенно проснувшаяся Зета. — Что случилось?

— Ничего особенного, все в порядке, — ответил я, изо всех сил имитируя тоном спокойствие и уверенность. — Ты можешь еще поспать.

— Теперь моя очередь дежурить, — категорически возразила она.

— Я действительно не хочу спать, — сказал я, и это было абсолютной правдой, несмотря на ощущение страшной усталости.

— Пожалуй, я немного посижу с тобой.

Я действительно сидел с ней рядом около часа, до боли в висках вслушиваясь в окружающую нас коварную тишину. Но тишина оставалась неизменной, ощущение тревоги уходило, и в какой-то момент я просто отключился, свалился навзничь и уснул без сновидений, словно навсегда.

А мое пробуждение оказалось вовсе не таким, каким я, засыпая, его себе представлял.

Меня довольно бесцеремонно трянули за плечо. Не открывая глаз, я пошарил возле себя в поисках оружия и, конечно же, ничего не обнаружил. Пришлось окончательно пробуждаться. Лица человека под защитной маской я увидеть не мог. Зато, по крайней мере, с уверенностью мог сказать, что это именно человек, судя по стандартному полевому комбинезону, в который он был облачен, а также стандартному разряднику, ствол которого смотрел мне в грудь. Я выбрался из-под укрывшего нас дерева и поднялся на ноги, пытаясь оценить обстановку. Здесь были Зета и еще четверо в комбинезонах и масках. Вот снаряжение и оружие этих четверых знакомым мне вовсе не показались.

— Кто вы такие? — спросил человек. Голос его из-под маски звучал глухо и отнюдь не дружелюбно.

— Кларенс, пилот транспортного модуля класса «дракон», — ответил я. А что мне еще оставалось? И поспешно продолжил: — Зета Каванти, второй пилот модуля.

— И где же ваш модуль?

— Мы его немного потеряли, — сказал я, понимая, что окончательно проиграл. Очень скоро меня засунут в мою Машину, запрут в каюте или холодильнике и спокойно отправятся туда, куда им нужно. Когда я окажусь на борту, Машина перестанет сопротивляться захватчикам. Все же она была только машиной.

— Никогда не видел пилота, потерявшего свой модуль, — усмехнулся человек.

Я лишь молча развел руками, а потом спросил:

— А вы сами, собственно, кто?

— Селек, — ответил он. — Можете меня так называть.

— Селек, — повторил я. — И?..

— И это пока все. Как же вы потеряли свой «дракон»?

— В силу некоторых неблагоприятных обстоятельств, — вежливо пояснил я. — Ничего не поделаешь, такое иногда случается.

У меня появилась некоторая надежда, что человек и его неведомые спутники ничего не знают о группе Орсам. По крайней мере пока. И я не собирался просвещать их на этот счет.

— Как вы нас нашли?

— По вашим маякам, разумеется.

— Что ж... это очень вовремя, — промямлил я, совершенно не представляя, как вести себя дальше.

— В таком случае, пошли! — сказал он.

— Могу я спросить: куда? — осторожно осведомился я.

— Тут недалеко, — сказал Селек. Хотя он и убрал разрядник в кобуру, вежливости у него не прибавилось.

Селек шел впереди, следом — мы с Зетой, а за нами — фенки, которые свое оружие прятать не собирались. Я шагал, погруженный в невеселые раздумья. Конечно, можно было принять героическую смерть, прыгнув в сторону и попытавшись скрыться. Шагов десять я пробежать, наверное, успею. А потом меня просто сожгут или пристрелят — это в зависимости от типа оружия, которое используют фенки. Так что оставим этот вариант в качестве последнего. С другой стороны, иных вариантов на данный момент попросту не существовало. И я сильно сомневался, что их количество возрастет, когда мы доберемся до места...

Мы шли около часа в полном молчании, Селек говорить не желал, фенки, видимо, не умели, а нам с Зетой и сказать-то было нечего. Наконец деревья расступились, и мы оказались на обширной поляне, посреди которой стоял большой корабль. Надо ли объяснять, что строили его отнюдь не люди.

Створки входа разъехались в стороны, по спустившейся к нашим ногам лестнице мы поднялись на борт, и двери за нами закрылись. Селек снял маску, и я увидел его лицо. Вполне симпатичное, ничем не хуже, чем лицо Товия, например. Стащили свои маски и четверо сопровождающих. И вот тут я растерялся окончательно. В том, что они не были людьми, я не сомневался и раньше. Дело в том, что они оказались вовсе не фенками...

Я не силен в межзвездной дипломатии. Мое дело — разведка необитаемых кислородных планет, на которых дипломатам делать нечего. Я просто разведчик — пилот Машины, мне не сообщают о состоявшихся успешных контактах с обитателями открытых миров. Только, на всякий случай, о врагах. Если успевают и имеют такую возможность. Эти ребята — хозяева корабля, внешне были пострашнее фенков. На мой, человеческий взгляд. Представьте себе сизую морду без носа с лягушачьей, пузырящейся слюной пастью, в углах которой шевелятся венички коротеньких щупальцев. Таков был облик обитателей планеты Номер Два. Скрытой облаками соседки Фенебры.

Но о том, кто они и где обитали, мы с Зетой узнали не сразу, потому что вначале несколько часов просидели под замком в помещении,

явно не предназначенном для содержания пленников — и это обстоятельство внушило мне некоторые надежды. Сидеть там было крайне неудобно. В самом прямом смысле. Присесть негде, потому что не на что. Тем более — прилечь. Нас заперли в каком-то технологическом отсеке, по стенам которого змеились сочленения трубопроводов, регулярно передающих сквозь свои внутренности нечто, сопровождающееся гулким звуком «у-пп». Единственный известный способ сократить время ожидания — сон. Но металлический пол ощутимо подрагивал в такт трубным вздохам, то и дело вырывая меня из дремоты. Вообще-то, так узников содержать не полагается. Значит, тюрьмы на борту чужого корабля нет.

Мы сидели здесь часа два, а потом запиравшая гулкий отсек дверь открылась, и существо — один из хозяев корабля — жестом предложило следовать за ним. Он шел впереди не оглядываясь, ничуть не опасаясь нападения. Осознание этого обстоятельства меня немного успокоило. Нас привели в помещение, которое можно было бы назвать каюткомпанией. Здесь ждали несколько пришельцев и Селек.

— Вы действительно тот, за кого себя выдаете, — важно сказал Селек и тут же поперхнулся, осознав двусмысленность произнесенной фразы. — Руководство Управления подтвердило вашу идентификацию. Проблемы возникли с вашим вторым пилотом, поскольку вторые пилоты на Фенебре вообще не предусмотрены. Вы не хотите что-нибудь объяснить?

— Пока не хочу, — сказал я, приготовившись к чему угодно.

— Понимаю, — вздохнул Селек. — Тогда предлагаю тебе для начала поговорить со своим начальством. Сейчас нам организуют связь.

Лишь после состоявшегося разговора с директором Джуговичем я окончательно поверил, что меня окружают не враги, а Селек не очередной предатель, а оперативный сотрудник Департамента внешних связей. Очень любезно с их стороны, что они не убили нас немедленно. Это я понял сразу после того, как Селек рассказал, в чем, собственно, дело.

Фенки не обладали технологией сверхсветовых полетов, они перемещались в пространстве лишь на досветовых скоростях, что существенно ограничивало их экспансию, хотя через «кротовые норы» их разведывательные отряды проникали весьма далеко. Все изменилось, когда на одной из соседних планет собственной звездной системы они обнаружили действующий постоянный портал, выход из которого вел

на Фенебру. Какая цивилизация и с какой целью построила портал — неизвестно, иных следов деятельности цивилизации не отыскалось, но портал работал.

Фенебра оказалась слишком негостеприимной планетой для фенков, зато совсем рядом существовал намного более комфортный мир планеты Номер Два, которую его коренные обитатели называли Ромер. Массированное вторжение готовилось несколько лет, и в один прекрасный день переправленный с помощью портала на Фенебру флот планетарных кораблей фенков обрушился на Ромер. Война была долгой и кровопролитной, жертвы ромериан огромны, но ценой невероятных усилий армию агрессоров удалось разбить, а портал уничтожить. То, что от него осталось, я имел возможность увидеть во время своего вынужденного похода.

Тем не менее фенки не отказались от своих намерений, поскольку с самого начала знали: на Фенебре существует и второй портал. Им требовалось отыскать вход в него из своего мира, чем они и занимались довольно долго. К сожалению, усилия их в конце концов увенчались успехом. Правда, в отличие от первого, этот портал был законсервирован создателями, и, чтобы его активировать, фенкам предстояло до него добраться. Сделать это на сумасшедшей Фенебре было возможно только с помощью моей Машины.

Контакты людей с Ромером продолжались уже несколько лет. Департамент внешних связей знал о готовящейся фенками операции, хотя и в самых общих чертах. В том числе и о том, что проводится она будет с помощью пособников из числа людей...

— Откуда? — не удержался я от вопроса.

— Проблемой фенков Департамент занимается с момента ее возникновения, — пожал плечами Селек. — Фенкам удалось найти среди людей предателей, но и мы тоже не сидели сложа руки. Мы по-прежнему не очень много знаем о самих фенках, зато гораздо больше о тех, кто пошел на сотрудничество с ними. К счастью, их немного. Но Орсам среди них — не из последних. Он возглавлял группу информаторов, которую нам недавно удалось раскрыть. К сожалению, Орсама мы захватить не сумели...

Неясной для них оставалась моя роль во всех этих событиях, продолжал рассказ Селек. Был я добровольным участником операции или меня использовали против моей воли? Фенки знали, где находится второй портал, ромериане и Департамент безуспешно пытались его отыскать. Ромериане — чтобы немедленно уничтожить, Департамент — чтобы изучить и с его помощью найти наконец мир фенков. Селек

дал понять, что для достижения согласия в этом вопросе понадобились просто титанические усилия дипломатов.

— А дальше нам оставалось только ждать, — заканчивал свой рассказ Селек. — Ромериане засекли примерные координаты активации «норы», по которой на Фенебру прибыли техники фенков, и отправили туда корабль. Потом мы наконец обнаружили ваш «дракон». Оставалось ждать, когда он приведет нас к portalу.

— И тут мы с Зетой сбежали и спутали ваши планы, — пробормотал я.

— Вовсе нет, — возразил Селек. — Наоборот, все завершилось вполне удачно. Расположение портала теперь известно, фенки изолированы в «драконе»... Кстати, вы уверены, что им не удастся восстановить контроль над машиной?

— Уверен. Но мне все же не хотелось бы оставлять их там надолго. Это все-таки моя Машина!

— Мы отправимся к ней немедленно. А вы подумайте о том, как нам действовать, чтобы сохранить пленникам «дракона» жизнь.

— Это так важно?

— Чрезвычайно, — твердо ответил Селек. — Особенно в отношении одного из них.

— Товий или Грэхем? — догадался я. — Нет! Это, конечно же, Товий. Позвольте, Селек! Выходит, в Машине нас было трое, включая Зету, трое против двоих? Но мы бы могли...

— Могли бы, — с досадой прервал меня Селек. — Если бы мы знали, что посланный с группой фенк погиб, если бы имели представление, кто такая Зета, как поведете себя вы, и, самое главное, если бы у нас была связь и мы вообще хоть примерно представляли, где, в какой точке планеты находится ваша прекрасная машина! Слишком много «если»! Мы не имели возможности искать вас ниже сороковой параллели. Только ваш монстр способен без опаски ползать в тех краях. У ромериан подобной техники просто нет, доставить сюда еще один «дракон» нам было неоткуда и некогда... На самом деле, множество раз все висело на волоске. И я вам скажу еще кое-что, Кларенс: самый крайний вариант предусматривал тотальную бомбардировку кварковыми бомбами по площадям. Вплоть до полного уничтожения Фенебры. Ромериане ни в каком случае не собирались позволить фенкам активизировать портал.

— Я понимаю, — отступил я. — Так когда мы отправляемся?

Отправились мы намного позже, чем намеревались: налетел ураган. Легкий ветерок по сравнению с южными широтами, не более двухсот

километров в час, но двигаться куда-либо на хрупких скорлупках ромериан было невозможно. Удивляюсь, как их корабль-то выстоял. Правда, они оплели его сетью тросов, закорили, как умели, но случись буре хоть немного усилиться, это бы их не спасло. Хорошо, что ураган стих довольно быстро, а следующий, примчавшийся с перерывом в полчаса, как и всегда случалось на Фенебре, оказался вдвое слабее.

* * *

Моя Машина оставалась на том самом месте, где я ее покинул. От прошедшего урагана Машина, конечно же, не пострадала — он был для нее, что легкий ветерок. Она просто спала глубоким сном, похожим на смерть, и я очень надеялся, что Машину не убили те, кто сейчас укрывался под ее броней. Ромериане заняли позиции широким полукругом с оружием на изготовку, а мы с Селеком отправились к дверям входного шлюза.

Никакие следящие системы Машины не работали, она была полностью слепа и глуха, но у фенков, видимо, были свои устройства обнаружения, потому что дверца шлюза открылась, когда нас отделяло от нее не более двадцати шагов. В проеме, с нацеленным на нас оружием в руках, стоял Орсам.

— Не приближайтесь! — потребовал он.

— Давно собирался с вами встретиться, Орсам, — сказал Селек, — да все никак не удавалось. Но наша встреча была неизбежна.

— Кто вы такой?

— Теперь для вас это уже неважно. Впрочем, скрывать мне нечего. Селек, офицер Службы безопасности Департамента внешних связей. Но, может быть, мы не будем напрасно тратить время?

— Чего вы хотите?

— А вы сами не догадываетесь? — с раздражением поинтересовался Селек. — Сдайте оружие и выходите вместе со своими друзьями. Все, Орсам, ваше путешествие окончено.

— У меня есть другое предложение, — возразил Орсам.

— Никаких предложений, — отрезал Селек. — Никаких переговоров. Либо вы сдаетесь немедленно без всяких условий, либо мы просто уходим. А потом вернемся дней через тридцать, может, даже раньше. К этому времени все вы уже будете мертвы.

— Это не мои условия, — быстро проговорил Орсам. — Речь идет о жизнях многих людей, поэтому вы обязаны меня выслушать.

— Хорошо, говорите!

— Мы предлагаем обмен. Восемьдесят человек, которые были захвачены на Посейдоне, — на нас пятерых.

— Как вы это себе представляете?

— Пилот «дракона» доставит нас к portalу. Инженеры его активируют и отправят сообщение. Спустя какое-то время через портал доставят пленных, и мы произведем обмен.

— Не могу не признать, что ваше предложение меня заинтересовало, — холодно сказал Селек. — Только не вижу гарантий его честного выполнения.

— Гарантии — наши жизни! — воскликнул Орсам. — Все мы остаемся здесь, пока не прибудут пленники.

— А вы уверены, что ваши жизни настолько ценны для ваших хозяев?

— Уверен, — без колебаний ответил Орсам. — На борту «дракона» находится господин Гизим. Его ранг достаточно высок. Не сомневайтесь, он намного выше вашего. Императорский дом фенков не оставит его без помощи.

Некоторое время Селек обдумывал услышанное.

— Итак, на одной чаше весов ваши слова и пять ваших жизней, на другой — жизни восьми десятков пленников, — задумчиво проговорил он. — И по-прежнему никаких реальных гарантий... Но я принимаю решение: мы доставим вас к portalу. Только без оружия и под присмотром моих друзей. Полагаю, это справедливо?

Орсам словно бы смешался, потом сделал жест, означающий, что мы должны подождать, отступил назад и закрыл люк. Он появился вновь через несколько минут.

— Статус господина Гизима не допускает унижительного положения пленника, — с запинкой объявил он. — Мы оставим здесь свое оружие, но на борт поднимется только пилот.

— Я поеду с ними, — потеряв терпение, сказал я. — Соглашайтесь, Селек. Если у нас есть хоть какой-то шанс вытащить этих ребят...

Голова Грэхема была туго перевязана, глаза смотрели с мрачной ненавистью. Едва я вошел на борт, Грэхем обследовал меня сканером с невероятной тщательностью и, конечно же, обнаружил спрятанную в воротнике горошину микропередатчика. С наслаждением раздавил ее каблучком. Настроение его немного улучшилось.

— Я буду следить за каждым твоим движением, — объявил он.

— А я и пальцем не шевельну, пока за моей спиной будет маячить твоя рожа, — сказал я в ответ. — Орсам, вы можете сидеть здесь сами, можете приставить ко мне второго вашего долболома или обоих фен-

ков, но если этот урод не уберется из рубки, Машина с места не тронется.

— Иди в каюту, Грэхем, — приказал Орсам. — Товий, займи место второго пилота.

В рубке мы остались втроем. Оба фенка сидели в моей каюте и оттуда не показывались. Бог знает чем они там занимались. Я положил руки на пульт управления и ощутил невероятно теплое чувство вновь обретенного дома. Машина узнала меня и немедленно отозвалась на прикосновение ласковым урчанием пробуждающегося ото сна реактора.

— Почему мы до сих пор стоим на месте? — осведомился Орсам.

— Расконсервация систем Машины занимает около двадцати минут, — пожал я плечами. — Вам придется немного потерпеть.

Орсам проворчал что-то недовольно и неразборчиво, но спрашивать больше ни о чем не стал.

Машина пробуждалась, один за другим вспыхнули экраны внешнего обзора, на левом возник Селек в окружении ромериан, верхний показал небо, постепенно набухающее тучами, что означало: примерно через час нас ожидает новый ураган.

— Через час будет ураган, — сказал я.

— Он может нам помешать? — спросил Орсам.

— Конечно же, нет, — с удовольствием ответил я. — Он нас даже не задержит.

— Орсам! — услышал я ненавистное бульканье. — Вы нам нужны в данный момент времени.

Фенк стоял в дверях рубки, обжигая меня взглядом никогда не моргающих глаз. Они вышли в коридор и прикрыли за собой дверь.

— Они не собираются производить никакого обмена, — быстро заговорил за моей спиной Товий. — У фенков с собой кварковая бомба. Они приведут ее в действие, как только мы окажемся рядом с порталом. Их все равно уничтожат в наказание за неудачу, и они об этом прекрасно знают.

Дверь отъехала в сторону, в рубку вошли Орсам и оба фенка.

— Я имею полномочия предлагать большую выгоду, — забулькал один из фенков. — Самую большую, которую можно себе представить. Ее я предлагаю вам. Полную власть над одной планетой. Там живут существа, полностью подобные людям. Мужского и женского пола. Нам нужны умные союзники, вы можете им стать. Орсам больше не подходит. Выгода была обещана ему, но теперь я имею намерение отдать ее вам. Это горжественное обещание нерушимо, если вы доставите нас к portalу, когда там не будет существ с Ромера. Вы знаете, как это сде-

лать. Нужно ждать ураган, который их прогонит. Вас — нет! Вы соглашаетесь — и получаете самую большую выгоду. Вы отказываетесь — и мы все умираем. Может быть, прямо сейчас. Теперь вы должны сказать свой ответ.

Неплохо придумал это фенк. В самом деле, ураган парализует любые действия Селека с ромерианами. Только моя Машина может передвигаться в бурю, не обращая на нее внимания. У фенков будет трех-четырёхчасовая фора, в течение которой можно успеть все, что угодно, вплоть до развертывания армии вторжения, которая наверняка стоит в полной готовности на том конце туннеля, ожидая его открытия.

— Я хочу слышать ваш ответ, — напомнил фенк.

— Я вовсе не собираюсь умирать, — пробормотал я. — Самая большая выгода нравится мне намного больше.

— Не сомневался, что ответ будет верным, — торжествуя пробулькал фенк. — Теперь все зависит только от вас.

В ушах у меня тихонько зазвенело, звон этот постепенно усиливался. Видимо, некоторые необычные ощущения испытали и фенки.

— Что происходит в механизме класса «дракон»? — потребовал фенк ответа.

— Очистка внутренней атмосферы, — объяснил я. — Стандартная процедура после каждого нарушения герметичности кабины. Она сопровождается некоторым падением давления. Но шлюз при этом открывается свободно. Сожалею, если причиняю вам неудобства. Это скоро пройдет. Рекомендую вам вернуться в каюту.

— Хорошо! — сказал фенк. — Помните то, о чем я вам сказал. Мы можем умереть в любой момент, но в этом не будет смысла. Зачем вы сказали про шлюз?

Он вдруг пошатнулся, но тут же восстановил равновесие. А я все сильнее ощущал, как мое лицо наливается жжением. Словно тысячи крохотных коготков царапали кожу изнутри, и все же я нашел в себе силы улыбнуться.

— Сейчас все пройдет, — сказал я. — Сейчас... Шлюз действительно открывается свободно... снаружи...

Из носа Товия побежали тоненькие ручейки крови. Резкость моего слуха снижалась, но я сумел различить в коридоре шаги Грэхема и почти сразу же тяжелый стук упавшего тела. Я ощутил острую боль в правом ухе и теплую струйку на скуле. Наверное, лопнула барабанная перепонка. Орсам опустился на колени, протянул руку и попытался что-то произнести, кровь текла у него из носа и ушей, в следующий момент глаза его закатились, и он рухнул навзничь. Сознание начало усколь-

зять от меня, но я держался, держался изо всех сил до тех пор пока оба фенка, один за другим, не повалились на пол рубки, пятная его кровью, сочащейся из естественных отверстий на телах, так похожих на человеческие. Вот теперь можно было отключаться и мне...

Я открыл глаза, увидел над собой лица Зеты и Селека, понял, что нам все удалось, и я остался жив.

Последнее меня крайне удивило. Операцию дегазации Машина проводит не колеблясь до самого конца после переброски тумблера, который я включил в разговоре с фенками. Она откачивает воздух (предположительно зараженный чужой ядовитой атмосферой) до значений, при которых земные организмы существовать не могут. И неземные тоже. Предполагается, что во время этой операции ее экипаж, то есть я, пребывает в изолирующем скафандре с автономным снабжением кислородом. Я пребывал вне его и должен был героически скончаться вместе с фенками, Орсамом и Грэхемом. Моя Машина никогда бы не позволила мне этого сделать — она была способна защитить меня даже от самого себя. Я просто обманул ее, блокировав контрольное устройство. Небольшой шанс, правда, я себе оставил.

Микропередатчик, который отобрал у меня Грэхем, был просто маскировкой. Едва я сел за пульт, как включил внешние громкоговорители, все происходящее в Машине было слышно за сотню метров от нее. Я очень надеялся, что Селек поймет мое бормотание насчет свободного доступа в шлюз. И он действительно понял, ворвавшись туда, когда все в Машине затихло.

Все остались живы, даже несмотря на резкое повышение давления после разгерметизации. Правда, состояние Грэхема и одного из фенков — не знаю, высокопоставленного Гизима или его коллеги, я не умею отличать их друг от друга — было тяжелым, но смерть им не грозила. Все дальнейшее меня, в общем-то, не касалось.

Я удостоился высокой чести: чтобы забрать меня с Фенебры, специально прибыл межзвездник. Так мне торжественно объявил Селек. Он даже сказал, что меня чем-то там наградят. Правда, червячок сомнения в моей душе зашевелился сразу же: пленные фенки и ренегаты Орсам с Грэхемом представляли для Службы безопасности куда большую ценность, чем рядовой разведчик с его «драконом». И, конечно же, этот межзвездник доставил на Фенебру толпу инженеров и техников, которые были намерены расковырять портал до последнего не-

земного винтика, ради того чтобы отыскать наконец убежище фенков. И чтобы попытаться спасти тех людей с Посейдона, которых нам спасти не удалось.

Когда я окончательно выздоровел, в северных широтах Фенебры начиналась пора осенних ураганов. В палате госпиталя межзвездника я смотрел на косматый от облаков диск планеты, когда в дверь постучали. Я выключил экран и пригласил посетителей войти. Селек и Зета. Я не стал скрывать, насколько рад их видеть.

— Странная вещь, — сказал Селек, когда прошло время первоочередных рассказов и разговоров. — Перед тем как начать перепрограммирование твоего «дракона» на нового пилота, системы машины полностью протестировали. Все они абсолютно исправны. Но запись операций показала, что компьютер «дракона» прекратил вакуумирование на десять секунд раньше, чем предписывала программа. Когда ты сказал про шлюз, я понял... почти сразу. Но я все равно бы не застал тебя живым, если бы программа не прервалась. Техники проверяли ее десятки раз и не нашли ни малейшего дефекта.

— Кто будет моим сменщиком? — спросил я.

— Об этом я и хотел с тобой поговорить. Он хороший парень и опытный пилот. У него только один недостаток: он не понимает, что такое Фенебра. А сейчас там очень нужен «дракон» с пилотом, который это понимает. У нас не очень много времени — мы не знаем, чем заняты фенки на том конце туннеля. Мы не знаем, что они намерены предпринять.

— Я понял, — кивнул я. — Честно говоря, я ждал такого предложения, хотя и не рассчитывал его получить. Но мне нравится доводить дело до конца. Спасибо, Селек!

— И еще одно, — сказал он и почему-то отвел взгляд в сторону. — Работы будет очень много и тебе потребуется второй пилот.

— Это немного хуже, — признался я. — Но если этот парень действительно неплох...

— Речь не о парне, Кларенс, — Зета взяла меня за руку и сильно сжала. — Второй пилот — это я. Если ты, конечно, не станешь возражать...

Я не стал. Не знаю, что из этого получится, но отчего-то предчувствия у меня самые прекрасные. Первый пилот — Кларенс, второй пилот — Зета. И моя Машина, которая меня спасла. Я абсолютно уверен, что именно она это сделала.

Моя Машина...

ЭЛ ИЗАБЕТ БЕАР,
САРА МОНЕТТ

БУДЖУМ

Иллюстрация Сергея ШЕХОВА

Своего имени у корабля не было, так что людской экипаж называл ее «Лавиния Уэйтли»*. Она, по всей видимости, не имела ничего против. Во всяком случае, длинные цепкие щупальца ее стабилизаторов ласково извивались, когда главные инженеры похлопывали ее по переборкам, называя запросто — «Винни», а любые передвижения экипажа по кораблю она предупредительно сопровождала биоподсветкой, даруя людям освещение, чтобы было удобно ходить, работать и жить. «Лавиния Уэйтли» была буджумом**, обитателем космических глубин. Этот вид зародился в бушующих оболочках газовых гигантов, и до сих пор свое потомство они выводили там, в туманных яслях вечных бурь. Отсюда — обтекаемая форма туловища, которая землянам напоминает огромную колючую рыбу-льва. Бока, покрытые газовыми мешками с водородом, туго скрученные крылья и плавники. Сине-зеленая шкура — такая темная, что кажется глянцеви́то-черной, пока ее не коснется луч света; бока, заросшие водорослями-симбионтами.

Там, где был свет, она делала кислород. А где был кислород — делала воду.

Корабль был воплощенной экосистемой, так же как капитан корабля — воплощенной властью. А внизу, в недрах инженерного отдела, Черная Элис Брэдли, обычный человек без всякой власти, любила этот корабль.

Черная Элис приняла присягу в тридцать втором, после беспорядков на Венере. Причин своего появления на корабле она не скрывала, и капитан, окинув ее удивленным взглядом холодных, темных глаз, сказала: «Милочка, покуда ты исполняешь свои обязанности, меня это не касается. Но если вздумаешь меня предать — отправишься назад на Венеру с ветерком». Быть может, именно поэтому (а еще потому, что Черная Элис была не способна попасть из лучеви́ка даже в борт грузового корабля) ее и назначили инженером, где проблем с этикой поменьше. В конце концов, ей было все равно, куда отправляться.

Черная Элис стояла на вахте, когда «Лавиния Уэйтли» заметила добычу. Элис ощутила характерную дрожь предвкушения, пробежавшую по палубам корабля. Чувство ни с чем не сравнимое — этот трепет

* *Лавиния Уэйтли* — персонаж романа Гюарда Филлипса Лавкрафта «Данвичский кошмар». (Здесь и далее прим. перев.)

** *Буджум* — образ чего-то невообразимого и ужасного из поэмы Л. Кэрролла «Охота на Снарка».

Винни испытывала лишь во время погони. И вот они уже на всех парах скользят вниз по гравитационному склону прямо к Солнцу, и ожили, ярко замигали все экраны в инженерном отделе (которые капитан Сонг обычно держала выключенными, полагая, что вовсе не обязательно матросам, уборщикам и кочегарам знать, где находится и куда направляется корабль).

Все подняли головы, и Полуджек воскликнул: «Вот он! Вот!». И действительно: пятнышко на экране, которое можно было бы принять за отпечаток пальца, по мере того как поворачивалась Винни, двигалось, превращаясь в грузовой корабль — громадный, неуклюжий и безнадежно устаревший. Легкая добыча. Легкая нажива.

«А деньги нам совсем не лишние», — подумала Элис. Настоящая пиратская жизнь сильно отличалась от сетевых легенд и слухов и состояла отнюдь не из одних заморских деликатесов и услужливых рабов. Особенно когда три четверти любой прибыли отправлялись на содержание «Лавинии Уэйтли», чтобы та была счастлива и довольна. И с этим никто не спорил: все помнили историю с «Марией Кюри».

Голос капитана по оптоволоконному кабелю, протянутому возле нервных узлов «Лавинии Уэйтли», прозвучал так четко и ясно, будто она стояла у Черной Элис за спиной. «Занять позиции по боевому расчету», — приказала капитан Сонг, и команда поспешила повиноваться. Два солнечных года прошло с тех пор, как капитан Сонг протащила Джеймса Брэди под брюхом корабля в наказание за какую-то провинность, но никому из тех, кто это видел, не забыть его лопнувших глаз и замерзающего крика.

Черная Элис заняла свое место и уставилась на экран. На корме грузовика она разглядела золотые буквы на черном фоне — «Жозефина Бейкер», а также венерианский флаг, туго прикрученный к мачте на корпусе. Это был обычный железный корабль, не буджум, и все преимущества были на стороне пиратов. На мгновение Элис показалось, что грузовик попытаетсялизнуть.

И тут он развернулся и наставил на них свои пушки.

Ни малейшего ощущения движения, ни ускорения, ни потери ориентации. Ни хлопка, ни свиста перемещенного воздуха. Просто изображение на экранах сменилось другим, когда Винни перепрыгнула, то есть телепортировалась в другое место, как раз над кормой «Жозефины Бейкер», подмяв под себя чужой флагшток.

Черная Элис ощутила телом скрежещущую дрожь и едва успела схватиться за пульт, прежде чем «Лавиния Уэйтли» взяла грузовик на

абордаж. Теперь шупальца ее стабилизаторов извивались отнюдь не ласково.

Краем глаза Черная Элис заметила, как Святоша, который на «Лавинии Уэйтли» был чем-то вроде капеллана, перекрестился и пробормотал себе под нос: «Ave, Grandaevisimi, morituri vos salutant»*. Это было единственное, что он мог предпринять, пока все не закончится, да и после вряд ли появится шанс сделать больше. Капитан Сонг была не против заботы о душе, но исключительно в нерабочее время.

Голос капитана отдавал приказы, посылая абордажные отряды на правый и левый борта грузовика. А здесь, в инженерном отсеке, оставалось только одно: наблюдать по мониторам за корпусом «Лавинии Уэйтли» и приготовиться дать отпор, если экипаж грузовика отважится на ответную атаку. Об остальном позаботится Винни — до того момента, когда нужно будет уговорить ее не съедать добычу, пока не получены все ценности. Дело это щекотливое, доверяли его лишь главным инженерам, однако Черная Элис внимательно смотрела и слушала, полагая, что, если когда-нибудь появится шанс, она справится не хуже.

Это была ее маленькая честолюбивая мечта, о которой она никому и никогда не говорила. Ведь как было бы круто — стать тем, кого слушается буджум...

Она с трудом заставила себя переключиться на скучные экраны своего сектора и не вертеть головой, бросая взгляды на те мониторы, где шла настоящая драка. Святоша обходил всех по кругу, раздавая пистолеты из оружейного ящика — так, на всякий случай. Когда «Жозефина Бейкер» будет захвачена, то младшим инженерам и прочей мелкой сошке придется подниматься на борт, чтобы забрать оборудование.

Случалось и такое, что на захваченных кораблях прятались оставшиеся в живых члены команды. И неосторожный пират мог запросто получить пулю.

Следить за ходом битвы из инженерного отсека трудно. Васаби, как обычно, выставил на одном из экранов секундомер, и все периодически на него поглядывали. Пятнадцать минут прошло, значит, группы захвата не встретили никаких сюрпризов. Черная Элис знавала пирата, который был на «Маргарет Мид», когда ту угораздило напасть на грузовой корабль, перевозивший на спутник Юпитера отряд морских

* *Славьтесь, Древнейшие, идущие на смерть приветствуют вас.*

пехотинцев.) Тридцать минут — нормально. Сорок пять минут. Когда проходит больше часа, люди начинают проверять оружие. Самая длинная битва, в которой Черной Элис довелось участвовать, длилась шесть часов сорок три минуты и пятьдесят две секунды. Последний раз, когда «Лавиния Уэйтли» работала вместе с партнером... На капитанском мостике в банке до сих пор хранилась голова капитана Эдвардса, а на корпусе Винни осталось уродливое кольцо шрамов от удара «Генри Форда».

На этот раз часы остановились на пятидесяти пяти минутах тридцати секундах. «Жозефина Бейкер» сдалась.

* * *

Святоша хлопнул Черную Элис по руке, приказав: «Со мной». Она не стала возражать: Святоша всего на шесть недель старше, но жесткости в нем не меньше, чем набожности, да и умом не обделен. Элис проверила застежку на кобуре и поднялась вслед за ним по лестнице, миномходом протянув руку сквозь перекладыны, чтобы почесать Винни по переборке. Корабль не отреагировал на ласку: Элис не была капитаном и не входила в число четырех главных инженеров.

Интендант обычно уважал право на выбор напарника, и поскольку Черная Элис и Святоша подошли вместе (и не в первый раз), он молча вручил обоим пистолеты для проставления меток и рентген-планшеты и просканировал сетчатку. Им предстояло обследовать корабль на предмет материальных ценностей. Те чаще всего прятали в переборках судна, а когда Винни расправится с грузовиком, вряд ли получится вернуться и посмотреть, что же они пропустили.

Морские пираты прошлого имели обыкновение топить захваченные корабли. Буджумы действовали куда более эффективно.

Черная Элис пристегнула к поясу все необходимое и проверила герметичность скафандра Святоши.

И вот они уже скользят по тросам из чрева «Лавинии Уэйтли» к прогрызенному шлюзу грузовика. Мало кому из команды нравилось заглядывать кораблю «в лицо», а вот Черная Элис это обожала. Зубы со стертыми до блеска алмазными краями, десятки перемигивающихся ярко-сапфировых глаз корабля...

Элис машинально помахала рукой и польстила себе мыслью, что Винни подмигнула ей в ответ.

А потом вслед за Святошей взошла на «Жозефину Бейкер».

Проверив состав воздуха на корабле, они распечатали скафандры.

Зачем тратить собственный кислород, который может еще пригодиться? И первое, что подметила Элис, — запах.

У «Лавинии Уэйтли» был свой, особенный аромат — смесь запахов озона и мускатного ореха, и ни один корабль на свете не мог пахнуть так же чудесно, но это... это...

— Похоже, здесь кого-то пришили, а труп выбросить забыли, — просипел Святоша. Черная Элис с трудом сглотнула, подавив рвотный рефлекс, и сказала:

— Двадцать против одного: найти его повезет именно нам.

— Жаль, ставку принять некому, — буркнул Святоша.

Они дружно принялись вскрывать все люки подряд. Дважды обнаружили членов команды, мертвых до безобразия. Один раз нашли живых.

— Джилли, — констатировала Черная Элис.

— Все равно непонятно, откуда эта вонь, — заметил Святоша и обратился к джилли: — Значит так: либо вы с нами, либо наш корабль вас сожрет. Лично нам без разницы.

Джилли заморгали своими большими влажными глазами и посоветовались друг с другом, делая знаки руками, после чего кивнули. С явной неохотой.

Святоша прилепил на переборку ярлычок.

— Скоро кто-нибудь за вами придет. Если вас здесь не окажется — будем считать, что вы передумали.

Джилли энергично замотали головами и покорно скорчились на полу.

Святоша продолжил помечать ярлычками уже осмотренные трюмы: зеленый цвет — пусто, фиолетовый — с товаром, красный — то, на чем не сделать прибыли, но Винни это может прийти по вкусу. Элис наносила эти значки на карту. Коридоры на грузовике были извилистые, запутанные. Чтобы не заблудиться, она мелом делала отметки на стенах, так как была не вполне уверена в точности составленной ею карты, однако где именно закралась ошибка, Элис понять не могла. В любом случае, маячок у них с собой, и Винни, если понадобится, всегда сможет выгрызть их отсюда.

Все-таки Черная Элис обожала свой корабль.

Она как раз размышляла о том, что, черт возьми, игра в пиратов — это не так уж плохо, во всяком случае, гораздо приятнее, чем янтарные шахты на Венере, когда наткнулась на запечатанный грузовой трюм. «Эй, Святоша!» — окликнула она по рации, и пока тот возвра-

шался, чтобы прикрыть ее, вытащила оружие из кобуры и прострелила замок.

Дверь прогнулась назад, и перед Черной Элис предстали ровные ряды серебристых цилиндров — каждый чуть меньше метра в высоту и около полуметра в ширину, гладкие и без всяких отметин. Впрочем, нет: на поверхности каждого цилиндра имелось что-то вроде набора разъемов и штекеров. Запах здесь чувствовался еще сильнее.

— Твою мать... — пробормотала Элис.

Святоша, как человек более практичный, прилепил к двери оранжевый ярлык, означавший «осторожно», и заметил:

— Думаю, капитану захочется на это взглянуть.

— Угу, — согласилась Черная Элис, чувствуя, как по позвоночнику бегают мурашки. — Пойдем-ка отсюда.

Но вскоре, конечно же, выяснилось, что им надо возвращаться на корабль и что капитан не собирается оставлять эти контейнеры на съедение Винни.

Это, конечно, было правильно. Черной Элис и самой не хотелось, чтобы «Лавиния Уэйтли» ела эти штуковины, но почему они должны тащить их на борт?

Она вполголоса сказала об этом Святоше, и вдруг ей в голову пришла ужасная мысль:

— Она знает, что в них, да?

— Она капитан, — ответил Святоша.

— Да, но... Слушай, я ведь не спорю, просто если вдруг не знает... — Она понизила голос так, что едва слышала сама себя. — Что, если кто-нибудь их откроет?

Святоша измученно посмотрел на нее.

— Никто ничего не собирается открывать. Но если ты так переживаешь, сходи и поговори с капитаном.

Да, подначка. Черная Элис ответила тем же:

— А ты со мной пойдешь?

Он опешил. Потом смерил напарницу тяжелым взглядом, застонал и стал стягивать с рук перчатки — сначала левую, потом правую.

— Проклятье! — выругался он. — Похоже, придется.

Те, кто принимал участие в захвате, уже начали праздновать. Святоша с Черной Элис кое-как отыскивали капитана внизу, в комнате отдыха, где матросы надирались трофейным вином, отбивая горлышки

у бутылок. На гравиплиты, приклеенные к лаконичному интерьеру «Лавинии Уэйтли», при этом проливалось едва ли не больше, чем в матросские глотки, но Черная Элис догадывалась, что вина в запасе еще немало. К тому же чем быстрее команда расправится со спиртным, тем быстрее протрезвеет.

Сама капитанша лежала обнаженной в огромной ванне, по шею в ароматной, бурлящей розовой пене. Черная Элис молча уставилась на эту картину: она не видела настоящей ванны уже семь лет. Иногда они даже снились ей по ночам.

— Капитан, — начала она наконец, когда поняла, что Святоша говорить не собирается, — мы подумали, что вам следует это знать. Сегодня на грузовике мы обнаружили опасный груз.

Капитан Сонг изогнула одну бровь.

— И ты, милочка, вообразила, что я не в курсе?

Проклятье... Но Черная Элис продолжала стоять на своем:

— Мы решили, что должны знать наверняка.

Капитанша вытащила из воды длинную ногу, чтобы отпихнуть от края ванны парочку обнимавшихся пиратов. Те покатались по полу, толкаясь и царапаясь.

— Значит, вы хотели знать наверняка, — сказала капитанша, не отрывая взгляда от вспотевшего лица Черной Элис. — Очень хорошо. Расскажите мне. Тогда вы будете знать то, что знаю я, и это наверняка.

Из горла Святоши послышалось какое-то ворчание, видимо, означавшее: «Ну, я же говорил!».

И снова, как тогда, когда Черная Элис клялась в верности капитану Сонг и, полоснув по пальцу бритвой, капала кровью на палубу «Лавинии Уэйтли», чтобы корабль признал ее, — точно так же и сейчас она, так сказать, вдохнула поглубже и прыгнула.

— Это мозги, — сказала она. — Человеческие мозги. Краденые. Черный рынок. Это всё Грибы...

— Ми-Го, — прошипел Святоша, и капитанша усмехнулась, обнажив необыкновенно белые, крепкие зубы. Святоша смиренно кивнул, но назад не отступил, за что Черная Элис испытала к нему приступ совершенно нелепой благодарности.

— Да, Ми-Го, — поправились Черная Элис. Ми-Го, Грибы — какая к черту разница? Явились они откуда-то с края Солнечной системы, с черных ледяных камней облака Эпика-Оорта. Как и буджумы, Ми-Го могли свободно передвигаться меж звезд. — Они их собирают. Не-

известно зачем. Что, само собой, незаконно. Черный рынок. Но они там... живые, в этих банках. И, наверное, сходят с ума.

Ну вот. Вот и все, что она могла сделать. Замолчав, Черная Элис не сразу вспомнила о том, что нужно закрыть рот.

— Итак, я вас выслушала, — изрекла капитанша, покачиваясь в ароматной пене и разнеженно потягиваясь. Кто-то сунул ей бокал белого вина с запотевшими стенками. Капитанша не пила из сломанных пластиковых бутылок. — Но ведь Ми-Го хорошо заплатят за этот товар, верно? Они добывают редкие минералы по всей системе. И, по слухам, очень богаты.

— Да, капитан, — сказал Святоша, когда стало ясно, что Черная Элис не в состоянии вымолвить ни слова.

— Ну вот и отлично, — сказала капитанша. Черная Элис почувствовала дрожь палубы под ногами и скрежет — это Винни принялась за обед. Ее челюсти быстро расправятся со стальной обшивкой «Жозефины Бейкер». Черная Элис заметила, как двое джилли (кажется, те самые, она никогда не умела их различать, разве что по шрамам) вздрогнули и натянули цепи. — Так почему бы им не заплатить нам, а не кому-нибудь другому?

Умом Черная Элис понимала, что хватит уже думать об этих контейнерах. Слово капитана — закон. Но она просто не могла не думать, как невозможно не расчесывать зудящий укус. Они были внизу, в третьем трюме, там, где не унюхать даже ищейкам. Холодные, запотевшие и источающие смрад, который казался живым существом.

И она продолжала думать. А что, если они пустые? Или же там мозги, человеческие мозги, сходящие с ума?

От этой мысли она сама теряла рассудок и, наконец, в четвертую свободную смену после захвата «Жозефины Бейкер» решила пойти взглянуть.

— Это же глупо, Элис, — твердила она себе под нос, спускаясь по лестнице вниз, и бусинки в ее волосах позвякивали, ударяясь о серьги. — Глупо, глупо, глупо!

Винни, как всегда, освещала ей дорогу, совершенно не заботясь о том, идиотка Черная Элис или нет.

В главном трюме несла вахту Полурукая Сэлли. Она кивнула Черной Элис в знак приветствия, и та кивнула в ответ. Черную Элис частенько посылали сюда с поручениями для инженерного, а иногда

и для других отделов, потому что она не курила травку и не мухлевала в карты.

Ниже, еще ниже, и она правда не хочет этого делать, но она уже здесь, и от запаха из склада номер три уже подташнивает, и ей бы только выяснить одну вещь, и сразу перестать об этом думать.

Она открыла третий склад, и вонь вырвалась наружу.

Контейнеры были металлические, видимо, герметично запечатанные. Не должен из них просачиваться запах... И тем не менее он проникал в воздух, да так сильно, что Черная Элис пожалела, что не захватила с собой респиратор.

Нет, это было бы подозрительно. Хорошо, что она этого не сделала, но боже милостивый, какая вонь... Даже дышать через рот не помогало: она ощущала этот запах, словно масло на сковородке, он пропитывал воздух, проникая во все пазухи, покрывая все внутреннее пространство тела.

Черная Элис как могла тихо переступила через порог и вошла. «Лавиния Уэйтли» услужливо осветила трюм, и Элис даже ослепла сначала, когда лампы на потолке (здесь было не обычное биосвещение, а светодиоды, выбранные из-за близости к естественному свету, ведь перевозить порой приходилось и растения, и животных) отразились в шеренгах блестящих контейнеров.

«Я только похожу здесь, и все», — говорила она себе. Затем в нерешительности коснулась ближайшего цилиндра. Воздух в трюме был такой сухой, что конденсат не возникал (в долгие промежутки между захватами у всей команды трескались губы и шла носом кровь от недостатка влажности), но цилиндр оказался холодным. Каким-то грязным на ощупь, твердым и маслянистым, как машинная смазка. Черная Элис отдернула руку.

«Не стоит открывать ближайший от двери...» И только в эту минуту она осознала, что вообще собирается что-либо открывать. Должен быть какой-то способ, какой-нибудь потайной замок или кодовая панель. В конце концов, она ведь все-таки инженер.

Миновав три ряда, уже одуревшая от запаха, она остановилась, чтобы исследовать эту проблему.

При ближайшем рассмотрении все оказалось на удивление просто. Вокруг ободка цилиндра имелось три углубления, немного меньше, чем подушечки человеческих пальцев, но расположенные вполне подходяще. Черная Элис вставила пальцы в эти углубления и с силой нажала.

Крышка с шипением подпрыгнула вверх. Элис порадовалась хотя бы тому, что открытый цилиндр вонял ненамного больше закрытого. Она наклонилась вперед, чтобы заглянуть внутрь. Там обнаружилась прозрачная пленка, а под ней что-то вроде желе или густой жидкости. Лампы Винни отлично все освещали.

Цилиндр не был пуст. И когда свет коснулся сероватой поверхности куска плоти, плававшего внизу, Черная Элис готова была поклясться, что это невыносимо бестелесное нечто вздрогнуло.

Она судорожно захлопнула контейнер, едва не прищемив себе пальцы.

— Извини, — прошептала она, хотя, господи Иисусе, эта штука не могла ее слышать. — Извини, извини...

А потом повернулась и бросилась бежать. Сильно ударилась бедром об дверной косяк, хлопнула ладонью по контрольной панели, чтобы та уже закрылась наконец... Пошатнулась, упала на колени и блевала, пока перед глазами не закружилась чернота и не осталось никаких запахов и вкусов, кроме желчи.

Винни впитает в себя бывшее содержимое ее желудка, точно так же как впитывала, отфильтровывала, перерабатывала и выделяла все отходы жизнедеятельности экипажа. Дрожа всем телом, Черная Элис заставила себя подняться и начала долгое восхождение по лестнице.

В первом трюме ей пришлось остановиться и привалиться плечом к гладкой бархатистой шкуре Винни, глотая воздух открытым ртом. И хотя она понимала, что корабль ее не услышит, ведь она не капитан, и не главный инженер, и вообще совершенно никто, но все равно попыталась.

— Винни, воды, пожалуйста, — прохрипела она.

И вряд ли кто-нибудь мог удивиться больше, чем Черная Элис Брэдли, когда Винни исторгла из себя чашку, в которую полилась тонкая струйка прохладной воды.

Ну вот, теперь она знала. И все равно ничего не могла сделать. Снова заводить разговоры на эту тему, — значит, стать посмешищем. Или даже мятежником. Уж что-что, а излишнее внимание капитана Сонг было вовсе ни к чему. Поэтому она молчала в тряпочку, делала свою работу и о ночных кошмарах никому не рассказывала.

А кошмары — да, снились. Элис так часто просыпалась то в холод-

ном поту, то в горячем, и, наверное, влаги хватило бы, чтобы наполнить ванну.

В конце концов, она могла с этим жить. Но через пару десятков смен выяснилось кое-что еще, и это «кое-что» было гораздо хуже, потому что касалось «Лавинии Уэйтли».

Сначала главные инженеры стали хмуриться и устраивать совещания в самые неподходящие моменты. А потом Черная Элис и сама почувствовала, что Винни... она не могла подобрать подходящее слово, потому что такого раньше никогда не происходило. Пожалуй, можно было бы сказать «упрямилась», но этого не могло быть. Просто не могло. И тем не менее Элис все сильнее ощущала, что Винни стала менее отзывчивой и как-то не спешила повиноваться приказам капитана. Будь она человеком, можно было бы сказать, что Винни ленится.

И ведь корабль не накажешь за то, что он слушается недостаточно быстро.

А потом, из-за того что она так пристально за всем следила, аж голова раскалывалась, Черная Элис заметила кое-что еще. По приказу капитана Сонг они курсировали вблизи орбит газовых гигантов — Юпитера, Сатурна, Нептуна, — при этом не подходя ближе пояса астероидов и не удаляясь дальше Урана. Никто из тех, с кем разговаривала Черная Элис, не знал, в чем тут дело, но они со Святошей решили: это из-за того, что капитан хочет побеседовать с Ми-Го, не приближаясь при этом к мерзкой холодной каменюке их планеты. И Черная Элис заметила, что, когда они направились туда, Винни стала менее ленивой и несчастной, но чем ближе к поясу астероидов, тем упрямее она вела себя.

Тут Элис вспомнила, что Винни родилась над Ураном.

— Винни, ты хочешь домой? — спросила Элис во время одной из ночных вахт, когда никто не мог услышать, что она разговаривает с кораблем. — В этом все дело?

Она положила ладонь на стену, и может, это просто воображение разыгралось, но ей показалось, что по широкому боку Винни пробежала дрожь.

Сознавая, насколько мало ей известно, Черная Элис даже не пыталась поделиться своей теорией с главными инженерами. Они, должно быть, и сами прекрасно знали, что происходит и как сделать так, чтобы у «Лавинии Уэйтли» не расплавились мозги наподобие «Мариин Кюри». Это была темная история, из тех, о которых не принято говорить вслух, разве что после отбоя, когда погасят свет.

«Мария Кюри» съела свою команду.

Поэтому когда четырьмя сменами позже Васаби сказал: «Черная Элис, есть для тебя работенка», — Черная Элис ответила «да, сэр» с надеждой, что это поможет «Лавинии Уэйтли» вновь обрести покой.

Работать придется в скафандре, сказал Васаби, нужно кое-что починить и заменить. Пойдет Черная Элис, потому что она ответственная, хорошо соображает и не болтает лишнего, к тому же пора уже ей доверить работу посерьезнее. То, как он это сказал, поначалу заставило Элис забеспокоиться: капитан ведь может вспомнить о ее существовании... а потом она забеспокоилась еще больше, когда поняла, что это уже случилось.

Но она все же взяла выданные ей инструменты, выслушала инструкции, прочитала чертежи и зафиксировала и то, и другое в своей памяти и имплантатах. Работа предстояла деликатная — устранение неполадок в нервной системе. Ей уже приходилось заниматься сращиванием пучков оптоволокну, но сейчас речь шла о чем-то ином. К тому же работать предстояло в герметичных, плохо гнущихся перчатках.

Когда Черная Элис запечатывала шлем, сердце ее колотилось, и вовсе не из-за страха работы в открытом космосе. Это был шанс. Возможность. Маленький шагок на пути к должности главного инженера.

Быть может, своей бдительностью она все же произвела впечатление на капитана.

Она включила обновление воздуха в шлюзе, защелкнула ремни безопасности и вышла наружу, на поверхность «Лавинии Уэйтли».

Глубокий сине-зеленый цвет ее кожи, похожий на лазурит, на текущие венерианские моря под вечными болотными туманами, сейчас был неразличим. Они находились слишком далеко от Солнца — оно выглядело маленькой желтой точкой, и чтобы его заметить, нужно было знать, куда смотреть. В тени, отбрасываемой Черной Элис, кожа Винни казалась просто черной. Однако, когда шлюз закрылся, на плавниках и по бокам собственное биосвечение буджума замерцало сильнее — малиновым, электрическим зеленым и кислотно-синим цветом. Должно быть, Винни заметила Черную Элис, осторожно пробиравшуюся по ее позвоночнику в шипованных ботинках. Шипы не могли причинить Винни боль (на это были способны разве что метеориты), но она, безусловно, их ощущала.

Штука, которую Черной Элис предстояло чинить, находилась в главном узле центральной нервной системы Винни. У корабля не было отдельного органа, который люди или, например, джилли привыкли называть мозгом, — вместо этого по всему огромному телу корабля были разбросаны нервные узлы. Иначе буджумы были бы слишком медлительны. А еще Черная Элис слышала, что они не очень умны: обучаемы — да, но примерно на уровне земной обезьяны.

Что, черт возьми, настораживало Черную Элис, пока она, постоянно разговаривая с кораблем, карабкалась вверх по боку Винни (хотя «вверх» в данных обстоятельствах, конечно, условность), так это то, что Элис готова была поклясться: Винни ей отвечает. Не просто освещает путь, как обычно, но изгибает свои усики и плавники, словно силится взглянуть на члена команды.

Она осторожно проплыла мимо глаза Винни — не потому, что боялась причинить ей боль своими ботинками, а просто как-то невежливо топтаться по чужому полю зрения. А еще мимоходом подумала, что, быть может, задание это ей поручили не ради повышения, а лишь потому, что ее несложно будет заменить.

Она закатила глаза и решила не заморачиваться пока этой проблемой, когда вдруг наткнулась на опухоль на спине Винни — видимо, цель ее поисков. И все огни на корабле погасли.

Черная Элис включила связь:

— Васabi?

— Слышу тебя, Черная. Не обращай внимания, просто делай свое дело.

— Да, сэр.

Однако ее ноги, похоже, оставались приклеенными к шкуре Винни дольше, чем следовало. Понадобилось как минимум секунд пятнадцать, прежде чем Элис смогла сделать пару глубоких вдохов (слишком глубоких для ограниченного запаса кислорода, так что вскоре у нее закружилась голова) и начала восхождение по боку Винни.

Черная Элис понятия не имела, как выглядит воспаление у буджумов, но догадалась, что вот оно. Вокруг устройства, которое ей предстояло починить, кожа Винни была припухшей и расчесанной. Элис шла осторожно, вздрагивая и вполголоса бормоча извинения. И с каждым шагом шупальца корабля извивались все ближе.

Черная Элис опустилась на корточки возле коробки и принялась проверять соединения. Прибор был размером метра три на четыре, полметра высотой и накрепко приделан к шкуре Винни. Похоже, эта

штука все еще работала, но что-то (наверное, кусок космического мусора) ее сильно повредило.

Элис осторожно положила ладонь на прибор. Нашла съемную панель и с легким щелчком открыла: горит больше красных лампочек, чем зеленых. Она принялась доставать из карманов привязанные инструменты, чтобы они удобно плавали рядом.

Разумеется, не раздалось ни звука, но корпус корабля под подошвами ботинок внезапно и резко завибрировал. Овернувшись, она успела увидеть, как Винни шлепнула себя щупальцем по боку метрах в пяти или десяти от Элис. После этого весь буджум судорожно вздрогнул, изогнувшись в жестоком приступе боли, — так же как тогда, когда «Генри Форд» выгрыз кусок из ее шкуры. И лампочки на панели вспыхнули все разом: красная, красная, желтая, красная.

Черная Элис языком отключила функцию передатчика в своем шлеме, чтобы Васаби ее не услышал. Затем погладила покрытую синяками спину буджума, коснулась помятого края панели и спросила:

— Винни, тебе больно от этой штуки?

Ответа она, в общем, и не ждала. Все и так понятно: корабль страдает. И эта вмятина, скорее всего, никак не связана с космическим мусором. Может... Черная Элис выпрямилась, огляделась вокруг — и не смогла убедить себя, что этот ящик лишь по чистой случайности установлен именно там, где Винни не может как следует до него дотянуться.

— Что же это за штуковина? — пробормотала она. — И с какой стати я должна ее чинить, если тебе от нее так больно?

Она снова опустила руку на корточки и еще раз как следует осмотрела прибор.

Черная Элис была инженером-самоучкой. Имплантаты у нее стояли бэушные, с черного рынка, и ставил их какой-то джилли на станции «Провиденс». Технические термины она узнала от Глазоголового Ки-ма еще до той глупой стычки с кораблем по имени «В.И.Ульянов». Но чему она действительно доверяла, так это своим инстинктам — тому, что знала, не умея выразить словами. Поэтому она просто посмотрела на эту коробку, подключенную к позвоночнику Винни, на все эти красные и желтые лампочки, а потом снова включила микрофон:

— Васаби, что-то не нравится мне эта штука.

— В каком смысле не нравится? — голос у Васаби был растерянный, и это даже хорошо.

Черная Элис издала неопределенный звук — аналог пожатия плечами.

— По-моему, тут какое-то воспаление. Может, лучше снять ее и приделать где-нибудь в другом месте?

— Нет! — отрезал Васаби.

— Но выглядит это все довольно жутко.

— Слушай, Элис, если не хочешь, чтобы мы все отправились напрямиком в Большую Пустоту, не вытаскивай регулятор. Просто почини эту хрень и все, ясно?

— Да, сэр, — отозвалась Элис, напряженно размышляя. Во-первых, Васаби в курсе, что происходит: он знает, зачем нужен этот ящик и почему кораблю он не нравится. Да, не слишком успокаивает... Во-вторых, все это было как-то связано с Большой Пустотой — холодным межзвездным пространством Дальнего Космоса. Значит, дело не в том, что Винни хочет домой. Она хочет *на волю*.

Судя по тому, что Черная Элис знала о буджумах, в этом был определенный смысл. Их детеныши жили в ревущих атмосферах газовых гигантов, но когда вырастали, поднимались все выше и выше, пока не достигали края оболочки. А потом — следуя инстинкту или же зову своих собратьев, никто не знал — они совершали свой первый прыжок, выбрасываясь в вакуум, как птицы на Земле выпархивают из гнезда. А что, если для буджума Солнечная система — всего лишь очередное гнездо?

Черная Элис знала, что, по меркам буджумов, «Лавиния Уэйтли» уже не молода. Капитан Сонг была не первым ее капитаном, хотя тот, кто не хотел неприятностей на свою голову, никогда не стал бы упоминать имя капитана Смита. Так что если в жизненном цикле Винни и правда есть новая стадия, она наверняка созрела. А люди ее не пускают...

Господи боже, подумала Черная Элис, не из-за этого ли «Мария Кюри» слопала свою команду? Ведь они ее не пускали!

Она повела вокруг себя рукой, на шаривая инструменты, хотела подтянуть их поближе, но запуталась в веревках и шарахнула саму себя по руке клеевым пистолетом. Пока она возилась с инструментами, в наушниках снова послышался голос Васаби:

— Элис, а нельзя как-нибудь побыстрее? Капитан говорит, у нас скоро будут гости.

Гости? Элис не успела удивиться вслух, потому что когда подняла голову, то сама увидела слабо очерченные в звездном свете силуэты, и к ее затылку, словно в неисправном скафандре, пополз ледяной холод.

Их были десятки. Нет, сотни. От их вида кожа Элис покрылась мурашками, а нервы напряглись до предела. Ни буджумы, ни джилли никогда так на нее не действовали. Примерно человеческого роста, Ми-Го больше всего походили на псевдотараканов с Венеры, которые до сих пор снились Элис в кошмарных снах. Куча ног и жуткие жесткие крылья, овальные сморщенные головы без лиц, а там, где полагалось находиться рту, извивались тонкие усики.

У некоторых с собой были блестящие серебристые цилиндры — совсем как те контейнеры, что стояли в трюме Винни.

Черная Элис не знала, заметили ли ее, скорчившуюся на шкуре буджума и отделенную от вакуума лишь тонким слоем пластика, зато была уверена в другом. Если они ее и приметили, то им наплевать.

«Гости» скрылись за изгибом корпуса корабля, направляясь к тому самому шлюзу, из которого не так давно вышла Элис. Наверное, это торговая делегация, явившаяся обсудить условия сделки.

Вот только даже у Ми-Го вряд ли принято вести торговлю целыми батальонами.

Черная Элис решила дожидаться, пока скроется из виду последний, но они все шли и шли. Васаби на ее оклики не отзывался, так что она была одна и без оружия. Торопливо собрав инструменты, она кое-как рассовала их по карманам. Видимость была плохая — все будто в тумане. Лишь через несколько секунд она поняла, что пелена на пластиковом щитке шлема — это ее слезы.

Соединительный кабель. Ну где этот проклятый кабель?! Наконец она отыскала двухметровый кусок оптоволокну с подходящим разъемом на конце. Один конец Элис воткнула в панель на корпусе корабля, другой — в передатчик скафандра.

— Винни! — прошептала она, когда решила, что связь установлена. — Винни, ты меня слышишь?

Под подошвами Черной Элис коротко вспыхнуло.

«Боги всемогущие», — подумала она. Затем вытащила лазерный резак и принялась вскрывать корпус прибора, который Васаби назвал регулятором. Сейчас Васаби, наверное, уже убили. И Васаби, и Святошу, и... нет, не убили. А если убили, то им крупно повезло.

Потому что альтернатива этому везению — те самые контейнеры, которые принесли с собой Ми-Го.

Элис надеялась, что Святоша оказался везунчиком.

— Ты хочешь вырваться наружу, да? — прошептала она «Лавинии Уэйтли». — Туда, в Большую Пустоту?

Она не знала, насколько хорошо Винни понимает человеческую речь, но в ответ сияние вспыхнуло снова.

— А эта штука тебя не пускает...

Это не был вопрос. К тому времени Элис уже вскрыла «регулятор» и убедилась, что он был предназначен именно для этого. Проклятая уродская штуковина! Винни вздрогнула, и в наушниках вдруг раздался шумовой импульс — крик. Человеческий крик.

— Знаю, — сказала Элис. — Думаю, скоро и за мной придут. — Она с трудом сглотнула, чтобы приструнить внезапно возмущившийся желудок. — Но я все-таки избавлю тебя от этой штуки. И когда они убесятся, ты сможешь уйти... Ты уж прости. Я ведь не знала, что мы не даем тебе...

Элис пришлось замолчать, не то ее и правда могло вырвать. Она решительно достала инструменты, необходимые, чтобы удалить эту электронную дрянь из нервной системы Винни.

И снова звуковой всплеск — голос, но не человеческий, безжизненный, жужжащий и страшный: «Мы не заключаем сделок с бандитами».

И снова крик. Черной Элис никогда еще не приходилось слышать, как кричит капитан Сонг. Она вздрогнула и стала считать про себя, чтобы замедлить дыхание. Конечно, рвота в скафандре — худшее из зол, но и гипервентиляция ничем не лучше.

У встроенного в шлем скафандра дисплея было низкое разрешение, да и отрегулирован он был плохо, так что любое изображение сопровождалось полупрозрачной тенью. Но не узнать того, что замигало поверх ее собственного поля зрения, было невозможно. Вопросительный знак.

<?>

— Винни?

Еще один всплеск криков, и снова знак вопроса.

<?>

— Черт возьми, Винни!.. Ладно, ладно, не обращай внимания. Они... м-м... они коллекционируют человеческие мозги. В банках. Типа тех, которые стоят в третьем трюме.

Биосвечение вспыхнуло снова. Черная Элис продолжала делать свое дело.

И снова буквы на дисплее:

<ЭЛИС?> Пауза. <?>

— М-м, да. Думаю, именно так они поступят и со мной. Похоже, этих банок у них тут навалом.

Свечение Винни снова запульсировало, и наступила долгая пауза, во время которой Черная Элис упорно разъединяла контакты и открывала болты.

<ХОТЕТЬ> сказала «Лавиния Уэйтли». <?>

— Хотеть? Ты спрашиваешь, хочу ли я этого? — Черная Элис невольно усмехнулась. — М-м, нет. Я не желаю оказаться мозгом в банке. Но вариантов, знаешь ли, не так много. Даже если я улечу в открытый космос, они могут меня поймать. И, похоже, они от этого просто в восторге.

Она освободила регулятор от всех креплений, и от первого же толчка коробка поднялась вверх и уплыла в темноту. Черная Элис поморщилась. Но тут находившийся под крышкой процессор тоже оторвался от кожи Винни и улетел, так что осталось только убрать веревки из мононити, да толстый пучок оптоволокна, да сверхпроводники.

<ПОМОЧЬ>

— Я стараюсь, Винни, стараюсь, — пробормотала Элис сквозь зубы.

Быстрая двойная пульсация в ответ, и «Лавиния Уэйтли» повторила:

<ПОМОЧЬ>

А потом:

<ЭЛИС>

— Ты хочешь помочь *мне*? — спросила Элис срывающимся голосом.

Сильный импульс, а затем:

<ПОМОЧЬ ЭЛИС>

— Это, конечно, очень мило с твоей стороны, но я, честно говоря, не уверена, что ты на это способна. К тому же, по-моему, на тебя Ми-Го вовсе не злятся, и я очень хочу, чтобы так шло и дальше.

<СЪЕСТЬ ЭЛИС>, — предложила «Лавиния Уэйтли».

Еще миллиметр — и Черная Элис отрезала бы себе пальцы лазером.

— М-м, Винни, это, конечно... Что ж, наверное, это лучше, чем быть мозгом в банке.

Или задохнуться в своем скафандре, если она улетит в космос, а Ми-Го за ней не явятся.

И снова двойная вспышка, хотя Черная Элис не поняла, что именно она упустила. В процессе их «разговора» предложение СЪЕСТЬ ЭЛИС было чертовски недвусмысленно.

<ПОМОЧЬ ЭЛИС>, настаивала «Лавиния Уэйтли». Черная Элис

склонилась еще ниже, отсоединяя последние схемы регулятора от нервной системы буджума.

<СПАСТИ ЭЛИС>

— Спасти, сожрав меня? Слушай, я знаю, что происходит с вещами, которые ты поедает, и это не... — Она вдруг прикусила язык. Потому что она действительно знала, что происходит с тем, что съедает «Лавиния Уэйтли». Оно впитывается. Фильтруется. И используется снова. — Винни... Ты хочешь сказать, что можешь спасти меня от Ми-Го?

Вспышка в знак согласия.

— Проглотив меня? — продолжала Черная Элис, желая удостовериться, что все поняла правильно.

И снова подтверждающая вспышка.

Черная Элис подумала о зубах «Лавинии Уэйтли».

— А о какой части меня идет речь?

<ЭЛИС>, ответила «Лавиния Уэйтли», и в эту минуту последний кусок оптоволокну отсоединился, а Черная Элис трясущимися руками отцепила свой соединительный кабель и изо всех сил швырнула этот моток проводов вверх. Быть может, когда-нибудь он долетит до планеты с атмосферой и станет падающей звездой для какого-нибудь маленького инопланетянина.

А теперь пора решать, что делать дальше.

Собственно, у нее было лишь два варианта. Один — вернуться на «Лавинию Уэйтли» и сдаться на милость Ми-Го. Второй — отправиться напрямик в зубастую пасть корабля.

Что-то подсказывало Черной Элис, что на милость Ми-Го рассчитывать не стоит.

Она запрокинула голову, чтобы в последний раз взглянуть на сияющую черную бесконечность космоса. На самом деле выбора у нее не было. Потому что даже если она неверно поняла Винни, худшее, что может с ней случиться — это смерть. А это на световые годы лучше, чем то, что могли предложить ей Ми-Го.

Черная Элис Брэдли любила свой корабль.

Она повернулась и двинулась влево. «Лавиния Уэйтли» услужливо освещала ей путь и убирала с дороги извивающиеся плавники. Черная Элис обошла по краю каждый из глаз Винни, и каждый подмигнул ей в ответ. Наконец она добралась до пасти буджума во всем ее зубастом великолепии.

— Только сделай это быстро, ладно? — попросила Черная Элис и шагнула в чрево своего левиафана.

* * *

Пока Черная Элис осторожно пробиралась между бритвенно-острыми зубами, у нее было достаточно времени, чтобы поразмышлять о том, насколько нелепа в данной ситуации ее боязнь порвать скафандр. Изнутри пасть Винни напоминала хрустальную пещеру: ни языка, ни нёба, только гладкие, все перемалывающие камни. Которые, к удивлению Черной Элис, не сомкнулись на ней. Наоборот, Винни, казалось, задержала дыхание. Или что там у нее было.

Корабль светился и изнутри (или же осветил себя ради Черной Элис). И чем глубже внутрь забиралась Элис, тем зубы становились мельче и реже, а туннель — уже. Это горло, подумала Элис. Я у нее внутри.

А потом стены сомкнулись и проглотили ее.

Словно лекарство в капсуле, в жестком саркофаге скафандра она чувствовала волны давления, в то время как перистальтика проталкивала ее все дальше. И еще большее давление — удушающее, дикое. Момент острой боли. И треск лопнувших ребер и легких.

Кричать внутри скафандра тоже противопоказано. А с разорванными легкими она даже не могла сделать это как следует.

* * *

— Элис.

Она плыла. В теплой темноте. Словно в утробе матери. Словно в ванне. Зуд между лопатками походил на слабенький радиационный ожог.

— Элис.

Кажется, она должна знать этот голос. Она попыталась заговорить: скрежет зубов и ничего больше.

— Элис, говори так.

Она попыталась снова. На этот раз без помощи рта.

— Так?

Вокруг колыхалось живительное тепло. Она... дрейфовала в пространстве. Нет, плыла. Кожа чувствовала течения. Зрение туманилось. Она моргала снова и снова, но все равно все оставалось размытым.

Правда, смотреть вокруг было не на что — только на звезды.

— Элис, говори так.

— Где я?

— Съесть Элис.

Винни. Голос Винни, но не такой плоский, как в наушниках ска-

фандра. Голос живой, полный эмоций, и нюансов, и обширности ее существа.

— Ты меня съела, — сказала она, и до нее вдруг дошло, что та немота, которую она ощущала, была вовсе не следствием шока. Это границы ее тела были стерты и воссозданы заново. .

— !

Согласие. Облегчение.

— Я... в тебе, Винни?

=/=

Не совсем «нет». Очень похоже, это не одно и то же и не может сравниться с тем, другим состоянием. Черная Элис ощущала космическое тепло, пролетая мимо щедрой звезды. Чувствовала стремительные потоки ее гравитации и гравитацию ее спутников, сплетала их, смаковала на вкус и скользила по ним все дальше и дальше.

— Я — это ты.

— !

Восторг понимания, который отозвался в Черной Элис искренним облегчением. Не смерть. Все-таки не смерть. Всего лишь трансформация. Слияние. Растворение в корабле, и растворение корабля в себе.

— Винни, куда мы летим?

— Туда, — ответила Винни. И в ней Черная Элис прочла громадное, нагое чудо космоса, летящего навстречу все быстрее и быстрее, пока Винни разгонялась, готовясь к первому большому прыжку, который зашвырнет их в межзвездную тьму Большой Пустоты. Они мчались куда-то.

— Туда, — согласилась Черная Элис и приказала себе не грустить и не сходить с ума. Все-таки это в сто раз лучше, чем быть мозгом в банке.

И когда Винни прыгнула, уже переваривая тела своей безмозглой команды, Элис подумалось о том, что скоро, очень скоро исчезновение «Лавинии Уэйтли» станет очередной космической страшилкой.

Перевела с английского
Зоя БУРКИНА

Д Ж Е Й С О Н С Э Н Ф О Р Д

И КОРАБЛИ,

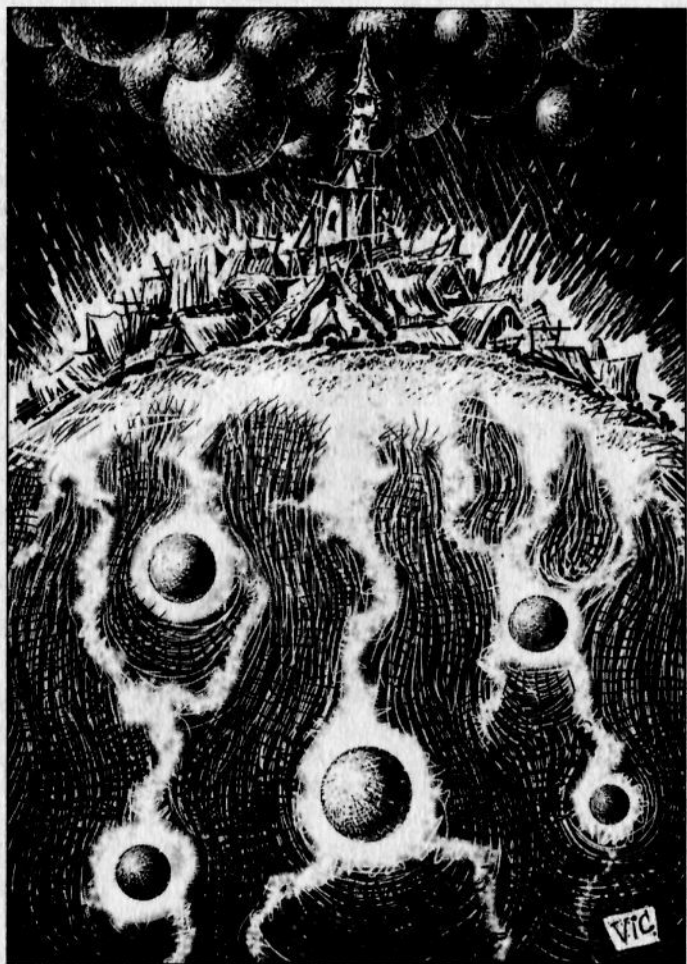

Иллюстрация Виктора БАЗАНОВА

КАК ОБЛАКА...

Перистые облака, именуемые обычно «кобыльи хвосты», сами по себе дождя не несут, но являются верным признаком приближения мощного шторма. Наблюдая сотни этих маленьких, тонких корабликов, гонимых западным бризом и беззвучно проноссящихся мимо, я испытывала искушение и самой вот так же не издавать ни звука. Я, в конце концов, уже долгие годы предупреждала, что наш городок застроили чрезмерно, и это делало нас уязвимыми для ливневых паводков, создаваемых большими штормами. Но память о последнем наводнении давно поблекла, поэтому люди пропускали мимо ушей мои речи. Мэр даже обозвал меня нервной старухой, пугающейся собственной тени. Все они заслужили того, чтобы их смыло водой, когда на нас обрушатся дожди большого корабля.

Но жажда мести — это одно, а вот реально заставить из-за нее страдать людей — совсем другое. Я схватила деревянную колотушку и изо всей силы долго била ею в набатный колокол.

Когда я спустилась с погодной башни, внизу уже нетерпеливо поджидал мэр.

— Ну, и что на этот раз, Тем? — спросил он меня. — Вода или дерьмо?

Я изобразила подобие улыбки, как бы давая понять, что оценила шутку, но в действительности — чтобы скрыть раздражение. Невзирая на мои бесконечные объяснения, что корабли сбрасывают органические вещества высокой степени очистки, а вовсе не экскременты, слишком многие горожане называли их именно так. И хотя люди знали, насколько важны корабли для нашего мира, они не переставали выказывать беспокойство, когда благословение небес плюхалось на их дома и улицы.

— Вода, — ответила я. — Но это будет мощный удар, если судить по количеству «кобыльих хвостов», убегающих от корабля. Возможно, шторм такой же силы, как пятьдесят лет назад.

Я содрогнулась от воспоминаний. Моя сестренка погибла в том наводнении — ее засосало в воронку, открывшуюся прямо перед нашим домом.

Мэр злобно зыркнул на небо.

— Уверена, что это не очередная ложная тревога?

Я сдержала порыв придушить это отвратительное ничтожество.

— Мой долг — предупредить город. Теперь это твоя забота.

Мэр выругался. Он не верил мне, но его пугала мысль, что с ним

сделают горожане, если он проигнорирует предупреждение о реальной угрозе.

— Людам это не понравится. Сегодня как раз начался праздник урожая. Все овощи и фрукты уже разложены на лотках под открытым небом.

Я бросила взгляд на горизонт. Темный силуэт — превосходящий все, что я когда-либо видела, — уже выросал над изогнутым горизонтом.

— Так и не нужно, чтобы им это нравилось, — ответила я. — Скажи им, что у нас от силы час.

Мэр кивнул и побежал к месту фестиваля, на бегу крича людям, чтобы те спасали, что сумеют. Горожане начали разбегаться по домам, приказывая детишкам укрыться в комнатах на верхних этажах. Куда бы я ни глянула, везде метались напуганные люди с вытаращенными глазами — как будто наступал конец света.

Возможно, так оно и было. В конце концов, небесный корабль вот-вот должен был обрушить потоп на нашу наспех собранную землю.

Представьте «снежок» из грязи, плотно сбитый руками ребенка. Его ручки продолжают добавлять к комку новые порции земли, но ком от этого не становится больше. На него шлепаются все новые и новые пласты глины и прочих грунтовых компонентов, а он все равно не растет, и тогда вы начинаете гадать, куда же это все девается?

Таков наш мир. Наша планета.

Из погодных хроник я знала, что планеты не должны быть такими. У нормальных планет имеется твердая кора из металлов и скальных пород. У них есть расплавленные огненные ядра. Планеты также обладают свойством самообновления. Они создают и разрушают, они растут и ветшают. Вода, которую вы пьете, была выделена организмом женщины, жившей тысячу лет назад. Ее тело давно обратилось в прах, на котором растет ваша пища. Ее кости стали глиной, из которой вы строите свой дом.

Только не на нашей планете.

Так же, как новая грязь теснит и вдавливают вниз старую, так все, что есть на нашей планете, неустанно погружается к ее центру. Здесь нет ни рек, ни океанов, ничего, кроме земли, постоянно создаваемой дождем органических и других материалов. Наше небо всегда туман-

но. Взглянув ввысь, можно увидеть серебряное сияние, испещренное пятнышками маленьких кораблей, связанных с облаками-барашками, проплывающими на большой высоте. Ниже видны крапчатые пятнышки и клубы больших кораблей, приносящих самые крупные погодные катаклизмы. Каждый корабль что-то отдает нашей планете. Кислород и двуокись углерода. Металлический град и частицы органики. Воду в виде дождя, тумана или льда. Ежедневно наше небо полнится тысячами тысяч кораблей, каждый из которых что-то приносит в наш мир, перед тем как снова уйти в великие просторы Вселенной.

Первое, что мы делаем после пробуждения, это очищаем дома от выпавшего за ночь праха. Но рано или поздно, по мере того как нарастает слой земли вокруг нас, подобных мер становится недостаточно. Поэтому мы надстраиваем свои дома все выше и выше. Выше на десять метров тех стен, что построили наши прародители. Пол домов некогда был крышей, под которой спали наши предки.

Все выше и выше, мы все время движемся вверх. Но не поднимаемся ни на метр.

* * *

К тому времени, когда мы спасли все, что можно было уберечь из овощей, фруктов и прочих съестных припасов, приготовленных для праздника урожая, корабль — кучевое облако, километра четыре в высоту и закрывающее собой все небо, — был уже над нами. Я знала, что именно такого рода облако гонится за «кобыльими хвостами», но я никогда не видела кумулюса* подобной величины. Оно медленно двигалось в атмосфере, его массивная передняя часть вонзалась в воздух, создавая в нем туманные завихрения. Темные дожди хлестали из корабельного брюха, превращая горизонт в стену сплошного мрака, лишь изредка высвечиваемого вспышками молний.

Когда я оказалась дома, моя ученица Крес уже всюду трудилась, перетаскивая книги и журналы погодных записей на верхние этажи. Я была рада, что она услышала колокол. Этим утром Крес отправлялась в овраги к югу от города проверить датчики эрозии. Проходящие дожди постоянно промывают новые балки и овраги в рыхлой почве нашей планеты. К несчастью, рыхлая почва делает открытые пространства чрезвычайно опасными, если вас на них застигнет большая буря, — ливневые паводки смывают все и вся.

* Большое кучевое облако. (Прим. ред.)

— Мастер Тем, — сказала Крес, увидев меня. — Я открыла новый феномен, посмотрите, пожалуйста.

Голос Крес выдавал ее возбуждение от предстоящего шторма. Наверное, я и сама была такой в свои четырнадцать. Я забросила принесенную домой еду на кухню и последовала за ученицей в погодную башню.

Башня, самое высокое строение в городе, зловеще раскачивалась под ударами ветра. Я мельком оглядела с высоты город и отметила, что почти все успели уже закрыть свои дома. Единственным человеком, еще оставшимся на улице, был портной Лес, который поспешно приколачивал балку-подпорку к одной из стен своего жилища. В течение последних двух лет я настоятельно уговаривала Леса заняться ремонтом дома, говоря, что это обветшавшее строение не выстоит в большую бурю. Я покачала головой и посмотрела на приближающийся корабль.

— Ну, и что ты там увидела? — обратилась я к Крес, пытаюсь перекрыть шум ветра.

— Туча выбросила какую-то светящуюся сферу.

— Молния, скорее всего. Ты еще молода и не знаешь, что корабли порождают заряд с огромной разностью потенциалов между собой и грунтом.

Крес закатила глаза.

— Я читала про молнии в хрониках, — прокричала она в ответ. — Но это что-то другое. Приглядитесь.

Я подавила порыв отшлепать ее, чтобы впредь не дерзила мастеру. Но она вела себя так же, как и я в ее возрасте, когда была полностью поглощена мечтой о кораблях, далеких планетах и невероятных измерениях. Ее родители отдали дочь мне в ученицы, потому что понимали: буйное воображение присуще личности с большим потенциалом. А таких людей рано или поздно забирает с собой какой-нибудь пролетающий над планетой корабль. Но я не была уверена, что мое личное спасение — бремя предсказания погоды, которое я взвалила на себя после смерти сестры, — сработает и в случае с Крес.

Я снова посмотрела на тучу, размышляя о корабле и людях, находящихся в нем. Почему корабли, связанные с кучевыми облаками, всегда преследуют гораздо меньшие «кобыльи хвосты»? Почему команды внутри этих кораблей временами бомбардируют нас опасными штормами? В моих хрониках имелись описания погодных условий на старой Земле — облака и дожди, способствующие круговороту воды этой планеты, а также вера далеких предков человека в то,

что боги и демоны насылают бури на их планету. Невзирая на годы научных занятий, я с горечью должна была признать, что нахожусь в положении лишь немного лучше, чем эти древние жители. Подобные корабли для уровня моих знаний вполне могли сойти за богов или демонов.

Мои мысли были прерваны появлением одиночного огненного шара, вылетевшего из корабля. Он пронесся по темному небу и взорвался на грунте километрах в двух от нас, выбив из почвы грибовидный фонтан грязи.

Я схватила телескоп и попыталась разобрать, что это был за свет, но вокруг нас уже хлестали струи дождя, а башня раскачивалась слишком сильно, чтобы можно было сфокусировать телескоп.

— Нам надо спуститься вниз, — закричала я. — В такую сильную бурю находиться на башне опасно!

Однако Крес только отмахнулась, занятая тем, что определяла даль-номером расстояние до места взрыва. Она черкнула что-то в запятнанном каплями дождя погодном журнале и сунула его мне под нос.

— Это третий взрыв, который я видела, — заявила она. — И все они располагаются на прямой линии.

Не успела я спросить — и куда же направлена линия? — как еще один светящийся шар выскочил из корабля и поразил самую окраину города. Линия взрывов направлялась прямоком в нашу сторону. Дальнейшее меня не интересовало. Я снова ударила в тревожный набат — хотя толку от этого, похоже, уже не было, — затем схватила Крес и повлекла ее вниз по лестнице. Мы укрылись в домашнем убежище, но когда я попыталась закрыть дверь, ветер задул с такой силой, что мне никак не удавалось додвинуть ее до конца и задвинуть засов. Продолжая попытки запереть дверь, я крикнула Крес, чтобы она укрылась под письменным столом.

Последнее, что я помню, — это протяжный свист, а затем взрыв грязи и дождя, который послал меня в черноту.

* * *

Придя в себя, я первым делом ощутила кровь, запекающуюся на лице, и то, какой заскорузлой стала моя одежда от высохшей грязи. Я лежала на раскладушке в своей спальне, и свет солнца пробивался сквозь разбитые стекла. Усевшись, я увидела, что моя комната являла картину полного разгрома — потоп пришел и сюда. Пол был покрыт водой и грязью. Я поднялась и подобрала с загаженного пола несколько листов со своими записями. Одной из этих работ — де-

тальным исследованием высотных барашковых кораблей, которые трудно было разглядеть даже с помощью лучших телескопов, — я особенно гордилась. Я уронила записи в грязь и двинулась наружу.

За все шестьдесят лет своей жизни не видела, чтобы городу был нанесен подобный ущерб. Повреждения получили не менее сотни из пятисот городских домов. Кроме того, по всей длине улицы можно было наткнуться на провалы в почве — там, где некогда стояли здания. Я не удивилась, обнаружив, что среди исчезнувших строений было и жилище портного Леса. Его дом так давно нуждался в капитальном ремонте, что было понятно — он не выдержит серьезного удара. Я пробормотала краткую молитву, в которой выражалась надежда, что несчастный умер быстро, а не лежал сейчас заживо погребенный в каком-нибудь дренажном туннеле в десятке метров под моими ногами.

Но что меня по-настоящему потрясло, так это количество исчезнувших крепких строений. Во время сильных бурь воды потопа обычно мчались напрямую через весь город, перед тем как исчезнуть в дренажных туннелях, которые постоянно открываются и закрываются в рыхлой почве. Но сейчас оставленные в подсыхающей грязи складки указывали на то, что вода кружилась по городу совершенно необычным образом.

Причину я разгадала, когда прошла еще пару кварталов. Здесь исчезло несколько домов, а на их месте зиял огромный провал метров 50 в диаметре. Крес и мэр стояли вместе с группой горожан рядом с провалом. Я подошла к ним.

— Счастлив видеть тебя в добром, как говорится, здравии, — воскликнул мэр и заключил меня в объятия, от которых я поморщилась. — А я уже начал беспокоиться, что наша героиня не сможет поведать, какого черта здесь произошло!

Я кивнула, смущенная тем, что мэр назвал меня героиней. Несколько других горожан тоже поблагодарили меня за своевременное предупреждение.

Улучив минуту, Крес ввела меня в курс дела. Взрыв, от которого я потеряла сознание, был вызван одной из светящихся сфер, обрушившихся на город. Мы сейчас стояли у воронки от этого взрыва. Крес предположила, что он вскрыл какую-то полость или туннель под городом, потому что паводковые воды образовали водоворот и втянулись в эту дыру, как в дренажный туннель. Вода смыла и унесла около сорока зданий и больше сотни горожан. Но, как раз за разом повторял мэр, без моего предупреждения было бы еще хуже.

— Как вы думаете, что там, внизу? — спросила Крес, стараясь подойти как можно ближе к осыпающимся краям ямы, но так, чтобы не свалиться вниз. Дыра уже начала затягиваться. Через несколько дней от нее останется лишь обширное понижение рыхлого грунта.

— Мы никогда не узнаем, поскольку это запрещено, — заявила я, пристально глядя на мэра, который согласно закивал, когда я напомнила Крес об этом единственном абсолютном и непреложном законе нашей планеты. — Всякий раз, когда люди начинают копать или пытаются исследовать провалы вроде этого, появляются корабли и убивают их... Пошли: нам надо спасти все, что мы можем, у себя дома.

Похоже было, что мои слова не убедили Крес, но она молча последовала за мной к нашему дому. По дороге она с тоской глядела на пролетающие по небу корабли.

* * *

Следующие два месяца были трудными, но город их пережил. Большая часть урожая, собранного к празднику, была уничтожена, равно как и множество кур и свиней, и многим пришлось изрядно поголодать. Однако зерновые у нас растут быстро. Приходится спешить: все, что растет медленно, будет просто похоронено под непрерывным дождем органических и прочих веществ. Вскоре пшеница и рис были готовы к сбору урожая, овощи поспели, а до созревания фруктов оставалась от силы неделя.

Как я и предсказывала, провал быстро затянулся, засыпанный рыхлой почвой. Несколько горожан подали мэру петицию, чтобы им позволили построить здесь новые дома или, по крайней мере, разбить мемориальный парк. Я, однако, отсоветовала принимать оба предложения. Грунт вполне мог снова провалиться, если на нас обрушится еще один шторм. Из-за моего нынешнего статуса «героини» мэр вынужден был согласиться.

Что до более приземленных дел, то Крес никак не могла выкинуть из головы мысли о небе. Для предсказателя погоды это, как правило, положительная черта, однако она забросила все свои исследования да и повседневную работу выполняла спустя рукава, ровно настолько, чтобы не дать мне повода для ругани.

И вот в один прекрасный туманный день я обнаружила ее в погодной башне, где она, вместо того чтобы заносить в журнал записи о пролетающих кораблях, предавалась грёзам. Увидев меня, Крес вскочила с табуретки, сбросив журнал. Я едва успела подхватить

его, чтобы он не свалился к основанию башни с высоты шести этажей.

— Извините, мастер Тем, — запинаясь пробормотала она.

Я отмахнулась от ее лепета.

— И о чем же ты столь глубоко задумалась? — спросила я.

Крес поглядела на меня так, как будто питала сильное подозрение, что в вопросе кроется подвох и что за неверный ответ ее отшлепают.

— О кораблях, — ответила она после некоторого колебания.

Я кивнула.

— В твоём возрасте я проводила все свободное время, наблюдая за кораблями, пролетающими в небе, и молилась о том, чтобы оказаться особенной и привлечь их внимание. Мне было безразлично, что это будет за корабль. Тяжелый межгалактический джампер. Стройный межзвездный хоппер. Преобразователь измерений. Я просто хотела убраться с этого кома грязи и увидеть Вселенную.

По тому, как загорелись глаза Крес, я поняла, что озвучиваю ее собственные мысли и чувства.

— Нечего нам здесь делать, — заявила она. — Все остальное человечество исследует Вселенную, всю Вселенную, а мы застряли в доиндустриальной выгребной яме. Это неправильно!

Я вздохнула, ибо Крес произносила те же слова, что и я в ее возрасте. Над нашими головами лениво проплывал большой корабль никогда не виданного мною типа. Из его тела моросил мягкий дождик. Я знала: Крес не задержится на нашей планете. У нее был большой потенциал. Меня-то в свое время спасла смерть сестры. Я поклялась сама себе, что больше никто никогда не умрет так, как погибла моя сестра, и с тех пор корабли меня избегают. Ну, а Крес как раз решительно настроена любой ценой убраться отсюда. Рано или поздно один из пролетающих кораблей снизится и заберет ее. И она оставит наш мир ради чудес, которые мне трудно даже вообразить.

Но, как бы то ни было, у меня были обязательства перед родителями Крес, и я должна была попытаться задержать ее здесь.

— Дай мне месяц, — сказала я. — Есть еще кое-что, что ты должна узнать о нашей планете. Если после этого ты все еще захочешь отсюда убраться, я сама благословлю тебя.

Крес обняла меня и бормотала слова благодарности, зная, без всякого сомнения, как знала это и я, что ничего из того, чему я могу ее научить, не задержит ее на нашей планете.

* * *

В течение нескольких последующих недель мы с Крес верхом на лошадях путешествовали по стране, посетив несколько городов, в которых имелись приличные библиотеки. Я показывала ей многочисленные хроники, касающиеся нашей планеты, включая засекреченные и даже запрещенные тома, в которых поднимались вопросы, почему наш мир не увеличивается в размерах, невзирая на постоянное добавление больших масс, и почему все постоянно тонет, погружаясь в направлении ядра планеты. Я также показала ей хроники наблюдений за кораблями, насчитывающие десять тысяч лет и рассказывающие о том, как корабли постоянно и непрерывно посещали и посещают нашу планету и поддерживают наше существование своими приношениями.

В одной из библиотек я продемонстрировала ей ветхую книгу в кожаном переплете, где детально описывались три кораблекрушения, произошедшие за последние несколько тысяч лет. В каждом случае наши люди спасали людей из рухнувших кораблей. И хотя между нами и ими имелись весьма заметные и порой очень необычные различия — другая форма головы, неожиданный цвет волос и кожи и странное сияние вокруг тела, — они могли разговаривать с нами. В одном отчете даже кратко описывался интерьер корабля — просто-напросто пустое пространство. В этом же отчете вас клятвенно заверяли, что два выживших в катастрофе пассажира корабля (или члена экипажа?) каким-то странным образом сформировались непосредственно из обшивки корабля. К несчастью, все эти древние свидетельства были крайне неопределенными и обрывочными.

Как бы то ни было, во всех случаях очень скоро появлялись спасательные корабли и забирали с собой выживших.

— Видите, — говорила Крес, когда мы скакали назад в свой город. — Они держат нас в неведении. Всякого, кто хоть что-то знает, тут же забирают с планеты.

— Есть только один способ узнать, — ответила я, кивая в сторону нескольких пролетающих неподалеку хопперов, из которых сыпались вниз влажные капли забродившего вещества. — К сожалению, если ты пойдешь этим путем, то назад уже не вернешься.

Мы ехали среди холмов, покрытых зелеными и коричневыми пятнами, сквозь редкие, всклокоченные перелески, и я объясняла Крес, что у нас есть обязанности друг перед другом. Не важно, насколько могучие и развитые технологии хранит остальная часть человечества, главное, что нас объединяет — все мы люди. И если мы не будем ра-

ботать друг для друга, в мире не останется того, ради чего стоит жить. Точно так же, как трава и деревья вокруг нас выживают за счет скорости роста, так и мы выживаем только потому, что помогаем друг другу.

Но в моих словах не было убежденности. Я думала о своей сестричке Ллин, умершей, когда ей было шесть лет. Детьми мы все время играли в бесконечные игры, так или иначе связанные с кораблями: воображали себе миры, которые могли бы посетить, выискивали на небе корабли, на которых могли бы когда-нибудь улететь отсюда. Наша мама должна бы ругать нас за такие мысли и слова, но она лишь улыбалась и сама указывала на свой любимый тип корабля, когда он пролетал над нами.

Однако Ллин погибла, не успев найти свой корабль. Мы возвращались домой из парка, в котором провели утро, пуская по ветру бумажные космические кораблики, когда массивное кучевое облако прошло над городом, наслав на нас потоки, ревущие по улицам. Когда течение сбило нас с ног и понесло за собой, я схватила Ллин за руку и старалась держать ее над поверхностью воды. Сестренка плакала и кричала, умоляя меня держать ее крепче, но поток разлучил нас.

Мама всю ночь провела со мной, удерживая меня в постели и утешая: мол, я сделала все, что могла, а Ллин еще отыщет свой корабль. Но корабли мне стали безразличны. Если люди, которые летают на этих проклятых штуковинах, смогли с такой легкостью убить мою сестренку, то мне они не нужны.

Как будто уловив мои мысли и чувства, корабли с тех пор оставили меня в покое.

* * *

На следующее утро Крес исчезла. Поначалу я решила, что она отправилась на рынок или проверяет свои инструменты. Но когда она не явилась на обед, а потом и на ужин, меня пробрал холод. Я как бы мимоходом зашла в дом ее родителей и попыталась осторожно что-нибудь выведать. Сегодня они ее не видели. Она вообще с ними не разговаривала с тех пор, как мы вернулись из поездки. Что, впрочем, неудивительно. Сильно сомневаюсь, что Крес будет посвящать в свои планы родителей, если она задумала попытаться привлечь к себе внимание какого-нибудь корабля.

Когда Крес не пришла ночевать, я поняла, что больше ее не увижу. Я только молилась, выражая надежду, что корабль ей попался хороший и что она сейчас наслаждается жизнью.

На следующее утро я готовила завтрак и обнаружила, что банка клубничного варенья пуста. Я спустилась в погреб за новой, а там на меня обрушился шквал громких проклятий. В дальнем углу погреба я обнаружила большую дыру в деревянном полу.

— Наконец-то вы меня услышали! — донесся из дыры голос Крес. — Я тут со вчерашнего дня надсаживаюсь.

Я быстро сбросила ей веревку, и Крес выкарабкалась наверх. Она объяснила, что вчера спустилась в погреб за снедью и провалилась сквозь гнилые доски пола. Видимо, разразившийся несколько месяцев назад шторм подмыл грунт под домом.

Я была немало расстроена, когда подумала, что строение, которое я воздвигала на жилище моей матери, а та, в свою очередь, на доме своей матери, может обрушиться. Крес, однако, была в экстазе.

— Вы не понимаете, — заявила она. — Вода не просто унесла с собой много грунта. Она открыла входы во множество подземных туннелей. И там откуда-то снизу идет слабое свечение.

Я тут же принялась освежать память Крес относительно запрета на подземные исследования; пояснила, что если даже нас не убьют корабли, это непременно сделает мэр. Туннели на нашей планете опасны еще и тем, что проложены в рыхлой почве и могут обрушиться в любую минуту. Но, глядя в горящие от возбуждения глаза Крес, поняла: если наложу вето на исследования под домом, у нее окончательно и бесповоротно испарится всякое желание остаться жить на нашей планете. Стоит мне произнести слова запрета, и она тут же покинет нас на первом же заинтересовавшемся ее особой корабле.

Я вздохнула и сняла с полки банку клубничного варенья. Если уж и рисковать головой, то лучше это делать на полный желудок.

* * *

Замеченное Крес красное сияние исходило от корабля. Вклинившееся в основание моего дома на глубине тридцати метров воздушное судно сияло.

Похоже, корабль относился к преобразователям измерений, хотя это было всего лишь почерпнутое из книг наименование, которое практически ничего не говорило о том, для чего он в действительности предназначен. Чтобы добраться до корабля, мне и Крес пришлось карабкаться и прокапываться сквозь руины зданий моих предков. Древние комнаты были наполовину забиты грязью; стены частично разрушены напором воды. И хотя сердце кровью обливалось при виде урона, который нанес последний потоп основанию дома,

но было также и свое очарование в том, чтобы вот так карабкаться сквозь историю семьи. Моя бабушка часто рассказывала о ярко-красной кухне своего детства — и вот, пожалуйста, на стенах явно кухонного помещения двумя этажами ниже нынешнего моего жилища виднеются под наслоениями грязи и сажи слабые следы красной охры. Еще четырьмя этажами ниже я нащупала пальцами потрескавшуюся керамическую печь и могла только гадать, что за пищу готовили на ней мои предки.

Но центром этого потаенного мира руин являлся корабль. Идеальная сфера метров десяти в диаметре, в обшивку которой проникали самые нижние балки моего дома, как будто всегда составляли с кораблем одно целое.

— Сколько ему лет? — спросила Крес.

Я подсчитала, на сколько этажей мы спустились.

— Лет триста примерно. С точностью до одного-двух поколений в ту или другую сторону.

Крес покачала головой.

— Этого не может быть. История города насчитывает тысячу лет. Ни в каких хрониках нет упоминаний о разбившемся у нас корабле.

Это действительно было странно.

В течение следующей недели мы очищали пространство вокруг корабля от грязи и обломков. Для облегчения работы я соорудила простую систему блоков, чтобы опускаться в провал и выбираться из него. Мы также позаботились, чтобы работать лишь в те дни, когда пролетающие корабли указывали на хорошую погоду, и только после того, как тщательно запирали двери дома от непрошенных визитеров. Все-таки если мэр или кто-нибудь из городских констеблей пронюхает, что мы исследуем находящийся под землей корабль, то даже мой статус героини не спасет нас от скорого суда с однозначным исходом.

Мы открыли одно странное обстоятельство. Выглядело так, что грунтовые воды, протекающие по основанию моего дома, вливались в корабль, а от него, как спицы колеса от втулки, расходились дренажные туннели. Крес и я подумали: а не притягивает ли корабль каким-то образом воду?

Когда мы с Крес не работали рядом с кораблем, то занимались своими обязанностями. А кроме того, изучали тома из моего собрания погодных хроник.

— Все они врут, — заявила Крес однажды утром, когда я вскарабкалась на верхушку погодной башни, чтобы проверить, чем она там занята. У нее на коленях лежал мой самый старый исторический том, восходивший к началу прошедшего тысячелетия, к самому первому городскому предсказателю погоды. — В этих книгах говорится, что ваша семья построила этот дом девятьсот лет назад. Но ведь не может быть, чтобы корабль находился здесь все это время!

Я вздохнула, признавая правоту Крес. Но ответа я не знала. После того как убрали грязь из-под корабля, мы не нашли никаких следов более древних строений под ним. Выглядело так, как будто корабль и был тем фундаментом, на котором держалась вся конструкция дома.

— Может, дома моих предков исчезли в корабле, как в нем исчезает вода?

Крес минуту обдумывала эту гипотезу, затем фыркнула:

— Это означало бы, что в основе каждого здания города находится корабль. Как-то трудно в это поверить.

И хотя я была рада, что Крес на время оставила мысли о бегстве с нашей планеты — даже если причиной тому явилось нечто, навлекающее на нас смертельный риск, — я все же не собиралась ей потакать и позволять выказывать неуважение по отношению ко мне. Поэтому я выхватила книгу у нее из рук и строго-настрого запретила брать хроники без спроса.

* * *

На следующий день погода изменилась, и мы, к вящему раздражению Крес, не могли заниматься кораблем. С запада показались «кобыльи хвосты», а за ними, как всегда, безуданно неслись преследующие их корабли-кумулясы. И хотя ни один из них даже не приближался к размерам того кучевого облака, что обрушило потоп на город в этом году, они все же выливали достаточно воды, чтобы я объявила тревогу. Из-за опасности, угрожающей городу, нам с Крес приходилось находиться на башне в любое время суток. И хотя Крес была сильно раздражена тем, что ее оторвали от изучения корабля (она очень переживала то, что мы так и не смогли найти способ попасть внутрь), о своем долге перед городом она не забывала. Ко всему прочему осадки, выпадавшие во время бурь, теперь уходили с поверхности по подземным туннелям под моим домом. Быть застигнутым там во время ливня означало верную смерть.

Через несколько дней после начала полосы штормов я проснулась около полуночи от шума дождя и завывания ветра за окнами. Я схватила свою одежду и побежала на верхний этаж, злясь на себя из-за того, что проспала шторм и не подала сигнал тревоги. Я ясно видела сияние крупного кучевого облака, проплывавшего над городом и заливавшего нас дождем. Это был самый крупный шторм после катастрофы месячной давности. Я открыла люк на крыше и попыталась вскарабкаться на башню, но ветер был слишком силен. Я закричала, обращаясь к Крес, чтобы та оставалась там, где находится, закрыла люк и принялась просто пережить непогоду.

Облако убралось минут через десять. Я открыла главную дверь, чтобы оценить ущерб, и почти нос к носу столкнулась с мэром.

— Почему не было предупреждения? — заорал он. — Я возвращался из паба, и меня чуть не смыло.

Я покосилась на погодную башню, которая, как я теперь могла видеть, была пуста. Я нахмурилась.

— Не такая уж страшная буря, — ответила я. — Кончай ныть.

Я захлопнула дверь перед лицом мэра, не давая ему возможности выразить возмущение, и пустилась бегом к подвалу. Из дыры в полу доносился шум мощного водяного потока. И, что хуже всего, веревки блочной системы болтались в этих завихрениях и водоворотах. Я всегда убирала веревки и блоки, когда мы ими не пользовались, чтобы случайный посетитель не смог догадаться, что мы спускаемся под землю. Все это означало одно: Крес отправилась вниз до того, как разразилась буря.

Не имея возможности что-либо предпринять, пока не спадет вода, я заварила чай и попыталась расслабиться. Но я не могла не думать о том высоком потенциале, которым обладала моя ученица. Я оплакивала Крес, и саму себя, и память о моей унесенной потоком сестренке. Я была уверена: Крес мертва.

К утру вода ушла. Я спустилась вниз с помощью веревок и блоков и зажгла факел. Продвигалась я медленнее, чем раньше, поскольку расчищенную нами тропу, пролегающую через старые фундаменты, размывло.

Когда наконец я достигла нижнего уровня, то нашла Крес лежащей рядом с кораблем, чье красное свечение, как мне показалось, стало более темным. Я испытала потрясение, увидев, что Крес жива и дышит — хотя и с трудом, как будто задыхаясь. Учитывая, сколько воды пронеслось здесь, это было просто невозможно. Оставленные

на грунте следы потоков указывали: вода втекала в корабль. Крес просто не могла выжить!

Но все мысли о чудесном спасении Крес вылетели у меня из головы, когда я услышала у себя за спиной чьи-то шаги. Я в ужасе обернулась, ожидая увидеть мэра или констеблей, но вместо этого испытала очередное потрясение, оказавшись лицом к лицу со своей шестилетней сестрой. Ллин выглядела в точности как пятьдесят лет назад, когда то гигантское кучевое облако обрушило потоп на наш город.

Ллин подошла и взяла меня за руку, как будто ничего особенного с тех пор не произошло. Я попыталась вырваться, но она держала меня крепко и выпускать не собиралась.

— Я скучала по тебе, Тем, — сказала она.

Я только кивнула, из моих глаз лились потоки слез. Я хотела рассказать Ллин, как страдала, оттого что не сумела тогда удержать ее и спасти, но она только улыбнулась и подвела к лежащей Крес.

— Она не готова, — сказала Ллин, наклоняясь и поглаживая мокрые волосы Крес. Не успела я спросить, что Ллин имеет в виду, как девочка поднялась и вошла в корабль. Нет, в обшивке корабля не открылось никакого люка. Просто тело Ллин растянулось по поверхности корабля. Брызнула кровь и смешалась с красным сиянием воздушного судна. Ее кожа, и мышцы, и кости стали плоскими, они искривились, обволакивая корабельную сферу — Ллин сама стала кораблем. Последним исчезло лицо, сестренка улыбнулась мне и сказала: «Я люблю тебя», после чего губы растянулись в невероятную длинную линию и исчезли.

Объятая ужасом, как будто моя сестра только что умерла второй раз, я схватила Крес за руки и так быстро, как могла, потащила в сторону туннеля.

Я потратила несколько часов, чтобы поднять ученицу на верхний уровень. Я обвязала ее туловище веревкой и приготовилась вытаскивать с помощью системы блоков через провал. Но не успела начать подъем, как услышала рев воды в дренажных туннелях. У меня в голове сразу высветилась вспышка-воспоминание о том страшном мгновении, когда поток вырвал из моих рук Ллин. Теперь вода пыталась отобрать у меня бесчувственное тело Крес. Я пыталась поднять Крес, но не могла одновременно бороться с бурлящей водой и тянуть веревку.

И как раз в тот миг, когда моя хватка начала слабеть, я вдруг почувствовала, что меня саму тащат вверх. Тело Крес тоже вытягивали

из ямы. Я перевалила через край дыры и рухнула на деревянный пол погреба, откашливая желчь и воду.

Только обретя способность нормально дышать, я подняла голову и посмотрела в злые глаза мэра и нескольких городских констеблей.

* * *

Мэр и констебли вошли в мой дом, когда разразился второй подряд шторм, а предупреждения, как и в первый раз, никто не дал. Я ожидала, что меня и Крес тут же потянут в ратушу, где суд присяжных приговорит нас к смерти за нарушение единственного непрерываемого закона нашей планеты. Вместо этого мэр приказал констеблям отнести Крес в кровать. А затем вызвал доктора осмотреть мою ученицу.

Как только мы остались одни, мэр потребовал объяснить, что мы с Крес делали под землей.

— Вода подмыла фундамент, и пол провалился под ногами Крес, — объяснила я, чрезвычайно радуясь, что Крес сейчас без сознания и не сможет ненароком разрушить мою ложь. — Я пыталась спасти ее.

Мэр дураком не был. Он видел систему из блоков и веревок и понимал, что такое не соорудишь в спешке, когда надо быстро вытаскивать человека из провала. Однако вместо того, чтобы подвергнуть меня наказанию, он лишь пробормотал что-то про обрушившиеся на нас в последнее время бури и про то, как напуганы горожане. Я внезапно сообразила, что он просто не может себе позволить в данный момент потерять единственного в городе предсказателя погоды. Поэтому он лишь попросил меня не пропустить следующий шторм, после чего вместе с констеблями покинул дом.

Я прошла в комнату Крес, где все еще находился доктор. Увидев, что здесь ничем не могу помочь, я взобралась на погодную башню. Небо, похоже, успокоилось: единственные видимые в нем корабли были высотными барашками, которые обычно предвещают погожий день. Это было хорошо, ибо в городе уже и так слишком заметны повреждения, причиненные небывалым штормом. Наносы ила у стен некоторых строений поднялись на целый метр, многие здания крепнулись под странным углом, свидетельствуя о том, как сильно пропитался водой грунт под ними.

Я посмотрела в сторону парка, где мы с Ллин играли в тот роковой день много-много лет назад. Хотя, конечно, ни парк, ни улицы не были теми же самыми — за пятьдесят лет слой почвы вырос на пять

метров. Я пыталась сдержать слезы, вспоминая снова и снова, что я чувствовала, когда поток вырвал Ллин из моих рук. А еще я размышляла: было видение Ллин там, внизу просто галлюцинацией или корабль действительно вернул ее. Как бы то ни было, я до сих пор ощущала ее ручку в своей.

К тому времени, когда я спустилась с погодной башни, Крес пришла в чувство и кричала что-то бессвязное про корабли, про небо и про дальние уголки Вселенной. Доктор сделал ей успокоительный укол. Крес несколько секунд глядела на меня, странно улыбаясь, а затем провалилась в сон.

Доктор спросил, что с ней приключилось. Я поведала ему ту же лживую историю, что и мэру, но доктор на это не купился. Он сказал, чтобы я дала ему знать, когда Крес придет в сознание, упаковал свои инструменты в саквояж и ушел. Я быстро вскарабкалась на погодную башню и не слишком удивилась, увидев, что доктор, выйдя из моего дома, отправился не к себе в клинику, а напрямик к резиденции мэра.

У меня было скверное предчувствие, что передышка, которую мэр дал нам с Крес, продлится ровно столько, сколько продержится полоса плохой погоды.

* * *

В течение последующих трех дней, после недолгого затишья, погода начала ухудшаться, и все большее количество кораблей пронеслось над городом. Их тени застилали небо целыми часами, извергнутая ими вода затапливала город, а сброшенная с них органика погружала нас в облако оранжевого тумана. Несколько раз корабли пролетели буквально в нескольких десятках метров от верхушки погодной башни, то есть так низко, что я должна была бы заметить людей внутри. Однако сквозь прозрачные стены кораблей я видела лишь пустоту. Я гадала: не является ли это реакцией кораблей на нашу с Крес возню в подвале дома? Эту мысль я боялась высказывать вслух.

Однако мэр был, очевидно, убежден, что ненастье, обрушившееся на город, есть следствие нашей с Крес подземной деятельности. Он по несколько раз в день приходил в наш дом и пытался выяснить прогноз. Ему очень не нравились мои уклончивые ответы, но и арестовать меня он не решался.

Как только намечался просвет в бесконечном пролете кораблей над городом, я спускалась с башни и проверяла, как там Крес. Она

спала большую часть времени. А когда просыпалась, то начинала бессвязно лепетать, плакать и вспоминать корабль под землей. А временами, наоборот, смеялась. Никакими силами я не могла заставить ее рассказать, что же с ней случилось. После нескольких минут бодрствования она снова засыпала.

Затем настал день, когда в небе появились два массивных корабля. Первый — плоский корабль такого типа, какого я никогда не видела, — закрыл полгоризонта. Он испускал темно-синее свечение и сбрасывал куски льда и металла, разрушив немалое количество крыш в городе. Другой был огромным кучевым облаком, и буря, вызванная им, была такой же силы, как и шторм, разразившийся над городом несколько месяцев назад. Я была в набат так долго, на сколько хватило сил, а затем мигом спустилась и бросилась в безопасное укрытие своего дома.

Как только вода сошла, у меня на пороге возникли мэр и два констебля, что не было для меня сюрпризом. Мэр явился исследовать провал в погребе. Я всячески пыталась воспрепятствовать им, но мэр просто отодвинул меня с дороги. Они дождались, пока вода уйдет в дренажные туннели, а затем спустились в провал. Свет факелов ослабевал по мере того, как стражи порядка спускались все глубже и глубже, направляясь прямехонько к кораблю.

Я помолилась за свою сестру, надеясь, что мэр не причинит ей зла, если она появится перед ним. Я также молилась за нас с Крес. Я-то могла без страха принять любое наказание, но Крес была такой молодой, и я понятия не имела, как онаотреагирует на суровый приговор.

Час проходил за часом, я все ждала, когда же мэр и его люди вылезут из провала и арестуют меня. Но они не показывались. С наступлением темноты я решила взобраться на погодную башню. К моему удивлению, в небе парило столько кораблей, что их сияние слилось в одну покрытую рябью радужную гладь, которая перекачивалась и кружилась как вода, разливающаяся по земным просторам. Я никогда не видела ничего подобного. Какую погоду это сулит? Я терялась в догадках и на всякий случай подала сигнал тревоги.

Спустившись, я первым делом заглянула в комнату Крес, но ее постель была пуста. Я выбежала наружу, однако никого не нашла, затем обыскала весь дом. А потом услышала скрип блоков под полом. К тому времени, когда я добралась до провала, Крес в подвале уже не оказалось. Я схватила факел и начала спускаться в дыру, надеясь перехватить ученицу до того, как ее увидит мэр.

А под землей все изменилось. Если раньше помещение этажом ниже подвала было наполовину разрушено и завалено илом и осадочными породами, то теперь эта старая комната была чистой и хорошо освещенной, как во времена моего детства. Печка, где готовила моя мама, испускала приятное тепло, а стол, за которым мы с сестрой когда-то ели, выглядел так, будто все это происходило только вчера.

Ллин сидела за столом и радостно мастерила бумажные кораблики, как будто мы обе все еще оставались детьми.

На этот раз я обняла сестру. Она улыбнулась и спросила, хочу ли я мастерить кораблики вместе с ней, но я сказала, что мне нужно найти Крес.

— А я знаю, где она, — Ллин схватила меня за руку и потащила к лестнице, ведущей на нижний уровень.

Каждый уровень дома был шагом назад во времени. Мы миновали комнату с красными стенами, где прошло детство моей бабушки. На еще более глубоком уровне потрескавшаяся керамическая печь, которую я приметила во время предыдущих спусков, была теперь чистой и целой, а внутри выпекался хлеб.

Я спросила Ллин, что тут делается, и она рассказала, что корабль прекрасно помнит старые дома.

— Я хотела тебя порадовать, — сказала моя сестра, — и попросила корабль, чтобы он тут все починил и исправил.

Под конец Ллин привела меня к самому глубокому фундаменту, где корабль испускал свое темно-красное сияние. Перед кораблем, словно в трансе, стояла Крес.

— А где мэр и констебли? — спросила я Ллин.

Она указала на корабль. Сначала я решила, что они находятся внутри него, но потом присмотрелась внимательно к обволакивающему корабль красному сиянию и увидела кровеносные сосуды, и сердце, и кожу, растянутые по поверхности. Я вспомнила, как тело Ллин расплывалось и уплощалось, и закричала Крес, чтобы та отошла от корабля.

Но когда я попыталась дотянуться до Крес, Ллин удержала меня. Хватка ее маленькой ручки была гораздо сильнее, чем у шестилетней девочки. Я в ужасе смотрела, как Крес протягивает руку к кораблю, касается его обшивки, ее рука вытягивается все больше и больше, пока она не охватывает полкорабля невероятно удлинившимися пальцами. Затем она оглянулась и улыбнулась мне, а ее тело исказилось до неузнаваемости и втянулось в обшивку корабля.

Я повернулась, чтобы бежать, но Ллин крепко держала меня за руку.

— Все будет хорошо, — сказала она. — Ты ведь и сама хотела улететь.

Как только Ллин произнесла эти слова, в уши ударил оглушительный рев потоков, ворвавшихся в дренажные туннели. Напором воды меня швырнуло на корабль, и если бы Ллин не держала мертвой хваткой, меня просто унесло бы прочь. Я умоляла не отпускать руку, а сестренка только улыбалась. Когда же вода поднялась выше наших голов, она отпустила мою руку, и меня втянуло в корабль.

* * *

Растяжение не причиняло боли. Вытягивание, разрывание, сплющивание и перекручивание тела превращали его в нечто такое, для чего оно никогда не предназначалось, но не вызывали ни страха, ни удовольствия. Я просто стала кораблем. Я была кораблем.

И я не была одна. Вместе со мной с кораблем слились Крес и моя маленькая сестренка, а также мэр и его люди. Однако если Крес и Ллин были в восторге, то мэр и констебли зывали ко мне о помощи. Нет, я не слышала голосов — их страх и боль оглушительно звучали прямо у меня в голове. Но я ничего не могла сделать, а мне нужно было сконцентрироваться на собственном положении, поэтому я поставила мысленную преграду между собой и их воплями.

Как только прошел шок, я начала ощупывать все вокруг. Течения продолжали приносить воду и питательные вещества, подкармливая корабль и усиливая всех нас. По мере того, как росла наша энергия, я начинала воспринимать происходящее за пределами самой себя и ощутила корабли, парящие в воздухе над нашим городом. Корабли звали нас — так родители зовут робких детишек выйти из дома и поиграть на лужайке. Я протянула свои ощущения в разных направлениях и нащупала другие корабли, находящиеся под землей вместе с нами. Они были разбросаны там и сям, многие врезались в фундаменты домов, другие просто покоились в грунте, видимо, пребывая в состоянии спячки. Во всех теплилась жизнь, но им не хватало людей с нужным потенциалом, чтобы стать подлинно живыми.

Нашего корабля это не касалось. Крес, Ллин и я были готовы лететь. Корабль ждал этого целые десятилетия, с тех пор как туда попала моя сестренка. У нее не хватало силенок, чтобы отправиться в путь в одиночку. Самые последние ее воспоминания — о том страхе и той

надежде, которые она испытывала, когда я пыталась ее спасти, — как якорь, удерживали девчущку на месте. Она не знала, куда хочет направиться. И как выбраться из-под земли.

Но вот я и Крес начали поднимать корабль, вознося его на миллионах капель мысли. Грунт вокруг нас поддавался и сыпался. То, что было моим домом, провалилось внутрь самого себя, рассыпалось на куски и взлетело на воздух выбросом обломков и дождя, когда наш корабль упал в небо.

Пока Крес и моя сестра учились управлять кораблем, я смотрела на исчезающий внизу город. Кроме того, я прощупала глубины нашей планеты и получила наконец ответы на вопросы, мучавшие меня со времен моей юности. У нашей планеты не было ядра. Она на самом деле существовала в виде складки пространства-времени, свернутой на саму себя и образующей подобие мыльного пузыря, куда постоянно проваливался осадок, ил, на котором мы жили. Вода и органические вещества, просачиваясь вниз, кормили пузырьки новых кораблей, зарождавшихся внизу и всплывающих наверх; кораблей, которым оставалось только найти кого-то с необходимыми способностями и отправиться в полет. Вот почему нам запрещалось что-либо делать под землей — чтобы не повредить юным воздушным судам.

По мере того, как мы поднимались в небо, я ощущала присутствие бесконечного множества кораблей, приветствовавших нас. Корабли появлялись, проносились над нашей планетой и исчезали, направляясь в разные уголки Вселенной. И именно тогда я все поняла. Наша планета существовала для того, чтобы напоминать человечеству о том, кто мы такие. Человечество путешествовало по Вселенной, но каждое странствие начиналось с посещения нашей планеты. А делалось это для того, чтобы экипаж корабля всегда помнил: он принадлежит к роду человеческому, невзирая на всевозможные изменения, через которые ему пришлось и еще придется пройти. Точно так же, вернувшись из какого-нибудь отдаленного уголка Вселенной, корабли приходили сюда, чтобы еще раз напомнить себе, кем они были. Иначе люди, преодолевая огромные расстояния пространства и времени, просто вымерли бы. Без тревог и волнений, надежд и мечтаний повседневной жизни, которые испытывали люди нашей планеты, все человечество распалось бы.

Некоторые из нас уже разваливались на части. Я ощущала вопли мэра и двух констеблей, которых ужасала мысль о том, что с ними произошло. У них не было воли, ума, решительности, чтобы выжить

за пределами нашей планеты. Там, в великих просторах их умы и души будут разорваны на клочки. И когда однажды наш корабль вернется к этой планете, прах их тел будет рассеян над ее поверхностью, чтобы поучаствовать в создании и питании других людей, которые окажутся способными понять вечность и выжить.

Хуже того, если эти типы не умрут, то они так повредятся душой, телом и разумом, что смогут причинить ущерб другим. Свихнувшиеся корабли, которые без всякой нужды обрушивали катастрофы на нашу планету, пилотировались именно такими сумасшедшими, которые буйствовали на просторах Вселенной, пока другие корабли их не останавливали.

Я чувствовала, как Крес и Ллин готовятся к последнему прыжку. Обе они сконцентрировались на какой-то далекой галактике, где в массивных раскаленных пузырях газа зарождались новые звезды и новая жизнь. Я тоже ошущала эти далекие звезды. Представляла себе зрелища и чудеса, которые нам предстояло увидеть. Но даже и воображая, как мы там появляемся, — а я знала, что достаточно только вообразить, и нас с легкостью перенесет туда, — я продолжала слышать мольбы захваченных кораблем мужчин. Я была последним связующим звеном, удерживающим их от безумия. Я вспомнила, как Ллин цеплялась за мою руку. И вспомнила, как поклялась никогда не давать утонуть тому, кого могу спасти.

Кратким проявлением ментальной ласки я попрощалась с Крес и своей сестрой. Крес заверила меня, что она позаботится о Ллин. Поможет ей вырасти и овладеть неограниченными возможностями, открывшимися перед ними. А затем я отделилась от корабля, сотворив маленькую корабельную сферу, заключавшую в себе меня и рыдающих мужиков. Пока мы падали на город, я вообразила свой старый дом во всей полноте его истории и великолепия, со всем, что в нем когда-то было и что могло бы быть. Вспышка света и энергии — и корабль стал тем, чем я захотела его сделать.

* * *

Мэр и констебли очнулись в моей берлоге, в окружении книг и мебели, рядом с гудящим огнем в керамическом камине. Мэра, после того как он пришел в себя, вырвало, а констебли тряслись и рыдали. Я сидела в своем ново-старом любимом кресле и отхлебывала горячий чай, пытаясь относиться к согражданам с пониманием.

И вот, когда мэр пришел в себя достаточно, чтобы держаться на ногах, он велел констеблям арестовать меня.

— И по какому же обвинению? — спросила я.

— Нарушение запрета. Ты спускалась под землю. Проникла на корабль.

Я улыбнулась и поставила чашку на стол. На кратчайший миг я убрала реальность, которую создала вокруг них. И показала наш мир во всем его блеске. Мэр и констебли с воплями повалились на пол.

— Прошу прощения, но у меня есть работа, которой необходимо заняться, — сказала я. — Должен же кто-то, в конце концов, приглядывать за погодой.

Без лишних слов мэр и констебли, пошатываясь, поднялись на ноги и бросились к выходу.

* * *

Теперь я знаю, на что гожусь: я способна увидеть Вселенную. Я всегда думала, что испугаюсь за свою жизнь, но теперь уверена: это не так.

Я продолжаю наблюдать за небом. Однако я больше не предсказываю погоду, я просто ее знаю. Я приветствую каждый корабль, пролетающий над нашей планетой. Я могу оценить красоту и чудеса, которые корабль и его люди видели в своих путешествиях. В обмен на эти знания я мягко напоминаю людям с кораблей, что означает быть человеком. Я говорю им о самом главном долге — необходимости заботиться о тех, кто вокруг тебя. Я также наблюдаю за людьми нашей планеты, разыскивая таких, кто обладает необходимым потенциалом, чтобы постичь и охватить Вселенную, и помогаю им добиться этой цели.

Однажды Крес и Ллин вернутся и пропоют мне обо всем, что видели. И в этот день я присоединюсь к ним и отправлюсь, чтобы увидеть вечность. А пока я наслаждаюсь теплой водой, падающей с неба, и пылью грёз других людей. А еще — хотя я об этом никогда не говорила ни с одним человеком — я знаю, что не корабли влияют на погоду в нашем мире.

На самом деле погода — это мы сами, и это наш дождь поднимает корабли ввысь.

Перевел с английского
Евгений ДРОЗД

ЖИВЫЕ КОРАБЛИ

В наших обзорах, посвященных различным темам и направлениям жанра, мы как-то миновали «историю» о живых кораблях. В кинематографе подобные транспортные средства присутствуют в изобилии, а что в литературной фантастике? Читайте статью нашего постоянного обозревателя.

Привычный образ покорителя Вселенной в научной фантастике — бравый (или не очень) космонавт, запертый в чреве стального космического корабля, готовый отправиться к иным мирам. Подобная картинка стала настолько обычной, что большинство читателей НФ и не представляет иных вариантов. А ведь на заре литературных фантазий, отнесенных ныне к «предыстории фантастики», герои отправлялись в космос все не в металлических цилиндрах. В мифах и легендах живые существа были естественным транспортным средством для полета в заоблачные эмпиреи. Царь Этан из шумеро-аккадского эпоса поднялся в небо на крыльях орла. Обернувшись таким же крылатым хищником, Зевс унес юного Ганимеда в обитель богов. По преданию, даже сам пророк Мухаммед совершил путешествие на небеса верхом на Бураке — существе с лицом человека, телом лошади и павлиньим хвостом.

Да и в более поздние времена животные еще казались вполне реальным средством для межпланетных путешествий. Иногда это

были фантастические звери, вроде грифонов и пегасов в рыцарских романах, иногда и более тривиальные птицы. Так, Доминик Гонсалес, герой романа Ф.Годвина «Человек на Луне», долетел до спутницы Земли всего-навсего в упряжке лебедей.

С другой стороны, в религиозной традиции (и не только христианской) существовал еще более привычный и проверенный способ посещения иного мира: посланники Бога, ангелы, поднимали избранных в «горний мир». Впервые это случилось еще с пророком Енохом, которому явились «мужи сияющие» и показали ему тайны космоса. После апокрифа «Книга Еноха» ангелы Господни надолго «прописались» в литературе в виде самого понятного способа полетов к небесам. Даже в XVII веке в книгах А.Кирхера «Экстатическое путешествие» и Д.Уилкинса «Рассуждение относительно иного мира и новой планеты» именно ангелы помогают персонажам посещать планеты Солнечной системы.

У тех же людей, чьи моральные качества подкачали, была воз-

можность обратиться к помощи «темной стороны». Возил же черт кузнеца Вакулу по небу в гоголевской «Ночи перед Рождеством». Да и вполне добропорядочные исследователи неизвестного не пренебрегали помощью демонических сил для посещения других планет. Так, в рассказе И.Кеплера «Сон» демон легко доставляет главного героя на Луну.

Но постепенно, по мере того как торжествовали идеи европейского Просвещения, и ангелы, и демоны начали терять свою правдоподобность в глазах среднего европейца. Дьявол, размахивающий перепончатыми крыльями, из героев обыденного мира все больше и больше переходил в разряд сказок и неправдоподобных вымыслов.

Уже в книгах Д.Уилкинса наряду с ангелами, как «средством передвижения», высказывалась идея использования и неких летающих механизмов, предтеч будущих космических кораблей. И если в XVIII веке героев все еще предпочитали отправлять в космос силой мысли или воображения, то уже в начале XIX в рассказе Э.По «Необыкновенное приключение некоего Ганса Пфаала» открылась эра покорения межпланетного пространства при помощи механических аппаратов. Главный персонаж этого произведения добрался до Луны на воздушном шаре. С этого момента мифические существа и прочие демоны в качестве средства путешествий к иным мирам вроде бы

окончательно ушли в прошлое, уступив место пушкам, многоступенчатым ракетам или «космическим качелям».

Мы настолько привыкли к тому, что героев в научно-фантастических произведениях уносят в космос агрегаты из металла, что забыли о древнейшем начале космических странствий. Однако память о нем внутри литературной традиции сохраняется, и в скрытой форме к путешествиям между звезд при помощи духов или живых существ обращаются и современные фантасты.

Души, запертые в механизме

Конечно, в НФ никто не отправляется к звездам при помощи ангельских сущностей или демонических сил. Эту литературную нишу заняли человеческие души, запертые внутри электрических схем и плат компьютеров кораблей будущего. После возникновения самой идеи киборга как существа, объединяющего в себе черты человека и машины, писатели принялись изошряться в изобретении все новых и новых форм этого гибридного создания. А также тех проблем, которые это объединение порождает.

Одной из форм такого слияния оказался синтез человеческого мозга и механизмов космического судна. Среди первых, кто воплотил эту картину на страницах научной фантастики, оказались Т.Скортта в рассказе «Берега ночи» и К.Смит в рассказе «Втроем к одаривающей звезде».

Однако удачнее всего (да и человечнее) об объединении сознания хомо сапиенса и «летающего железа» написала Э.Маккефри в романе «Корабль, который пел». История полностью парализованной девочки Хельвы, чье тело заключили в специальную капсулу, управляющую всеми системами звездолета, подкупала проработкой психологии главного персонажа. Сходную операцию проделал с космическим кораблем-киборгом «Ольга» и Д.Басс в дилогии «Наполовину сверхчеловек» и «Бог-кит». Кстати, во втором романе американского фантаста появляется один из самых впечатляющих киборгов в истории НФ вообще — полумеханический-полуживой кит.

Другие писатели предпочитали полностью избавляться от тел своих героев, создавая новейшие аналоги невидимых духов ранней фантастики. В их книгах речь шла о человеческом сознании, просто записанном в память компьютера звездолета и способном таким образом управлять им. В некоторых произведениях подобная операция приводила к самым драматическим последствиям. Например, в романе «Бабочки-однодневки» К.О'Доннелла нарисована сложнейшая история борьбы человеческого разума, внедренного в компьютер звездолета, с противостоящим ему искусственным интеллектом. Еще сильнее драматизировал ситуацию Дж.Мартин в повести «Летающие сквозь ночь», где обезумев-

шая хозяйка корабля, обладающая психокинетическими силами, не только записала свой разум в корабельный компьютер, но и начала уничтожать собственный экипаж. И справиться с сумасшедшей смог только ее собственный сын-клон, которому также пришлось переместить свое сознание в память машины.

Пожалуй, наиболее подробно тема слияния человеческого сознания и компьютерного интеллекта была описана в романах Д.Моррис «Танцующая в снах», «Сны звездного крейсера» и «Сны Земли». В трилогии американской писательницы подробно изображается, как благодаря постоянно-му психическому контакту электронные мозги, управляющие космическими крейсерами, входят в симбиотические отношения с экипажами.

Впрочем, киборги-звездолеты и человеческие души, внедренные в компьютер межпланетного транспорта, оказались не самыми экзотическими следствиями возрождения старых тем в НФ. Авторы, более склонные к экстравагантному взгляду на Вселенную, сумели, как и в старину, отправить своих героев в путь по межзвездным просторам на живых существах.

Живьем по вакууму

Судя по всему, одним из первых возродил этот принципиально ненаучный подход к космическим путешествиям Г.Ф.Лавкрафт. В его рассказе «Шепчущий в ночи»

разумные крабоподобные и крылатые живые грибы с Плутона добираются до Земли на «неуклюжих, но мощных крыльях, которые способны сопротивляться эфиру». Эти существа могут переносить туда-обратно и пассажиров, но (увы!) только в виде разума, заключенного в механический аппарат. Идея Лавкрафта (как, впрочем, и большинство его идей) в момент публикации показалась и читателям, и другим фантастам слишком причудливой, и продолжателей у нее не нашлось. Однако сама мысль о существах, свободно летающих по пустоте космоса, оказалась не чуждой и прочим писателям.

Фантасты, «заселившие» мириады планет и даже звезд в Галактике живыми существами, конечно же, не могли оставить втуне просторы Млечного Пути. Впрочем, в силу ненаучности предположения о жизни в открытом космосе тема эта не стала одной из заметных. Хотя и здесь попадаются любопытные примеры.

В рассказах К.Смита об отдаленном будущем, позднее составившем цикл «Инструменталии человечества», упоминается о чудовищных драконоподобных существах, нападающих на земные корабли и препятствующих космическим полетам. Описанию борьбы с таким монстром было посвящено одно произведение фантаста — рассказ «Игра с крысодраконом». В уже упоминавшейся повести Дж.Мартина появляются волкрины — огромные жи-

вые существа, странствующие по космосу и питающиеся межзвездным водородом.

Интересным поворотом подобной темы стали представления о машинах, создающих в космическом пространстве своеобразные экологические системы. К этой идее, пусть и в зачаточной форме, обращался еще Ф.Саберхаген в цикле о берсеркерах — машинах-убийцах, стремящихся уничтожить все живое во Вселенной. Эти аппараты создали сложную систему ремонта и обновления, где есть целые тайные миры-базы, на которых производят новые машины и межзвездные корабли. Значительно более изощренно разработал эту тему Г.Бенфорд в романах «Великая небесная река» и «Приливы света», а также в их продолжениях — «Бешеный залив» и «Путь сквозь сверкающую вечность». Здесь описаны настоящие флора и фауна механических существ, где возникли длинные пищевые цепочки, включающие в себя механизмы-жертвы и механизмы, охотящиеся на них.

И, несомненно, в глубинах космоса должны таиться целые колонии роевых существ, подобных земным насекомым, таких же безумных и неудержимых, как амазонские кочующие муравьи. О них писали У.Тенн в рассказе «До последнего мертвеца» и — в значительно более мягкой форме — Б.Стерлинг в повести «Рой», да и многие другие авторы.

Однако если вне планет есть

жизнь, значит, ее можно как-то использовать. Вот тут-то и пробудились у фантастов скрытые подсознательные воспоминания о детстве научно-фантастической литературы, о том, как небеса штурмовали на крыльях живых существ.

В начале писатели отправляли героев на небольшие расстояния, в ближний космос. Английский фантаст Б.Олдисс создал роман «Теплица», действие которого разворачивается в отдаленном будущем, где почти все животные вымерли, а их экологические ниши заняли растения. Среди растений, научившихся передвигаться, своими размерами выделяются огромные паукообразные монстры траверсеры, ткущие паутину, которая соединяет Землю и Луну. Люди цеплялись к лапам этих космических странников и отправлялись к естественному спутнику Земли.

Позднее живые космические корабли появились и на галактических просторах. Французский фантаст Ж.Клейн в рассказе «Иона» описал, как люди создают и укрощают немыслимых космических чудовищ — биосконов. Для того чтобы осуществить приручение взбунтовавшегося биоскона, герою рассказа — укротителю Ришару Мека — пришлось пойти по пути библейского пророка и оказаться проглоченным звездным китом. Отсюда и название рассказа. Другим Ионей в научной фантастике оказался герой цикла рассказов Р.Янга Джонас

Старфайндер. Во Вселенной, созданной воображением американского фантаста, люди странствуют по космосу внутри мертвых космических китов. Старфайндер сначала охотился на межзвездных левиафанов, но затем ухитрился подружиться с одним из них, осознав, что киты обладают разумом. Попутно главный герой цикла выяснил, что живые космические киты умеют значительно больше, нежели мертвые. Например, они еще способны путешествовать во времени (рассказ «Впадина Минданао»). Запоминается и способ, при помощи которого кит общался со Старфайндером и другими людьми: он посылал в их сознание телепатические картинки-идеогаммы.

Впрочем, авторам уже этих произведений было ясно, что ничего, кроме красивой и антинаучной картинки, из идеи живых космических кораблей выжать нельзя. Поэтому позднее фантасты так ее и использовали — в качестве причудливой иллюстрации к одному из эпизодов повествования. Например, у Д.Симмонса в дилогии «Песни Гипериона» изображены так называемые Бродяги — отдельная обособившаяся ветвь человечества, обитающая в открытом космосе. Они сумели вывести гигантских космических бабочек, чьи крылья выполняют роль солнечных парусов, и на этих насекомых пересекают относительно небольшие (по космическим масштабам) расстояния. Тема была продолжена в романах «Энди-

мион» и «Восход Эндимиона», где писатель изобрел и других космических существ, обитающих в орбитальных лесах, созданных Бродягами. Разумеется, не обошелся фантаст в данном случае и без аналогов любимых всеми вакуумных китов. Даже одержимые сугубым наукообразием писатели, вроде П. Уоттса, пусть и в завуалированной форме, но склонны обращаться к образу живых космических кораблей. В его романе «Ложная слепота» звездолет пришельцев, появившийся на окраине Солнечной системы, оказывается своего рода гнездом-ульем для инопланетян, одновременно являющихся и частью оборудования корабля.

И все же большинство фантастов идея живых межпланетных судов не вдохновила. Ее слишком быстро стали воспринимать не как сюжетообразующую, а как антуражную. Во всяком случае, в игровой системе «Вархаммер 40 000», ставшей собранием почти всех доселе известных клише фантастики об отдаленном будущем, присутствуют и космические киты-левиафаны, и прочие живые космические корабли. Одна из важнейших рас этой игровой Вселенной — ящероподобные тираниды — путешествует по межгалактической пустоте в огромных звездолетах, каждый из которых представляет собой существоматку, способное порождать прочих членов тиранидского роя. В книгах, чье действие развивается в мире «Вархаммера 40 000»,

персонажам нередко приходится сталкиваться с этими чудовищами. Так, в романе Г. Макнилла «Воины Ультрамара» главный герой — сержант отряда космических десантников Уриэль Вентрис — сумел заразить такой корабль искусственным вирусом и остановить нашествие тиранидов на планету Тарсис Ультра.

В качестве привычного элемента дальнего космоса живые органические корабли используются и в кинематографе (например, в сериале «Лексс», где присутствует корабль, фактически являющийся просто огромной стрекозой), и в мультипликации (скажем, в цикле «Звездный десант», сделанном по мотивам одноименного фильма П. Верхувена. Здесь инопланетяне-арахниды летают по космосу на огромных жуках). Идея стала абсолютно тривиальной, а это жалко. В НФ у полетов живьем по вакууму еще несомненно сохраняется литературная потенция. Уж слишком экстравагантно и непривычно это выглядит, слишком оригинально смотрятся космические киты и жуки на фоне привычных всем «Энтерпрайзов» и «Тысячелетних соколов». Поэтому будем надеяться, что хотя бы изредка, но еще многие авторы подсознательно вспомнят про шумерского царя Этана, стремившегося к звездам верхом на орле, и заставят своих героев повторить его подвиг на страницах фантастических книг.

Рецензии

Уильям Хоуп
ХОДЖСОН

КАРНАККИ —
ОХОТНИК ЗА
ПРИВИДЕНИЯМИ

Москва: Вече,
2009. — 336 с.

Пер. с англ.

Ю. Соколова.

(Серия «Мастера
мистической
прозы»).

3000 экз.

Поствикторианская Британия дала дорогу целому созвездию родоначальников мистической фантастики и фэнтези. Литература грезы и ужаса вступала в свои права, отвоевывая пространство у реализма и научности. Восходили звезды Блэквуда и лорда Дансени. И не к последним именам на заре этой новой эпохи относился Ходжсон.

Основу издания составил авторский сборник, вышедший в 1913 году. Рассказы объединены общим героем — частным детективом Томасом Карнакки. Ходжсон в процессе написания этих историй оказался в роли мистика поневоле. Издатель требовал от автора необыкновенного, тогда как писатель склонен был показать Карнакки материалистом, разоблачающим подноготную оккультных чудес. В итоге из девяти рассказов в трех предложены рациональные объяснения происходящего. А один («Находка») представляет собой обычный детектив, где нет ни грана мистики. Но Карнакки приходится раз за разом напрямую противостоять демоническим силам. Эта раздвоенность достигает кульминации в итоговом и самом сильном рассказе цикла — «Свинья». Здесь, столкнувшись с силой поистине необоримой, сокрушаемой лишь по воле Божьей — что сам Карнакки в момент спасения признает, — сыщик затем пускается в абсолютно научные толкования самого факта существования демонов. Не следует ли приписать такой взгляд самому автору — сыну добропорядочной Британии, где для борьбы с бесами вызывают не экзорциста, а детектива, защищенного «Электрическим Пентаклем» вместо креста?

Сборник дополнен еще шестью рассказами. Три из них принадлежат циклу о капитане Голте — масон-контрабандисте. Еще три — внесерийные. Из них «Или, Или, лама савахфани!» — блестящая иллюстрация духовных блужданий Европы начала минувшего века. Может быть, именно в нем четче всего звучит авторское отношение ко всем попыткам измерить сверхъестественное наукой...

Сергей Алексеев

Кирилл
БЕНЕДИКТОВ

**БЛОКАДА.
Книга 1.
ОХОТА
НА МОНСТРА**

Москва: АСТ —

Популярная
литература,
2009. — 264 с.

(Серия
«Этногенез»).
60 000 экз.

Первый роман цикла «Блокада» из межавторского проекта «Этногенез» переносит читателей в «40-е роковые». Автор, верный мистическому восприятию реальности, берется «расшифровать» две судьбоносные загадки Второй мировой: неожиданную перемену, произошедшую с невзрачным ефрейтором А.Гитлером, и противоестественную веру И.Сталина в то, что Германия никогда не нападет на Советский Союз.

Роман отличается многообразием планов и большое количество персонажей. По словам автора, «Охота...» представляет собой аналог шахматного дебюта, когда фигуры группируются на доске для атаки.

Читателям посчастливится побывать по обе стороны фронта, наблюдая за участниками игры, среди которых немало исторических персонажей. Яркость образной подачи, отличающая творчество Бенедиктова, позволит поклонникам по-новому взглянуть на этот трагический период мировой истории.

Экспрессия сюжета достигается в основном за счет интенсивной смены планов. Элементы экшена в отдельных эпизодах не имеют ведущего значения. Куда больше внимания уделено «дворцовым» интригам.

Увлеченно описывая скрытое противостояние придворных в свитах Гитлера и Сталина, автор не забывает уделять внимание портретам главных героев. Дополнительную объемность образам центральных персонажей добавляют краткие реминисценции, словно тени, отброшенные в прошлое участниками игры. Среди них чернее и куда длиннее прочих выделяется тень орла — загадочного артефакта из набора фигурок, объединяющих различные произведения проекта «Этногенез». Одна из «вшитых» в произведение эзотерических концепций выражается в противостоянии внутренней духовной силы и чуждой заемной мощи.

Смогут ли скрытые способности живых людей переломить таинственную власть бездушных предметов, мы узнаем в следующих романах.

Николай Калининченко

Андрей БИТОВ

**ПРЕПОДАВАТЕЛЬ
СИММЕТРИИ**

Москва:

Фортуна ЭЛ,

2009. — 408 с.

4000 экз.

В середине 80-х в «Юности» появилась необычная публикация. Автором значился некий Э.Тайрд-Боффин. И пояснение: «Перевод с иностранного Андрея Битова». Весь текст состоял из предисловия, трех или четырех глав, сложной таблицы и фразы: «Продолжение, возможно, последует...». Когда-то переводчик прихватил с собой в геологическую экспедицию книгу неизвестного английского автора, которую ему пришлось в ожидании вертолета переводить «приблизительно», без словаря, и пересказывать изнывающим от скуки работагам. Книга потом была утеряна...

Продолжение последовало лишь четверть века спустя. Невооруженным глазом видно, что это литературная мистификация, но для того, чтобы оценить ее по достоинству, требуется предельно тонкая оптика. Это роман в романе, внутри которого рассыпан еще один роман. Это гипертекст, хитросплетениям которого позавидовал бы Милорад Павич.

Автор книги (тот самый Э.Тайрд-Боффин) — молодой журналист, который хочет взять интервью у забытого прозаика и поэта Урбино Ваноски. Но вместо этого узнает удивительную историю из юности писателя. Некий искуситель однажды показал тому фотографии, сделанные не только в разных местах, но и в разные времена: одно представляло собой «Вид неба Трои», другое же — сцену свидания, которое только предстоит. В ожидании этого события молодой человек потерял свою настоящую любовь... Это лишь одна глава. Во второй доктор-психиатр, общаясь с сельским сумасшедшим, утверждающим, что «свалился с Луны», понимает: это правда, «дурачок» способен телепортироваться... Есть глава о литературном кружке «Тристрам-клуб», в котором обсуждается целый ряд фантастических романов, приведенных в виде синопсисов.

Сюжеты отскакивают друг от друга подобно эху и сплетаются в единое размышление о сущности художественного творчества, истоки которого — за пределами нашей реальности.

Андрей Щербак-Жуков

Мария ГИНЗБУРГ

**ПОГАСИТЬ
ЧЕРНОЕ
ПЛАМЯ***Москва: ЭКСМО,
2009. — 480 с.**(Серия «Эпоха
доблести»).*
5000 экз.

Новый роман Марии Гинзбург — продолжение ее книг «Хозяйка четырех стихий» и «Лес великого страха». Это фэнтезийный боевик, где в качестве антуража используется сразу несколько различных традиций (толкиновская, славяно-киевская да еще с добавлением элементов посткатастрофной НФ), мелко нашинкованных, хорошо перемешанных и поданных под соусом этики вольноопределяющихся одиночек.

В цикле Гинзбург единый сюжет отсутствует. Каждая новая книга — новая ситуация, притом из команды персонажей, отобранных для предыдущего действия, кто-то остается, кто-то уходит, кто-то выдвигается на первый план, кто-то оказывается на периферии. В данном случае основой сюжета становится борьба партизан Железного леса против драконообразного императора, который жестоко сбрендил из-за того, что связан с артефактом Эрустим великой разрушительной силы. Партизаны отбиваются от врага, собирают летучий отряд для операций в столице и в результате заговора все-таки добираются до императора.

Боевик как боевик. Почему об этом стоит писать? Во-первых, Мария Гинзбург постепенно растет как писатель-фантаст. И третий роман в плане литературного качества стоит заметно выше двух первых. Отношения постели заменяются отношениями любви. Описания эротических сцен — проникновением чувств. Батальные эпизоды — особенно сражения партизан и «химмельриттеров», то есть драконокавалерии, — сделаны свежо, оригинально; любителям боёвки их можно рекомендовать без тени сомнения.

Во-вторых, роману дана неожиданная концовка. Мария Гинзбург довела заговор партизан почти до победного конца, а в финале... сделала поправку: одно дело — убить живое существо, другое — уничтожить в нем зло и безумие. А это уже ход на порядок более тонкий, чем положено по канонам незамысловатого крошилова.

Дмитрий Володихин

МУЗЫКА СФЕР

Питер ХЁГ. ТИШИНА. Симпозиум

Питер Хёг — один из самых известных датских писателей. Его роман «Смилла и ее чувство снега», переведенный на несколько языков и успешно экранизированный в Голливуде, представил читателю удивительную историю о снеге и льде, метеорите, поиске жизни на основе неорганических веществ, а также обо всем остальном. В центре его нового романа великий клоун, наделенный уникальным даром.

История жизни Каспера Кроне разбита на кусочки. Они чередуются на страницах романа, решительно пренебрегая временем, словно играя с ним в прятки и показываясь на свет без очереди и без спроса. Вот он выступает на аренах самых известных цирков мира. Вот он — маленький мальчик, засыпающий на руках отца во время ночных переездов. Вот — бредущий по городу после любовной ссоры. Вот проходит реабилитацию после травмы, выявившей его особый талант.

Каспер Кроне умеет слышать.

Он слышит звучание людей и мест, ритмы города и окраин — их уникальные звуковые рисунки, читает мир, как по нотам, и знает, что один человек не остров, и звон колокола — это тоже чей-то звук, вплетенный в другие голоса и мелодии. Вместе, одновременно, сейчас они сливаются в притя-

гательно шумную какофонию, которая и есть жизнь.

Сейчас для него звучат возможные нотки.

Каспер Кроне — 42 года, характер нордический, не женат — оказывается фигурантом дела о неуплате налогов и рискует оказаться в тюрьме. Однако страшит его не это, а загадочное исчезновение Клары Марии — десятилетней девочки, обладающей притягательным даром тишины.

Вскоре оказывается, что похищение детей поставлено на широкую ногу, и одним ребенком дело не ограничивается. А все похищенные и похитители таинственным образом связаны с землетрясением, изменившим ландшафт и облик Копенгагена.

Роман превосходно иллюстрирует характерную тенденцию, связанную с традиционным разделением литературы и фантастики,

а именно продолжающуюся их мирную конвергенцию. Главные места в литературе основного потока все чаще и все увереннее занимают книги, уклончиво атрибутируемые как «романы с элементами фантастического». А авторы мейнстрима все чаще и все охотнее используют идеи, приемы и сюжетные схемы, характерные для фантастического жанра.

Изменившееся, сверхчувственное восприятие главного героя является лишь уловкой, способом показать волшебство жизни — не приукрашенное, но подсвеченное и преувеличенное лишь самую малость. Что позволяет своеобразно отнести роман к своего рода нордическому магическому реализму, суровому, но симпатичному. Или возвести его генеалогию к сказкам другого датчанина, Ганса Христиана Андерсена.

Удивительно ли, что поиски клоуном с манерами трикстера, склонным рассматривать свою жизнь как представление, девочки, которая способна даровать ему тишину, на деле оборачиваются поисками трансценденции. Поисками божественного Автора и исполнителя музыки сфер, доступной восприятию Каспера. Не случайно немалую роль в происходящих событиях играет восточная (то есть православная) церковь.

В романе вообще нет случайно-го. Встречи, события, люди, которые по сюжету могли бы претендовать на случайность, оборачиваются на проверку или результатом

замысла персонажей, до поры сокрытого от читателя, или юнговской синхронностью — свойством жизни проводить и пересекать параллельные прямые.

Круговорот действующих лиц — монахинь с загадочной миссией, африканок, мастерски владеющих айкидо, легендарных воров, работающих карманниками, морских офицеров, ставших королями преступного мира, детей с фантастическими способностями, ближе к финалу перестает быть смешением, напоминающим джазовую импровизацию, и обнажает внутренние связи и закономерности, причины и следствия.

Вслед за этим, сразу за наступлением развязки, повествование, совершенно в традиции Хёга, обрывается, едва ли не на полуслове, не давая затихнуть ее последним нотам, резко и беспокойно.

Напоминающий представление роман, пестрый и живой, то по-осеннему элегический, то бодрый, как цирковые марши, не ставит своей целью развлечение читателя.

Насыщенный музыкальными терминами и отсылающий к известным и малоизвестным произведениям классической музыки, роман не ставит своей целью и обучение читателя.

Демонстрируя мир по Касперу Кроне, преисполненный звуков и нуждающийся в божественной тишине, он предлагает читателю сопереживание.

Сергей ШИКАРЕВ

МЫ НЕ ТАК УЖ ПЛОХИ

Московский критик, постоянный автор журнала «Если», решил подлить масла в огонь дискуссий, пылающих последние годы вокруг жанровой критики. Он обратился к читателям с вопросом: «Почему у нашей фантастики нет столь же сильной критики, как у литературы «основного потока»?».

Ответы распределились следующим образом:

Какая фантастика, такая и критика — 17%;

Как это — нет? У нашей фантастики критика не слабее, а зачастую сильнее, чем у «боллитры»! — 27%;

Да критика вообще никому не нужна. Нужны только короткие рецензии, чтобы люди знали, покупать или не покупать книгу — 12%;

Вся критика в фантастике выросла из фэндома: у авторов нет ни приличного профессионального образования, ни настоящей школы — 27%;

Просто «боллитра» сходит со сцены, и там интереснее читать не сами книжки, а то, что о них пишут критики — 7%;

Вот когда фантастика начнет умирать, тогда отличной критики расплодится видимо-невидимо — 10%.

Всего в голосовании приняли участие 410 человек.

Начнем с того ответа, за который подало голоса наименьшее количество читателей. В него была вмонтирована маленькая ловушка. Итак: когда какое-нибудь по-настоящему крупное, сильное, наполненное витальной мощью явление уходит, когда отдает концы великая эпоха, когда прерывается жизнь замечательной личности, появляется море текстов, созданных «в память», «в осмысление», «на роль справочного материала» и т.п. Иными словами, наступает время каталогиза-

ции, аналитики, а затем и составления энциклопедий на тему «О...». Допустим, немногие согласились с тем, что «боллитра» уходит со сцены. Старушка еще повоюет, хоть и старушка! Но... у нас нет сейчас ни уровня классики XIX века, ни уровня Серебряного века, ни даже уровня советского «биллона». Честно говоря, по-настоящему сильной критики и в мейнстриме не столь уж много. Зато каталогизация там идет вовсю, поэтому всё больше появляется... нет, не кри-

тики, а именно справочно-энциклопедических изданий.

А вот и ловушка: предпоследний и последний вопросы были, в сущности, одним целым. Только в последнем звучит сдержанный оптимизм: фантастика еще не умирает, а значит, для нее время каталогизации не наступило. Ждите аналитиков, когда на месте живого тела появится труп. Аналитик в литературе чаще всего — патологоанатом, а не терапевт.

Что ж, читательская аудитория отреагировала здраво: да, мы верим, что до смерти фантастике еще далеко; да, когда это произойдет, может, и будет много хорошей аналитики, но... лучше пусть будет много хороших романов. Зато если соединить две половинки одного вопроса, то получится 17%. Солидная цифра. И она внушает некоторый оптимизм — как по поводу того, что с «боллитрой» не все потеряно, так и по поводу того, что фантастике рано выкликать последний срок.

Как действующий критик я искренне порадовался другой цифре: среди опрошенных нашлось всего 12% тех, кому критика не нужна, тех, кто равнодушен к моему ремеслу. Нужны им аннотации? Некогда заморачиваться на что-то чуть более сложное? Понимаем. Кому поп, кому попадая,

а кому и свиной хрящик. Критики, пожалуй, обойдутся остальными 88 с лишним процентами — то есть теми, кто к их работе способен проявить интерес.

Зато обнаружилось 17% тех, кто скептически относится и к нашей фантастике, и к нашей критике, — цифра, которая никого не приведет в восторг. Самая мрачная, пожалуй, цифра из всех. Автор этих строк далек от того, чтобы обьявить этих людей сплошь мизантропами или — упаси Господь! — предателями континента фантастики. Когда такая уйма народа говорит: «Тщательнее надо работать, ребята!», — обращаясь и к фантастам, и к тем, кто пишет об их текстах, самая адекватная реакция — и впрямь задуматься о том, как работать тщательнее...

Но гораздо серьезнее замечание, согласно которому у критиков нет школы, поскольку они представляют собой продукт варения фэндом в собственном соку. Я и сам когда-то писал об этом в статье «Ёрш мохито инкорпорэйтед». И Дивов писал. И Пузий писал. Да, у большинства наших критиков нет школы. Да, многие в лучшем случае обладают начитанностью и бойким пером, но лишены аналитических способностей, а в худшем — просто берутся не за свое дело.

Да, значительная их часть опутана «корпоративными интересами» и личными привязанностями по рукам и ногам. Того не обидеть, потому что водку вместе пили, того — потому что идейно близок, а ту — потому что женщина красивая...

Что, неправда? Да правда, правда... Это действительные хвори цеха критиков, это самые страшные его язвы на сегодняшний день. И читатель их прекрасно видит, а пресытившись оным зрелищем, начинает тыкать провинившихся носом в «узоры на ковре». Шкодничаете? Так понюхайте свои škоды!

Конечно, среди фант-критиков есть Галина, Назаренко, Ройфе, Харитонов, В.Березин, С.Алексеев и еще несколько хорошо образованных, филологически подкованных персон, способных профессионально разобрать текст хоть в НФ-журналах, хоть в литературных «толстяках». Зато сколько людей случайных! Сколько откровенной халтуры! И очень трудно шагнуть выше, оттолкнувшись от нынешнего уровня, поскольку нет ни постоянно действующих семинаров, клубов, мастер-классов для критиков, ни специализированных изданий.

Ровно столько же читателей — 27% — жанровой критикой довольны. Конечно, значи-

тельная часть тех, кто принял участие в опросе, руководствовалась соображениями патристическими. Проклятая «боллитра» не пройдет! Ей заслон поставлен прочный! Ее встретит броневой ударный батальон наших доблестных критиков! Но, надо полагать, проголосовало подобным же образом и немалое количество здравомыслящих людей. Тех, кто читает и мейнстримовские журналы, и журналы фантастического профиля, тех, кто может сравнивать критические материалы из обоих источников. Их поддержка дорогого стоит. Товарищ Сухов посмотрел на жен Абдуллы и, сохраняя верность далекой любимой, со вздохом изрек: «А ведь и вы не так уж плохи...». И, наверное, это более адекватная формулировка, чем та, что прозвучала в самом вопросе.

Действительно, каждый год появляются несколько приличных статей, хорошая фантастическая книжка, пара дюжин сильных рецензий. Есть на чем взгляду остановиться. Другое дело, что мало всего этого. Есть, но мало. Что ж, доверие тех, кто решил ободрить критиков от фантастики, можно перечислить на счет критического цеха... как аванс.

Дмитрий ВОЛОДИХИН

ВОЗВРАЩЕНИЕ КОСМИЧЕСКОГО РОБИНЗОНА

Как правило, ученые, приходя в фантастику, переносят в творчество и свои профессиональные навыки. Но бывают и редкие исключения. Например, Франсис Карсак — ученый-геолог, он всю жизнь писал истории о покорении космических глубин. После Жюль Верна этот писатель был, пожалуй, самым горячо любимым французским фантастом. В этом месяце Франсису Карсаку исполнилось бы 90 лет.

История переводов зарубежной НФ у нас в стране сама по себе фантастична донельзя и, право, стоит любого из уже переведенных «зубодробительных» боевиков. Кто и когда напишет ее — эту парадоксальную, разумом принципиально не постигаемую и совершенно непредсказуемую хронику десятилетиями создававшейся системы «ложного зрения», с помощью которой российские читатели смотрели на литературу малознакомого Зазеркалья?

Ну, положим, массовое появление (в приснопамятную эпоху двух Больших Г. — Главлита и Госкомиздата) многих дутых авторитетов, у себя на родине хорошо если входивших в третьи-четвертые десятки (у нас же директивно обряженных в тоги неприкаса-

емых корифеев), и, напротив, разговор молчания вокруг авторов иных легко объяснить. Идеология, цензура, а чаще — обыкновенные перестраховка, вкусовщина и невежество...

Но и во времена сравнительно недавние, озаглавленные погружением шестой части суши в одно Большое Д. (Деньги), тоже происходили вещи странные и труднообъяснимые. Книжный рынок не раз вдруг оказывался затоварен переизданиями одних и тех же, причем явно «необязательных» авторов и произведений — да в таких количествах, что и самому фанатичному их поклоннику грозила очевидная опасность переиздания! При том, что на ум немедленно приходят десятки же безусловно обязательных, но по непонятным при-

чинам не переведенных по сию пору.

Кстати, не нужно думать, что во времена темного царства идеологической цензуры не случались разного рода парадоксальные и непредсказуемые проколы. Не такой уж всеильной и безошибочной она на поверку оказалась! Взять, к примеру, ту же космическую оперу. Кто только в шестидесятые годы не отметил в ритуальном вытирании ног о злосчастный жанр! Однако произведения эти — хотя бы в порядке информации отечественного читателя — наши издатели переводить при этом отнюдь не торопились! Признанных «оперных» солистов — Эдварда «Дока» Смита, Джека Уильямсона и Эдмонда Гамильтона — печатать более или менее регулярно начали только в «лихие девяностые»*. А строго дозированные «положительные образцы» раскритикованного жанра, прорвавшиеся к советскому читателю, — те же «Саргассы в Космосе» мало кому в ту пору известного «Эндрю Нортон» (история коего напоминает бессмертную реплику культового тогда фильма «Три плюс два»: «В общем, Джексон оказалась женщиной!») — еще больше запутывали истинную картину.

И все же одно произведение

настоящей, подлинной космооперы увидело свет аж в 1965 году. Причем тиражом невероятным даже в те годы — чуть ли не полмиллиона экземпляров!

Тогда многие советские издательства пробовали свои силы в новом и во всех отношениях привлекательном жанре НФ. Книжкой, о которой идет речь, решило рискнуть на территории в ту пору еще не сильно обжитой terra phantasia вновь созданное на базе Географиздата издательство «Мысль», выпустившее роман никому не ведомого французского автора — Франсиса Карсака. Роман назывался «Робинзоны Космоса» (на языке оригинала он вышел в 1955 году). С тиражом размахнулись истинно по-русски — гулять так гулять. И в годы, когда фантастику не покупали, а доставали с немалым трудом, томик с красными стилизованными кентаврами на обложке можно было увидеть практически на любом книжном развале.

Никто из критиков, впрочем, «оперных» рецидивов в произведении соотечественника и продолжателя дела великого Жюль Верна тогда не разглядел. Прежде всего искали параллели с романом французского классика «Гектор Сервадак». Впрочем,

* Хотя «Звездных королей» в «самиздате» читали активно — и коллеги-писатели, и критики, и издатели, и цензоры. Стало быть, все-таки некоторое представление о жанре имели, чего не скажешь о массовом любителе фантастики. (Здесь и далее прим. авт.)

последние были на виду. Незвестный нам Карсак также описал космический катаклизм, в результате которого кусок земной поверхности с находившимися там людьми откололся, залетел черт знает куда и был прихвачен гравитационным полем некоей планеты, населенной разумными кентаврами. Еще критики особенно упирали на факт мирного сосуществования землян с аборигенами — ну почти как в фантастике советской!

И позже, когда на русском языке появились другие книги Карсака — «Пришельцы ниоткуда» (1954), «Бегство Земли» (1960) и «Львы Эльдорадо» (1967), — об авторе в печати говорилось, в основном, только хорошее (хотя в то время он еще был жив и здоров). Особенно отмечая гуманизм французского писателя, его социальный оптимизм, миролюбие и даже... интернационализм (раздвигая значение этого термина до галактических масштабов). Отдавалось должное умению Карсака строить увлекательный сюжет, достойное продолжение романтических и познавательных традиций великого соотечественника-классика, и т.п. Словом, наш человек!

Более того, светлый пример француза Карсака как бы оттенял собой ту, по мнению писавших, заокеанскую антигуманную, насквозь упадническую, пронизанную насилием и ксенофобией космическую оперу.

В этих построениях содержались, по меньшей мере, две существенные натяжки, сегодня видные невооруженным глазом. Первая заключалась в том, что не стоило так уж резко проводить черту между творчеством Карсака и космооперой. И вторая: не стоило и ее, горемычную, поливать похода и без разбору.

То, что к Space Opera со спокойной совестью можно отнести и творчество Франсиса Карсака, сомнений уже не вызывает. Его сюжеты, подходы и размах ничем принципиально не отличались от творческой манеры, скажем, теперь уже хорошо известного и у нас признанного короля субжанра Эдмонда Гамильтона. И у того непредвзятый, объективный взгляд всегда отыщет толику хоть и специфически американского, но гуманизма. И Добро у Гамильтона обычно побеждает Зло; и оптимизм гарантирован — в смысле непреложного для автора-американца правила: любые мрак и кровопролитие завершать happy end'ом. Правда, в эпопеях Гамильтона и иных авторов космооперы мир среди звезд воцаряется исключительно в результате звездных же войн — например, после победы «хороших парней» над какими-нибудь агрессивными плохишами-негуманоидами. И нет-нет да напомним о себе расхожая идеяка насчет «бремени цивилизованного землянина», несущего отсталому звездному народу культуру

и дары цивилизации, — очевидная трансформация кипплинговского «бремени белого человека», к концу прошлого века давшая новые чудовищные всходы...

Но ведь и у гуманного и оптимистичного Карсака мы обнаружим почти то же самое.

В его трилогии, состоящей из романов «Пришельцы ниоткуда», «Этот мир — наш» и «Космос — наш дом», эра всегалактического братства наступает лишь после того, как «нашим» (гуманоидам) удастся окончательно побороть каких-то злобных и агрессивных «чужаков» — явно негуманоидных мисликов, гасящих звезды и вообще черт те чем занимающихся на «нашей» галактической полянке! И в более позднем романе, в оригинале названном «Паразиты в гриве льва», а на русский язык переведенном как «Львы Эльдорадо», несмотря на очевидную симпатию автора к отсталым аборигенам, с моральным оправданием прогрессорского вмешательства высококоразвитых землян все тоже как будто в ажуре...

А уж если перечитать один за другим два романа — тех самых «Звездных королей» и «Бегство Земли» Карсака, — то трудно отделаться от впечатления, что перед тобой единый сериал, написанный одной мастеровитой рукой!

Так что и у Карсака — «опера», самая что ни на есть аутентичная. И ничего тут не попишешь.

Другое дело, что и презренная (в глазах многих критиков) *Space Opera* может быть мастерской, высокопрофессиональной, держать читателя в напряжении от первой до последней страницы и поражать незаурядной фантазией. Хотя чаще, что греха таить, под привычным словосочетанием скрывается скорее «оперетка». Пошлая и убогая имитация, бесплодное топтание по тропам, проложенным, как правило, другими.

Словом, ничего принципиально нового по сравнению с ситуацией во всех иных жанрах.

И Гамильтон, и Карсак писали, в сущности, одну и ту же разновидность массовой литературы. Ну, может, с незначительными расхождениями, обусловленными, скорее, различиями культурно-историческими. В том же ключе, между прочим, творили и весьма преуспели и Дюма, и уже не раз упоминавшийся Жюль Верн! Уступая классикам, и Гамильтон, и Карсак тем не менее делали свое дело мастерски — увлекательно, размашисто, надежно. И оба, безусловно, обладали счастливым даром держать читателя до самого финала.

Почему так получилось, что в восприятии двух поколений наших читателей Карсак оказался противопоставлен Гамильтону, — сегодня остается только гадать. Фантастика, одним словом...

Так кем же он был, подлинный Фрэнсис Карсак?

К сожалению, даже в статьях французских специалистов информации о жизни ведущего автора национальной Space Opera кот наплакал. Вот что удалось выудить из их более чем скудных текстов.

Под псевдонимом Франсис Карсак в научной фантастике выступал видный ученый — геолог и палеоантрополог Франсуа Борд. Родился он 30 декабря 1919 года в сельском районе исторической провинции Перигор. Будущий ученый и писатель увидел свет не в какой-то деревенской развалюхе — в настоящем замке! Правда, замок был не фамильным, а всего лишь купленным по случаю отцом Франсуа — богатым торговцем Андре Бордом, сделавшим состояние в Западной Африке. Мальчик с детства увлекся палеонтологией, которая и привела его после школы в университет Тулузы. Там, правда, не было соответствующего факультета, так что Франсуа Борду пришлось специализироваться по двум соседним дисциплинам — геологии и ботанике.

Затем началась война. Борд отправился на фронт, а после капитуляции Франции в 1941-м демобилизовался и вернулся к научным штудиям в свою alma mater. Теперь его интересовали химия, минералогия и зоология. После немецкой оккупации Франция раскололась надвое. На юге, в Виши, было создано коллаборационистское правительство, а

все истинные патриоты либо отправившись с де Голлем в эмиграцию, чтобы за пределами родины сразаться с Гитлером, либо остались дома, но вступили в движение Сопротивления. Среди последних оказался и Франсуа Борд.

Любопытно, что в отряде маки (так во Франции прозвали партизан из Сопротивления) будущий геолог и палеонтолог прошел неплохую практику, проведя не один месяц в шахте — шахтер «по легенде», он по приказу партизанского командования занимался там обыкновенным саботажем. Тогда же Борд сочинил свой первый НФ-роман «Над стерильной планетой», который так и не был опубликован при жизни (впервые он вышел только в посмертном полном собрании сочинений Карсака, выпущенном парижским издательством Lefrancq).

Когда в 1944 году вооруженные силы деголлевской «Свободной Франции» высадились вместе с американцами и англичанами в Нормандии, Борд записался добровольцем в отряд морской пехоты и в ноябре в одном из сражений был ранен осколком гранаты. Демобилизовавшись, он смог завершить прерванное обучение, защитил диссертацию. И по странному совпадению проработал всю оставшуюся жизнь не где-нибудь, а в университете города Бордо! После защиты диссертации — профессором,

а в последние десятилетия — директором им же созданной лаборатории по истории и геологии четвертичного периода. Специальностью Борда-палеонтолога была типология орудий каменного века, и труды французского ученого заслужили признание не только у него на родине, но и за рубежом.

Первые пробы пера писателя Карсак — то есть те, которые увидели свет в журналах и издательствах, — относятся к середине 1950-х. Дебютировав НФ-рассказом «Пятно ржавчины» (1954), Карсак впоследствии написал почти два десятка произведений малой формы, из коих наиболее известны «Генезис» (1958), «Ответ марсиан» (1959, в соавторстве с легендарным мистификатором Жаком Бержье), а также «Горы судьбы» (1971). А последним опубликованным рассказом французского писателя стал вышедший посмертно «Тот, кто создал Большую Воду» (1982).

И все-таки короткая форма осталась для Карсака неким «пикником на обочине» — магистралью же в данном случае следует считать роман. И не какой-нибудь, а остро сюжетный, масштабный, научно-фантастический. Словом, космическая опера.

Тему романа-дебюта «Пришельцы ниоткуда» (1954), кото-

рую можно перефразировать так: «Гуманоиды всех цивилизаций, соединяйтесь!» (перед лицом агрессии чужаков-негуманоидов), продолжили романы «Этот мир — наш» и «Космос — наш дом», вышедшие в 1962 году и образовавшие условную трилогию. Все три романа хорошо известны нашему читателю, да и пересказывать сюжеты космоопер, с одной стороны, сизифов труд, а с другой — аморально. Зачем лишать удовольствия тех, кому еще предстоит это пиршество! Пусть не духа, но уж тела — точно.

Стоит лишь обратить внимание на деталь, для нашего читателя вовсе не очевидную*. Вторая книга трилогии легко вписывается в накатанную тему летящего к неведомой цели «звездного ковчега», на борту которого сменяются поколения. Но в то же время роман читается и как тонкая аллюзия на войну в Алжире — эдакая этнографическая притча на тему сложных взаимоотношений метрополии с решившей отсоединиться колонией-провинцией.

Фантазией Карсака судьба не поделила. В романе «Робинзоны Космоса», как уже говорилось, невольные космические колонисты отправлялись к пункту назначения на... куске земной поверхности, оторванной у нашей пла-

* Сегодня, после серии локальных кавказских войн аналогия стала ближе и понятнее.

неты. А если вернуться к теме «звездного ковчега», то совершенно неожиданное ее решение — удовлетворяющее вкусам и размаху истинных «оперных меломанов»! — Карсак предложил в одном из своих лучших произведений, романе «Бегство Земли». Там, как помнит читатель, действие происходит в далеком будущем, когда, не дожидаясь предсказанного учеными неизбежного взрыва Солнца, в долгое звездное плавание отправляется невиданный космический корабль — земной шар целиком, «снятый» нашими далекими потомками с привычной орбиты!

Карсак действительно во многом продолжил традиции, заложенные во французской фантастике Жюлем Верном и Жозефом Рони-старшим. У первого он взял оптимистический взгляд на возможности науки и техники, с помощью которых можно противостоять даже космической катастрофе. А второй заразил Карсака оптимизмом иного рода — контакт с представителями иной жизни в Космосе не только возможен, но и обязательно состоится! К вящей славе и процветанию контактов!

Однако правильно подмечено: то, что смотрится вполне естественно в ранней молодости, становится нелепым в старости. Научная фантастика далеко ушла от своих романтических грез пятидесятых и шестидесятых — трудно этого не видеть. Другой

вопрос, приносит ли вам данная констатация радость...

Мне не приходилось слышать о каких-либо новых романах Карсака, опубликованных после «Львов Эльдорадо». Но даже если таковые имеются, — что маловероятно, — то, значит, прошли они практически незамеченными. Фантастическую вселенную за последние десятилетия порядком обжили и изъездили вдоль и поперек, и время одиноких неунывающих робинзонов, увы, кончилось...

Борд-Карсак умер 30 апреля 1981 года. Писатель ушел из жизни и литературы на чужбине, в американском штате Аризона, куда был приглашен на чтение лекций. Свершилось это печальное событие тихо и незаметно. Настолько тихо, что даже в 1987 году автор предисловия к французскому тому недоброй памяти отечественной Библиотеки фантастики в 24 томах, ничтоже сумняшеся, писал о Карсаке исключительно в настоящем времени: «Под этим псевдонимом печатает фантастические произведения ученый-геолог Франсуа Борд» и т.д. Впрочем, это отнюдь не самая впечатляющая оплошность подобного рода. К примеру, в авторитетнейшем американском журнале «Locus» Карсака умудрились похоронить... дважды! Перепутав с умершим ранее другим французским ученым, носившим схожую фамилию...

Хоррор

4

приходит в кинематограф Беларуси. Режиссер Андрей Кудиенко приступил к работе над первым в истории белорусского кино фильмом ужасов под названием «Маскра». В основе сюжета картины — роман Проспера Мери́ме «Локис», действие которого происходит в середине XIX века, на фоне восстания Кастуся Калиновского 1863 года. В картине принимают участие как белорусские, так и российские актеры — Дмитрий Миллер, Андрей Назимов, Мария Курденевич, Александр Колбышев, Оксана Лесная. Сами съемки ведутся под патронажем студии «Беларусьфильм» и проходят во дворце князей Четвертинских.

World Fantasy Award

4

вручались на Всемирном фэнтези-конвенте, который проходил в Сан-Хосе на переломе октября-ноября. Приз за лучший фэнтези-роман разделили «Призрачный год» Джеффри Форда и «Нежные кусочки» Марго Лэнаган, лучшей повестью стала «Если ангелы дерутся» Ричарда Боуза, рассказом — «26 обезьян и бездна» Киджа Джонсона. Признанием того факта, что и на Западе переживает взлет городская фэнтези, стал приз за лучшую антологию — «Бумажные города: Антология городской фэнтези» (составитель Екатерина Седа́я). Лучшим авторским сборником названа «Тонущая жизнь» Джеффри Форда, а призы за вклад в жанр получили Эллен Эшер и Джейн Йолен.

Итоги

4

необычного конкурса подвел партнер журнала «Если» — американский журнал «Magazine of Fantasy & Science Fiction». Конкурс назывался «Выиграй 2010 долларов в 2010 году» и объявлен был аж в 1980 году. Тогдашний редактор журнала Эд Ферман предложил читателям сделать предсказание, какая из научно-фантастических идей получит распространение в мире через 30 лет, пообещав выплатить победителю немалые по тем временам деньги. Инфляция доллара существенно снизила ценность приза, однако журнал обещание выполнил, выбрав самое верное из 2700 предположений. Лучшим футурологом стал Ален Макнилл, предсказавший, что в 2010 году будут повсеместно распространены карманные компьютеры.

«Дорогой Дракула» —

так начал свое письмо мальчик Сэм, обожающий «ужастики» и решивший на Хеллоуин написать знаменитому вампиру. И как иногда Санта-Клаус является детям в ответ на рождественские письма, Сэму явился граф. Кинокомпания Kickstart Entertainment приобрела права на анимационную экранизацию известного комикса Джошуа Уильямсона, который так и называется — «Дорогой Дракула». Сценарий пишет сам Уильямсон.

«Безумный Макс 4»

наконец сдвинулся с мертвой точки. Фильм режиссера Джорджа Миллера будет непосредственным продолжением третьей части серии. Однако Мэла Гибсона в нем, скорее всего, увидеть не придется. Том Харди сыграет не сына Макса Рокатански, как это обещалось, а его самого. В ленте также будет задействована знаменитая Шарлиз Терон. Съемки картины, получившей подзаголовок «Дорога ярости», начнутся летом 2010 года в Австралии.

В Израиле

на местном конвенте (ISCon), проходившем в начале октября в Тель-Авиве, вручались НФ-премии, названные «Геффен» — в честь редактора и переводчика Амоса Геффена, одного из основателей Израильского фантастического общества. Лучшим переводным НФ-романом был назван «Этот бессмертный» Роджера Желязны, лучшим переводным фэнтези-романом — «Шляпа, полная небес» Терри Пратчетта, лучшим израильским романом — «Гидромания» Ассафа Гаврона, лучшим израильским рассказом — «Планина горящей звезды» Яэла Михаэли.

Наша фантастика

вызывает все больший интерес у западного читателя. Вслед за весьма успешным проникновением на иноязычный рынок Сергея Лукьяненко туда потянулись и другие отечественные авторы. Так, издательство Tor Books в феврале 2010 года издаст в США дебютный роман Алексея Пехова «Крадущийся в тени». Переводчиком книги стал англичанин Эндрю Бромфилд, известный своими переводами братьев Стругацких, Михаила Булгакова, Бориса Акунина, Виктора Пелевина. Сам Пехов принимал участие в подготовке романа к англоязычной публикации — например, ему

пришлось переиначить отдельные сюжетные линии романа. К списку авторов, пробившихся на Запад, можно добавить и Дмитрия Глуховского, чья книга «Метро 2033» выходит в известном английском издательстве «Gollancz» в декабре 2009 года.

Культовый

4

ситком «Красный Карлик», к радости фанатов, после 10-летнего перерыва вернется на телеэкраны. По информации от одного из исполнителей главных ролей Роберта Ллевеллина (андроид Критен), сейчас идет работа над сценарием, а съемки начнутся в будущем году. С 1988 по 1999 год вышло восемь сезонов этого популярного британского комедийного НФ-сериала. «Красный Карлик» — звездолет, команда которого погибла в результате аварии. Спустя миллион лет на корабле очнулся единственный выживший — уборщик Дэйв Листер. Кроме него на борту существуют спятивший компьютер, говорящая голограмма начальника Дэйва, самовлюбленный негр (результат миллионолетней эволюции кошачьих из любимой кошки Дэйва), андроид-истерик, а также разумные тостеры. В этом году вышел трехсерийный минисериал «Красный Карлик: Назад на Землю», его успех и послужил толчком к возрождению полноценного сериала.

Третий крымский

4

открытый фестиваль фантастики «Созвездие Аю-Даг» состоялся с 15 по 18 октября в поселке Партенит (Крым). Фестиваль проводился на базе лечебно-оздоровительного комплекса «Айвазовское» на берегу моря. В мероприятиях приняли участие сто сорок гостей из России, Украины, Латвии, Израиля. В рамках фестиваля состоялись мастер-классы А.Первушина «НФ и фантбоевик в НФ-антураже», Д.Казакова «Мистика и городская фэнтези», Д.Володихина «Рецензия на фантастическое произведение», семинары, презентация журнала «Наука и жизнь», круглый стол «Наука и научная фантастика», доклады, концерты и др. Вручалось множество премий: например, Премия им. А.Грина «Золотая цепь» (Елене Хаецкой за роман «Звездные гусары»), Премия им. Л.Козинец «Фиолетовый кристалл» (Симоне Вилар за роман «Светорада Медовая»).

Агентство F-пресс

БЕАР Элизабет
(BEAR, Elizabeth)

Американская писательница Сара Беар Элизабет Вишневски, пишущая под псевдонимом Элизабет Беар, родилась в 1971 году в Хартфорде (штат Коннектикут) и после окончания школы перепробовала множество профессий — газетного репортера, редактора, менеджера по транспортировкам в экспортно-импортной фирме, успела выпустить руководство для пациентов больницы, а также «по утрам пекла сладости в кондитерской».

В научной фантастике Элизабет Беар дебютировала в 2003 году рассказами «Говори!» и «Тигр! Тигр!». С тех пор опубликовала более четырех десятков рассказов и повестей, лучшие из которых составили сборник «Цепи, от которых вы отказались» (2006). Помимо этого, трилогию о Дженни Кейси, тетралогию «Прометеев век» и восемь одиночных романов (один в соавторстве с Сарой Монетт). В 2005 году Элизабет Беар была удостоена Премии имени Джона Кэмпбелла как самый многообещающий молодой автор, а тремя годами позже получила премию «Хьюго» за рассказ «Линия прилива», и в 2009 году еще одну — за короткую повесть «Шоггот в цвету» (2008). Кроме того, четыре произведения Беар номинировались на Британскую премию по научной фантастике и на Премию имени Филипа Дика.

КАЛУГИН Алексей Александрович

(Биобиблиографические сведения об авторе см. в № 8 за этот год)

Корр.: Как вы считаете, к работе писателя применимо выражение: «И медведя можно научить на велосипеде кататься»?

А.Калугин: Медведя, действительно, можно научить кататься на велосипеде. Но ездить на нем мишка сможет только по кругу, на арене цирка. Глядя на него, все будут смеяться. И ни одному здравомыслящему человеку не придет в голову пригласить его участвовать в Тур де Франс. То же самое относится и к писателям.

КОННОЛЛИ Лоуренс
(CONNOLLY, Lawrence C.)

Американский писатель и музыкант Лоуренс Коннолли в основном проявил себя в жанрах «хоррор» и фэнтези. Первые рассказы — «Тараканы» и «Свяжи осу» — он опубликовал в 1980 году в журналах «Amazing Stories» и «Fantastic Stories». С тех пор вышло еще два с лишним десятка рассказов и повестей Коннолли. Пишет также детективы и музыкальные «саундтреки» к собственным произведениям.

ЛОГИНОВ Святослав Владимирович

(Биобиблиографические сведения об авторе см. в № 4
за этот год)

Корр: Вы по полгода живете в глухой деревне. Неужто при этом вы исповедуете принцип, сформулированный Маяковским: «Землю попашет, напишет стихи»?

С. Логинов: Нет, конечно. Я поступаю ровно наоборот. Проснувшись утром, сажусь писать рассказ. А когда голова станет тяжелой, отправляюсь на пашню: перекапывать грядки, окучивать картошку, вносить навоз под будущий урожай. Огород — это важно, но рассказ важнее.

ЛОКХАРД Джордж

Под этим псевдонимом пишет грузинский фантаст Георгий Эгриселашвили. Родился в 1976 году в Тбилиси, где проживает по сей день. Получил высшее техническое образование, занимается веб-дизайном.

Дебютом автора стал роман-дилогия «Гнев Дракона» (2000), получивший на фестивале «Звездный мост» приз за лучший НФ-дебют (2001). С тех пор выпустил романы «Восход Черного Солнца» (2001), «Черное пламя» (2002), несколько повестей и более 40 рассказов. Пишет как фэнтези, так и «не строгую» (самоопределение автора) НФ. Любимая тема — «описание гипотетической разумной расы драконов, жителей планеты Дракия», которым писатель посвятил целый сайт.

MONETT Сара (MONETTE, Sarah)

Американская писательница и филолог Сара Монетт родилась в Оук-Ридже (штат Теннесси). Окончив университет с дипломом филолога, Монетт защитила диссертацию и работала по специальности. В настоящее время преподает литературу XVII века в одном из университетов штата Висконсин. В фантастической литературе Монетт дебютировала в 2002 году, опубликовав рассказ «Три письма Королевы Эльфов». Впоследствии выпустила еще два десятка рассказов и повестей, лучшие из которых составили сборник «Костяной ключ» (2007), а также тетралогии о Мелюзине и (в соавторстве с Элизабет Беар) роман «В компании волков» (2007). В 2006—2007 годах Сара Монетт дважды номинировалась на Премию имени Джона Кэмпбелла.

РЕЙНОЛДС Алистер (REYNOLDS, Alastair)

Английский ученый и писатель Алистер Рейнолдс родился в 1966 году в Бэрри (Южный Уэльс) и закончил Университет Ньюкасла по специальности

«физика и астрономия», после чего защитил диссертацию в Университете Сент-Эндрюса (Шотландия). В 1991 году он переехал в Нидерланды, где встретил свою будущую жену-француженку и работал в Европейском центре космических исследований. С 2004 года Алистер Рейнолдс — профессиональный писатель.

Дебютировал в научной фантастике в 1990 году рассказами «Распространяющийся сон» и «Снежинки». С тех пор опубликовал девять романов, включая пентологию «Космос откровения» (один из романов которой, «Город над пропастью», в 2001 году завоевал Британскую премию научной фантастики), а также около трех десятков рассказов и повестей, которые вошли в сборники «Бриллиантовые псы, дни из яшмы» (2002), «Зима. Голубой период» и «Галактика-Север» (оба — 2006). Десять произведений Рейнольдса номинировались на Британскую премию по научной фантастике, Премию имени Артура Кларка и премию «Хьюго».

РУДЕНКО Борис Антонович

(Биобиблиографические сведения об авторе см. в № 1 за этот год)

Корр.: В 90-е годы вы ушли из фантастики в детектив, в 2000-е вернулись к родным пенатам. Не возникает желания совершить обратную «эмиграцию»?

Б.Руденко: Да я детектив и не оставлял — вот даже скоро новая книжка выйдет. Просто реже стал писать. Надоела реальность, больно она грустная, безнадежная. А вот придумашешь про планеты, которые «бабахают» (это Лукас так сказал, если кто не помнит: «Я знаю, что в космосе планеты не бабахают, а у меня — бабахают!»), напишешь — и на душе становится хорошо и спокойно.

СЭНФОРД Джейсон (SANFORD, Jason)

Начинающий американский писатель-фантаст Джейсон Сэнфорд родился и провел детство в сельской местности в штате Алабама. Работал в археологических экспедициях и добровольцем в Корпусе мира, объездил свет, а потом осел на Среднем Западе, где и проживает в настоящее время с женой и двумя детьми, редактируя им же основанный литературный журнал «storySouth» (именно в такой орфографии). На счету писателя-фантаста Сэнфорда пока всего три опубликованных произведения короткой формы (все вышли в 2008 году).

Подготовили

Михаил АНДРЕЕВ и Юрий КОРОТКОВ

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

ПОВЕСТИ

Евгения ЛУКИНА
«СЕКОНДХЕНДЖ»

Кори ДОКТОРОУ
«ВСЁ ПРОЙДЁТ...»

РАССКАЗЫ

Теда КОСМАТКИ, Рика НОЙБЕ,
Альберта КОУДРИ,
Евгения ГАРКУШЕВА

ЧИТАЙТЕ ЯНВАРСКИЙ
ВЫПУСК «ЕСЛИ»

ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ!

В № 11 нашего журнала ошибочно указаны цены
полугодового и годового комплектов «Если».

В действительности полные каталожные цены
равны соответственно 520 и 822 рубля.

Обращаем внимание, что цены эти уже включают
стоимость почтовых услуг.

Спрашивайте в отделениях связи каталоги
«Пресса России» и «Роспечать» (газеты, журналы).

Подписаться на год можно только по каталогу
«Роспечать». Индексы подписки:

73118 (полугодовая) и 42918 (годовая).

Приближаясь к лагерю, я услышал звуки разрывов микрогранат и угадал на вершинах утесов отблески плазменных вспышек. Там, впереди, люди вели бой с порождениями Фенебры. А когда Машина прорвалась сквозь заросли холмов и начала спускаться в лошину, увидел, что бой этот очень скоро должен закончиться не в пользу человеческих существ. Плотное полукольцо деревяшек надвигалось на устроенный под отвесной скалой полуразрушенный лагерь, превращаясь по мере приближения в сплошное каре.

Деревяшки нельзя убить привычными способами. Их панцири не горят, они не испытывают ни боли, ни страха, ни каких-либо иных чувств, кроме чувства голода. У них нет центральной нервной системы и жизненно важных органов, поскольку каждый корнеход — это не растение и не животное в привычном для нас понимании, а коллективный организм, связанный нервными окончаниями конгломерат элементарных ячеек. По сути, их вообще нельзя убить. Пулевое, плазменное оружие и даже гранатометы против них абсолютно бесполезны.

9 771680 645003

ISSN 1680-645X

09012